КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ

Виктор Лопатников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ В. Лопатников

ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Заслугам Николая Петровича Румянцева (1754—1826) — политика, дипломата и патриота-государственника, служившего на ключевых постах правящего кабинета Александра I, на страницах политической истории России почти не оставлено места. А ведь этот богатый, блестяще образованный вельможа стремился избавить страну от кровопролития и разорения, заключая важные международные договоры, старался побороть экономическую отсталость, развивая торговлю, прокладывая водные пути, строя города…

При этом духовную основу повседневной жизни Румянцева составляла просветительская деятельность. Он прослыл выдающимся меценатом, собирателем книг и памятников славянской культуры. Его коллекции легли в основу Румянцевского и других музеев.

- Виктор Лопатников
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая.
  - Глава вторая.
  - Глава третья.
  - Глава четвертая.
  - Глава пятая.
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - Приложение I
    - Приложение II
    - Приложение III
    - Приложение IV
    - Приложение V
    - Приложение VI
    - Приложение VII
    - Приложение VIII
  - АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
  - ЛИТЕРАТУРА
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА РУМЯНЦЕВА
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197

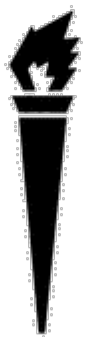
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211

Виктор Лопатников
КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ:
Время и служение

Жизнь ® замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1521

(1321)

«Молодая гвардия», 2011

Издание второе, исправленное и дополненное

Автор благодарит за помощь в работе Российский государственный исторический архив, Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российскую национальную библиотеку,

Санкт-Петербургский филиал института российской истории РАН, Российскую государственную библиотеку, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Государственный музей-заповедник «Павловск», Государственное историко-культурное учреждение «Гомельский дворцово-парковый ансамбль».

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра...
Н. Гумилев

ПРЕДИСЛОВИЕ

На географической карте мира на пространствах Тихого океана в архипелаге Маршалловых островов едва различим остров Румянцева, открытый в 1816 году в ходе почти четырехлетнего кругосветного плавания команды лейтенанта Отто Евстафьевича Коцебу на корабле «Рюрик». Мало кто теперь помнит и знает, что снарядил экспедицию выдающийся государственный деятель, канцлер Российской империи Николай Петрович Румянцев.

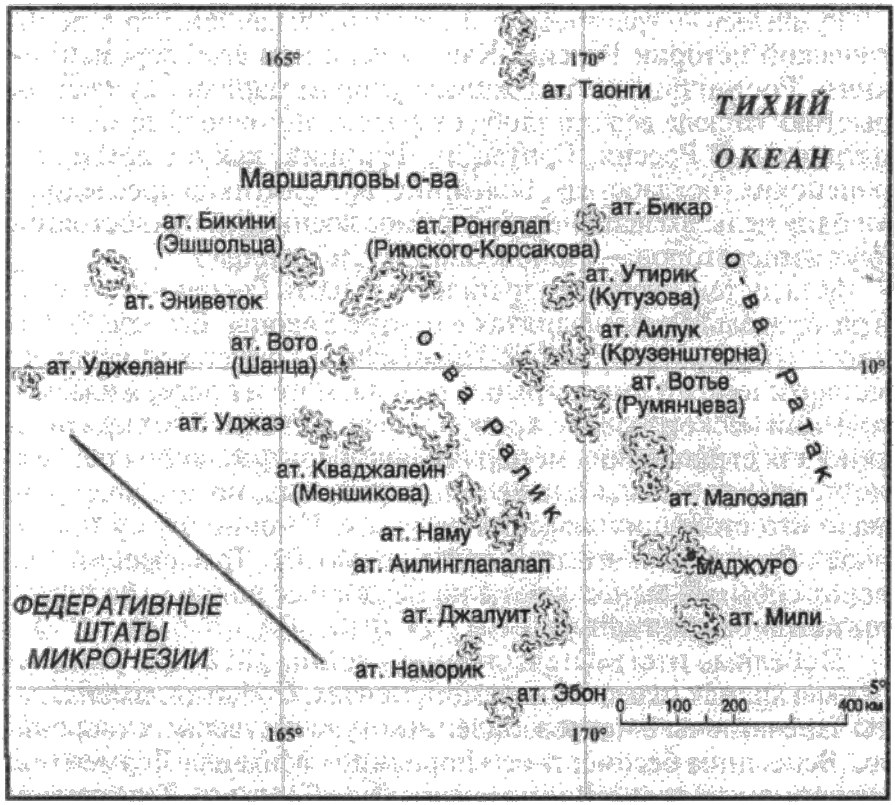
Название острова — то немногое, что хранит память о нем. Между тем имя этого человека много значило в императорской России, а его служение составило целую эпоху. Спустя почти два столетия после кончины Румянцева сведения о нем сохранились преимущественно на страницах энциклопедий, справочников, в научных трудах по археографии и музейному делу, где ему отведена роль собирателя памятников славянской истории и литературы, библиофила, мецената. Но это лишь доля тех устремлений, которым Румянцев посвятил только конец жизни. Его не менее важные заслуги перед Отечеством забыты. Политическая биография излагается бегло. Служение на ключевых государственных постах в критический период российской истории обрисовано скудно. Одни авторы, судя по всему, не хотели, другие не смогли разобраться в этой личности. Те же, кому удавалось докопаться до истины, приходили к главному выводу: граф Румянцев, его судьба не укладывались в прокрустово ложе стереотипов того времени. Вторжение Наполеона в Россию перечеркнуло существенный этап русско-французских отношений в период между 1807 и 1812 годами. Война, стоившая неисчислимых жертв, заставила забыть многое значительное, истинное, в том числе и тех, кто стремился этот конфликт предотвратить… О таких политиках старались молчать, а если они напоминали о себе, их чернили. Проще всего оказалось, затушевав эту часть политической биографии Румянцева, представить его жизнь заурядной, а пребывание во власти бессмысленным.

Румянцев — трагическая и романтическая фигура в политической истории России. Как писал о нем его современник князь Ростопчин: «…был живым укором царившему своекорыстию: отсюда вся эта злоба от высокочиновного до мелкого патриота». В России, Британии, Франции, как и в других европейских государствах, большинство политиков преследовали одну цель: вызвать непримиримое военное противостояние двух

императоров — Наполеона I и Александра I.

Между тем Румянцев пытался избавить Россию от участия в разорительных конфликтах в центре Европы. Его кредо патриота-государственника противоречило концепции векового монархического миропорядка, созидаемого и поддерживаемого ценой нескончаемых, кровопролитных войн. В тот критический для европейских монархий период молох войны особенно нуждался в России, в ее неисчерпаемых, по тем временам мало что стоивших людских ресурсах. Именно этому противился Румянцев и этого не хотел допустить. Трагический разворот событий вынес ответы на неудобные вопросы за пределы исторических хроник.

Победные итоги Отечественной войны 1812 года увековечены в храмах, памятниках, монументах. События, имена, даты запечатлены в непревзойденных художественных творениях. Вспомним бессмертное «Бородино» Михаила Лермонтова или роман-эпопею «Война и мир» Льва Толстого. Трагическое отодвигалось вдаль, затмеваемое описанием сражений, батальных сцен, подвигов, победных торжеств. И все-таки это была война. Война, сопровождаемая неисчислимыми жертвами, страданиями, невосполнимым материальным ущербом. Теперь мы воспринимаем ее как безусловную данность, как крупное историческое событие. Но так ли неизбежна была она для России? Обязателен ли был путь к кровавой развязке? Что же такое роковое произошло, что позволило столкнуть армии и народы? Каковы были явные и тайные силы, подвигнувшие государства на взаимное истребление своих граждан? Что послужило причиной тому, чтобы отбросить, забыть межгосударственные договоренности, наконец, изъявления в верности и дружбе российского и французского императоров? Какая нужда, вопреки прежним намерениям, побудила Наполеона вторгнуться в Россию? Так ли уж нужны были ему завоевания в далекой и холодной стране?



Фрагмент географической карты Маршалловых островов с атоллом Румянцева

Между тем, если выявить реальный смысл государственной деятельности Румянцева, придется несколько иначе взглянуть на российскую и европейскую историю. В трудах, посвященных людям и событиям того времени, оставлено немало белых пятен, многое недосказывается, умалчивается. Детально изложенная политическая биография Румянцева неизбежно прояснила бы явную и скрытую роль его современников и, разумеется, самого императора Александра I.

Потомки оставили в стороне многие обстоятельства жизненного пути Румянцева, его деятельности на постах директора Департамента водных коммуникаций и устроения дорог, министра коммерции и, особенно, министра иностранных дел. Нынче довольно трудно разобраться в том, что предопределяло действие тайных и явных сил той эпохи, вскрывать подлинные причины поведения и поступков ее творцов. Необходимо выяснить, что же было главным, чем руководствовался Румянцев в своей государственной деятельности, какие цели преследовал? В чем и в ком ошибся,

просчитался? В силу каких причин министр иностранных дел, государственный канцлер, добившийся всех мыслимых на тот момент чинов, званий, наград, вдруг подает в отставку?

Казалось бы, к чему ворошить прошлое. Жизнь человеческая однако устроена так, что, продвигаясь сквозь время, преодолевая преграды, она устремляется к поиску истины. Национальную историю причесывали и приглаживали как в угоду монархическому абсолютизму, так и большевистской диктатуре. Доверчивый ум россиян и в царское время, и впоследствии воспринимал прошлое в изложении официальной историографии, до 1917 года возвеличивавшей деяния монархов. В тени оставалась роль царских сподвижников, реальных устроителей государственной жизни. Более того, на них списывались неудачи и просчеты царствований. И если на страницах хроник, относимых к Имперскому периоду истории России, еще встречаются жизнеописания государственных деятелей, прославивших Россию своим служением, то в постреволюционное время многих из них причислили к «царским холуям» и «прихвостням». Время Советов подвергло ревизии весь предшествующий путь Российской государственности. События и факты рассматривались не иначе, как с классовой позиции. Бунтари, террористы, революционеры выдвигались на авансцену истории[1].

Кажется, пришло время присмотреться к нашему прошлому, пробраться сквозь препоны заблуждений и предубеждений, понять и утвердиться в том, что всё было не совсем так. Идеализация как царского, так советского периодов отвергается. Простые граждане пытаются по крохам добыть сведения о своих предках, краеведы — о своей земле и о том, что на ней происходило, этнографы и археологи — следы населявших их край цивилизаций, лингвисты — об истоках родной речи, культурологи—о происхождении обычаев и традиций, обществоведы и политологи — об идейных течениях. Прошлое, совсем недавнее и не столь близкое, интересует, волнует и будоражит, поскольку содержит много невыясненного, загадочного, а то, как оно отражалось прежде, вызывает недоверие, сомнение, отторжение. Подобные веяния можно отнести к некоему новому этапу развития национального самосознания, в эпицентре которого оказалось направление в исторической науке, анализирующее, насколько ход истории зависит от успеха или не успеха отдельных личностей, от возможности преодоления ими сложных обстоятельств в силу внутреннего превосходства. Это тем более важно, поскольку до последнего времени было принято считать, что творцами истории

выступают народы, классы, партии и именно им человечество обязано своим движением по восходящей, а люди, оказавшиеся на вершине событий, — лишь случайное порождение стихии, когда «любой бы смог».

На самом деле это не так. Именно личность, наделенная волей, талантом, умом, темпераментом, во многом определяет историческое развитие как в мировом, так и в других масштабах, какими мы измеряем жизнь. Однако таким людям зачастую не находится места в нашей памяти — нет ни мемориалов, ни названных их именами улиц, городов. Пора приоткрывать завесу таинственности и неизвестности и над сферой государственного управления. Это особый вид человеческой деятельности, присущий коридорам власти, — мир, о котором немало написано и сказано. Но чаще всего господствуют литературные фантазии и художественный вымысел. Повествования, где преобладают документы, факты, свидетельства современников, имеют особую ценность. Познавая, чем жил и как служил Румянцев и ему подобные, приходишь к пониманию — в истории России были государственники, по своим качествам и складу характера более достойные, чем некоторые государи. Именно такие, как они, становились опорой Отечества, выступали выразителями его подлинных целей и интересов. Пройти, сохранив собственное достоинство, сквозь тернии, где тесно переплелось высокое и низкое, дается далеко не каждому.

Трудно, но необходимо сказать потомкам правдивое слово о графе Румянцеве. Слово это не переменит хода истории. Произнести его, однако, необходимо! Кое-кто скажет: поздно во всем разбираться. Может быть, это и так. Но с тех пор военное противостояние государств не только не ослабевает, а, наоборот, становится явлением системного порядка. Если не искать ответов на эти вопросы, человечество будет и далее обреченно следовать в тупик.

Знание, как говорили древние, умножает грусть. Но, как ни грустна была бы правда, проступающая сквозь пелену времени, она нужна. Это часть, быть может, горького, но живительного опыта. Обращение к личностям, подобным Румянцеву, позволяет развенчать исторические мифы, вернуть людям чувство национального достоинства. Знание о подлинных устроителях российской государственности — фундаментальная нравственная основа для поколений. Гражданский, научный долг мыслящей части общества состоит в том, чтобы опровергнуть ложь, выявить истину в том, что искажалось или предавалось забвению. Служение Румянцева и немногих ему подобных принадлежит не только истории, но и современности. Подлинное знание о жизни

таких, как он, таит ключ к пониманию исторических причин, по которым Россия, несмотря на цепь трагических, порой катастрофических обстоятельств, находила силы не только выстоять, но и двигаться вперед.

Глава первая. РУССКИЙ Д'АРТАНЬЯН

3(16) сентября 1721 года по пути в Выборг царь Петр получил известие, которое круто изменило его планы. В депеше, доставленной курьером из-за границы, российские уполномоченные Я.А. Брюс и А.И. Остерман докладывали о завершении переговоров, итогом которых стало подписание 30 августа (10 сентября) в городе Ништадте мирного договора. Оригинал документа был приложен к пакету. Сомнений не оставалось: в войне со Швецией, тянувшейся более двух десятилетий, поставлена точка. Более того, завершилась она «так хорошо, как лучше быть не возможно». Амбициозные цели, которые поставил перед собой еще совсем молодой российский самодержец, в осуществление которых мало кто верил, были достигнуты. Война эта, по словам Петра, стала «кровавой и весьма опасной школой». Однако жертвы, понесенные Россией, были, наконец, оправданны. Передача под юрисдикцию России приморских территорий и прилегающей к ним акватории Балтийского моря отныне открывала перед российским флотом возможность беспрепятственно прокладывать морские пути в Европу.

Утром следующего дня, стоя на палубе продвигавшейся по Неве бригантины, в перерывах в бесконечной череде пушечных залпов, Петр I извещал население о радостном событии. Весь сентябрь и далее в Петербурге праздновали, а с наступлением морозов и установлением санного пути торжества были перенесены в Москву. Там народное гулянье, вдохновляемое личным присутствием императора, продолжилось.

22 октября (3 ноября) в Троицком соборе после торжественного чтения текста договора и проповеди о деяниях и заслугах самодержца с речью выступил старейший из сенаторов канцлер Г.И. Головкин. Он объявил: приращение новых земель, а также полноправное вхождение России в сообщество морских держав служит убедительным основанием для объявления Российского государства империей, а самого царя — «Петром Великим, отцом Отечества и Императором Всероссийским».

Статус империи и провозглашение Петра I императором предопределяли новое качество, обретенное российской государственностью. Возвышался ее международный статус, по-иному открывались перспективы внутреннего развития.

Глубина преобразований, затеянных Петром, подходы к их

осуществлению и поныне будоражат воображение. Петровская эпоха — предмет нескончаемых дискуссий, противоречивых исследований, книг, статей. Начало им было положено едва ли не при жизни самодержца. Были ли Петровские реформы закономерным для России продолжением исторического процесса или означали радикальный разрыв в его преемственности? Был ли Петр великим преобразователем или тираном? Эти разнополюсные взгляды известны давно, и по-прежнему им отводится одно из центральных мест в науке о Петре[1].

До сих пор идет спор о том, что позволило осуществить задуманное Петром? Почему его планы не остались плодом политических фантазий? Могли он, обладая тиранническими наклонностями и репрессивным аппаратом, на одном только страхе воздвигнуть могущественную империю?

Время Петра, как и любой переломный период, таит в себе немало непознанного, неразгаданного. То же самое можно сказать и о противоречивой, необыкновенной натуре Петра, феномене его уникальной личности. Не только это, но и многое другое объясняет причины, по которым теперь, по прошествии трех веков, в современной России, в Петербурге создается научное учреждение — Институт Петра Великого. Петр I и его ярчайшая эпоха — реформы, события, свершения — их значение для истории и современности будут изучаться на системной основе. Особое место в тематике института займут исследования исторической роли сподвижников, единомышленников Петра. Кто они, ближайшее окружение царя? Чем были движимы его соратники? Безвыходностью своего положения, страхом перед неограниченной царской властью? Стремлением выслужиться, пробиться к вершинам успеха и богатства? Верой в неизбежность и необходимость преодоления отсталости и застоя? Наконец, вдохновением, которым одержим был Петр, уверенностью в правильности сделанного им выбора?

К вопросу о сподвижниках и помощниках, призванных вершить государственные дела, неизбежно примыкает проблема приведения в действие механизма управления. Неограниченная власть, сосредоточенная в одном человеке, передаваемая по наследству, — процесс трудно познаваемый. Казалось бы, чего проще — «повелевай и властвуй», однако, как свидетельствует исторический опыт, в этом деле немало подводных камней и течений. Вполне объяснимы причины, по которым происхождение монархической власти издревле объяснялось с религиозно-мистической точки зрения, а ее роль и деяния предопределялись свыше, самим Богом. Всякое посягательство на власть монарха объявлялось наибольшим грехом. Божественное происхождение

императорской власти освящалось церковными иерархами. Тем самым подтверждалось представление о властителе как об избраннике Божьем. Выстраиваемая столетиями особая церковно-государственная система ценностей служила могущественным средством укрепления абсолютной власти.

Российский престол, воплощавший в себе высшую ступень государственной власти, — это понятие, также наполненное церковно-религиозным смыслом. Престол — это место селения самого Господа Вседержителя. В церковном обиходе Святой престол — главное место в христианском храме, где свершаются религиозные таинства, доступные только священнослужителям. По мнению правоведов прошлого, престол — это некая духовная твердь, на которой покоится власть, гарантирующая ее прочность и незыблемость. Применительно к светской власти эквивалента этому понятию не существовало. Другие составляющие: трон, двор, свита — носили вполне конкретный, но подчиненный характер. Гражданское значение понятия «престол» включало в себя незыблемую систему ценностей для сопричастных к монархической власти представителей высших родов и сословий. Им, наряду с монархом, принадлежали исторические права беречь и укреплять государство. Реальными выразителями этих прав в разных политических обстоятельствах выступали церковные иерархи и крупные государственные сановники. Высшая элита исходила из того, что российский престол — святое, веками хранимое не одним только Богом место, но его надлежало надежно защищать. Ее священным долгом было укреплять устои российской государственности. На деле всё выглядело прозаичнее, особенно когда возникала необходимость в смене монарха. В движение приходило всё, что так или иначе сопровождало прежнего правителя по жизни. В дело прежде всех включались влиятельные кланы, в чьих руках на самом деле держались нити управления. На поверку выяснялось, что власть монарха отнюдь не абсолютна, а сам он является заложником выходящей на поверхность борьбы. Обстановка складывалась особенно драматически при неопределенности прав на престолонаследие, а те или иные обстоятельства не позволяли передать власть прямому наследнику…

Противостояние именитых боярских семейств Милославских и Нарышкиных вылилось в кровопролитные столкновения, бунт, а затем и многочисленные казни. Юный царевич Петр Алексеевич оказался на волосок от смерти. Родовитые кланы, духовенство, потерявшее авторитет вмешательством в эту свару, не могли стать опорой Петру. Он не захотел и не стал черпать из этой консервативной агрессивной среды советников и помощников.

Самодержец вынужден был заново создавать престол, возводить собственную духовную твердь из оказавшихся рядом зачастую малообразованных, безродных и обедневших, а также занесенных судьбой в Россию иностранцев. Историческая миссия Петра I удалась не только благодаря сочетанию качеств, присущих личности самодержца. Существенно было и то, что Петр умел находить способных для государственной деятельности людей. Прежде всего крепких духом одаренных юношей, способных на ходу решать задачи любой сложности. Внушал им чувство возвышенной гордости, привязанности к родной земле. Отныне для каждого в отдельности и всех вместе жизнь наполнялась особым смыслом — любовью к Отечеству. Ради его величия и с верой в будущее они служили беззаветно, самоотверженно, до самоотречения. Их повседневная жизнь не всегда отличалась безупречностью. Грубость, жестокость, свойственные некоторым их деяниям, во многом определялись не менее жесткими обстоятельствами, требованиями безусловного исполнения приказов. Верность слову, знамени, императору для них, гордых духом и востребованных временем, становилась высшей ценностью. Вырастало новое дворянство, наделяемое наградами, титулами, богатством. Его представители стали опорой престолу, обустроили двор, сформировали свиту. Нет причин умалчивать, что и в их среде проявлялись угодничество, интриги, карьеризм, лихоимство, произвол, почти всегда сопровождающие безраздельную личную власть. Однако эти многократно описанные явления — не цель нашего повествования…

Осуществление грандиозных проектов, таких как возведение новой столицы России, создание на Урале чугунолитейной промышленности, прокладка судоходного канала в обход Ладожского озера, наконец, череда рискованных военных предприятий, требующих боеспособных армии и флота, определяло ход мыслей и действия его помощников. Именно они претворяли петровские идеи, а после его кончины не позволили ревизовать наследие царя-реформатора. Как бы противоречиво, а порой сатирически ни отображалось окружение Петра в литературе, сколь бы своекорыстными ни пытались выставить старания некоторых из них, очевидным, хотя во многом непроясненным, остается факт, что соратники Петра составили опору правителям, пришедшим на смену первому российскому императору.

В этом ключ к пониманию многих свершений, составивших славу Петровской эпохе. Этому посвящены пушкинские строки в поэме «Полтава»:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Часть сподвижников — А.Д. Меншиков, Ф.А. Головин, М.М. Голицын, Б.П. Шереметев или Ф. Лефорт — по милости судьбы примкнули к нему в юные годы. С другими его пути пересеклись при трудном восхождении к престолу. Теперь, как, впрочем, и в ту пору, трудно выделить, что здесь было главным — зоркий глаз самодержца, интуиция или просто удача. Но всякий раз, когда ставились высокие цели, рядом с Петром оказывались надежные помощники и исполнители его планов. Тех же, кто, преодолев горнило испытаний, всякий раз делом подтверждал свои способности и умения, Петр ценил особо. На что мог надеяться и что предпринять российский самодержец в 1711 году, оказавшись блокированным турецкими войсками в прутских плавнях Бессарабии, не имей он рядом с собой преданных сподвижников П.П. Шафирова, Б.П. Шереметева и А.И. Румянцева? Обстановка была почти безнадежной, на грани пленения самого Петра, стоявшего во главе русских войск. Существует миф, будто Екатерина 1, пожертвовав супружеской честью и драгоценностями, отданными предводителю турецких войск, спасла ситуацию. Горькая правда состояла в том, что русская армия потеряла в Прутском походе 27 тысяч человек, из них только 4800 — в боях. Остальные погибли в окружении — от жажды, болезней, голода… Л ишь дипломатические усилия Шафирова позволили в конечном счете согласовать и подписать с турками Прутский трактат (1712) на труднейших для России условиях… Удалось главное — сохранить честь русского царя, деблокировать, сберечь остаток войска… Спустя три года переговорщики, а по сути заложники султана, Шафиров и Шереметев смогли вернуться в Россию. Договор на ратификацию султану по поручению Петра доставил в Константинополь и привез обратно А.И. Румянцев.

Какова была бы судьба российской государственности, если бы наследник — царевич Алексей — так и оставался за пределами России, дожидаясь момента, когда закончится жизнь отца-императора? Его внезапное исчезновение выходило за рамки тлевшего конфликта между сыном и отцом. Это обстоятельство таило в себе опасные последствия. Наследник российского престола мог оказаться весьма удобной фигурой и знаменем в руках враждебных России сил. В условиях, когда в Европе создавались и распадались коалиции, а вчерашние союзники оказывались врагами, оставлять Алексея вне Отечества было опасно. Истории известны эпизоды, когда подобного рода «беглецы» становились опорой для внешней и внутренней оппозиции правящему монарху. Разыскать укрывшегося на просторах Европы беглеца, узнавать о его тайных перемещениях из одного убежища к другому, устанавливать контакт с его покровителями, убедить их и самого цесаревича согласиться на добровольное возвращение обратно в Россию возможно было, лишь обладая незаурядными способностями. Эту задачу удалось выполнить двум преданным Петру помощникам — П.А. Толстому и А.И. Румянцеву.

* * *

Военно-политический успех, подытоженный договором в Ништадте, по праву разделяли его соратники. В дипломатических приготовлениях к подписанию мирного трактата особую роль выполнял Александр Иванович Румянцев (1680—1749) — личность, не столь замеченная историей и литературой. Между тем его вклад гораздо весомее содеянного более известными персонами Петровской эпохи. Он — один из легендарных основателей династии выдающихся государственных деятелей России.

Трудно найти подобный пример, когда бы от отца к сыну, от сына к внуку столь прочно и непрерывно на протяжении столетия передавалась традиция служения престолу и Отечеству. При этом каждый из них оставил свой глубокий след в истории российской государственности. Будущий преобразователь России приметил юного Александра Ивановича Румянцева во время своих потешных забав, и он вошел в когорту близких Петру людей: Б.А. Голицына, А.Д. Меншикова, Г.П. Чернышева, П.И. Ягужинского.

Государева служба началась для Румянцева с вступлением России в Северную войну в 1700 году. Расторопный и исполнительный 20-летний дворянский недоросль был определен

в Преображенский полк — любимое войсковое соединение Петра. Офицерам этого полка царь особенно доверял. Их способности, проявленные в ходе сражений, Петр проверял и далее, при выполнении самых разных, в том числе и инженерно-технических задач, дипломатических поручений. Румянцев оказался одним из них. Он участвовал в боях под Нарвой (1707), при Пропойске (1708) и под Полтавой (1709), сопровождал Петра в заграничных поездках, занимался высылкой из Москвы ордена иезуитов, инспектировал строительство флота и укреплений на западе и юге России, исполнял роль дипломатического курьера во время Прутского похода. Был с Петром в первой Персидской экспедиции в 1722 году, когда близ Дербента из-за шторма погибла российская флотилия. Организовал в Казани строительство флота для нового похода, завершившегося взятием Баку (1723) и союзным договором с Персией…{2}Петр направлял его на те российские окраины, где требовалось урегулировать, ликвидировать причины недовольства, остановить смуту.

По мнению некоторых исследователей, эпизоды его жизни и служения, будь они хоть отчасти реконструированы, могли бы послужить основой для увлекательного и правдивого романа. Его судьба — своеобразное продолжение истории д'Артаньяна на русской почве. «Румянцев, — как пишет знаток той эпохи Н. Эйдельман, — больше умел, чем д'Артаньян, ибо в России 1700-х годов требовался весьма культурный д'Артаньян; Румянцев исполнял больше. Гасконец, получив некоторые деликатные поручения, непременно сломал бы шпагу и сдал себя в Бастилию, тогда как Румянцев принимал и исполнял их с улыбкой»{3}. Ему действительно удавались весьма тонкие и сложные дела. Он проявлял удивляющую многих способность выведывать малодоступные сведения, проникать в скрытые от других тайны. Живость ума, деятельное общение, умение завязывать связи, вызывая расположение к себе, — характерные черты политика и дипломата. Румянцев, к примеру, добыл весьма ценные сведения о настроениях, царивших в окружении шведского короля Фридриха I, что стало прологом к успешному завершению Северной войны, к подписанию Ништадтско-го мирного договора. Экспедиция через Кавказ и Закавказье в Турцию (1724), где Румянцев был во главе посольства, по сути, была разведывательной. В «мемории» из семи пунктов Петр, наученный трагическим опытом Персидского похода, поручал своему посланнику оценивать состояние дорог от Баку до Грузии и от Азова вдоль Черного моря, возможности судоходства на местных реках, условия снабжения провиантом, фуражом, наконец, настроений населяющих местность христиан — армян, грузин…

* * *

Известие о кончине Петра I застало главу дипломатической миссии Александра Ивановича Румянцева в Константинополе, в самом начале переговоров с турецким уполномоченным. Согласие на возвращение в столицу Румянцев получил спустя шесть лет, в июле 1730 года. Все это время он вынужден был находиться в Турции, затем на Кавказе и в Закавказье. Поводом для пребывания были проблемы размежевания на территориях, подвластных России, Турции, Персии, претерпевавших передел в ходе войн. Урегулирование требовало детального рассмотрения ситуаций, сопровождалось многочисленными консультациями, переговорами, в ходе которых возникало немало спорных вопросов. Регион Кавказа, находясь в сфере интересов трех держав, напоминал пороховой погреб. Племенная раздробленность, неопределенность ориентации горских вождей, сложный рельеф местности, наконец, нестабильность в самих странах-конкурентах, как и в отношениях между ними, становились причиной проволочек, саботажа со стороны центральных и местных властей. Это были самые трудные годы жизни Румянцева. В Петербурге не принимали во внимание его многочисленные запросы и донесения, а поступающие указания из Коллегии иностранных дел имели мало общего с реальными и теми возможностями, какими располагал российский посланник. Изнуряемый переездами с места на место, болезнями, еще больше мучимый неопределенностью, Румянцев обращался к своим все еще находящимся в силе коллегам — Меншикову, Остерману, однако прервать «праздную бытность, которой скуки перо описать не может», — не удавалось. Его, похоже, специально удерживали там.

Возможность возвращения к деятельной жизни появилась у Румянцева с воцарением императрицы Анны Иоанновны. Однако располагать ее благосклонностью ему довелось недолго. В окружении российского престола главные роли принадлежали сплоченному кругу немцев-временщиков, возглавляемых герцогом Э.И. Бироном. Их нравы претили сподвижнику Петра. Строптивость Румянцева — он отказался возглавить Управление государственными финансами, поскольку не имел нужного опыта в этом деле, а также конфликт с братом Бирона, Карлом, которому в ответ на оскорбление нанес пощечину, — обернулась смертным приговором, замененным ссылкой в Алатырский уезд в Чувашии. Прощение благодаря стараниям родственников супруги пришло спустя четыре года, в 1735 году. Состоялось назначение губернатором в Астрахань, затем в Казань, в Башкирию, а уже

оттуда наместником в Малороссию. В ту пору Румянцеву приходилось перемещаться из одного конца империи в другой, налаживать там жизнь, заниматься урегулированием мятежей и межэтнических конфликтов. Он участвовал в военных походах фельдмаршала Миниха, совмещая при этом управление Малороссией. В отсутствие Миниха Румянцеву пришлось возглавить решительное наступление на турок, затем, получив назначение чрезвычайным и полномочным послом, отправиться в Константинополь на переговоры с султаном. Эта последняя для него дипломатическая миссия на Восток, длившаяся три года, завершилась награждением его орденом Андрея Первозванного.

В царствование Елизаветы Петровны действительный тайный советник Румянцев был востребован там, где его государственный опыт и талант более всего оказались применимы и полезны. Румянцеву было поручено выступить в качестве главного уполномоченного от России на конгрессе, состоявшемся в 1743 году в Або. Понесенное накануне шведами поражение в войне повлекло за собой тяжкие для них последствия — утрату территорий в Финляндии. Это позволяло России выдвигать весьма жесткие условия. В ходе неофициального общения со шведскими дипломатами российский представитель узнал об условиях, которые могли бы устроить шведскую сторону. «Избрание епископа Любского на вакантный шведский престол, вероятно, последует, если Швеции возвратят завоеванные в минувшую войну земли». Румянцеву, не посвященному в тонкости династических интересов европейских монархов, пришлось в точности выполнять инструкции из Петербурга. Политическое решение в обмен на территориальные уступки вырабатывалось на протяжении шести месяцев непрерывных переговоров. Цели, которые преследовала Россия, состояли в утверждении на шведском престоле брата Петра Федоровича — будущего Петра III. Выполнение Швецией этого, по сути дела, единственного условия в обмен на возвращение утраченных ею в ходе войны территорий предопределило содержание договора, подписанного Румянцевым. Окружение Елизаветы было уверено в том, что два брата, составив прочный союз, станут главенствовать на севере Европы. Их не будут обременять территориальные проблемы… События последующих лет, как известно, опрокинули эти планы.

В Москве в июле 1744 года состоялись пышные торжества, посвященные празднованию мира со Швецией. На церемониальные мероприятия из Петербурга прибыла императрица Елизавета. Тогда был обнародован указ о возведении Румянцева вместе с его потомством в графское достоинство. К титулу графа был приложен «нерушимо, на все

времена» фамильный герб с надписью *Non solum armis* («Не только оружием»). Заслуги выдающегося государственника были также отмечены дарованием в собственность земель (84 ⅜ га) в Прибалтийском крае.

Эти события завершили «патриотическое усердие» Румянцева. После Петра I ему довелось нести службу при шести российских самодержцах — от Екатерины I до Елизаветы Петровны. При каждом из властителей он был востребован, незаменим там, где решались вопросы государственной важности. Исходя из того, как Румянцев отдавал себя делу, как прокладывал свой жизненный путь, — складывается образ человека бескорыстного, ревностного, самоотверженного. Он не выторговывал, не ставил условий, не гнался за выгодой и наградами, не уклонялся от возлагаемых на него дел и поручений. Был предан и неподкупен, не кривил душой, не искал легкой жизни. Служение Отечеству для него было высочайшей честью.

История жизни Александра Ивановича Румянцева отдельными событиями, эпизодами и впечатлениями разбросана по многочисленным источникам: в военно-исторических материалах, записках, описаниях, в архивных делах, наконец, в дневниках современников. Систематизировав разрозненные сведения, талантливому биографу и автору очерков о выдающихся государственных деятелях императорской России П.М. Майкову удалось выделить наиболее существенное: «Румянцев обладал большим умом, был тонкий человек с большой придворной и дипломатической ловкостью. Он был приятный собеседник, очень любезен и предупредителен, имел удивительную память, доставлявшую его разговору большую занимательность. Он обладал добрым сердцем — и это уменьшало число его врагов и обезоруживало его соперников»[{4}].

* * *

В Петербурге, в глубине сквера, что расположен между Академией художеств и университетом, стоит обелиск. На нем нет имени и дат, а лишь одна лаконичная надпись: «Румянцева победам». Теперь мало кто помнит, когда и по какому поводу этот памятник был воздвигнут. Дело в том, что в пору когда приступили к его созданию, оглушительная слава окружала человека, под предводительством которого были одержаны такие победы, равных которым история тогдашней Европы не знала. Творцам памятника казалось, что триумф полководца переживет века, его победы войдут в память человечества настолько прочно,

что необходимости наносить на обелиск еще какие-либо сведения нет. Это ему Екатерина II писала: «Вы займете в моем веке несомненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного».

События, связанные с именем Петра Александровича Румянцева, имели поистине исторический масштаб. Вопреки воле именитого отца он сумел уклониться от того, чтобы посвятить себя «статской», гражданской службе. Его устремления по мере возмужания направлялись в сторону военного дела. Румянцев-отец, перемещаясь из одного края империи в другой, вовлеченный в проблемы Малороссии, в военные походы на юге России, не имел возможности не то чтобы воспитывать, но годами видеть своих детей. После кончины Петра I и конфликтов с временщиками его появление в столицах вообще стало редкостью. Главное беспокойство вызывала судьба сына Петра, достигшего возраста, когда необходимо было выстраивать его будущность. Румянцев предпринял попытку определить сына в большой жизни. Переступив через гордыню, он обратился к всемогущему герцогу Бирону с просьбой: «…проча сына моего, дабы годен был к высокой службе Ее Величества», командировать 13-летнего Петра на обучение в заграничные посольства Швеции или Дании. Ходатайство Румянцева-отца было принято во внимание спустя два года. Петр отправился в Берлин под опеку российского посла. Однако ничего хорошего из этого не вышло. Строптивость, буйное, авантюрное поведение подростка вносили диссонанс в работу посольства. Его под присмотром препроводили обратно в Россию. И далее отеческие наставления результата не давали. Разгульный образ жизни Петра Румянцева, возмутительные поступки доставляли хлопоты не только влиятельному родителю, но и вызывали беспокойство царствующей особы — Елизаветы Петровны. Она просила Александра Ивановича унять сына, применив к нему крутые меры… Вступление в брак посчитали тогда единственно верным средством остепенить, обуздать неуемного юношу. Сватали невесту, руководствуясь принципом «стерпится — слюбится». Княжна Екатерина Михайловна Голицына, по мнению родителей, не могла не подходить жениху. Дочь фельдмаршала, сподвижника Петра I, была привлекательна, богата и знатна. Однако главное не принималось во внимание. Взаимного чувства любви у Петра к своей жене так и не появилось. Петр Румянцев довольно скоро охладел к ней, отвергая все ее просьбы поддерживать семейные отношения. Этот брак оказался непрочным.

* * *

Свойства характера, какие по мере взросления выявлял отрок Петр Румянцев, побуждают обратиться к молве, связанной с историей его появления на свет, а именно к эпизоду женитьбы его отца Александра Ивановича. Об этом упоминается во многих источниках петровского времени. Царь Петр вызвался содействовать семейному счастью своего помощника, лично убедившись, насколько невеста, которую пытались сватать, станет ему парой. Выбор царя пал на одну из самых богатых и знатных красавиц Петербурга — дочь тайного советника Матвеева. Явившись свататься, Петр заявил растерявшемуся было отцу невесты: «Ты знаешь, что я его люблю и в моей власти сравнять его с самыми достойнейшими». К свадьбе с графиней Матвеевой Александра Румянцева ожидал царский подарок — «чин бригадира с пожалованием нескольких деревень». Впоследствии это событие стали трактовать иначе, утверждая, будто бы существовала тайная связь царя с девятнадцатилетней Матвеевой. И женитьба была задумана Петром как прикрытие его любовных отношений. Что отцом мальчика, названного Петром, был не кто иной, как сам Петр I… В. Петелин в книге «Фельдмаршал Румянцев: 1725—1796», едва ли не по дням и часам восстановив хронологию тех дней, попытался опровергнуть эту версию{5}. В самом деле, семейная жизнь новобрачных протекала, как подобает. У Румянцевых после женитьбы появилась на свет сначала одна дочь, затем вторая… И лишь рождение третьего ребенка — сына — вызвало кривотолки. Однако как не принять во внимание многочисленные заявления представителей поколения Романовых да и самой матери Петра Румянцева — Марии Андреевны Матвеевой-Румянцевой, прожившей долгую жизнь (1698—1788). Великий князь Николай Михайлович Романов (1859—1919) в многотомной истории дома Романовых трактует обстоятельства весьма определенно: «Красивая, живая и грациозная Матвеева обратила на себя внимание самого Петра и, по собственному ее признанию, не была противницей его желаниям. Она занимала первое место среди любовниц великого императора, он любил Марию Андреевну до конца жизни и даже ревновал ее, что случалось с ним не часто»{6}.

Альковные тайны сильных мира сего, подвергаясь многочисленным толкованиям, не всегда поддаются разгадке. Более того, слухам вокруг царственных особ в ряде случаев придается исключительное значение, порой они становятся весомее самого факта. На самом деле в XVII—XIX веках появление у самодержцев побочных детей было явлением нередким, история знает немало таких примеров. Сановники почитали за честь быть «молочными братьями» самому императору. Что касается судьбы

Петра Румянцева, то вполне уверенно можно утверждать, что разговоры о его царском происхождении насколько помогали, настолько и вредили ему. Противоречия династического порядка, борьба вокруг престола грозили опасностью для каждого из носителей царской крови. Поэтому появление у монархов внебрачных детей старались всячески скрывать. Для законных наследников престола такие родственники не могли стать соперниками, у них не было законных прав претендовать на трон. Однако в ходе политических событий, характер которых трудно было предсказать, у тех, кому реально принадлежала власть, нередко появлялось сильное беспокойство. Известно, как непроста была жизнь семьи отца, да и самого Петра Румянцева в пору разных царствований: при Анне Иоанновне, Елизавете, Петре III, Екатерине II.

Румянцеву-отцу не довелось дожить до той поры, когда сын устремился к воинской славе. Свои «дерзости» и «проказы» младший Румянцев оставил только к тридцати годам, уже после его кончины. Армейская дисциплина, необходимость повелевать, настраивать офицеров и солдат на готовность пожертвовать собой требовали от полковника иного образа жизни. Петр Румянцев по-настоящему стал понимать это, когда пришло время решать реальные боевые задачи.

Началась Семилетняя война (1756—1763) против Пруссии, где Петру Румянцеву довелось приобретать боевой и командный опыт. Уже тогда качества предприимчивого, смелого, решительного командира выдвинули его в ряды перспективных военачальников. Это была сложная и противоречивая военная кампания, где успех и неудачи сопровождали боевые столкновения сторон. Прусскими войсками командовал сам король Фридрих II (Великий), демонстрируя воинское искусство и полководческий талант. Это ему принадлежит родившееся в ходе жесточайшего сражения при Цорндорфе (1758) суждение: «Русские войска можно скорее перебить, чем разбить». В той войне «королю-солдату», как еще называли Фридриха, довелось услышать о Румянцеве, а прусским полкам на себе испытать его победные удары. В ходе одного из сражений при Кунерсдорфе на Одере в августе 1759 года Румянцев смелой атакой своего полка в центре сумел опрокинуть неприятеля, тем самым обеспечив войскам общую победу. Противник оставил на поле битвы 172 орудия, пять тысяч прусских солдат было захвачено в плен. Командующий Салтыков был произведен в фельдмаршалы, а генерал Румянцев награжден орденом Святого Александра Невского.

Семилетняя война была прекращена в связи с кончиной

Елизаветы Петровны. Взошедший на престол Петр III не замедлил отметить боевые и полководческие заслуги Румянцева орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Не упрочивший своего положения, не уверенный в себе самодержец видел в Петре Румянцеве необходимую опору в войсках. Однако дальнейшая судьба нового императора сложилась прискорбно. Петр III, не процарствовав и полугода, был свергнут. Присягать новой самодержице Румянцев, вопреки поведению многих, не стал. Он оставался верным присяге, данной им ранее. Зная об этом, Екатерина II отстранила его от дел, к которым он тяготел и мог быть более всего полезен. Отказ немедленно присягнуть императрице существенно омрачил ее отношение к прямому потомку Петра I. Всё, что так или иначе могло как-то воздействовать или потворствовать династическим претензиям на российский престол, не ускользало от внимания Екатерины. Петру Румянцеву потребовалось время, чтобы убедиться наконец в необратимости произошедшей смены власти. При этом ему давали понять — достойное место в государственной иерархии он сможет занять, лишь будучи лояльным к власти, то есть к императрице. Екатерина проявила долгое терпение, покуда Петр Румянцев, смирив гордыню, нашел в себе силы признать ее право на трон. Когда это произошло, она стала предпринимать все возможное для того, чтобы приблизить и расположить его к себе, сделать сопричастным к осуществлению важнейших государственных задач и планов. Большие проблемы в империи создавала Малороссия, как тогда называли Украину, этот слаборазвитый регион не отличался стабильностью и становился все более обременительным для экономики государства. Одной из важнейших внешнеполитических целей оставался выход к Черному морю. Петру Румянцеву было предложено принять должность наместника в Малороссии, и после двух лет бездеятельной жизни, в 1764 году, он согласился. Обширный край, полупустынный, лишенный дорог, почтового сообщения, разделенный на «самостийные» уделы, на общины, не связанные друг с другом цивилизованными отношениями, не располагал ресурсами для самостоятельного развития. Екатерина решила учредить там администрацию с генерал-губернатором и наместником во главе по принципу петровских коллегий. По состоянию на 1764 год положение дел, как описывала императрица, было таково: «Казна в самовольном расхищении, народ в разорении, войско в худом состоянии»[{7}]. Предлагая Румянцеву руководящую должность, Екатерина отдавала себе отчет в том, насколько сложна и опасна его миссия. Она посоветовала наместнику в целях собственной безопасности

«запастись волчьими зубами и лисьим хвостом»[{8}].

С тех пор и до конца своих дней Петр Румянцев оставался бессменным генерал-губернатором Малороссии. Забегая вперед, уместно отметить, что талант полководца и военные победы во многом затмили его значительный вклад в государственное строительство. На протяжении почти всей жизни, с перерывами на войну, Румянцев стремился всеми средствами обустраивать Малороссию. Он развивал традиции, свойственные европейскому стилю жизни. Продвигал новейшие достижения в градостроительстве, устроении дорог и мостов, охране лесов, воспитании, образовании и здравоохранении, проявляя себя последовательным хозяйственником и талантливым управленцем. Устройство административного деления, местного самоуправления, налоговых и судебных органов, почтовой связи, аптек и даже продвижение в крае такой сельскохозяйственной культуры, как «земляные яблоки» (картофель), связаны с именем Румянцева. Со страниц дошедшей до нас многолетней переписки генерал-губернатора Петра Румянцева с Екатериной II, с главными помощниками и советниками императрицы, предстает образ государственника — дальновидного и рачительного. Его усилиями преодолевались местничество, национальная замкнутость, дворянство и олигархия стимулировались на развитие производительных сил, пополнение общественного благосостояния. В своих новациях он делал ставку на выдвиженцев из местной национальной среды, доверяя им важнейшие направления работы. Такие видные деятели екатерининской эпохи, как А.А. Безбородко, П.В. Завадовский, — выходцы из его школы управления и хозяйствования. Лишь спустя пять лет после восшествия на престол Екатерина II дозволила Румянцеву вернуться на военную службу. В войне против турок 1768—1774 годов, протекавшей в южноукраинских и прилегающих к реке Дунаю районах Бессарабии и Болгарии, он был поставлен во главе наступающей Первой армии, сменив в 1770 году неудачно начавшего кампанию князя А.М. Голицына. Тогда и последовали события, принесшие ему громкую славу. Российским войскам противостоял противник, находящийся в более выгодных условиях. На его стороне — не только знание местности и выстроенные ранее крепости, но и возможность получать подкрепление из Крыма, выставившего до 50 тысяч воинов-татар. Тактика турок, делавших ставку на внезапность, численный перевес, готовность жертвовать людьми ради победы любой ценой, — не единственное, что влияло на ход военных действий. Для русских условия войны были крайне сложными. Удаленность от баз снабжения, состояние дорог, климатические

невзгоды, эпидемии, вмешательство в планирование военных операций из Петербурга оказывали свое влияние на положение дел в армии. Оставляли желать лучшего взаимодействие войсковых соединений, дисциплина командиров. Однако Румянцеву удавалось многое. Боевые операции, сражения, в ходе которых находились неожиданные для противника способы маневрирования, рекогносцировки, быстрые перестроения войск в боевые порядки во многом определяли успех. Это была новая стратегия, открывавшая иные пути в военном деле. Румянцев отказался от прежних схем перехода от обороны к атаке, от губительной тактики выжидания, нанося противнику упреждающие удары. Ему удалось доказать, насколько важны умение командовать, дисциплина, налаженное взаимодействие родов войск при смене тактики по ходу сражения. В критические моменты он умел вдохновлять бойцов личным примером, оказываясь в гуще сражения.

Центральными событиями войны стали битвы при Ларге 5—7 июля 1770 года и Кагуле 21 июля 1770 года. В этих сражениях были одержаны победы, по существу, решившие исход всей кампании. Захват в ходе внезапной атаки командного лагеря турок на реке Ларге, упорная битва при селении Кагул, где Румянцеву пришлось самому ринуться в бой, поддержать дрогнувшие было ряды воинов, принесли небывалые трофеи. Одна за другой победы с точки зрения военного искусства и по своим политическим последствиям стали крупнейшими событиями XVIII века. Петр Румянцев по следам этих сражений стал первым кавалером ордена Святого Георгия I степени и был возведен в генерал-фельдмаршалы.

Понимая, насколько главные силы противника понесли серьезный урон, Румянцев сознательно не шел на переговоры, надеясь продвинуться дальше, к более весомым результатам. Военные действия продолжались еще четыре года. Последним стало столкновение при Шумле в июле 1774 года. К тому времени русские войска заняли позиции на Балканах. Турецкие силы оказались прочно отрезаны от Константинополя. Исходящие от турок неоднократные предложения о временном перемирии Румянцев отклонял. Стремясь зафиксировать военные успехи на более выгодных для России условиях, полководец проявил себя выдающимся дипломатом. Он сумел просчитать и время, и само место события. Как утверждает историк К. Валишевский, «21 июля 1774 года Петр Румянцев на барабане подписал Кючук-Кайнарджийский мир»[{9}].

* * *

Грандиозные празднования в Москве, устроенные императрицей в честь победы и заключения Кючук-Кайнарджийского мира, продолжались три дня с 10 (23) по 13 (26) июля 1774 года. Императрица хотела, чтобы фельдмаршал эффектно, в сопровождении почетного эскорта с ней во главе торжественно въехал в Москву. Румянцев посчитал это излишним, попросил отменить… Колокольный звон, благодарственные молебны сменялись военными парадами, гуляньями, праздничными иллюминациями, торжественными обедами, которые затягивались часами на чтение имен героев и перечисление их наград. Местом основных действий стал Кремль, его палаты, соборы, площади. По указу Екатерины II «виновнику сего» доставили следующие 12 наград:

«Наименование Задунайского — для прославления его опасного перехода через Дунай.

Грамоту — с прописанием побед его.

Фельдмаршальский жезл, украшенный алмазами, — за разумное полководство.

Шпагу, украшенную драгоценными камнями, — за храбрые предприятия.

Лавровый венок — за победы.

Масленичную ветвь, осыпанную алмазами, как и венок, — за заключение мира.

Крест и звезду ордена Святого Андрея Первозванного, осыпанные бриллиантами, — в знак Монаршего благоволения.

Медаль с его изображением — в честь его и для поощрения примером его потомства.

Деревню в 5 тысяч душ в Белоруссии — для увеселения его.

100 тысяч рублей из кабинета — на построение дома.

Серебряный сервиз — для стола.

Картины — для убранства дома»[{10}].

Екатерина II, считавшая себя продолжательницей дела Петра Великого, расценивала победу в последней войне как реванш, долгожданное возмездие османской Турции за унижение, понесенное Петром I при реке Прут в 1711 году. Конечный исход войны вольно или невольно воспроизвел ситуацию, в которой некогда оказалось русское войско. Политические итоги победы также выступали эквивалентом событиям 63-летней давности. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору земли и крепости в Крыму и на Кубани отторгались от Османской империи; татарское население выводилось из-под турецкой юрисдикции, «объявлялось вольным и ни от кого, кроме Бога, не зависимым». России предоставлялось право свободного торгового мореплавания в Черном и Мраморном морях. Портовые

поселения Керчь и Ени-Кале уступались России, как и территория между Днепром и Бугом, Турция обязалась возместить военные издержки в размере 4,5 миллиона рублей.

Война стала школой для поколения полководцев, впоследствии пришедших на смену Румянцеву. В войсковых операциях принимали участие полковые командиры М.А. Милорадович, Н.В. Репнин, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.Ф. Каменский и др. Апробированные Румянцевым стратегия и тактика составили основу полководческих успехов Суворова, многое из этого опыта извлек для себя Наполеон Бонапарт.

Румянцеву-полководцу современник посвятил такие слова: «Если и были в нем недостатки, неразлучные с человеческой природой, то его доблестные подвиги и отличные качества заставляют их забыть, а самые подвиги никогда не умрут в потомстве. Екатерина II украсила Эрмитаж мраморным его бюстом. Император Иосиф II всегда приказывал ставить лишний прибор для любезного своего фельдмаршала»{11}. Известно, с какими почестями принимал Румянцева в Берлине король Фридрих II. При вручении российскому полководцу ордена Черного орла он произнес: «Да будет герой этот, — здесь я невольным образом предаюсь восторгу, ощущаемому мною при виде великого Румянцева, — долгое еще время ангелом-хранителем России»{12}. В его честь прусский гарнизон в Потсдаме под предводительством самого короля представил показательные учения, реконструировав ход Кагульского сражения. Румянцев выполнял тогда почетное поручение императрицы — сопровождал наследника престола, великого князя Павла Петровича, в Берлин на церемонию его помолвки с принцессой Вюртембергской.

Назначив фельдмаршала Румянцева в делегацию великого князя Павла Петровича, Екатерина II совершила, как теперь принято говорить, системную ошибку. Предполагалось, что обласканный благодеяниями Румянцев остепенит, образумит наследника, сумеет погасить в нем непримиримое отношение к матери, позволившей расправиться с беззащитным отцом. Однако ее надежды не оправдались. Почести, оказываемые в Берлине фельдмаршалу, затмевали ореол величия императрицы. Между наследником и фельдмаршалом установились взаимопонимание и дружеская близость, последствия которой было трудно предугадать. Императрице пришлось разрабатывать иной план, который надежно обезопасил бы ее и ее личную власть.

Полководческие успехи, энергичная управленческая деятельность в Малороссии давали все больше поводов видеть в Румянцеве личность государственного уровня. Не угасала молва о

его царском происхождении. Все это не могло не вызывать беспокойства в верхах. Присутствие прямого потомка Петра I было для Екатерины достаточно тревожным. Ей ничего не оставалось, как всеми средствами привлечь его на свою сторону. Однако, по мере того как Румянцев приобретал известность и авторитет, поводов *для* беспокойства власти не убавлялось. На приволжских просторах появился самозванец, выдававший себя за Петра III. В России, истощенной войной, ослабленной пугачевским бунтом, Румянцеву с его невероятной популярностью, влиянием в армии не составляло труда проложить великому князю Павлу Петровичу дорогу к трону.

Длительная поездка по свадебным делам в Европу способствовала их сближению. Тесное многодневное общение фельдмаршала и цесаревича встревожило Петербург. Вновь высказывались сомнения в надежности Румянцева. Ему приписывалось разжигание в наследнике неуемных амбиций. Не переставая заигрывать с фельдмаршалом, Екатерина решила выдвинуть и поставить рядом с собой во главе войск личность, которая бы по своим достоинствам не уступала Румянцеву. Свой выбор она остановила на Григории Александровиче Потемкине. Ему было доверено принять на себя управление армией. Потемкин возглавил возобновившиеся военные операции против османов в Крыму. Вся последующая политика Екатерины II проводилась под знаком превосходства Потемкина над Румянцевым, который был удален на Украину, где ему было предписано находиться безвыездно…. В планируемых военных предприятиях кагульскому герою отводилась подчиненная роль. Он получал сбивающие с толку указания, а если ожидалась победная развязка операций с участием Румянцева, делалось всё, чтобы отозвать его из армии. В подобных условиях сохранять душевное равновесие, следовать адекватному поведению Румянцеву не всегда удавалось. Порой он предпринимал шаги, вызывающие раздражение императрицы. В конечном счете он удалился в свои владения и посвятил себя житейским заботам.

До той поры личная семейная жизнь, как и судьба сыновей, не очень занимала Петра Румянцева. Дети находились на попечении матери. Ее желание быть рядом с мужем, вызванные в связи с этим разъезды не очень способствовали образованию подростков. Их обучали на дому, часто с перерывами на переезды. Педагоги сменяли один другого. Тем не менее в московский период жизни Екатерине Михайловне удалось наладить начальное образование детей. Учили всему, но понемногу — языкам, истории, географии. Развивали способности к светским увлечениям — танцам, верховой езде, фехтованию. Выехав с

детьми в 1765 году в Малороссию, к месту службы мужа, через два года она вынуждена была возвратиться в Москву. Семейную жизнь наладить не удалось. Исходя из возможностей, какие имелись в Москве и Петербурге, Екатерина Михайловна не видела иного пути, как продолжить их образование за границей. Средств на эти цели отец выделить не захотел. Он счел более целесообразным обратиться за поддержкой к императрице.

Это была пора, когда отношения Петра Румянцева и Екатерины II еще не были омрачены дворцовыми интригами и подозрениями. Императрица во всем шла ему навстречу. По его просьбе восемнадцатилетнему Николаю и шестнадцатилетнему Сергею Румянцевым были предоставлены места в свите императорского двора. Каждому присвоен придворный чин камер-юнкера. Фактически Николай и Сергей оказались в составе большого управленческого организма.

Об атмосфере и нравах, царивших при дворе Екатерины II, написано немало, при этом исключительное внимание уделено фаворитизму, альковным подробностям жизни императрицы. Все это было, но не являлось главным. К тому времени двор постепенно избавлялся от традиций допетровских времен. Полусемейный, полуклановый, сосредоточенный на удержании власти, с течением времени он превратился в институт управления, главную администрацию империи. Здесь принимались важнейшие решения. Отсюда шли распоряжения, касающиеся жизни огромного государства. Двор Екатерины стал сосредоточием интеллектуальной жизни. Общение императрицы с Вольтером, Дидро, другими европейскими мыслителями формировало духовную атмосферу. В столице подолгу пребывали иностранные философы, знаменитости. Их присутствие, так или иначе, воздействовало на образ жизни императорского окружения. Высший свет, желая быть в курсе интересов императрицы, вынужден был следовать ее примеру. Знание, образованность, просвещенность становились мерилом достоинств личности. Иностранцам поручалось образование юной поросли, представителей царской фамилии. По штату камер-юнкерских должностей (пятая ступень в Табели о рангах) было двенадцать. Как правило, они замещались отпрысками знаменитых фамилий. В их обязанности входило поочередно служить при канцелярии императрицы, докладывать о визитах, передавать распоряжения, доставлять корреспонденцию. В особых случаях полагалось участвовать в официальных и неофициальных событиях и церемониях. Постепенно у старших выстраивалось представление о том, кто и на что способен, какая будущность ожидает каждого из недорослей. Время на созревание, на

вступление во взрослую жизнь было тогда коротким. Закат карьеры для чиновников и военных наступал к 40—45 годам.

Жизнь при дворе ежедневно экзаменовала именитых юнцов, сбивая с них беспечность, беззаботность, свойственную многим баловням судьбы. Одна из сложных, трудно преодолимых была проблема написания служебных документов. Умением «излагать бумаги» владели далеко не все. Способность грамотно и стройно создавать текст из того, что сбивчиво звучало в многоголосице заседаний, либо произнесено начальствующим лицом на ходу, ценилась особенно высоко[2]. Николай Румянцев и в этом обнаруживал неплохие задатки. Именно камер-юнкеры преимущественно составляли круг общения молодых членов царской семьи, в том числе и наследников престола. Возникали привязанности, взаимные симпатии и антипатии, многое из того, что впоследствии становилось залогом взрослых отношений. Эта среда выпестовала Ф.В. Ростопчина, Н.Б. Юсупова, С.Р. Воронцова, В.П. Кочубея, А.Б. Куракина и других будущих видных деятелей царствований Павла I и Александра I.

Вместе с сыновьями к службе при дворе была призвана их мать, княгиня Екатерина Михайловна, а бабушка, графиня Мария Андреевна, урожденная Матвеева, состояла при дворе уже давно. Екатерине Михайловне предстояло занять пост гофмейстерины, приняв на себя обязанность опеки супруги Павла Петровича — Марии Федоровны. Необходимо было окружить невестку императрицы заботой и вниманием, адаптировать к новым условиям жизни. Таким образом, семейное переплеталось с государственным и наоборот. Эти две женщины, наделенные разными характерами, воспитанные и образованные в аристократических семьях известных российских вельмож, привили братьям Румянцевым качества, которые впоследствии им весьма пригодились в жизни.

Внимание Екатерины к наследникам Петра Румянцева проявилось в поощрении длительной, более чем двухлетней поездки Николая и Сергея в Европу для получения образования. Сопровождать и опекать юных Румянцевых самодержица поручила своему доверенному лицу, выходцу из Швейцарии, интеллектуалу барону Мельхиору Гримму. В странах и столицах, где бывали Николай и Сергей Румянцевы, им оказывали не по рангу высокий прием. Мельхиор Гримм посчитал нужным представить русских путешественников самому Вольтеру. Мыслитель не преминул внушить юношам мысль об особом жизненном предназначении — не претендовать на власть, а быть опорой российскому престолу. Свои наблюдения о том, что представляют собой братья, каковы задатки каждого из них,

барон регулярно докладывал Екатерине II. Судя по всему, Екатерина хотела удостовериться, в какой мере и тот и другой, находясь рядом с наследником престола Павлом Петровичем, могут позитивно влиять на него. После пребывания братьев в Европе их повысили до ранга камергера, а Николай уже через три месяца был направлен к венскому двору с дипломатической миссией — известить Австрию о бракосочетании наследника престола Павла Петровича с принцессой Вюртембергской.

* * *

По свидетельствам, почерпнутым из разных источников, Петр Румянцев, отец, только к концу жизни всерьез задумался о будущности своих наследников. Понимание, что сам он невечен, пришло с большим опозданием. Продолжительный успех, слава, награды отодвигали мысли о неизбежном. Даже когда лидирующие позиции захватил его соперник Григорий Потемкин, а его самого стали отдалять от престола, мысль о грядущем конце жизни не посещала фельдмаршала. Оглушающим, отрезвляющим событием для Петра Румянцева стало известие о внезапной кончине князя Потемкина-Таврического. Оказалось, что и такие люди, как он, и даже более удачливые тоже смертны. Испытывая ревность к успехам своего коллеги, Петр Румянцев вынужден был задуматься наконец о продолжателях дел своих. Потемкин, как выяснилось, подумать об этом не успел. А ведь каким он был, этот Григорий Потемкин! Человек-легенда. Он сумел затмить всех, а главное, настолько завладеть сердцем властительницы Екатерины, что она с ним тайно обвенчалась. И вдруг этот могучий здоровьем и духом сверхчеловек, пребывая в зените славы, внезапно умирает. Было о чем задуматься. Именно тогда Румянцев-Задунайский напомнил императрице о своих детях, высказав особую заботу о Николае, которого считал лучшим, более всех подававшим надежды. Однако к тому времени отношение Екатерины как к самому фельдмаршалу, так и к его отпрыскам изменилось. С некоторых пор Николай и Сергей стали для нее такими же подданными, как и все остальные. У императрицы сложились свои виды и на того, и на другого. Каждому была уготована своя роль в государственных делах, исходя из того, кто на что способен. Решение об их дальнейшей судьбе она будет принимать, руководствуясь собственными соображениями…

* * *

Фельдмаршалу Петру Румянцеву, как и его отцу, не довелось дожить до той поры, когда лучший из его сыновей, Николай, достиг невероятных высот в государственном служении. Он развивался, рос, мужал, набирался знаний, жизненного опыта, лишь урывками общаясь с отцом. Это был свой, совсем другой путь, непохожий на тот, которому следовали его дед и отец…

Екатерине II пришлось изменить свое отношение к Петру Александровичу Румянцеву, когда не стало Потемкина. Внезапная смерть фаворита, вызвавшая шок, сменилась беспокойством императрицы. Опасная внешнеполитическая обстановка, события во Франции и вокруг нее, мятеж в Польше, другие незавершенные предприятия, как и ощущение личной незащищенности, побуждали искать прочную опору.

В 1792 году императрица была вынуждена обратиться к Румянцеву: «…услыша о лучшем состоянии здоровья, обрадовалась и желаю, чтобы оно дало Вам новые силы разделить со мной тяготы мои, ибо Вы сами довольно знаете, сколь Отечество помнит Вас, содержа незабвенно всегда заслуги Ваши в сердце своем. Знаете также и то, сколько много и все войско самое любит Вас, и сколько оно порадуется, услыша только, что обожаемый Велисарий[3] опять примет их, как детей своих, в свое попечение. Я уверена будучи не менее и о Вашем благорасположении к нам, остаюсь несомненно в ожидании теперь принятия Вами всей армии моей в полное распоряжение Ваше, пребывая при сем навсегда усердная и благосклонною, Екатерина»{13}. Престарелый фельдмаршал не мог ответить императрице «нет», как, впрочем, и его согласие означало лишь формальное отношение к доверию и обязанностям. Румянцев до конца своих дней оставался у себя в Малороссии, не выезжая в столицу. Политика Екатерины II, противоречивая и коварная по отношению к своим сподвижникам, не позволила многим из них оставить о себе у потомков цельное представление. Петр Румянцев оказался одним из них. Сведения о нем, впечатления современников о его личных качествах весьма разнятся — от восхищения и восторга до поношения и обвинения в пороках. Однако, что бы ни говорили, Румянцев оставался солдатом и государственным мужем. Когда Потемкин убедил Екатерину совершить поездку в Крым, дабы она могла почувствовать масштаб территориальных приобретений и насладиться видами могущественной империи, генерал-губернатор Малороссии Румянцев отказался от неслыханных затрат на убранство Киева. «Скажите императрице, что мое дело брать города, а не украшать их»{14}, — ответил он одному из ее приближенных. Как личность Румянцев был не всем и не во всем удобен и при жизни, и после

смерти. Только этим можно объяснить забвение, пришедшее на смену его славе. Петр Румянцев не оставил после себя политического завещания, не вел дневников, не написал мемуаров. Однако о многом говорит однажды высказанное им суждение: «Наша империя, по ее обширности, разноверию и разноправию своих обитателей и по разнообразию ее соседей, должна наблюдать, чтобы подражать другим державам только в приличном, и весьма уважать тот источник, который и доселе один питает ее воинские силы. Источник сей есть народ, дающий войску и людей, и деньги. Надлежит стараться, дабы несоразмерным и бесповоротным взиманием не оскудить сей источник»[{15}].

* * *

Жизнь фельдмаршала Румянцева прервалась через полтора месяца после кончины Екатерины II. Некоторые источники утверждают, что быстрый уход из жизни Румянцева, а затем Суворова был вызван их причастностью к делу о престолонаследии. В завещании Екатерины, заверенном двумя военачальниками, якобы значилось имя великого князя Александра Павловича. Их уход из жизни как бы подводил итог Петровской эпохе. Не без проблем и потерь, откатываясь к прошлому, преемникам Петра I удалось окончательно утвердить Россию на Балтике и решить другую геополитическую задачу — закрепиться на Причерноморье, получить доступ к международным торговым путям по незамерзающим южным морям. Казалось бы, отныне складывались недостающие внешние условия, когда государство могло целиком сосредоточиться на саморазвитии. Безопасность империи была обеспечена системой надежных международных договоров. Внутри России с подавлением пугачевского мятежа сложилась обстановка, позволявшая власти нацелить общество на созидательную работу, возделывание необозримых пространств. Однако политическая ситуация, сложившаяся у российского престола в связи с внезапным уходом из жизни Екатерины II, внесла сумятицу в последующий ход событий. Ей, как и Петру I, не хватило времени на главное — подготовить и передать власть наследнику, способному продолжить основное дело ее царствования, — проложить дорогу к «мирному благоденствию» Отечества. С восшествием на престол Павла I государственная жизнь в России потекла по иному сценарию.

Глава вторая. РОМАН ИМПЕРАТРИЦЫ

Павловск и его окрестности — культурно-историческое достояние России. Дворцовый ансамбль и прилегающий к нему парк традиционно привлекают многочисленных экскурсантов. Своим рождением это уникальное место обязано наследнику российского престола великому князю Павлу Петровичу, а обустройством — супруге Павла, великой княгине Марии Федоровне.

«Собственный садик» — одна из достопримечательностей Павловского музея-заповедника. Посетителям задержаться здесь, как правило, недосуг — не хватает времени. Великолепие дворца и парка целиком поглощает внимание гостей. Небольшой, изрезанный изящными дорожками садовый участок создавался стараниями Марии Федоровны. Наперекор суровому климату здесь высаживались и культивировались свозимые со всего света экзотические для этих мест растения — кедры, кипарисы, апельсины, лимоны, персики, ананасы, лавры. Семена, черенки и саженцы поступали из Сибири, Дальнего Востока, Южной Америки и, разумеется, из Европы. Названия некоторых растений для этих мест и теперь в диковинку. На зиму большую часть из них укрывали в оранжереях, весной вновь выставляли на открытый воздух. Павловск стали называть русской Швейцарией, а сад и оранжереи — ботаническим раем.

Немецко-фашистское нашествие и оккупация подвергли варварскому разрушению всё, что составляло былой Павловск. Сад этот теперь уже не тот, что в прежние времена. Выродились или вымерзли нуждавшиеся в особом уходе растения, утрачены скульптура и некоторые декоративные постройки. Однако и ныне сохраняется регулярная симметричная планировка парка, применяется системный подход к высадке цветов и кустарников. Это делается так и таким образом, что цветение в саду, начинаясь ранней весной, длится до глубокой осени. «Садик Марии Федоровны», как его называют музейные работники, окружен особой заботой. В годы коренной ломки советской системы и позже музей вел трудную борьбу за выживание. Не хватало средств на самое насущное, в том числе и на отопление оранжерей. Однако внимание к сохранению единственного в своем роде архитектурно-художественного наследия не ослабевало. Недавно реставрирован Инвалидный дом с церковью Святой равноапостольной Марии Магдалины. Восстановлен

великолепный Розовый павильон, специально воздвигнутый императрицей-матерью для торжественного приема в честь возвратившегося из последнего победного похода против Наполеона I сына — императора Александра I. Есть надежда, что со временем усилиями реставраторов, садовников, цветоводов и «собственный садик» обретет первозданный вид. Садик — далеко не единственное, что в Павловске связано с именем императрицы Марии Федоровны. Дворец, парк с многочисленными постройками, павильонами, прудами, аллеями и сам городок, растущий вокруг императорской резиденции, неповторимостью обликов обязаны своей попечительнице. В противовес Гатчине, любимому прибежищу великого князя Павла Петровича, Павловск был для Марии Федоровны «изящным и полным выражением ее сентиментальных отношений к природе», она стремилась сделать его похожим на Этюп, родовое гнездо Вюртембергских… Годы жизни отдала она этим местам, обживая и обихаживая их при Павле и после его гибели. Нигде так не хранят память о ней, как в Павловске, здесь можно услышать многие подробности жизни выдающейся личности. Ей, слывшей редким сочетанием красоты и ума, «одной из самых трудолюбивых и занятых дам России», досталась судьба необычайная, великая и драматическая.

* * *

София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская обратила на себя внимание в пору, когда российский императорский двор был озабочен поисками достойной пары для наследника престола, великого князя Павла Петровича. Ей было 13 лет, Павлу — 18. Однако юный возраст оказался препятствием. Выбор был сделан в пользу старшей пятнадцатилетней сестры Вильгельмины. Именно с ней вступил в свой первый брак Павел Петрович. После неудачных родов, приведших к кончине великой княгини Натальи Алексеевны (это имя получено в православном крещении), российский императорский двор снова вспомнил о младшей, к тому времени семнадцатилетней принцессе. Она, правда, была уже помолвлена с принцем Людвигом Гессен-Дармштадтским. Аннулировать помолвку Софии Доротеи помог сам претендент, принц Гессен-Дармштадтский. Он отступился от невесты, польстившись на деньги, которые ему были предложены. «Большой и глупый верзила, — писала Екатерина барону Гримму, — отправился пасти гусей с пенсией в 10 000 руб., но с условием никогда о нем не слышать и не видеть…»{16}

Покуда невеста собиралась в дорогу, ее не в шутку стращали,

говорили, что в России «в общение ей дадут только русских, казаков, грузин и Бог знает, какое племя». Наделе жизнь оказалась куда более сложной и непредсказуемой. На девочку, которую еще не миновала пора детских радостей, смотрели как на политическую силу, а ее замужество расценивалось не просто как брачный союз, а «союз Пруссии с Россией». Она не знала ни слова по-русски, ей не позволили получить классическое образование, большая часть жизни в России с самого начала была посвящена продлению династии. Здесь, на русской почве, расцвели ее скрытые до поры таланты. Она научилась хорошо рисовать, вышивать, занималась резьбой по кости. Некоторые мастерски исполненные камеи дошли до нас и хранятся в музее Павловского дворца. Мария Федоровна была музыкально одарена, превосходно играла на фортепьяно, устраивала театрализованные представления, инсценировки. В них участвовали все: ее дети, придворные и даже сам великий князь Павел Петрович. Увлечение искусствами она всячески прививала своим детям: Александр играл на скрипке, Елена и Александра — на гитаре, Николай — на флейте… В лучшие для великокняжеской семьи годы в Павловске устраивались концерты, ставились оперы. В окружение Марии Федоровны входили виднейшие музыканты и композиторы того времени: Бортнянский, Паизиелло, Сарти. Выдающиеся художники сотрудничали с ней. Для них она была талантливой ученицей и привлекательной моделью. В Павловске сложился свой круг, который, собственно, и составил «малый двор» великого князя Павла Петровича. В Петербурге же, при «большом дворе» матери Павла, Екатерины, решались государственные дела, проходили переговоры, официальные встречи и церемонии, иностранные послы вручали верительные грамоты… «Большой двор» устраивал праздники и развлечения, среди которых особая роль отводилась «эрмитажным собраниям», в которых участвовали только самые избранные и наиболее известные и приближенные императрице лица. В ту пору в круг общения великой княгини Марии Федоровны попал статный, петровской породы камер-юнкер, молодой граф Николай Румянцев.

И в поведении, и в общении он не был таким, как все остальные. С ним было интересно. Он стал другом семьи, одинаково приятным для обоих супругов. Их знакомство могло произойти и раньше, в те дни, когда в Берлине намечалась церемония помолвки принцессы Вюртембергской с великим князем Павлом Петровичем. Наследника российского престола сопровождал отец Николая — фельдмаршал Петр Александрович Румянцев. Желая повидать родителя, братья, находившиеся в это

время в европейском турне, двинулись к нему навстречу. Однако побывать в Берлине и встретиться с отцом им не довелось. Было велено воротиться. Присутствие двух рослых и обаятельных молодцев на фоне уязвимой внешности жениха могло, по мнению умудренного опытом предка, внести диссонанс в важнейшую церемонию.

Великая княгиня Мария Федоровна проявила себя с особенно желанной для свекрови стороны. Она, по словам Екатерины II, оказалась «мастерица детей производить». Сразу после замужества Мария Федоровна родила двух сыновей: Александра (1777) и Константина (1779), что гарантировало дому Романовых прочность в продолжении династической линии. После появления на свет Александра и Константина в недавнем прошлом «нежная, прекрасная, восхитительная игрушечка» родила еще восемь детей: двух мальчиков и шестерых девочек. Заслуга в том, как утверждали злые языки, принадлежала не только супругу Павлу Петровичу. Случалось, он и сам злословил по этому поводу.

Произвести человека на свет во все времена было делом непростым, а тем более при том состоянии акушерской науки и практики. Особенно тяжело Марии Федоровне досталось рождение шестого ребенка, дочери Анны. Только присутствие духа и решительные меры Екатерины II, семь часов неотступно находившейся при роженице, спасли ей жизнь.

Материнская доля Марии Федоровны оказалась и счастливой, и трагической: она мать двух императоров (Александра I, Николая I) и двух королев (Вюртембергской Екатерины, Нидерландов Анны), однако пятеро из десяти детей умерли при ее жизни: Ольга в младенчестве, Александра в 1801 году, Елена в 1803-м, Екатерина в 1819-м, Александр I в 1825-м.

«Малый двор» великого князя Павла Петровича формировался под неусыпным контролем Екатерины II. Кандидаты на общение с престолонаследником, его семьей подбирались по разным, известным только самой Екатерине соображениям. Императрица стремилась создать вокруг сына особую среду, где каждому отводилась своя роль. Следует сказать — своей цели Екатерина II добивалась. Николай Румянцев — в конечном счете один из немногих, кто стал душевным другом молодой семьи. Именно он вошел в число особо приближенных…

В письмах отцу, где наиболее существенное оставалось между строк, Николай пытается воспроизвести картину жизни, в которой кипели нешуточные страсти. Зависть и клевета, любовь и ненависть опаляли придворную жизнь. Румянцев пишет о коллизиях, сменявших одна другую, в которые его втягивали помимо воли. Знаки то внимания, то отчуждения со стороны

влиятельных персон Николай Румянцев воспринимал болезненно.

О том, как непросто отпрыску Румянцева-Задунайского было в царственном сообществе, докладывал отцу его выдвиженец, «алмаз в короне» А.А. Безбородко (фельдмаршал в свое время рекомендовал его личным секретарем Екатерины): «Быть праздным зрителем мелких сцен придворных или хотя бы актером в них с опасностью для себя никогда не было целью намерений. Он имел всегда в виду достигнуть употребление его к делу и преимущественно в дипломатическом корпусе: к сему он всегда приготовлял себя по склонности к чтениям книг и дел и содержанием себя в знании про связь оных»{17}. Безбородко называет одну из причин, из-за чего Николаю было так не сладко при дворе: он пишет о пристрастном отношении к камер-юнкеру Румянцеву влиятельного вельможи Никиты Ивановича Панина. Среди других камер-юнкеров были сын Панина Петр и племянник Александр Куракин. «Граф Николай Петрович имеет для него еще два весьма неприятных свойства, первое: что он сын ваш, человека коего славе, сколько он завистлив и исполнен недоброхотства, я могу сам быть наилучшим свидетелем; второе: что он весь исполнен благородных мыслей и, следственно, никогда с ним несогласных. Невместно здесь изразить все те ухищрения, которые с его стороны употреблены были на внушение подозрений о графе Николае Петровиче…»{18}

У молодого камер-юнкера имелись другие, более серьезные основания тяготиться своим положением, тревожиться за свою будущность. Великая княгиня Мария Федоровна стала оказывать ему особые знаки внимания. Пребывать в этой двусмысленной ситуации, чреватой конфликтом и скандалом, Николаю Румянцеву не хватало сил. Не было возможности и условий сохранять отношения в тайне. Двор на разные лады заговорил об этом, да так, что подробности стали известны в Европе, в доме Вюртембергских. «Мне говорили, — пишет мать дочери, — что Вы вздумали иметь при себе фаворита *(un amant)* и что выбор пал на молодого графа Румянцева, но это не беспокоило меня, потому что я уверена была в Вашем образе мыслей и в Ваших нравственных правилах. Пренебрежение к нашим обязанностям есть единственное действительное несчастие, которое может постигнуть нас, и пример, который Вы видите перед своими глазами, может только уверить Вас в этой истине, нет ничего более тяжкого и ужасного, как общественное презрение»{19}. Не приходится долго гадать, что за «тяжкий и ужасный» пример стоял перед глазами великой княгини Марии Федоровны.

Николай Румянцев если и слыл фаворитом, то иного свойства. Он не стремился доминировать, не требовал к себе

особых знаков внимания. Как никто другой был наделен благородной сдержанностью, чувством чести. «St. Nicolas» — «Святой Николай» — так его называла Екатерина II. Положение фаворита его, наоборот, тяготило, и неспособность устоять перед чарами властительной дамы угнетала. Как бы там ни было, но молодое время навсегда осталось в их судьбах. Это была странная жизнь, тревожная и счастливая, со своими опасностями и восторгами. Когда все это только начиналось, всем им было в пределах двадцати лет: Павлу Петровичу, Марии Федоровне, Николаю Румянцеву, его брату Сергею, Александру и Алексею Куракиным. Если поставить рядом портреты молодых людей, написанные тогда, примерно в одно и то же время, легко предположить, кому могли принадлежать симпатии молодой восемнадцатилетней иностранной особы…

Беспокойство одолевало и другую женщину. Это была мать Николая Румянцева. Именно ей, гофмейстерине императорского двора, великий князь Павел Петрович доверил роль главной наставницы своей будущей супруги. Имя графини Екатерины Михайловны Румянцевой значилось в инструкции, загодя написанной наследником специально для своей Вюртембергской невесты.

«При принцессе будет состоять супруга фельдмаршала Румянцева, дама известная своими достоинствами и честностью, которая употребит все свое старание, чтобы приобрести доверие принцессы. Принцесса может положиться на то, что она не употребит ее доверия во зло; было бы хорошо, если бы принцесса по пути в Россию посоветовалась с нею о некоторых вещах. Но я должен, вместе с тем, предупредить принцессу, чтобы она не позволяла с собой никакой фамильярности иначе, как в те моменты, когда она сама того пожелает; это будет всегда хорошо, в особенности в том случае, если бы фельдмаршальша Румянцева сделала что-либо, не заслужившее одобрения принцессы, так как это дало бы ей достаточный авторитет и право высказывать, хотя в мягких выражениях, все то, что могло бы ей не понравиться. Я советую принцессе предоставить фельдмаршальше Румянцевой полную свободу относительно прислуги и других мелких домашних распоряжений, даже относительно гардероба, и никогда не допускать, чтобы ей жаловались на фельдмаршальшу Румянцеву. В противном случае я советую ей действовать таким образом: если бы принцесса случилась быть недовольной каким-либо из ее слуг, то было бы лучше всего заявить о том фельдмаршальше Румянцевой, не обращаясь никогда к кому-либо постороннему»{20}.

Графиня Екатерина Михайловна оказалась самым надежным

человеком для супруги наследника. Не имея рядом никого из близких, ей, по-видимому, открывала свое сердце наивная немецкая принцесса. С графиней она делилась переполняющими ее чувствами. Не в силах что-либо изменить, видя, в какой водоворот событий вовлекается сын, 45-летняя Румянцева, несмотря на уговоры Екатерины II, принимает решение покинуть службу. В этом поступке были отчаяние, протест и признание собственного бессилия. Она отправилась в добровольную ссылку в подмосковное имение Кайнарджи.

На отношения Николая Румянцева и великой княгини Марии Федоровны Екатерина II какое-то время смотрела сквозь пальцы. Снисходительное отношение императрицы к наметившемуся треугольнику предопределялось тем благотворным влиянием, какое оказывал граф Николай на наследника Павла Петровича. Примером тому может служить одно из писем великого князя к Николаю Румянцеву.

«Санкт-Петербург, 18 сентября 1783 года.

Я искренне страдал, мой дорогой друг, из-за Вашего непонимания меня. Почему оно могло возникнуть? Может быть, оттого, что я Вам его прощаю? Возможно, все это для того, чтобы меня успокоить? И тем не менее это не мешает мне Вас любить. К тому же, излечившись от предположений, я был бы спокоен, если бы Вы написали мне с этой почтой…

…Я Вас очень ценю и чувствую, что Ваше признание происходит от сердца настолько, что никакая осторожность меня не удержит. Недавно я говорил кое с кем и пришел к выводу, что нужна другая эпоха, чтобы хорошо жить такому, как я. Я далек от безразличия, потому что это очень грустное занятие.

Завтра исполняется ровно год с того дня, как мы расстались, но мне кажется, что наша дружба останется такой же крепкой. Мой друг, может, спастись бегством?

Любите немного Вашего друга.

Павел»[{21}].

В присутствии Николая Румянцева действительно создавалась атмосфера, в которой вспыльчивый Павел сдерживал себя, умерял свои эмоции. Однако и Екатерине II в конце концов пришлось проявить беспокойство. Для кандидата на удаление от двора в экстренном порядке была создана посольская должность. Получив ранг посланника, камергер Румянцев «подальше от греха» был отправлен за границу на дипломатическую службу.

* * *

Румянцев был аккредитован посланником в район Верхнего Рейна с центром во Франкфурте-на-Майне. Изначально должность, на которую он был назначен, можно было считать бесперспективной, обреченной на неуспех. Территория, поделенная на 14 германских земель, представляла собой конгломерат относительно самостоятельных, по-разному управляемых государств-княжеств. На германском пространстве Россия с некоторых пор была призвана выступать арбитром. Пруссия и Австрия привлекли именно Россию и Францию выступить гарантами послевоенного урегулирования при заключении Тешенского мира в мае 1779 года. Договор предусматривал некий порядок взаимоотношений недавних участников конфликта с немецкими княжествами. На деле этот мир лишь перевел противостояние в дипломатическую плоскость, борьба давних соперников продолжалась. Давило наследие недавних военных конфликтов, территориальных разделов, неразрешенных противоречий, наконец, неутоленные имперские амбиции властителей. Австрия и Пруссия тайными и явными путями стремились распространить свое влияние на лидеров «карликовых государств», сместить шаткое равновесие в свою сторону. Дипломатические ходы, к которым вынужден был прибегать Румянцев, не всегда достигали цели. Этому «помогала» тайная дипломатия Иосифа II и Фридриха Великого.

Политика Екатерины II заключалась в поддержании некоего баланса внутри германского сообщества, как это виделось из Петербурга. Австрия и Пруссия считали себя союзниками России, а императрицу гарантом в защите своих интересов. Но основные приоритеты российской внешней политики распространялись на северо-запад и на юг от Петербурга. Первоочередные заботы — война со Швецией (1788—1790), недовершенные дела с Турцией в отношении Крыма и Причерноморья отодвигали на дальний план и ослабляли внимание к событиям, происходившим в Европе. Румянцеву предписывалось сохранять стабильность в центре Европы, препятствуя устремлению мелких властителей к смене покровителей. Австрийская концепция «обмена земель», как и прусская «союза князей», на словах призванные к укреплению взаимопонимания, на деле служили средством достижения преимуществ и подчинения под свое влияние колеблющихся. Всякая попытка внести ясность, разоблачить подлинные замыслы главных участников противостояния воспринималась в штыки. Усердие Румянцева, его попытки воспрепятствовать планам Фридриха II вызывали раздражение последнего, служили поводом для весьма резких высказываний в адрес российского посланника. Великогерманское объединение, как под эгидой Пруссии, так и

Австрии, не входило в планы Екатерины II. О том, какой политической философии придерживался Фридрих II, поклонник французского языка и Вольтера, властитель «армии со страной в придачу» (так говорили о Пруссии), красноречиво свидетельствуют высказывания: «Если Вам нравится чужая провинция, занимайте ее немедленно… Вы всегда найдете потом юристов, которые докажут, что Вы имели все права на занятую территорию»{22}. История умалчивает, при каких именно обстоятельствах произошел конфликт Румянцева с самим Фридрихом Великим.

Продвигать установки Екатерины II в реальных условиях тех дней посланнику Румянцеву было нелегко. Субсидии, поступающие к мелким властителям извне, были главным источником для поддержания местного госбюджета и более или менее сносного уровня жизни каждого из них. Этим и определялось их политическое самочувствие. Поскольку государств-доноров было немного, а обращаться приходилось, становясь в очередь, внутри этого сообщества царила довольно тягостная атмосфера. Многое проясняет фраза из донесения Румянцева о положении дел в Цвейбрюкене: «Герцог в сущей нищете, в совершенном недостатке денег находится… Вскоре минует два года, что никому из служителей не плачено жалованья». Жажда жить, подражая крупным европейским дворам, не имея на это средств, зависть взаимная, подозрительность и мелкие раздоры — та среда, которая окружала посланника Румянцева. Каждый фюрст, сам по себе не представлявший особого политического веса, силился доказать обратное, подпитывая окружение домыслами, пересудами, сплетнями. С первых лет пребывания в немецких княжествах Румянцев стал тяготиться своим положением, обнаружив бесполезность и тщетность своих дипломатический усилий. При этом он старался усердно относиться к своим обязанностям. Объем его дипломатической почты удивлял канцелярию в Петербурге, однако поступающие сведения не имели особой ценности. Главные европейские события, политические интересы России находились в другой части Европы. Сам Румянцев, понимая это, в своих обращениях к отцу давал понять, насколько его посольское место не отвечает ни его запросам, ни его способностям. Однако Николаю Румянцеву предстояло послужить там немало лет. Именно в ту пору, не желая тратить времени зря, Николай Румянцев углубленно занялся самообразованием. Библиотека Франкфурта-на-Майне, города, где размещалась его посольская резиденция, была им подробно изучена. Помимо книг по истории, что составляло главное увлечение его жизни,

посланник изучал экономическую теорию, историю торговли. Тогда он в совершенстве освоил французский, немецкий, английский языки, приобрел широкие познания в области искусства и литературы.

Что касается ситуации в немецких княжествах, он все более и более убеждался в бесперспективности и шаткости их государственности. Короли и князья, фюрсты и курфюрсты, на словах изъявляя почтительное отношение к той, кто является «первейшей сего века Особой», наделе исходили из соображений практического свойства. Тайные замыслы, уловки и ложь обертывались всевозможными обещаниями, клятвенными заверениями в преданности России и ее императрице.

Дипломатия Екатерины II в германском вопросе, проводить которую поручалось Румянцеву, выглядит не столь безупречно, как впоследствии в благожелательном духе писали исследователи эпохи Е.С. Шумигорский, Н.К. Шильдер, А.С. Трачевский и др. На самом деле это была политика «с двойным дном», далекая от объективности. Роль России как гаранта стабильности или арбитра в германских землях весьма сомнительна. Румянцеву предписывалось в спорных ситуациях быть на стороне Австрии, что требовало от него не столько дипломатического искусства, сколько прямого давления на тех князей, кто не желал прислушиваться к мнению из Петербурга. От этого его дипломатические усилия выглядели в ряде случаев двусмысленно. Но свою миссию посланник Румянцев выполнил: Россия получила авторитет и влияние, сохранив позиции «гаранта» и принцип «свободных рук». Главное, что следует отметить, — несмотря на рискованные политические маневры сторон, поддерживался шаткий, но мир. Крупной континентальной войны не произошло, а ее начиная с 1780-х годов прогнозировали многие европейские политики.

* * *

Известно, что служение дипломатов сопряжено с долгой и порой бесполезной рутинной работой, смысл и значение которой сметает череда непредвиденных событий. Дипломат Румянцев за годы службы за границей извлек для себя и для Отечества гораздо больше пользы, изучая практический опыт хозяйствования, способы решения прикладных инженерно-технических задач, в чем европейцы существенно опережали Россию. Он внимательно следил за новациями и открытиями, достижениями в профессиях, изучал методы организации и управления. Ему поручалось

находить и отправлять в Россию нужных специалистов, определять дворянских недорослей на учебу, опекать высокопоставленных земляков, не владевших языком, часто приезжавших за границу только ради проведения времени.

Гидрологи, гидростроители, архитекторы, литейщики, оружейники, специалисты в области солеварения, овцеводства, ученые, учителя и волонтеры, готовые служить в армии императрицы, многочисленные эмигранты, искавшие убежища в России, — все, так или иначе, имели дело с посланником Румянцевым. Помимо всего, он оставался преданным своему увлечению, своей страсти. Слыл книжником, собирал первоисточники, редкие издания. Стремился к знаниям и утолял потребность в их получении при первой же возможности. Устанавливал связи с людьми, стоявшими в стороне от политики и дипломатии, — учеными, библиофилами, писателями и поэтами. Был в курсе просветительских идей, течений, общественных настроений. Результаты своей миссии в немецких княжествах Румянцев подытожил, составив аналитическую записку «Картина франкфуртской миссии». Этот любопытный документ, — своеобразная инструкция. В ней обзор опыта, наблюдений традиций и политических тенденций, свойственных местной среде. Сведения эти, по мнению посланника, были бы полезны и для истории, и тем, кто придет ему на смену{23}.

Теперь нет необходимости детально реконструировать обстановку, коллизии, в разрешение которых был вовлечен дипломат Румянцев. Их роль, как и место в истории, оказалась в конечном счете не столь значительной. Депеши, которые отправлялись Румянцевым, внимательно прочитывались императрицей Екатериной. Ему лично она направляла подробные указания, определяющие линию его поведения.

Особый след в судьбе оставило путешествие великокняжеской четы в 1781 — 1782 годах по Европе, продлившееся 14 месяцев. Павел Петрович и Мария Федоровна под псевдонимами графа и графини Северных объехали многие города и страны. Сопровождал молодую чету посланник при немецких княжествах Николай Петрович Румянцев[4]. Посещение королевских семейств, осмотр владений, оказываемый гостям царственный прием создавали праздничную, незабываемую атмосферу. Всё, что встречалось на пути и привлекало внимание, — стиль жизни, традиции, организация быта, архитектура, ремесла, — вызывало интерес, питало идеями, желанием перенести их на русскую почву… Опыт жизни российского посланника за границей оказался немало полезен. Путешествие проходило гладко, но ненужных осложнений не удалось избежать. Виной тому был

цесаревич, допускавший неуместную несдержанность, которая впоследствии ему серьезно навредила. В атмосфере длительных застолий, разогреваемых южным солнцем и вином, он позволял себе высказывания, острие которых направлялось против матери, Екатерины II. В одном из разговоров о российских реальностях Павел в запальчивости воскликнул: «Законы в России?! В стране, где та, которая царствует, остается на троне лишь потому, что попирает их все!»{24} Было и другое. Он жаловался на дерзость фаворитов, на стеснения и преследования, которым подвергался. Таким образом, конфликт сына-наследника с матерью-императрицей получил европейскую огласку.

Посланник Румянцев принимал участие в решении весьма важной династической проблемы — поиске невесты для наследника престола Александра Павловича. Во времена Екатерины II выбор пары для великокняжеского потомства приобрел *для* государства программный характер. Подбор требуемой кандидатуры за пределами национальных границ стал традицией. Этому научил горький опыт предшествующих царствований. Когда приходило время наследнику престола вступать в брак, соперничество в кланах российской знати вносило в государственную жизнь серьезные, порой непредсказуемые перекосы. Преимущества, приобретаемые одними, и притеснение других неизменно становились причиной непримиримых конфликтов, куда втягивались многочисленные сторонники. Трагические события вокруг наследника Петра Алексеевича, не менее драматичная обстановка вокруг престолонаследия после его смерти окончательно склонили чашу весов в пользу невест и женихов иностранного происхождения. Правда, и на этом пути не всегда всё складывалось гладко, возникало немало непредвиденных обстоятельств. Даже в редких случаях, когда вопреки династическим расчетам возникало подлинное взаимное чувство, сохранить его, а тем более пронести сквозь годы удавалось не каждому из властителей.

С целью недопущения ошибки в выборе невесты для любимого внука Екатерина II решила запросить ко двору сразу двух юных принцесс Баденских — Луизу и Фредерику. Заочно выбор был сделан в пользу старшей, однако Екатерина просила Румянцева получить согласие на приезд обеих сестер. О том, как ей это представлялось и что для этого требуется, Екатерина II доверительно пишет 4 июня 1792 года своему посланнику, на долю которого выпала ключевая роль в проведении переговоров и обеспечении переезда кандидаток к российскому двору

«Господин граф Румянцев!

С последним курьером я получила письмо Ваше из Кобленца

от 1-го мая, касательно Ваших поездок в Карлсруэ. С удовольствием усмотрела я, что, согласно с последними моими приказаниями, Вы приняли меры, какие нашли нужными для того, чтобы дать ход делу, которое близко моему сердцу; что приказания сии дошли до нас вовремя и что мы могли по этому устранить всякий иной способ действия, который послужил бы помехою моим намерениям.

Сообщаемые Вами подробности, относящиеся до двух баденских княжон Луизы и Фридерики, необыкновенно как занимательны и вполне удовлетворительны. Вы не сказали лишнего наследственной княгине баденской от моего имени. Я всегда особенно любила ее и знаю, что она постоянно оказывала приверженность к России и ко мне. Я восхищена ее готовностью помогать Вам и уладить затруднения, относительно перемены религии. Жду с нетерпением обещаемых Вами портретов двоих княжон. Вы предугадали, что найдено будет неловким самой наследственной княгине покинуть супруга и везти мне дочерей своих, но это затруднение не важно, и ему легко пособить. Правда, я лишаюсь удовольствия еще раз увидеть любимую и уважаемую мной наследственную княгиню, но положение ее для меня вполне понятно, и я разделяю ее доводы. В лишении моем я некоторым образом вознаграждена тем доверием, которое она мне оказывает, отдавая мне двух своих дочерей. И так я нахожу приличным не замедлять дела с Вашей стороны и, хотя, конечно, судя по возрасту княжон, можно бы отложить их прибытие в Россию еще на год или года на два, но мне кажется, что если они прибудут теперь же, то самый этот возраст скорее поможет им привыкнуть к той стране, в которой одной из них суждено остаться навсегда. (Судьба сестры ее будет устроена и не в ущерб ее происхождению.) На основании этих доводов я решилась предписать Вам, чтобы Вы просили у наследственной княгини баденской дочерей ее, княжон Луизу и Фридерику, елико возможно скорее. Скажите ей, что я охотно берусь довершить их воспитание и устроить их обеих. Внук мой Александр выберет ту, которая ему больше понравится, сестру ее, когда придет время, я устрою. Чтобы упростить дело, на днях отправится отсюда вдовствующая графиня Шувалова, под предлогом поездки на ахенские воды; ее сопровождает старинный друг дома, тайный советник Стрекалов. Если наследственная княгиня согласна ее собственному предписанию, ее муж и свекровь согласны будут отпустить ко мне молодых княжон, то Вы с вышеупомянутой графинею и с тайным советником Стрекаловым договоритесь, где будет приличней принять молодых княжон. Графиня Шувалова путешествует под собственным именем, а княжон сохранять

инкогнито до пределов России. По прибытии в Петербург обе княжны поселятся в моем дворце, в котором одна из них, как надеюсь, будет жить всегда, а другая выйдет из этого дворца для приличного замужества. Остается прибавить, что все содержание их будет на мой счет; это само собою разумеется, и Вы в этом не сомневайтесь. Лучше подождать, когда закончится коронация императора и Франкфурт поуспокоится. Это нужно для того, чтобы не произошло лишней огласки в путешествии княжон. И дорога будет гораздо спокойнее для ф. Шуваловой и ее семейства при соблюдении тайны.

Прощайте, будьте здоровы. *Екатерина*»[{25}].

Юные принцессы прибыли в Петербург в октябре 1792 года, и менее чем через год состоялось бракосочетание шестнадцатилетнего наследника престола великого князя Александра Петровича с четырнадцатилетней принцессой Луизой, которая, приняв православие, стала величаться великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Меньшая, Фредерика, впоследствии вышла замуж в Швеции, стала королевой. Подобное поручение Екатерины своему посланнику состояло в том, чтобы подыскать невесту другому внуку — великому князю Константину. И это задание Румянцев исправно выполнил. Кандидатка — четырнадцатилетняя герцогиня Саксенкобургская Юлия осенью 1795 года прибыла в Петербург, где вскоре состоялось венчание. Династические хлопоты, связанные с устройством семейной жизни престолонаследника и его брата Константина, для посланника составляли важное, но далеко не единственное поручение Екатерины II. Дело в том, что начиная с 1790-х годов его политико-дипломатические обязанности существенно расширились. Румянцев был аккредитован при оказавшихся в изгнании членах французского королевского дома — братьях короля Людовика XVI. Дипломат был вынужден переместиться в Кобленц, получивший статус резиденции Бурбонов. Этот город стал местом сосредоточения политиков и дипломатов. Их цель состояла в координации международных усилий для поиска путей и способов реставрации во Франции монархии. Румянцеву поручалось неотступно находиться на месте событий, регулярно информировать Екатерину II о происходящем. Тогда многим казалось, что больших усилий для «восстановления законной власти и надлежащего порядка» не потребуется. В формировании коалиции приняли участие Австрия, Пруссия, Сардинское королевство, Англия, Голландия, Испания. Эти страны выделили деньги на нужды изгнанных и на финансирование военных операций. Основу соединенных войск для ведения боевых действий составили 150-тысячная армия

Пруссии, Австрии и 35-тысячный отрад ополчения французских роялистов. Решающее сражение произошло 20 сентября 1792 года при Вальми, в ходе которого антифранцузская коалиция потерпела поражение. Дальнейшее развитие событий относило участников коалиции все дальше от намеченной цели. Смыть позор провала первой коалиции устроителям не удалось. По мнению Екатерины, европейских монархов поразил «приступ всеобщего оглупления». Им не хватало «смелости ума, смелости души, смелости сердца» — главных достоинств, в которых нуждалась Европа. Екатерина II выделила два миллиона рублей «на помощь дворянам, которые пожертвовали собой ради своего государя». Такой по тем временам весьма значительной суммой Россия поддержала не только короля и принцев, но и беженцев. «Господин тайный советник и чрезвычайный посланник граф Румянцев. Я получила депеши, адресованные Вами ко мне из Кобленца в разное время и доставленные мне подполковником де Бобеллем, — пишет Екатерина II. — Я очень довольна исполнением Вами моих приказаний относительно принцев, братьев французского короля, и всеми мероприятиями, принятыми Вами по этому случаю, и так как они совершенно согласуются с моими намерениями, то я вполне их одобряю»[{26}]. Высказываясь по поводу «ничтожества, к которому приведена теперь Франция», Екатерина была лишена возможности предпринимать что-либо реальное, в частности, направить свои войска, о чем ее настоятельно просили наследные принцы. Этому мешали события в Польше. На юге России продолжалось противостояние с турками из-за окончательно не урегулированных территориальных вопросов Крыма и Причерноморья. Разгоревшееся в Варшаве восстание под предводительством Костюшко оказалось весьма болезненной проблемой, на решение которой потребовались войска. Румянцев исправно доносил императрице обстановку. Между тем положение дел в стане монархической коалиции приобретало все более бесперспективный характер. Франция в ультимативной форме потребовала упразднения штаб-квартиры Бурбонов в Кобленце. Ни у кого из сильных мира сего не нашлось возможности изменить ход событий, не говоря уже о том, чтобы предвидеть последствия, какие повлекла за собой революция, спустя десятилетия получившая международное признание и названная «Великой». Ресурсы европейских монархий, брошенные на то, чтобы вернуть Бурбонов на французский престол, иссякли. Одна за другой терпели крушение коалиции, а с ними рушились иллюзии наследников французской монархии. Румянцев не сразу, но в конце концов это понял и пришел к мысли о бесполезности

своего пребывания в Кобленце. На этом его дипломатическая миссия, как этому ни противилась Екатерина, закончилась.

* * *

В годы заграничной службы Румянцев, по существу, был предоставлен сам себе, находился в отрыве от близких и друзей. Деловой тонус, моральный дух, настроение поддерживались случайными встречами с земляками, перепиской с теми, кто ему был дорог и, оставаясь в России, о нем помнил. К этому периоду относятся дошедшие до нас письма великой княгини Марии Федоровны российскому посланнику. Их сорок четыре. Они и сохранились потому, что имели для дипломатического ссыльного особую ценность. Т.А. Соловьевой, исследователю частной жизни Николая Петровича Румянцева, на основании этих и других документов более чем кому-либо удалось воссоздать историю отношений Марии Федоровны и графа Николая Румянцева{27}. В их общении, как убежденно пишет она, присутствовало и до конца жизни не ослабевало чувство особой привязанности друг к другу. Письма великой княгини и в самом деле проникнуты особой чувственностью, откровенностью. О многом говорит, в частности, письмо Марии Федоровны Румянцеву от 25 октября/5 ноября 1784 года.

«Господин граф! Считается, что Луна и планеты меньше влияют на наше сознание, чем Солнце, и что воображение обостряется при сильном ветре: оно становится богаче обычного.

Сейчас все серо, сыро и дневной свет с трудом проникает. Вот картина сегодняшнего дня.

Это вступление было необходимо перед тем, как ответить на Ваши письма, о которых нужно многое сказать, хотя моя голова сегодня отказывается мне служить. Я уважаю Ваш ум, Вашу мудрость и доброту. Я хочу для Вас найти слова признательности, в которых Вы ощутили бы мою радость от Ваших писем, от получения каждого нового подтверждения Вашей привязанности и искренности, от узнавания обо всех событиях, касающихся Вас. Это стало для меня обязательной необходимостью, и это не пустые слова. Сознаюсь, узнала с огорчением, что мой достойный брат может забыть о моем отношении к нему, к той, которую он так любил. Он действительно огорчится, когда узнает о своей болезни, но я уверена, что, узнав о ней, он все-таки с ней справится. Я не имею новостей с тех пор, как Мишель вышла замуж. Кажется, она собирается в путешествие к моим родителям. Я льщу себя надеждой, что удовольствие, которое она получит,

находясь далеко от семьи, развеет ее печаль. Несколько прекрасных месяцев, когда она не будет ничем подавлена и связана, позволят ей посвятить себя заботам о здоровье, столь ей необходимом.

Я познала цену Вашего отношения и спешу выразить пожелание, чтобы Вы поступали так почаще. Вы очарованы Н. и К. Прошу Вас принять во внимание, что тот, кто способен на большие дела и вдруг совершает ничтожные поступки, может быть обманутым (хотя бы самим собою) и оказаться очень близко к падению. Вот почему, господин граф, я бесконечно люблю заурядное. Я не позволяю себе скучать, чтобы не распускаться. Такое поведение, если оно не содержит в себе ничего грубого, имеет нечто солидное, то есть то, что для меня является самым лучшим.

Мы имеем честь сообщить Вам, что у Вас есть друзья, на которых Вы можете рассчитывать. После этих уверений мне остается только назвать себя Вашей очень любящей Марией»[28].

Одно из писем начинается так: «Сегодня утром проснулась и полчаса вспоминала бал… Нежная привязанность, которую Вы испытываете ко мне, вызывает ответные чувства…» Это письмо заканчивается словами: «Восхищающийся Вами Ваш друг Мария»[29].

Эпистолярное наследие Румянцева, несмотря на пробелы и утраты, содержит и свидетельства особо теплых чувств, которые испытывали к нему дети Марии Федоровны. Письма дочерей Марии и Екатерины датированы годами, когда их отца, Павла I, уже не было в живых. Создается впечатление, что Румянцев по-отечески был им близок. Трудно, например, комментировать письмо от 11—23 июля 1810 года из Веймара: «Г-н граф, я так долго затягивала с ответом на Ваше письмо от 25 мая, потому что мне пришлось преодолевать одно крупное препятствие. Благодарю Вас за заботу о том, чтобы доставить мне письмо, которое Вы адресуете мне. Будучи убежденной в интересе, который Вы проявляете ко мне, я совершенно не сомневаюсь, что Вы разделите удовлетворение, узнав, что моя дочь поправилась от испугавшей нас серьезной болезни. Ведь эта болезнь причиняет серьезные последствия, и это, в частности, заставило меня просить Вас приехать сюда. Герцог, герцогиня и наследный принц просят меня передать Вам наилучшие пожелания. Прошу Вас между тем принять заверение в глубоком почтении к Вам, г-н граф, и всегда верьте Вашей очень любящей и преданной Мари.

Прошу Вас напомнить обо мне Вашей тетушке, г-же Нарышкиной»[30].

«Потаенная любовь канцлера Румянцева», о которой так

убежденно пишет Т.А. Соловьева, кажется нам недоказанной и неразгаданной. Сведения, которыми располагает исследовательница, с гораздо большим основанием позволяют говорить о потаенной любви Марии Федоровны, поскольку не сохранилось никаких, за исключением коротких полуофициальных записок, других документальных свидетельств, проливающих свет на чувства Румянцева. Личный архив после смерти императрицы во вдовстве по ее завещанию был уничтожен Николаем I. Возможно, там хранились, если они действительно сушествовали, подлинные подтверждения особых чувств, какие питал граф Румянцев к высокопоставленной особе. Теперь вряд ли стоит пытаться приоткрыть завесу тайны. Разноречивые суждения, основанные на слухах и домыслах, — не повод делать далеко идущие выводы. Они, видимо, были неравнодушны друг к другу. Возможно, даже близки. История их отношений и того, что происходило внутри треугольника — Павел, Мария, Николай, — хранит немало белых пятен. Некоторые исследователи высказывают предположение, что у Марии Федоровны и Николая Румянцева могли быть внебрачные дети. Между тем по-разному толковалось то обстоятельство, что Румянцеву не довелось до конца дней создать семью. Он остался бобылем. Ясно одно: две незаурядные личности, разделенные государственным протоколом, условностями, нравами и обычаями высшего света, наконец, расхождениями в политических взглядах, сумели пронести сквозь десятилетия чистосердечную, глубокую и возвышенную дружбу. Их духовная связь не прервется и далее. Мария Федоровна будет стараться всячески поддерживать Румянцева в период его трудного вхождения в руководство ключевыми отраслями экономики — Департаментом водных коммуникаций, Министерством коммерции. Ей первой министр иностранных дел Румянцев сообщал об успехах на внешнеполитическом поприще. Первые экземпляры научных изданий, которые выходили в свет под его покровительством, направлялись Марии Федоровне. Используя деньги благотворительного фонда, возглавляемого Марией Федоровной, Румянцеву удалось проложить водные пути Мариинской водной системы, названной так в честь императрицы.

Свою привязанность и преданность к памяти Николая Петровича Румянцева Мария Федоровна выразила своим паломничеством к его могиле в Гомель в годовщину его смерти.

* * *

Чуть менее четырнадцати лет отданы Румянцевым дипломатической службе. Путь, пройденный посланником, отмечен не только словесными поощрениями Екатерины II, разбросанными на страницах ее писем и инструкций, но и высокими государственными наградами. Он заканчивал свое пребывание за границей в чине тайного советника, был удостоен орденов Святого равноапостольного князя Владимира II степени, Святого Александра Невского I степени. Но главное было в том, что Румянцев за эти годы приобрел солидный опыт. Уровень мышления, на который ему удалось подняться, сравнялся с устремлениями главы государства.

Однако, как стало вскоре ясно, возвращение в Россию не сулило ему радужных перспектив. Найти себя, вписаться в среду, от которой его отделяли годы непрерывного пребывания вдали от Отечества, оказалось непросто. Письма, которые он получал, не могли вместить всего, что реально наполняло жизнь правящего Петербурга. Переписка, особенно с заграницей, подвергалась перлюстрации. Этим ведал специальный отдел почтового ведомства. Поэтому и Мария Федоровна писала Румянцеву лишь о своих житейских наблюдениях и впечатлениях, не затрагивая болезненных тем, что означало бы «выносить сор из избы». Многое прояснилось, когда Румянцев снова окунулся в петербургскую жизнь. Открывалась безрадостная картина. Слухи, сплетни, секреты и полутайны наполняли великосветские гостиные.

Жизнь императорского двора переменилась. В ней успешно обосновались другие, неизвестные и не очень расположенные к нему царедворцы. Антагонизм отношений матери-императрицы и сына-наследника сказывался на атмосфере правящего Петербурга. В некогда благожелательном к нему семействе великого князя Павла Петровича царил разлад, супруги отдалились друг от друга. Прежний круг близких по духу людей фактически перестал существовать. Цесаревич уединился в Гатчине. Вечера, устраиваемые Марией Федоровной в Павловском дворце, утратили свою привлекательность. Сколь ни пыталась она «помогать великому князю вопреки ему самому», неуравновешенность, внезапные перемены в отношениях с окружающими вызывали все большее беспокойство. В одном из писем своему другу Плещееву Мария Федоровна писала: «Знает Бог, знают также мои друзья, что я дрожу за него, потому что он не умеет создавать себе друзей, а между тем он погибнет когда-либо, если не будет иметь верных и усердных слуг… Но чтобы привлечь его к себе, ему начали льстить, удалять его от истинных друзей, и следствием этих низких уловок была та порча

характера, которую мы видим теперь…»{31}

Тем временем состояние, в котором находился Павел Петрович, усугублялось. Его описал Ростопчин: «Великий князь находится в Павловске, постоянно не в духе, с головой, наполненной призраками, и окруженный людьми, из которых наиболее честный заслуживает быть колесованным без суда»{32}. Одним из таких был И.П. Кутайсов, камердинер и брадобрей великого князя Павла Петровича. Он потворствовал интимным устремлениям своего патрона. Составляя Павлу компанию в амурных похождениях, выступал посредником, правильнее говоря, сводником. Этот человек, недавний турецкий пленный, превратился едва ли не в самую влиятельную фигуру империи. Ему удалось, манипулируя настроениями мнительного, психически неуравновешенного будущего императора, возвыситься над всеми остальными.

Слухи о тайном замысле Екатерины передать императорскую корону внуку Александру усугубили разлад в императорском семействе. Рецидивы непредсказуемого поведения, всполохи гнева так или иначе отталкивали от Павла Петровича тех, кто издавна был ему близок. Тем временем положение дел в империи ухудшалось. Ослабевал контроль над состоянием финансов, управлением. Особенно остро стал вопрос о погашении долгов по внешним займам и покрытии нарастающего дефицита государственных расходов. Расточительная политика Екатерины, рассчитанная на внешние заимствования, оказалась в тупике. Казна была пуста. Прежние союзники и партнеры, охваченные страхом революционных потрясений, какие переживала Франция, сократили свои кредитные возможности. Комитеты и комиссии, создаваемые из числа наиболее авторитетных в государстве лиц, были озабочены единственной целью — изыскать источники дополнительных поступлений в бюджет.

Николаю Румянцеву было предложено включиться в решение финансовых проблем, исходя, видимо, из его представлений о том, как другие государства преодолевали нехватку денежных ресурсов. Румянцев, помимо участия в кризисных комиссиях, был назначен руководителем Государственного заемного банка. Тем самым выкристаллизовывался опыт в неизвестных ему ранее сферах государственной жизни. Прежняя политико-дипломатическая служба дополнялась представлениями о подходах к решению хозяйственно-экономических проблем. Накапливаемые знания, как и весь его предшествующий жизненный путь, в конечном счете послужили предтечей к наиболее важному в его судьбе.

* * *

Между тем жизнь императорского двора была отягощена новыми династическими заботами. Правило о перемене вероисповедания, распространяемое на иностранных кандидатов, входящих в православную великокняжескую семью, с некоторых пор требовало соблюдения взаимности. Екатерина сочла необязательным менять вероисповедание своим отбывающим в другие страны невестам. Такое условие было выдвинуто перед шведским королем Густавом IV, когда он решил взять в жены великую княжну Александру Павловну. Жених и невеста могли составить прекрасную пару. Они на редкость удачно подходили друг другу. Однако российский двор настаивал не только на сохранении православного вероисповедания невесты, но и возведении при резиденции шведского королевского двора православной часовни, где бы великая княгиня могла молиться. Требование, унижающее религиозные традиции шведского королевского дома, повлекло за собой протестую реакцию. Сановный Петербург во главе с Екатериной II в течение пяти часов напрасно ожидал появления жениха на торжественной церемонии помолвки. Оказалось, что параграф о вере будущей супруги, как он был прописан в брачном договоре, жених категорически отверг. Не поддавшись уговорам, Густав IV покинул Россию. Уже в тот момент возникли сомнения, переживет ли императрица перенесенное испытание. Потрясение от провала свадебной затеи, полученное 67-летней Екатериной II, оказалось настолько сильным, что она так и не смогла оправиться и через три месяца после скандальных событий умерла. Сломлена была и судьба невесты, ставшей «несчастной жертвой чужих ошибок и политических комбинаций». Злой рок преследовал великую княгиню Александру Павловну. Ее неудавшаяся жизнь закончилась в 1801 году в восемнадцатилетнем возрасте. Поспешность, с которой Екатерина стремилась поженить первенцев — внуков Александра и Константина, впоследствии обернулась семейной драмой для обоих. Преждевременное начало взрослой жизни для юных неокрепших организмов сказалось на их способности воспроизводить потомство. Двое детей Александра ушли из жизни в младенческом возрасте. Побочная любимая дочь от Марии Четвертинской (Нарышкиной) умерла, не дожив до семнадцати лет. Брак великого князя Константина был недолговечен. Несчастья преследовали и других детей Павла I, в судьбу которых вмешивалась бабка Екатерина II, что в конечном счете обернулось роковыми последствиями и для нее самой.

* * *

Павел I пробыл на российском престоле четыре года, четыре месяца и шесть дней. Начало своего царствования император ознаменовал вызвавшей всеобщее потрясение зловещей акцией. Он распорядился извлечь из могилы прах отца Петра III. Траурная процессия сопровождала два гроба: Екатерины II и убитого 35 лет назад императора. Заговорщикам, во главе с братьями Орловыми, было поручено нести атрибуты царской власти. Оба гроба были открыты. Череп Петра III венчала императорская корона.

Порывистость, с которой Павел I попытался продвинуть свои управленческие начинания, его нетерпимость, жесты грубости и жестокости по отношению к подчиненным не придавали авторитета начинающему императору. Это свойство его натуры испытали на себе оскорбленные им видные деятели прежнего царствования — Державин, Суворов. Удар тростью по лицу, нанесенный Павлом полковнику князю Яшвилю во время одного из войсковых учений, вызвал в дворянстве особый резонанс. Применение телесных наказаний к высшему сословию высочайшим указом было отменено более тридцати лет назад.

Ошибочным остается предположение, будто Павел I, того не ведая, окружил себя мстительными и кровожадными людьми. Бесперспективность государственного правления с течением времени становилась все более очевидной, обнажая свою пагубность. Непредсказуемость в отношениях с подчиненными — не единственное, что вызывало тревогу. Сбивали с толку шараханье из крайности в крайность, внезапные взаимоисключающие распоряжения в хозяйственно-экономической сфере, смена ориентиров во внешней политике. Писатель Ю.А. Молин с позиций судебно-медицинского эксперта попытался проследить, как диагностировалось состояние психики Павла I медицинскими светилами разных лет на основе описанных наблюдений, полученных при жизни императора. Использовались разные термины, но диагноз общего порядка — «психическая патология» — ни у кого не вызывает сомнений{33}.

Правление, судьба, сами обстоятельства трагической кончины императора многократно описаны, исследованы. Были выявлены факты, имеющие все основания клеймить виновных в том, что царствование Павла I прервалось столь преждевременно и таким варварским способом. О том, как вызревал заговор, кто стоял за его кулисами, кто был его вдохновителями и исполнителями, опубликовано немало трудов. В некоторых изданиях предпринимается попытка обвинить в этом внешние силы. На самом деле имела место некая совокупность

обстоятельств и факторов. Вычленить из этого нечто главное, определяющее невозможно. Зло было в Павле I. Заговорщики ставили своей целью отстранить его от власти, принудить отказаться от престола. Убийство в их планы не входило, иначе при них были бы другие средства, а не всего лишь табакерка и шарф[5]. Задуманный сценарий не сработал. Завязалась драка, в ходе которой Павел I лишился жизни… Зловещая тень убийства пала не только на непосредственных участников, но и на наследника Александра, омрачив тем самым всё его царствование.

Между тем Мария Федоровна, и не только она одна, предвидела неизбежность такого исхода, подлинные причины которого крылись в самом Павле Петровиче.

«Павел с первых дней восшествия на престол открыто проявил ненависть и презрение к своей матери. Он спешил отменить или, точнее, разрушить всё, что было ею сделано, и лучшие установления заменялись актами самоуправными и сумасбродными. Назначения и смещения следовали одно за другим так стремительно, что едва успевали объявить в газетах о назначении кого-нибудь на то или другое место, как этот человек уже был уволен. Никто не знал, к кому обращаться. Едва ли нашлось бы несколько домов, где не оплакивали бы сосланного или заключенного в тюрьму члена семьи. Страх был всеобщим чувством, которое, породив подозрительность, разрушало доверие, опиравшееся на кровные узы. Оглушенные, перепуганные люди познали состояние апатии, оцепенения, гибельное для первой из добродетелей — любви к Отечеству.

Об этом злосчастном императоре можно сказать без всяких преувеличений, что он был тщеславным болтуном, со своим прусским капральством и тем сверхъестественным значением, какое придавал своему сану. Трусливый и подозрительный, он постоянно бредил воображаемыми заговорами против него, а его своевольные поступки диктовались настроением минуты. К несчастью, слишком часто они были жестокими и необузданными»[34], — писала видная деятельница предшествующей эпохи Екатерина Дашкова.

* * *

Долгое время после смерти Павла I в российском обществе сохранялась гнетущая атмосфера, наполненная домыслами, слухами, предсказаниями. Драматические детали добавлялись к тому, каков был облик царя на смертном одре, как проходила

церемония прощания с усопшим. В ходе похорон произошли инциденты, которым тут же постарались придать зловещий смысл. В следовавшей за гробом процессии были представлены символы верховной власти, награды. Их несли именитые дворяне на специальных пурпурных подушках. Граф Сергей Петрович Румянцев уронил скипетр — главный символ государственной власти. Потерю обнаружили только через двадцать шагов… Другой эпизод связан с присутствием в похоронной процессии двух символических фигур в рыцарских доспехах. По некогда заведенной традиции рыцарь в черных доспехах олицетворял умершего самодержца. Он передвигался пешком. Другой — верхом на лошади в золотых доспехах — символизировал нового монарха. Под тяжестью доспехов золотой всадник потерял сознание и упал с лошади{35}.[6]

Между тем то, как ушел из жизни молодой, не успевший поцарствовать Павел I, всколыхнуло в народе особое отношение к его судьбе. Это было проявлением еще стойкого чувства любви и поклонения царю-батюшке, народному покровителю, защитнику, наместнику Бога на земле. Им, простым людям, не ведавшим, что и как происходило за вратами царских дворцов и покоев, не пришлось испытать на себе ни его гнева, ни репрессий. В его преждевременной кончине винили его опричников. Им он оказался неугоден. «В народе возникла легенда, которая оставалась жива и спустя столетие. Она гласила, что генералы и вельможи задушили государя из-за его любви к справедливости и сочувствия народу. Его почитали как мученика и как святого. Считалось, что молитва на его могиле приносит успех. Позволяет преодолеть трудности в работе, излечивает от любовной тоски, помогает в несчастливом браке; жертвам, пострадавшим от несправедливости, помогает добиться восстановления истины. Перед гробом Павла всегда горело больше свечей, чем перед могилами других самодержцев, и чуть ли не каждый день частными лицами заказывались различные поминальные службы»{36}.

* * *

По причинам, искать которые долго не приходится, участие Марии Федоровны в судьбе супруга, великого князя, а потом императора Павла I, прояснено далеко не полностью. Павел I, доведенный подозрительностью до предела, отдалил от себя преданных ему людей, стал отказывать в доверии собственной супруге. Это не могло не сказаться на ближайшем окружении, на

друзьях и соратниках. Они, в их числе и Н.П. Румянцев, были, как известно, изгнаны из России и столицы без предъявления каких-либо обвинений. На них пало подозрение в подготовке заговора с целью лишить Павла I власти. Заговор, как потом стало ясно, осуществили совсем другие люди…

А ведь было время, когда, обращаясь к императрице, он писал: «Должен тебе отворить сердце мое. Тебе самой известно, сколь я тебя любил и привязан был. Твоя чистейшая душа пред Богом и человеки стоила не только сего, но и почтения от меня и от всех. Ты была мне первою отрадою и подавала лучшие советы. Сим признанием должен пред всем светом о твоем благоразумии. Привязанность к детям — залогом привязанности и любви ко мне была. Одним словом, не могу довольно тебе благодарности за все сие сказать, равномерно и за терпение твое, с которым сносила состояние свое, ради меня и по человечеству случающияся в жизни нашей скуки и прискорбия, о которых прошу у тебя прощения»[37].

В пору, когда свекровь металась, преследуемая тревогами за судьбу трона и грядущего царствования, Мария Федоровна поневоле готовила себя к неизбежно трудному развитию событий. Супруг, наследник престола, все более разочаровывал, а сын Александр был слишком молод, чтобы возложить на себя бремя управления Россией… Политическая неразбериха и чехарда, жертвой которой в первую очередь становилась правящая элита, делали власть мужа, вопреки его воле, все более и более шаткой. Некоторые из тех, кто принадлежал к протестному движению, видели именно в Марии Федоровне возможного лидера, способного сменить Павла I. Стремилась ли она к этому или нет, взгляды исследователей на сей счет далеко не едины. Ясно одно — Мария Федоровна волей-неволей вынуждена была находиться в гуще борений и противостояний времени. Этому немало способствовала Екатерина II, потребовав от нее согласия на передачу власти, минуя Павла, внуку Александру.

В ходе трагических событий той ночи, уже после того, когда императора Павла I не стало, она, как утверждают некоторые, пыталась взять ситуацию под контроль, но из этого ничего не вышло. Возможно, было и так, только стоило ли ожидать адекватного поведения от женщины — жены и матери, оказавшейся в столь трагической и непредсказуемой ситуации. Многие, кто пытался реконструировать события, происходившие на тот момент, оставляют без внимания одно обстоятельство: «7 января 1788 года Павлом и Марией Федоровной был составлен и подписан акт о престолонаследии, который отменял закон Петра Великого, дававший царствующему государю право выбрать себе

наследника по своему усмотрению, и устанавливался навсегда порядок наследования престола по мужской линии от отца к сыну»{38}. По-видимому, ее настойчивость в расследовании обстоятельств гибели мужа, в выявлении участников заговора кое-кто из них постарался объяснить жаждой мести якобы за то, что в критический момент не позволили ей взойти на престол. Однако под каким бы углом зрения ни смотрели современники и летописцы на события, связанные с гибелью Павла I, с тех пор роль императрицы во вдовстве в политической жизни России существенно возрастала. Она становится одной из влиятельных теневых фигур, оказавших исключительное воздействие на ход событий первой четверти XIX века.

* * *

История, как известно, не допускает сослагательного наклонения. Гадать, строить предположения, как сложилась бы судьба российской государственности, не будь трагической гибели Павла I, — непродуктивно. Другое дело, суждения о политических и нравственных последствиях, которые повлекла за собой эта насильственная смерть. В самой России дворцовый переворот деформировал государственные устои, обнажил уязвимость верховной власти там, где менее всего ожидали. Во главе империи оказался плохо подготовленный к государственной деятельности молодой человек с неустоявшимися взглядами и слабым характером. Репутация отцеубийцы болезненно сказывалась на душевном состоянии монарха, что, в свою очередь, воздействовало на окружающих и на принимаемые управленческие решения. Люди, способные и нужные России, из-за участия в заговоре вынуждены были покинуть высший эшелон государственного руководства. Европейский миропорядок претерпел заметные изменения. Сместились акценты в межгосударственных отношениях, в расстановке политических сил. Гибель императора от рук своего ближайшего окружения, вовлеченность в заговор наследника сказались на репутации российской государственности, которую в некоторых международных кругах и без того называли варварской.

Французская полиция перехватила в Вене письмо остававшейся в России эмигрантки, г-жи Нуасвиль, адресованное камергеру австрийского императора О. Дониеллу. Вот как она описала церемонию похорон Павла I: «Я видела, как этот князь Александр Павлович шел по собору, предшествуемый убийцами

своего деда, окруженный убийцами своего отца и сопровождаемый, по всей видимости, своими собственными убийцами»[39].

Глава третья.
«В СЛУЖБЕ — ЧЕСТЬ»[7]

В сентябре 1801 года на пути в Москву, где ожидалась торжественная церемония «коронования на царствование», Александр I, может быть впервые, теперь уже как полновластный хозяин, вынужден был взглянуть на российские реальности. 23-летний самодержец едва только входил в роль верховного правителя России, оттого ему так резко бросались в глаза неустроенность, беспорядок. Он в ту пору был преисполнен желанием искоренять зло, бороться с недостатками, обновлять, отстраивать.

«Граф Николай Петрович! Извещаясь по слухам и удостоверяясь по расспросам, на месте учиненным, что Московская дорога, незадолго до моего путешествия исправленная, не была для всех открыта, но одну ее часть берегли только для меня, а другую в самом дурном состоянии бывшую оставляли для проезжающих, которые принуждены были терпеть всю невыгоду беспокойства. Конечно, не под Вашим еще начальством таковое несообразное и воле моей совершенно противное учинено было; а потому и отношусь к Вам с тем единственно, чтобы Вы чиновникам дорожной экспедиции дали почувствовать, сколь неосмотрительно поступили они в сем случае и совсем пренебрегли то правило, что когда с одной стороны полезно и нужно содержать дороги в порядке и исправности, то с другой справедливо, чтобы оными все и каждый без различия состояний пользовались свободно. Я уверен, что при начальстве Вашем над сею частью ничего по оной не случится такого, чтобы служило к предосуждению, к стеснению путешественников в таких правах, которые должны быть общие и для всех без изъятия равных»{40}.

Полного представления о состоянии Петербургского тракта — главной дороги империи, в силу принятых загодя мер у Александра I сложиться не могло. Она и далее оставалась такой, как об этом пишет очевидец, маркиз де Кюстин, путешествующий по России в 30-е годы XIX века[8].

«Путешествовать на почтовых из Петербурга в Москву, это значит испытывать несколько дней сряду ощущения, пережитые при спуске с “русских гор” в Париже. Хорошо, конечно, привезти с собою английскую коляску с единственной целью прокатиться на настоящих рессорах по этой знаменитой дороге — лучшему шоссе в Европе, по словам русских и, кажется, иностранцев. Шоссе,

нужно сознаться, содержится в порядке, но оно очень твердо и неровно, так как щебень достаточно измельченный, плотно утрамбован и образует небольшие, но неподвижные возвышенности. Поэтому болты расшатываются, вылетают на каждом перегоне, на каждой станции коляска чинится, и теряешь время, выигранное в пути, где летишь в облаке пыли с головокружительной скоростью урагана. Английская коляска доставляет удовольствие только на первых порах, вскоре же начинаешь чувствовать потребность в русском экипаже, более приспособленном к особенностям дороги и нраву ямщиков. Чугунные перила мостов украшены императорским гербом и прекрасными гранитными столбами, но их едва успевает разглядеть оглушенный путешественник — все окружающее мелькает у него перед глазами, как бред больного»{41}.

Барон Модест Корф, видный сановник в годы правления Николая I, в своем дневнике за 1843 год сообщает об инспекционной поездке из Петербурга в Москву главноуправляющего путями сообщения П.А. Клейнмихеля. «Клейнмихель, прибыв в Москву, представил Московское шоссе в распорядительном приказе своем в самом горестном положении… Оно потеряло свой профиль; щебеночная насыпь значительно утопилась, а местами совсем уничтожилась, так что осталось одно земляное полотно и пучины. На уцелевших местах много колей и выбоин, барьерные камни вспучились, при въездах на мосты толчки сильные, канавы не имеют стока для воды, откосы безобразны, много верстовых столбов и надолбов сгнило…» Но положение Московского шоссе, продолжает Корф: «…все еще ничего в сравнении с тем, которое устроено за Москвою до Тулы. От Серпухова до Тулы оно открыто только в прошлом ноябре, а между тем совершенно уже неудобно к проезду. На переезде от Москвы до Подольска всего 32 версты, minimum времени полагается теперь — 10 часов! Большая дорога совсем ставлена, и все ездят в объезд, а между тем крестьяне, через дачи которых проложен этот объезд, пользуются обстоятельствами, прорывают овраги и ямы и, кроме остановки, вымогают большие деньги, чтобы потом переволочить через них проезжающих. Бородинская игуменья Тучкова была тут опрокинута с экипажем и переломила себе руку. Посмотрим, что сделает Клейнмихель против всех этих мерзостей…»{42}

Помимо отвратительного состояния дорог, у Александра имелось немало других поводов для огорчения. Первые полгода царствования не принесли ему ни радости, ни удовлетворения. Терпели крушение мечты и намерения, какие он вынашивал, будучи наследником. Обсуждение крестьянского вопроса,

подходов к преобразованию государственного управления утопало в нескончаемых словопрениях. Государственное хозяйство, финансы находились в бедственном положении. Тяготило официальное окружение, от которого он не решался избавиться. Вызванные им из-за границы молодые друзья, как и его воспитатель и наставник Ф.С. Лагарп, пытались вдохновить начинающего самодержца, однако колебания и сомнения его не покидали.

Александр вез в Москву проект «Грамоты российскому народу». Этим документом ему хотелось заявить о себе как о самодержце новой формации. Он мечтал стать представителем «истинной монархии», для которой законы, охраняющие права граждан, являются высшей ценностью, однако не стал оглашать документ. Убоялся непредсказуемых последствий. При коронации Александр выглядел унылым и подавленным, церемония прошла без должного подъема. Было ли такое состояние вызвано приливом угрызений совести, поскольку предстояло принять на себя корону убитого по его вине отца? Или это были сомнения и колебания, так и не позволившие объявить то, что ему казалось нужным и важным? Скорее всего, это были душевные терзания человека, которого устрашил последний шаг к обладанию властью в таком государстве, как Россия.

* * *

Что представляла собой Российская империя в начале XIX столетия? Самая большая по территории (17,4 миллиона квадратных километров) страна во многом уступала ведущим государствам Европы с Британией во главе. Часть проблем проистекала из-за ее обширности, феодального уклада жизни, многонационального состава населения, низкого плодородия земли, бездорожья и, наконец, сурового климата. По мнению Мауно Койвисто, «в стремлении России к расширению своих границ объединились три фактора: получить в свое владение плодородные земли, распространить православную веру и объединить славян под эгидой России»[{43}]. В этом, по его мнению, состояла «русская идея». 37-миллионное население размещалось в основном в сельских районах центра и севера европейской части. Две столицы: Санкт-Петербург и Москва, каждая с населением около 250 тысяч человек, концентрировали в себе административную и духовную власть. И если Петербург в течение ста лет перенимал передовой опыт государств соседней с ним Европы, то Первопрестольная выступала носительницей

консервативных, патриархально-церковных традиций. Характерно, что церемония «коронования на царствование», означавшая вступление на престол нового российского самодержца, как издревле повелось, происходила именно в Москве, в Успенском соборе Кремля.

Закрепощение крестьян в середине XVII века было предопределено условиями выживания неокрепшей российской государственности. На протяжении двух веков Руси на пределе сил приходилось противостоять на севере и западе угрозам со стороны Польши, Литвы, Швеции, на юге — татарам. Ситуация отягощалась дефицитом сил в аграрном хозяйстве и растущими военными потребностями. Возделывать малоплодородные земли и одновременно решать военные задачи Московии приходилось ценой тотальной эксплуатации сельского населения{44}.

* * *

В средневековом, крепостническом укладе жизни сохранялось много такого, что говорило о жестокой, азиатско-византийской природе российской государственности. Причины отсталости России коренились в архаичных способах и формах управления, в узаконенном рабстве — крепостном праве, в разделяющем общество сословном неравенстве. Крепостные крестьяне, составлявшие 9/10 населения, были собственностью 3—5 процентов русского поместного дворянства, насчитывающего 110 тысяч семей. Среди них выделялись древние влиятельные кланы: Воронцовы, Вяземские, Шереметевы, Шуваловы, Голицыны, Юсуповы, Гагарины… Невежество и нищета, дикие формы отправления наказаний в сочетании с произволом в экономической жизни, череда нескончаемых военных предприятий — все это усугубляло картину. Грамотность населения не превышала 5 процентов. На доступность образования влияли древние предрассудки и набожность «черни». Власть же одолевали страхи проникновения «крамолы», которую усматривали в книгах, как своих, так и заграничных. Многое из того, что требовало преобразования, реформ, откладывалось на неопределенное время. Нерешительность и непоследовательность — исторически наследуемые свойства стоявшей у кормила Российского государства элиты. На самом деле проблемы российского общества определялись бесправием наиболее многочисленной, бедной и отсталой части населения — крестьянства. Любое предложение властям о каком-либо изменении его положения пугало непредсказуемыми

последствиями. Это состояние в простой и ясной формуле «удачно» выразил Е.Ф. Канкрин — министр финансов в правящем кабинете Николая I. В тех случаях, когда затрагивались вопросы, требующие от власти радикальных решений, он не уставал напоминать: «…недостатки старого известны, а нового скрыты». Произносимые на разных уровнях опасения и возражения сводились к обоснованию особенности русского пути и в силу этого неприменимости к России «общего аршина». Стабильность власти опиралась на страх, на акции устрашения, на репрессии. В ходу были торговые казни. Любой помещик имел право отдать своего крепостного в смирительный дом, в каторжные работы либо отправить в Сибирь и получить зачет как за рекрута, отданного в солдаты. Битье осужденных кнутом принародно, на площадях, сопровождалось вырыванием ноздрей и клеймением[9]. Эта позорная практика наказания за преступления против собственности практиковалась до середины XIX века. Мощное выступление крестьянских масс под предводительством Емельяна Пугачева (1773—1775), подавленное ценой невероятных усилий и жертв, оставило в общественном сознании глубокий след. Эхо тех событий надолго закрепилось в памяти всех сословий. Причины столь грозного народного бунта — бесчеловечного, жестокого и кровавого, состояли в абсолютном бесправии, невежестве и нищете основной массы населения, которому нечем было дорожить. Их ничто особенно не связывало даже с местом проживания. Семейные узы и те по произволу помещиков могли быть разрушены. Продажа людей, в ходе которой разделялись крестьянские семьи, не была редкостью. Продавали и оптом, и поселениями, и деревнями, вместе с вотчинами, поместьями, вместе со скотом и прочим движимым и недвижимым имуществом. Свидетельства тех лет запечатлены в периодической печати — в первых газетах, которые появились в начале XIX столетия. К крепостным относились как к товару.

«В 3-й Адмиралтейской части, у Казанского мосту продается у содержательницы кофейного дому семья людей, т. е. молодых лет муж, который притом хороший сапожник, жена, умеющая готовить кушанье, шить и гладить, и двое детей за самую сходную цену…»{45}

«Продается кучер 20-ти лет, знающий как дорожную, так и городскую езду, поведения весьма хорошего и собою очень видной. Еще продаются критые с колясочным верхом сани, немецкое ружье и аглинская новая гитара. Все оное видеть и о цене узнать можно в Преображенском полку в Итальянской слободке во 2-м переулке Литейной части в доме под № 317…»{46}

«Продается мужик с женой и дочерью, годные на всякую черную работу, дочь же 13 лет. Может быть употреблена и в комнатах, коих видеть и о цене узнать можно во 2 Адмиралтейской части, подле каменного мосту, в доме г-жи д. с. Советника Волковой, который прежде назывался Худобашев, под №61, вошед в ворота со стороны Екатерининского канала, в нижнем этаже, на правой руке, в первые большие двери…»{47}

* * *

Безболезненный выход из феодального состояния не представлялся возможным, поскольку не меньшее беспокойство вызывало и положение дел в высшем, дворянско-помещичьем сословии. Степень образованности, состояние нравственности не вселяли надежд на возможность цивилизованного перехода российского общества на иной, более высокий уровень. Классики русской литературы Фонвизин, Грибоедов, Гоголь, Тургенев писали с натуры, создавая образы типичных представителей правящего сословия. Интерес к знаниям, к образованию в дворянской среде прививался вяло. «Приохотить дворян к учению и службе» давалось Петру I ценой крутых мер. Дворянских отпрысков-«нетчиков», не желавших служить, преследовали, подвергали наказаниям. С ними порой поступали, как с беглыми солдатами: секли кнутом, отправляли на каторгу. При этом самодержец придерживался того мнения, что «наши люди без принуждения не сделают». В ходе объявляемых смотров «недорослей от 10 до 30 лет» одним он предписывал поступать на учебу, другим в армию или флот, третьим в канцелярию… Неграмотным запрещалось жениться. Между тем нужных людей среди своих, кто был бы способен осуществлять масштабные планы, не имелось. Петр I взял за правило восполнять нехватку, приглашая нужных специалистов из-за границы. Иностранцы, направляясь в Россию «на ловлю счастья и чинов», порой оказывались востребованными настолько, что оседали здесь навсегда, обзаводились семьями, собственностью. Наиболее талантливые и удачливые из них достигали высокого положения в обществе. Русские самодержцы, пришедшие на смену Петру, унаследовали не только могучую империю, но и методы управления. Деспотизм, жестокость проявлялись не только по отношению к низшим сословиям. В тех же случаях, когда затрагивались достоинства царствующей особы, невзирая на прежние заслуги и высокий статус, применялись чудовищные по изощренности меры отмщения и наказания. Показательно в этом

отношении позорно-кровавое «Лопухинское дело» 1743 года. Трагическими жертвами дворцовой интриги стали две женщины, две статс-дамы Н.Ф. Лопухина и А.Г. Бестужева-Рюмина. Жестокость царствующей государыни Елизаветы была вызвана еще и тем, что она терпеть не могла Лопухину за «превосходящую красоту и изящество по природному своему великолепию». Елизавета заменила смертную казнь «сечением кнутом, урезанием языка и ссылкой». Приговор при стечении народа был приведен в исполнение на Васильевском острове Санкт-Петербурга… Описание этой кровавой экзекуции и теперь невозможно читать без содрогания.

«Принялись за работу заплечные мастера. Лопухина поддалась обаянию ужаса: твердая до произнесения приговора, она не в силах была владеть собою, отваживаясь в то же время на напрасное сопротивление палачам. Один из них, сорвав с ее плеч платье, обнажил ее спину; другой — схватил Лопухину за руки, вскинул ее себе на плечи, и кнут засвистал в воздухе, исполосовывая тело несчастной кровавыми бороздами. Отчаянно билась истязуемая; вопли ее оглашали площадь, залитую народом… Полумертвую, обеспамятевшую от боли Лопухину палач спустил с плеч на помост, и над нею исполнили вторую часть приговора, бывшую, может быть, еще мучительнее первой. Сдавив ей горло, палач принудил несчастную высунуть язык: захватив его конец пальцами, он урезал его почти наполовину. Тогда захлебнувшуюся кровью Лопухину свели с эшафота. Палач, показывая народу отрезок языка, крикнул, шутки ради: “Не нужен ли кому язык? Дешево продам!!!”

Очередь была за Анной Гавриловной Бестужевой. Супруга замечательного дипломата, невестка министра, управлявшего как внешней, так и внутренней политикой всей России, уклончивая в своих показаниях на допросах, терпеливая в застенке, нашла способ и на эшафоте смягчить, по мере возможности, грозившую ей участь. В то время как палач снимал с нее верхнее платье, Бестужева, как рассказывают иноземцы, успела передать ему свой крест, золотой, осыпанный мелкими бриллиантами. Заплечный мастер понял, чего от него хотят. Со свойственным ему умением — легко опускать кнут при самом сильном размахе — он, сравнительно с Лопухиной, гораздо легче наказал Бестужеву»{48}.

* * *

Впоследствии верховная власть во все большей мере вынуждена была идти по пути распределения благ, почестей,

наград, упраздняя по отношению к дворянам жестокие меры принуждения. Безрассудное поведение монархов по отношению к тем своим подданным, кто составлял опору российскому престолу, порождало особое негодование в дворянско-помещичьей среде, что, в свою очередь, таило угрозу стабильности монархического режима. Манифестом о вольности дворянства (1762), а затем Жалованной грамотой (1785) высшее дворянско-помещичье сословие было наделено рядом исключительных прав и привилегий. Это отнюдь не стало стимулом к исполнению гражданского долга, к ревностному служению Отечеству. Привилегии всё в большей мере вступали в противоречие с интересами государства. Именно в силу этих обстоятельств Павел I со свойственным ему радикализмом отменил действие Жалованной грамоты, обязал дворян нести государственную службу, вернул право на телесные наказания для всех без исключения… При восшествии на престол Александр I восстановил статус-кво, однако вскоре убедился — на прежних основаниях российская государственность далее развиваться не может.

В высшем сословии менялась система ценностей, постепенно прививалось домашнее образование. Учили, однако, как придется. Когда дело касалось экстренных, особенно военных нужд, собственное неучастие в воинской службе возмещалось рекрутами из крепостных, поставками для армии продовольствия, амуниции. Армия пополнялась не из числа самых крепких и работоспособных крестьян. Даже зажиточные крестьяне имели возможность покупать рекрутов вместо своих детей. Продажа в рекруты была распространенным способом избавления от строптивого, «неугодного и развратного слуги». Таким образом, в армию попадали далеко не самые пригодные к воинской службе люди. Их обучение требовало немало времени и усилий. Не менее трудно формировался офицерский корпус, поскольку одной из привилегий дворян была свобода от обязательного прохождения службы, как гражданской, так и военной. По обычаям того времени дворянских отпрысков с юных лет в армию записывали «числиться, а не служить». Лишь для беднеющих дворян оставался единственно возможный путь подняться наверх: военная или статская (гражданская) служба. Получение чинов, орденов, званий, высоких жалований и окладов от одних требовало воинской смекалки, подвигов, от других — ежедневных, упорных бдений в канцеляриях и учреждениях.

* * *

Преодоление многоступенчатой Табели о рангах (1722) давалось нелегко и непросто. Наделенные природными способностями россияне, воспитанные в домашних условиях и обученные «чему-нибудь и как-нибудь», не всегда могли проявить себя там, где это требовалось. Они не обладали необходимым запасом знаний и опытом, которые не приходят в одночасье. Государственное образование и просвещение не поспевали за растущими нуждами экономики и управления. Россия, непрерывно ведущая войны, страна, где кипели страсти, проистекали бурные процессы и при этом велись масштабные хозяйственные преобразования, — оставалась привлекательным местом для европейцев: обедневших дворян, амбициозных военных, не востребованных инженеров и специалистов, мастеровых людей и просто для искателей счастья. Многих из них в России ожидали успех и удача, поскольку нужда в умелых, грамотных людях не ослабевала. Они находили себе применение, постепенно выстраивался их карьерный путь, кое-кто достигал высоких чинов и достойного положения в обществе. Известно, например, намерение лейтенанта Наполеона Бонапарта поступить на службу в русскую армию. Тогда не смогли только своевременно согласовать условия контракта.

И до, и после крушения Византии приток эмигрантов в Россию не ослабевал. Этому немало способствовали Петр I и Екатерина II. Разделы Польши в 1772-м, 1793-м, 1795 годах привели к тому, что в пределы России влились 1,5 миллиона польских евреев — вынужденных переселенцев. Князь Потемкин, реальный правитель России, не зная, чем их занять и как обустроить им жизнь, одно время планировал создать вооруженные полки и направить в Палестину с целью освобождения их «исторической родины» от сарацинов. Тем временем Екатерина предоставила этническим немцам, кому было тесно на германских просторах, возможность расселяться на наиболее плодородных российских землях. Революционные события во Франции вызвали новый небывалый приток эмиграции. Екатерина поначалу решила принимать всех, кто искал укрытия, затем, опасаясь проникновения «революционной заразы», распорядилась давать убежище только тем, кто под присягой подтверждал верность французской монархии. На самом деле в Россию прибывали не только подвергавшиеся гонениям французские аристократы. К ним присоединились и представители других, поверженных Наполеоном стран Европы. Готовить своих специалистов казалось делом трудоемким и хлопотным, а получать образование за границей могли позволить себе лишь единицы. Эти и многие другие обстоятельства

сказывались на состоянии управленческого аппарата. Система работы, предполагавшая интенсивный документооборот, многочисленные согласования, определила не только рост численности чиновничьего аппарата. Разнообразие функциональных обязанностей, потребность в многочисленной армии писарей, протоколистов, копиистов формировали не лучшие бюрократические традиции. Управленческую среду разъедали карьеризм, угодничество, взяточничество. Канцелярская служба постепенно становилась потомственным занятием для низших служителей и чиновников.

* * *

Особую печать на состояние экономики страны накладывали протяженность пространств, бездорожье, усугубляемое особенностями сурового климата. Зима, длящаяся в ряде регионов более полугода, существенно охлаждала деловую активность. Издержки производственно-хозяйственного комплекса, вынужденного приспосабливаться к климатическим циклам, обрекали государство на неизбежные, обременяющие экономику затраты. Скованный льдом Финский залив надолго приостанавливал внешнеторговые связи с Европой. В то же время юг России не работал на экономику государства. Добиться доступа к незамерзающим морям, международным торговым путям Средиземноморья стоило огромных жертв предшествующих поколений. Однако отсутствие приемлемых транспортных коридоров, портовой инфраструктуры, флота, обладающего необходимыми мореходными качествами, наконец, низкая квалификация местного населения — причины, по которым десятилетие за десятилетием откладывалось освоение края в масштабах, отвечающих интересам национальной экономики.

Государственный бюджет России всегда формировался с большим напряжением. Главной статьей экспорта испокон веков оставались лес, пушнина, зерно, чугун, пенька, кожи. Растущие военные расходы не обеспечивались внутренними поступлениями. Бюджетный дефицит со времен Петра I покрывался займами у генуэзских и голландских банкиров. Гневу вступившего на трон Павла I не было предела, когда он обнаружил государственную казну практически пустой и, кроме того, огромный государственный долг, оставленный его матерью Екатериной II… За недолгое время своего правления императору Павлу не удалось привести финансы государства в порядок, более того, ситуация ухудшилась. Абсолютизм, доведенный Павлом I до

абсурда, отсутствие внятной экономической политики, немотивированные запреты на ввоз и вывоз товаров ослабили и без того скромные коммерческие устремления предприимчивых людей, привели к еще большей дезорганизации хозяйственной жизни. Налоговый гнет, поборы препятствовали продвижению сложных, затратных проектов. Немало стоили казне яркие, но лишенные практического смысла победы Суворова в ходе изнурительных походов русской армии по Европе. Далее Павел I вознамерился предпринять военную экспедицию в Индию, не сулящую ничего, кроме немалых затрат. 35-тысячный корпус генерала Платова, проделавший немалую часть пути, был остановлен в оренбургских степях известием о кончине самодержца.

* * *

Промышленный переворот в Англии и французская революция 1789 года предопределили все последующие исторические сдвиги в мировом сообществе. Воздействие этих тенденций в разных странах проявлялось по-разному. Россия, хотя и с опозданием, не без инерции и раскачки постепенно втягивалась в общемировой процесс. Приобретаемые за границей станки и приспособления существенно повышали производительность ручного труда. Однако внедрение индустриальных методов первым делом сосредоточивалось на военном производстве. Это обстоятельство изначально определило преимущественное развитие горнозаводской и металлургической промышленности, которая к началу XIX века давала свыше трети мирового производства чугуна, железа, меди. Развитие текстильных мануфактур также диктовалось нуждами многочисленной армии и только затем потребностями внутреннего и внешнего рынка. В целом же экономика феодальной России носила аграрный характер. Натуральное хозяйство, преобладавшее в помещичьих владениях, перестраивалось крайне медленно. Застой из-за отсутствия средств доставки и бездорожья особенно чувствовался на окраинах. Система исключительных дворянских прав и привилегий становилась тормозом не только в том, что касалось развития государственных институтов, гражданских свобод, но и экономического развития. Политических партий в современном понимании не существовало, хотя такое слово, как «партия», в высших сферах было весьма распространено. Монархическое общество было не прочь порассуждать о разных моделях

мироустройства, однако далее светских салонов их влияние на политическую систему, на сложившийся порядок вещей не распространялось. Большее значение придавалось обсуждению внешних сношений России с сопредельными государствами, поскольку именно по этому пути пролегали клановые интересы и коммерческие связи российской элиты. Верховенство дворянско-феодального сообщества во все большей мере не соответствовало реальностям хозяйственной жизни и растущим потребностям государства. На авансцену выдвигалось сословие, формируемое из купечества и мещанства. Однако в своих гражданских и имущественных правах оно занимало промежуточное положение между дворянством и крестьянством. Преимущества высшего сословия создавали почву для дискриминации, дозволяли произвольное толкование прав низших сословий. Тем не менее постепенное вытеснение натурального хозяйства товарно-денежными отношениями, капитализация средств у предприимчивых людей формировали и укрепляли коммерческое сословие. Оно все настойчивее заявляло о своих если не политических, то гражданских правах, так как растущий объем товарно-денежных операций требовал правовой защиты со стороны государства.

* * *

К началу XIX века российская государственность, опирающаяся на монархическую систему власти, обладала достаточным запасом прочности. Более того, революционные события 1789 года во Франции, сопровождавшиеся ужасами и катаклизмами, в известной мере консолидировали российскую элиту. Патриотически настроенная часть дворянства, извлекая уроки из европейских событий, стремилась делать все возможное для укрепления существующего режима. Настрой против «революционной заразы» подкреплялся надеждами на появление фигуры «просвещенного правителя», который сумел бы обновить монархическую систему, вдохнуть в нее свежие силы. Таким самодержцем представлялся великий князь Александр Павлович, по тем временам наиболее образованный кандидат в монархи Европы. Будущее России беспокоило мыслящую часть общества, да и сам наследник время от времени выказывал радикальные политические взгляды. Задолго до той поры, когда Александр обрел полноту власти, он в тайно переданном в Швейцарию в 1797 году письме Лагарпу сетовал на деяния своего отца: «Мое несчастное Отечество находится в положении, не поддающемся

описанию. Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце…»{49}

Вступая в 1801 году на престол, Александр 1 торжественно заявил о святой приверженности политическим принципам своей венценосной бабки Екатерины II. Считая себя представителем «просвещенного абсолютизма», он желал направить царствование «на коренную пользу Отечества», надеялся «примирить частные интересы и унять рознь, заставить людей сотрудничать в достижении одной и единой цели — всеобщей пользы»{50}.

Молодой самодержец вызывал всеобщие симпатии. Его заявления о том, каким он видит грядущее царствование, а с ним и будущее России, вдохновляли. Разные слои населения проявляли инициативу и готовность к действию. Казалось возможным заселить страну «вольными хлебопашцами», преодолеть произвол чиновников, реконструировать административную власть, просветить россиян и сделать их образованной нацией, по-европейски благоустроить страну, для других государств и народов открыть Россию заново…

* * *

Восторженную реакцию вызывали объявляемые один за другим императорские указы, касающиеся отмены прежних ущемлений гражданских прав, норм общественного поведения. Церемонии оглашения указов в Сенате проводились в присутствии Александра. Атмосфера «верноподданнических манифестаций» свидетельствовала о единодушной поддержке избранного курса. Уже первыми манифестами восстанавливались положения Жалованной грамоты дворянству, их права на сословное самоуправление, возобновлялось действие Городового положения. Отменялся запрет на экспортно-импортные операции, восстанавливались прежние права купечества. Законопослушные граждане получили права на свободный выезд за пределы страны. Объявлялась амнистия беглецам, укрывавшимся за границей. Особое значение имело «уничтожение тайной экспедиции и о ведении дел в оной» — зловещий департамент политического сыска прекратил свое существование. Дела о «посягательствах на персону самодержца и государственные устои» сдавались в архив. Объявлялась амнистия всем, кто находился под судом и следствием, кроме «смертоубийц, разбойников и лихоимцев».

Отменялись телесные наказания. Приговоры за особо тяжкие преступления дозволялось заменять высылкой на поселение. Восстанавливалась справедливость по отношению к генералам, офицерам, гражданским чиновникам, несправедливо отстраненным от службы. Не забыли и о крестьянстве. Обещания государя касались налогов и повинностей, где «никакого прибавления и нового какого допущено не должно». Указом, по которому право покупать незаселенные земли получали лица недворянского сословия, ограничивалась монополия главных землевладельцев России. Новое царствование заявило о себе решительной отменой внешних атрибутов прежнего правления. Ликвидировались виселицы, установленные в городах, в присутственных местах. Отменялась регламентация в гражданской одежде, военной амуниции и экипировке. Воинским формированиям возвращались прежние исторические названия.

* * *

Особую приподнятость общественному настроению придавало приспевшее столетие Петербурга. Подготовка юбилейных мероприятий велась на протяжении всего 1802 года. Главные официальные торжества состоялись 16 (29) мая 1803 года на Сенатской площади и прилегающей акватории Невы. Преклоняя знамена, перед памятником Петру I парадным маршем проследовала ведомая государем 20-тысячная войсковая колонна. На палубе 110-пушечного корабля «Гавриил» был выставлен ботик Петра I. Караул несли четыре столетних старца… Живой «реликвией» стал 107-летний старик-капитан, некогда носивший следом за Петром мерные жерди для разметки местности под Петергофом… Торжественный молебен в Петропавловском соборе завершился церемонией возложения на надгробие Петра золотой юбилейной медали «От благодарного потомства».

Между тем в правящих верхах шел куда более глубокий процесс. Жить так, как прежде, не позволяли не только уроки деспотичного самовластия Павла I, но и то обстоятельство, что на смену пришел молодой неопытный монарх, который легко мог подпасть под непредсказуемое влияние. Решение о создании в кратчайшие сроки Государственного совета при императоре «для рассуждения и уважения дел государственных» ставило своей целью прежде всего умерить общественные настроения. Персональный состав из именитых сановников давал понять обществу, что совет надежно защищает государственные устои от колебаний и коренной ломки и избавляет монархическую власть

от ошибок и неблагоразумных решений. Многих тогда питала надежда, воспользовавшись неопытностью и растерянностью молодого самодержца, внести коррективы в монархическую модель управления, перераспределить властные полномочия внутри государственных структур. Взгляды на то, в чем нуждалась Россия, что можно и нужно изменить указаниями сверху, у участников в заговоре против Павла I и у тех, кто оставался в стороне, по существу совпадали. Слово «конституция» в 1801—1803 годах не сходило с уст очень разных представителей высшей русской аристократии, таких как А.Р. и С.Р. Воронцовы, Н.И. Панин, П.А. Зубов, П.В. Завадовский, Г.Р. Державин, не говоря уже о молодых друзьях императора: П.А. Строганове, Н.Н. Новосильцеве, А.Е. Чарторыйском, В.П. Кочубее. Примерно на тех же позициях стояли С.П. и Н.П. Румянцевы, А.Б. Куракин, Н.С. Мордвинов. Ограничить самовластие, восстановить Сенат в правах, ввести конституционные нормы по типу тех, что утвердились в некоторых европейских государствах, а главное, упразднить крепостничество — вот проблемы, обсуждаемые с Александром I в официальной обстановке и за ее пределами, а также в направляемых ему записках, мемуарах, проектах. Каждый на свой лад излагал мысли об «установлении определенных рамок», об «умеренных» ограничениях царского деспотизма. В одних умах витали идеи, почерпнутые из французской Декларации прав человека и гражданина, в других — желание изучить все имевшиеся конституции и «составить из них нашу». Всем хотелось укрепить намерения императора, направить его мысли в конструктивное русло. Однако обстановка в обществе, нравственная атмосфера вокруг Александра не располагали к выработке столь важных решений. Запугиваемый с разных сторон опасностью «взволновать дух народа», вынуждаемый выслушивать разноречивые мнения царь не мог сполна оценить достоинства многочисленных предложений. О сложно запутанной обстановке в первые дни, месяцы и годы царствования, о способах реформирования монархических устоев страны, предлагаемых представителями разных групп, рассказывает, воссоздавая те события, историк М.М. Сафонов. «В результате острой внутриполитической борьбы, — резюмирует автор, — широко задуманная программа социально-политических реформ свелась лишь к преобразованиям государственного устройства, которые способствовали дальнейшему укреплению самодержавия»[{51}].

* * *

Многое объяснялось неопределенностью в правящем эшелоне. Корпорация, которая свергла Павла I, к тому времени не утратила прежнего влияния. В любой момент следовало ожидать чего угодно, не исключая угрозу жизни и ему, и членам императорской семьи. Самодержец находился в более чем сложном положении. Его отец, император Павел, как было объявлено, умер «своей смертью», от «апоплексического удара». Преследовать, отдалять от государственного управления участников заговора при «объективных обстоятельствах» ухода из жизни императора не было причин. Среди непременных членов Государственного совета — активные организаторы и исполнители заговора — братья П.А. и В.А. Зубовы, санкт-петербургский военный губернатор П. Пален… Каждый из них был вправе считать себя причастным к основанию нового царствования, а все вместе «они доставили Александру Престол». По сути это было правдой. Но другая сторона этой правды была столь же неопровержима — эти люди оставались убийцами. Держать при себе государственных преступников, едва ли не каждый день общаться с ними — для чувствительной натуры Александра было отнюдь не легко.

* * *

В июне 1801 года в Павловске распространился слух о необычной иконе в часовне воспитательного дома. На полях образа появились надписи с именами заговорщиков и призывами к возмездию убийцам Павла I. К иконе стали стекаться толпы людей. Губернатор Пален — один из главных организаторов заговора — велел икону убрать. Это распоряжение нарушало неприкосновенный статус Павловска, резиденции императрицы во вдовстве Марии Федоровны. Между матерью и сыном произошло объяснение, весьма трудное для начинающего самодержца. Мария Федоровна выложила всё, что было неизвестно Александру I, и то, о чем ему хотелось навсегда забыть. В конце она заявила: покуда Пален в Петербурге, она туда не вернется. К вечеру следующего дня всесильный Пален был отстранен от всех государственных должностей и навсегда удален из Санкт-Петербурга.

Эта отставка отнюдь не означала преодоления последствий заговора, жертвой которого стал император Павел I. Двусмысленная ситуация, в которой продолжал пребывать император, могла затянуться на годы, если бы не настойчивость его учителя и наставника Лагарпа, которому вторила мать,

вдовствующая императрица Мария Федоровна. В отличие от своего сына она имела гораздо больше политического опыта, глубже и точнее знала российскую элиту. Она продолжала требовать от Александра удаления от престола участников заговора. Разорвать порочный круг, избавиться от наиболее зловещих фигур помог случай. Перлюстрация одного из писем графу С.Р. Воронцову, назначенному к тому времени послом в Лондон, побудила Александра предпринять решительные шаги. Документ, попавший ему в руки, свидетельствовал если не о враждебном, то весьма неблагожелательном отношении к самодержцу вице-канцлера Н.П. Панина — одного из организаторов заговора. Панин писал графу С.Р. Воронцову: «… император молодой человек, легкомысленный, любящий танцы и более заботящийся нравиться женщинам, чем вникать в государственные дела»{52}. Написанное подействовало особенно болезненно, поскольку по существу было правдой. Один из приближенных молодого царя, генерал-прокурор А.А. Беклешов, подсказал Александру правильное решение: «Когда у меня под носом жужжат мухи, я их прогоняю»{53}. С этого момента многие заговорщики были отправлены в отставку и пожизненно покинули столицу.

* * *

До той поры жизнь в правящем эшелоне Российского государства протекала как бы в параллельных мирах. Тогда говорили, что Александр I советовался с одними, но правил с другими. Небольшой круг единомышленников направлял ход его мыслей к принятию первых управленческих решений, некоторые из них передавались на рассмотрение в правительственные структуры. Князь Адам Чарторыйский 28 лет, 31-летний князь В.П. Кочубей, 27-летний граф Н.Н. Новосильцев, 25-летний граф П.А. Строганов два раза в неделю совещались в личных апартаментах Александра I. Участник этих заседаний граф П.А. Строганов сохранил записи, похожие на дневник, благодаря чему сведения о «негласном комитете» («комитете общественного спасения», «тайном совете»), просуществовавшем два года, дошли до наших дней. Тогда у них имелась уникальная возможность, не лакируя действительность и не льстя своему царственному другу, осмыслить возможные подходы к переустройству огромной страны. Время это ни для Александра, ни для самих «младореформаторов» не проходило даром. Постепенно их радикальные взгляды и идеи отходили на второй план. Одно дело

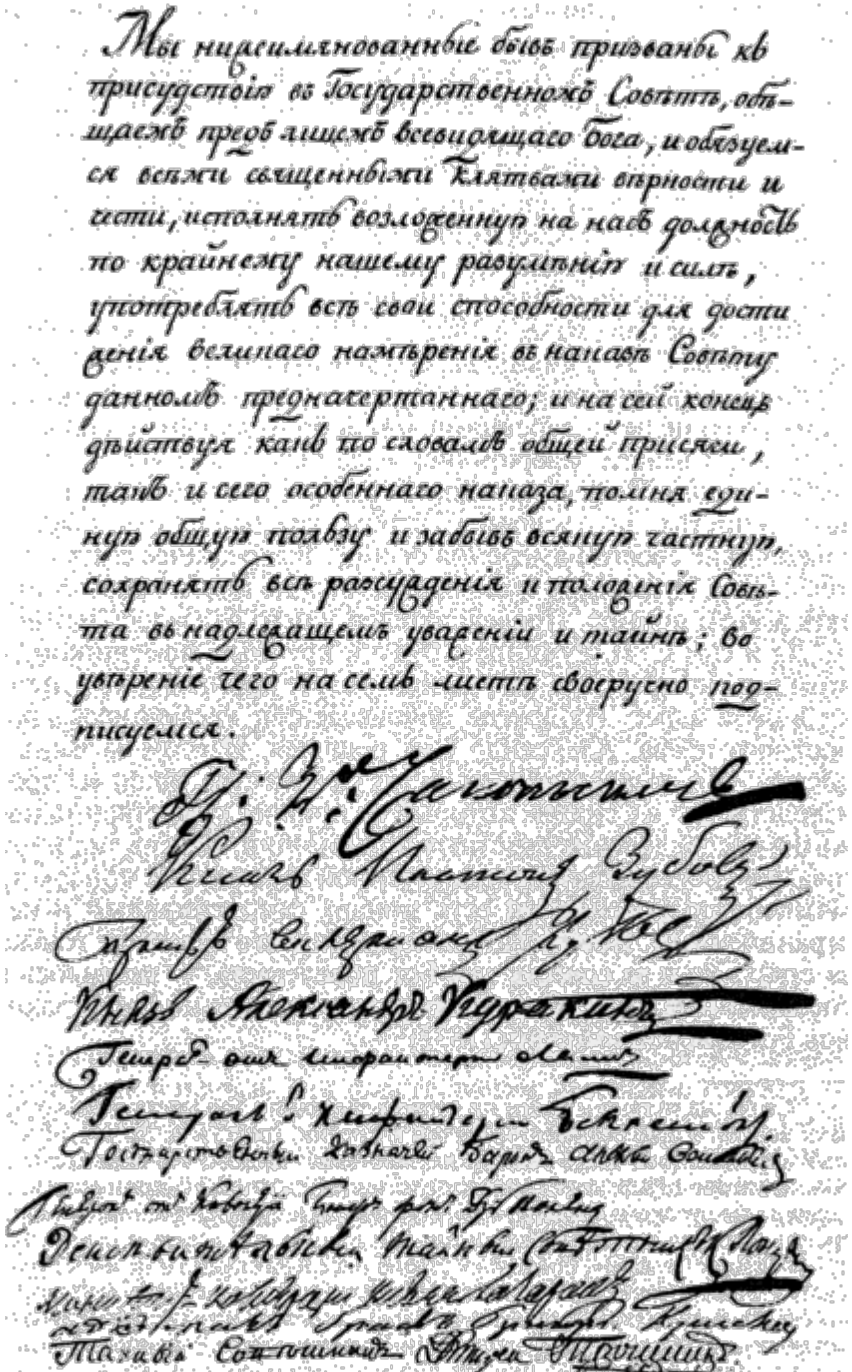
отвлеченные размышления, другое — практические шаги к управлению таким государством, как Россия. На это обращал внимание и наставник Александра — Лагарп, призывая самодержца забыть о прежних либеральных увлечениях. Когда дело касалось власти, сохранить которую «следует в целости и сохранности», необходимо, советовал он, действовать единолично, как и положено монарху. Постепенно становилось ясно: государство оказалось в руках самодержца, который вознамерился не только царствовать, но и править.

* * *

Подступить к решению самых наболевших проблем попытались уже в первые дни царствования: заседание Государственного совета началось с рассмотрения вопроса о крепостном праве. Решительно настроенный Александр, наблюдая за дискуссией, неожиданно для себя столкнулся со сплоченной оппозицией. На словах поддерживая стремление императора упразднить очевидное зло, окружение выдвигало противоречивые сомнения и опасения, отмахнуться от которых Александр не решался. Традиционный консерватизм, беспокойство за неприкосновенность дворянских прав и привилегий перевешивали рассмотрение любых новаторских аргументов. Поначалу решили не продавать крепостных крестьян без земли. Но одна из противоречащих сторон внесла такие ограничения, что делало это неосуществимым. Сошлись лишь во мнении, что публичные формы работорговли не красят Россию. Предложение генерал-прокурора А.А. Беклешова «…о не продаже людей без земли привести ныне же в действие» не поддержали. При обсуждении постановили только запретить помещать в газетах объявления о продаже крепостных без земли — лишь это не соответствовало духу времени и намерениям нового царствования… Президенту Академии наук барону А.Л. Николаи был дан указ: «…дабы объявление о продаже людей без земли ни от кого для печатания в ведомостях принимаемо не было»[10].

Лишь через два года, в 1803 году, было рассмотрено обращение графа С.П. Румянцева, брата будущего канцлера, к императору: дать возможность помещикам отпускать своих крестьян на волю целыми деревнями «по добровольным условиям». Колебания власти завершились изданием Указа «О вольных хлебопашцах». Помещикам дозволялось воспользоваться такой возможностью, но с условием, чтобы «каждый испрашивал на совершение своего намерения особое, Высочайшее

соизволение». С.П. Румянцеву было предоставлено право первому подать в этом пример. Последователей у него оказалось немного. Да и сам С.П. Румянцев, будучи крупным помещиком, в этом деле не преуспел, чем вызвал в свете иронические реплики в свой адрес. На другие нововведения, касающиеся крепостного права, Александр I не решился. Итогом затяжных дискуссий о правах и обязанностях Сената стал Закон «О производстве дел в Сенате», который не привнес существенно нового в распределение властных полномочий. Россия так и оставалась государством неограниченной абсолютной монархии. «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает», — значилось в составленном М.М. Сперанским первом издании Свода законов Российской империи (1832)[{54}].



Мы нижеименованные быв призваны къ присудствію въ Государственномъ Совѣтѣ, обѣщаемъ предъ лицемъ всевидящаго бога, и обязуемся всѣми священными клятвами вѣрности и чести, исполнять возложенную на насъ должность по крайнему нашему разумѣнію и силѣ, употреблять всѣ свои способности для достиженія великаго намѣренія въ пользу Совѣту даннаго предначертаннаго; и на сей конецъ дѣйствуя какъ по словамъ общей присяги, такъ и сего особеннаго наказа, имѣя единую общую пользу и забывъ всякую частную, сохранять всѣ разсужденія и положенія Совѣта въ надлежащемъ уваженіи и тайнѣ; во утвержденіе чего на семъ листѣ своеручно подписуемся.

Форма присяги членов Государственного совета

* * *

Не менее сложно и противоречиво проходило обсуждение внешнеполитического курса нового царствования. Приоритеты и цели, возможные угрозы, потенциальные союзники и противники рассматривались с точки зрения прежних межгосударственных отношений и обязательств России. Единства взглядов не было, высказывались прямо противоположные суждения, преобладали субъективные предпочтения. От выбора пути зависел уровень влиятельности политически ангажированной элиты. Всё усложнялось из-за отсутствия достоверной информации о подлинных намерениях основных игроков европейской политики, к тому же и обстановка в Европе быстро менялась. Это было время общего переустройства и стремительных событий, радикально воздействовавших на соотношение сил конфликтующих сторон. Древние монархи Европы, демонстрируя неспособность и бессилие в том, чтобы одолеть «выскочку» Наполеона, особенно нуждались в союзничестве с Россией. С гибелью Павла I появилась надежда вернуть Александра в лоно прежних союзов и коалиций. Тогда, в ходе продолжительных дискуссий, возобладала точка зрения, которую отстаивали министр коммерции Н.П. Румянцев при поддержке вице-канцлера А.Б. Куракина и морского министра Н.С. Мордвинова. Они делали все возможное, чтобы предостеречь Александра от поспешных шагов в сторону предложений, последствия которых невозможно было предвидеть. Позитивный нейтралитет в условиях неспокойного времени позволял использовать внешнеполитические обстоятельства в благоприятном для себя направлении. Не только Румянцев, но и другие отверженные Александром I младоекатерининцы указывали на то, что русская дипломатия отошла от екатерининских традиций, в первую очередь, соблюдения непосредственных интересов России. Как саркастически отмечал Ростопчин, Россия в отличие от других держав «участвовала в коалициях против Наполеона единственно для того, чтобы уверить себя в вероломстве англичан и австрийцев, а Европу в бессмертии Суворова»{55}. Широкую известность в ту пору в Европе получили слова канцлера А.Р. Воронцова: «Россия может идти в согласии с Францией, но не в хвосте у нее».

Главная цель, по мнению Румянцева, состояла в том, чтобы, выиграв время, заняться внутренним обустройством России, укрепить ее экономический базис. Для этого необходим продолжительный период спокойствия и стабильности. Дипломатические и военные предприятия, какими бы удачными они ни были, не дадут государству желаемых преимуществ. «Политика свободы рук», убежденно доказывал Румянцев,

позволит России, не беря на себя никаких военно-политических обязательств по отношению к любой из европейских стран, извлечь для себя наибольшую пользу. С ними необходимо развивать лишь партнерские, взаимовыгодные торговые связи. Господствующее положение в торговле с Россией и на Балтике занимала Англия. Чтобы преодолеть зависимость от нее, Румянцев предложил заняться освоением альтернативных торговых путей через Черное и Азовское моря, создавая свой торговый флот. По сути дела, министр предвидел, каким будет дальнейшее развитие военно-политической обстановки в Европе{56}.

* * *

Опыт, почерпнутый в первые месяцы правления, наблюдения и размышления в ходе заседаний Государственного совета и «негласного комитета» убеждали Александра, насколько непросто сплотить вокруг себя достойных людей, реально подготовленных к управленческой работе. Его окружение разделяли политиканство и клановость. Государственные должности занимали люди, не сходившиеся во взглядах, да и личное расположение самодержца к каждому из них было далеко не равноценным. Принцип безоговорочной личной преданности оставался основным, однако еще требовались образованность, деловые качества, опыт государственной деятельности. Чтобы заявить о себе, был один путь — предложить императору программу действий, которая действительно укрепила бы его положение.

Указами 1802 года о создании министерств Александр I завершил в России эпоху управления коллегий. Государственный организм давно нуждался в ином устройстве властных структур. То, что удавалось Петру I и в какой-то мере Анне Иоанновне и Екатерине II, их наследникам становилось не по силам. Учрежденные Петром I коллегии с течением времени стали утрачивать прежние преимущества по отношению к предшествующей, приказной системе управления. «Коллежский обряд», предписывавший процедуру подготовки и принятия решений, все более отдалял исполнительную власть от осуществления оперативного управления. Волокита приобретала угрожающие масштабы. Коллегии превратились в органы, где словопрения, бюрократические проволочки, амбициозное противоборство чиновников тормозили продвижение нововведений. Зная, какое наследие досталось начинающему

самодержцу, близкий друг Александра князь А. Чарторыйский впоследствии вспоминал: «…всей русской администрации недоставало порядка и связи; всё в ней было хаос, всё в смешении, ничего правильного и ясно определенного»{57}. Управление государством к тому времени все более и более становилось подвластным не столько воле государей, сколько влиянию объективных экономических факторов и обстоятельств.

* * *

Образование министерств не означало простой смены вывесок. Обновленная модель управления позволяла усилить властные функции монарха, упорядочить процесс подготовки и принятия решений, опираясь на более способных исполнителей. На ключевые посты постепенно расставлялись нужные люди. В первое десятилетие царствования Александра I управленческая деятельность осуществлялась не только в весьма сложной духовно-нравственной атмосфере, но и в условиях реорганизации, когда старое соседствовало с новым: продолжали действовать «коллегии», а им на смену выстраивались «министерства».

В исследовании, посвященном истории царствования Александра I, его потомок, великий князь Николай Михайлович, попытался выделить круг особо доверенных лиц, составлявших в первое десятилетие близкое окружение императора{58}. Для этого он проанализировал камер-фурьерские журналы, в которых регистрировались визиты к государю императору лиц, приглашаемых им на обед. Это были люди разного возраста, образованности, жизненного опыта. Преобладали военные. Екатерининскую эпоху представляли П.В. Завадовский, Д.П. Трощинский, окружение Павла I — А.А. Аракчеев, П.В. Чичагов, Н.С. Мордвинов, Ф.П. Уваров. В ближайший круг входили молодые друзья императора из «негласного комитета»: Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов, А.А. Чарторыйский, В.П. Кочубей. Постоянно присутствовали друг детства А.Н. Голицын, адъютант П.М. Волконский, управляющий делами двора Н.А. Толстой. Знаниями и опытом, способностями к экономическому мышлению в этой когорте, как свидетельствуют исторические факты, располагали лишь некоторые: Д.А. Гурьев (в 1802—1810-м — министр уделов, финансов), В.П. Кочубей (в 1802—1807-м — министр внутренних дел), А.И. Васильев (в 1802—1807-м — министр финансов), Н.П. Румянцев (в 1802—1811-м — министр коммерции). Пожалуй, только эти сановники высшего круга были компетентны в управлении государственными ресурсами,

территориями, знали, как формировать бюджет, как выстраивать налогообложение, обеспечивать таможенное регулирование. Однако и среди них не было единодушия, их взгляды порой серьезно расходились.

По мнению многих в высшем эшелоне управления, Румянцев в первое десятилетие самодержавного правления Александра I был одним из наиболее влиятельных лиц. Его справедливо считали «рабочей лошадкой» царствования. Выполняемые им функции носили всеобъемлющий характер, затрагивали организацию хозяйственной деятельности с выделением наиболее проблемных направлений. За министром коммерции, помимо торговли и промышленности, сохранялось руководство Департаментом водных коммуникаций и устроения дорог. К тому же он знал, что и как надо делать, чтобы сдвинуть ситуацию с мертвой точки, как запустить механизм государственного управления, придав его движению заданное направление. В ту пору Александр I отзывался о своем министре: «Нет такого дела, которое не мог бы поручить Николаю Петровичу Румянцеву с полным совершенно доверием, потому что оно будет исполнено точно»{59}.

Румянцев слыл образцом просвещенных государственных людей. По своим взглядам он — представитель умеренного либерализма. Предшествующий жизненный опыт, безукоризненный авторитет позволяли ему уверенно вести государственные дела, не поддаваясь колебаниям, влияниям молвы. Путь, по которому России следовало идти, — это путь саморазвития, рационального прогресса. Степенность, рассудительность, компетентность министра настраивали госаппарат на целеустремленную работу. «В делах высшего управления он отличался спокойствием, сдержанностью и благородной откровенностью»{60}.

* * *

Среди правительственных документов, относящихся к началу нового царствования, не удалось обнаружить такого, где бы целостно излагались подходы к ведению экономической политики. Либеральные нововведения, объявленные в ходе коронационных торжеств, казалось бы, прокладывали дорогу новому экономическому курсу. Но всё складывалось отнюдь не гладко, постоянно высказывались диаметрально противоположные взгляды. Среди влиятельных сановников коренилось мнение, что Россия как была, так и в перспективе

должна оставаться аграрной страной.

Румянцев решительно отвергал эти суждения, насаждающие национальную ущербность, питавшие идеологию превращения страны, как сказали бы теперь, в аграрный придаток, в «банановую республику». За всеми его выкладками, предназначенными для построения разумной экономической политики, проступают контуры пути, который наиболее всего отвечал бы интересам российской государственности, а не отдельным ее кланам.

По соображениям и доводам Румянцева политический союз с сильной Францией был выгоден в наибольшей мере. В стратегическом плане такой союз освобождал или, по крайней мере, ослаблял по сути дела вековую колониальную зависимость экономически ослабленного государства от других: Пруссии, Британии и Австрии. Опираясь на политэкономию Адама Смита, основанную на опыте промышленно развитых государств, прежде всего Англии, министры Гурьев, Воронцов, «молодые друзья» Александра I выступали за полную свободу ввоза иностранных товаров. Они отрицали возможность и саму потребность в создании национальной промышленности. Поэтому образование такого органа государственного управления, как Министерство коммерции, они считали излишним. Представители влиятельных кланов вдохновлялись не одной только теорией. Им удалось монополизировать поставки товаров из-за границы, преимущественно из Англии, извлекая огромные прибыли. Их личное благополучие вполне вписывалось в действующий порядок.

Так, о президенте коммерц-коллегии А.Р. Воронцове осведомленный современник писал: «…одна из причин, заставляющих его держать сторону Англии, — это его крупные долги английским купцам; он делает им много заказов и не платит. Подобный способ принимать подарки он, как говорят, считает менее опасным и не менее прибыльным»{61}.

В противовес «фритредерам», как тогда называли приверженцев свободной торговли, выступали «протекционисты»: Румянцев, Мордвинов, Сперанский, Шишков, видные российские промышленники. Россия, оставаясь земледельческой страной, может оказаться позади всех других народов, — утверждал Мордвинов. «Такой народ не может быть ни просвещен, ни богат, не может ни процветать, ни пользоваться политической свободой». Экономической теории Адама Смита и его последователей противостояла другая школа европейских ученых, таких как Томас Мен, Антуан де Монкретьен, Уильям Стаффорд и др. Они обосновывали экономическую политику, наиболее

приемлемую к условиям государств, оказавшихся на более низком по сравнению с Британией уровне развития. Самым характерным в такой политике было использование государственных рычагов с целью смягчения последствий перехода от феодализма к свободному рыночному хозяйствованию. Для создания конкурентных условий в отношениях с теми странами, где капитализм давно и успешно развивался, отсталым экономикам необходимо было пройти определенный путь становления и саморазвития. Протекционизм преследовал цели поддержки национальной промышленности и торговли, обеспечивал активный внешнеторговый баланс законодательным путем. Вмешательство государства в хозяйственную деятельность направлялось на поощрение предприятий государственной мануфактурной промышленности, использующей импортное сырье и полуфабрикаты. Стимулировался выпуск товаров, производимых и потребляемых внутри государства. Ограничивался ввоз предметов роскоши. Обеспечивался жесткий контроль денежного обращения. Принимались меры по удержанию денежных ресурсов внутри страны[11].

Национальные архивы и книгохранилища хранят многотомную опись, относящуюся к деятельности Коммерц-коллегии, впоследствии Министерства коммерции. В двенадцати объемных томах — тематически классифицированный, расположенный по годам, месяцам и датам перечень правительственных документов. По существу, это каталог систематизированных решений и постановлений высших органов государственного управления в различных сферах экономической жизни: указы самодержцев, постановления Сената, Кабинета министров, решения самой Коммерц-коллегии, собранные на протяжении 125 лет, начиная с петровских времен — с 1702 года{62}. Этих документов достаточно, чтобы судить о направленности экономических решений в зависимости от обстоятельств внешнего и внутреннего порядка и об их исполнении.

Экстренные меры, предпринятые властью в начале царствования Александра I, лишь подтвердили катастрофическое состояние унаследованного хозяйства. «Государственная казна в 1801 году располагала всего 2,9 миллиона рублей, государственный долг составил 133 миллиона рублей, половина из них — 55,6 миллиона ранее сделанные внешние заимствования»{63}. Достоверных сведений о государственных хозяйственно-экономических ресурсах не было. Для составления баланса торговли Российской империи с иностранными

государствами потребовался императорский циркуляр «Об истребовании от всех гражданских и военных губернаторов сведений о состоянии торговли и промышленности в каждой губернии» (1802). В результате выяснилось, что Россия не располагала сбалансированным налоговым и таможенным законодательством. Не было должного порядка в контроле над перемещением грузов через границу. Бюджет едва поддерживался поставками объемных сырьевых товаров. Тогда, для того чтобы как-то выправить положение, стал вопрос «об употреблении военных фрегатов для отправления за море товаров»…

О либеральных тенденциях в экономической политике первых лет царствования свидетельствовала отмена ограничений для ряда низших сословий на самостоятельную производственно-коммерческую деятельность. Для них также вводились льготы и привилегии в фабричном производстве и отраслях горнозаводской промышленности. Всем помещикам разрешалось вести оптовую заграничную торговлю (1801). Деловой климат оздоровляло распространение на купечество и мещан дворянских привилегий 23-й статьи Жалованной грамоты[12].

Манифестом «О даровании купечеству новых выгод» от 1 (13) января 1807 года повышался их социальный статус. Купцы 1-й и 2-й гильдий уравнивались в правах с дворянством. Им дозволялось создавать свои органы самоуправления — торговые сообщества, суды, выборные органы, акционерные общества. Новая редакция Купеческого устава предоставляла «выгоды, отличия, преимущества и способы к усилению торговых предприятий». Одновременно с новыми привилегиями российское купечество лишалось некоторых прежних преференций для иностранных торговцев.

Эти меры закреплялись постановлением Правительствующего сената «О правах купечества и предоставлении ему надлежащих по сему манифесту предписаний, относящихся до таможенной части» от 1807 года.

* * *

Аналитическая записка на имя императора «О разуме тарифа»{64} (1804), составленная по инициативе Н.П. Румянцева, — редкий для того времени документ, имеющий прямое отношение к организации экономической жизни России в первое десятилетие царствования Александра I. В нем обосновывалось, как на основе соблюдения баланса частных и государственных интересов формировать политику в области налогообложения. К

тому времени налоги и таможенные сборы, достигшие предельных величин и составлявшие основной источник пополнения бюджета, не покрывали государственной потребности. Восполнять дефицит за счет внешних заимствований, увеличивать ставки косвенных налогов, прежде всего на вино и соль, свойственно, как пишет Румянцев, «престарелым и нисходящим государствам». Единственный путь, по которому следовало идти, — это развивать деловую активность. Сообразуясь с российскими реальностями, Румянцев мотивирует предельно рациональную линию поведения правительства по отношению как к собственному товаропроизводителю, так и к внешним поступлениям. Предлагаемые им меры напоминали политику европейских стран, которые в разное время трансформировали свой уклад в сторону капитализма. Благоприятные экономические условия, какие целиком зависят от государства, состоят в гибкой системе налогообложения. За два года деятельности Румянцева на посту министра коммерции таможенные доходы в госказну увеличились на треть, с 9 миллионов 911 тысяч до 13 миллионов 121 тысячи рублей. Однако он предостерегает власть от чрезмерных ожиданий. Их дальнейший рост за счет увеличения тарифов, убеждает Румянцев, не позволителен, иначе это приведет к свертыванию проектов, к осуществлению которых можно было уже приступить. Высшая ставка налога на производимые и привозные товары, полагал Румянцев, должна составлять не более 20 процентов, что достаточно для перевеса и иностранного соперничества, и тайного провоза товаров.

Подробно описывая действия налогового механизма, Румянцев ставил перед собой и другую задачу — просветительскую. Невежество и экономическая безграмотность аппарата управления — одна из серьезных причин торможения и отсталости России. Укоренившуюся привычку российских купцов и промышленников укрывать доходы, уходить от уплаты налогов можно было преодолеть применением разумных и обоснованных правил ведения дел, гибкой, лишенной резких колебаний государственной политикой. Нужный товар в достаточном количестве появится тогда, когда его производство будет обеспечено соответствующими стимулами, окупаемостью, доходностью. Гарантом в этом должно быть государство. Особое место в записке Румянцева занимают «рассуждения» нравственного порядка, актуальность которых не утрачена и по сей день. Он призывал оберегать подданных от непристойных и гибельных издержек, в которые одновременно вовлекают вольность торговли и пример худой роскоши. Давать небогатому

классу «удобность к продовольствию» в том понятии, что, когда народ не имеет возможности умножать своих наслаждений, жестоко было бы набавлять цену на то, что составляет его потребности.

По сути дела, это был программный документ, где Румянцев на цифрах и фактах обосновывает закономерности политики, которой государство, заботясь о своих интересах, обязано придерживаться. Тщательно изучив работу английского кабинета, Румянцев показывает, насколько изощренно и тонко там организована налоговая система. Ее достоинства — в стимулировании вложения капиталов как в производство товаров, так и в торговые операции. Воздавая должное взглядам известных экономистов, таких как Адам Смит и Артур Юнг, министр коммерции открыто объясняет, насколько Россия в своем развитии отстает от благоустроенных государств. Она еще только начинает двигаться в нужном направлении. Говоря о резервах налоговых поступлений, не называя подлинных причин, по которым Россия находится далеко позади от своих европейских соседей, Румянцев показывает, что поступательное движение государства тормозит феодальный уклад. Население в странах, «достигших цветущего состояния», пишет он, примерно поровну делится на городское и сельское, тогда как в России это соотношение составляет 7 к 167. Промышленность, развиваясь, «должна бы очистить деревни от лишних нахлебников, больше там съедающих, нежели нарабатывающих, и что самый недостаток труда должен бы их вытеснить из селений в города»{65}. О том, чтобы придерживаться полной свободы в торговле, не может быть и речи. Экономике, едва только ставшей на путь рыночных отношений, не выстоять в конкурентной борьбе. Это приведет, как полагал Румянцев, «наши заведения, существующие мануфактуры к упадку и разрушению». Как резюме, как заповедь потомкам звучат слова из «записки» Румянцева с призывом «беречь как национальное достояние свои мануфактуры, заведения, промыслы, все народные предприятия, и паче всего уважать самими средствами, ведущими нацию к обогащению, к здоровью и к усовершенствованию моральному, в чем заключается благосостояние»{66}. По поручению Александра I был создан особый комитет, где были рассмотрены предложения Румянцева. В результате таможенные пошлины на импортируемые товары составили 25 процентов и на продукцию, производимую в России, 10 процентов.

Шаг за шагом министр коммерции вносил изменения в законодательные акты, помогающие наладить учет и контроль в перемещении товаров в Россию и из России, а также условия

транзита грузов через ее территорию. Государство было поделено на 11 таможенных округов с подчинением им таможен и таможенных застав. На узловых участках торговых путей, на подступах и по периметру границ обустраивались таможенные посты. Ликвидировалась практика неоднократного, в некоторых случаях троекратного, досмотра поступающих в государство товаров при провозе от границы до места назначения. Высочайшим указом императора запрещалась торговля без взимания пошлин в портах Белого, Балтийского, Черного, Азовского морей и по всей западной сухопутной границе. Введены радикальные меры по пресечению нелегальных операций, вплоть до конфискации контрабандных судов и грузов. Реформированию подверглась политика в области денежного обращения. Решено было производить таможенные сборы государственными ассигнациями, отказавшись от иностранных денежных знаков, в том числе золотой и серебряной монеты.

Наряду с этим упорядочивались ставки и порядок взимания пошлин, в первую очередь на импортируемые товары. За это Румянцева яростно клеймили те, кто наживался на поставках из-за границы. Покровители заграничной торговли, пытаясь защитить некогда полученные привилегии и необоснованные преференции для иностранных компаний, всеми мыслимыми и немыслимыми способами охаивали, пытались дискредитировать министра коммерции. Румянцев вынужден был действовать в обстановке разноречивых нареканий и упреков, обвинений в недееспособности, в предрассудках и пристрастиях, едва ли не в предательстве государственных интересов. К числу таких непримиримых противников принадлежал граф Сергей Романович Воронцов, заявлявший, «что самый глупейший таможенник в Константинополе менее графа Румянцева несведущ в общих началах государственной торговли»[{67}]. Однако Румянцев оставался непоколебим. Идеи свободной торговли, полагал он, в своей полноте приемлемы в отношениях государств, достигших относительно равного уровня развития.

«Я слышал, что министр коммерции, граф Румянцев, не того мнения, чтобы изыскивать средства к уменьшению ценности на произведения сельского хозяйства, а напротив, радуется, если цены на них возвышаются; потому что тогда, говорит он, оплачивается труд сельского хозяина, помещика или крестьянина все равно, а сверх того возвышается и цена на земли. П.С. Молчанов отзывается о графе Румянцеве, как о необыкновенно умном и просвещенном человеке, и, сверх того, настоящем патриоте. Служивший в коллегии поэт Г.Р. Державин так отзывался о Румянцеве: “Румянцев человек обходительный и

покровительствует людям талантливым и ученым”»{68}.

Для отсталой, сырьевой экономики России коммерческие отношения с внешним миром первым делом должны служить средством к построению национальной экономики, укреплению отечественных предпринимательских структур, развитию деловых возможностей россиян. К тому же доводы его противников меркли на фоне успехов набиравшей силу отечественной промышленности и торговли. Уже к 1804 году удалось свести внешнеторговый баланс России с существенным превышением отечественного экспорта над импортом{69}. Вся внешняя торговля — ввоз и вывоз товаров — была проанализирована Румянцевым по итогам 1802—1805 годов и в форме наглядных таблиц представлена на общественное рассмотрение. Основанные им издания «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости» и «Виды государственной внешней торговли» предоставляли российским и зарубежным деловым кругам сведения о состоянии и тенденциях развития торговых отношений России с заграницей.

С целью «сократить привоз товаров иностранных и поощрить сколь можно произведения внутреннего труда и промышленности» императорский двор объявил, что будет довольствоваться «отечественными произведениями». В 1805 году Правительствующий сенат объявил высочайшее повеление Александра I «О строжайшем запрещении привозного торга старым платьем, обувью, бельем, постелями и всякими лоскутьями». Вслед за этим вводился облегченный таможенный тариф для отечественных текстильных фабрик и одновременно запрещался импорт иностранных мануфактурных изделий, за исключением сырья, необходимого для ремесел и фабрик. Дополнительные меры, стимулирующие отечественную промышленность, содержал новый Указ «О запрещении продажи старого платья», изданный императором в 1808 году.

* * *

Хлеб, соль, вино[13] — три главных продукта, производство и наличие которых в достаточных объемах обеспечивали в России порядок и стабильность. Их нехватка становилась причиной восстаний, бунтов в разные времена и разных частях страны. Особое беспокойство вызывало снабжение населения солью. Поваренная соль (хлористый натрий) в судьбе человечества ничем не заменима. Ее добыча, переработка, доставка на протяжении веков была едва ли не стратегической задачей, важнее производства пороха. В уходящих в глубокую древность

воззрениях, в религиозно-мистических ритуалах, обрядах, в народных преданиях и летописях соль символизировала высшую ценность. Месторождения, особенно где добывалась чистая соль без примесей, служили как источником обогащения, так и поводом для развязывания войн. Употребляемая регулярно в минимальных порциях соль в годовом рационе человека составляет до 6,2 килограмма. Она не только компонент ежедневного рациона питания людей и животных, но и по тем временам единственный консервант, обеспечивающий длительное хранение продовольственных продуктов. Нехватка соли — одна из болезненных для государств проблем, не единожды сопровождаемая острыми социальными осложнениями.

В середине XVI века невероятным потрясениям подверглись сами устои российской государственности. Поводом для выражения недовольства низших слоев — посадских, стрельцов, дворовых — в Москве в 1648 году стало резкое, в несколько раз, повышение цен на соль. Восставшие начали громить и поджигать дворцы и дома зажиточных бояр, купцов, окольничих, дьяков. Запылала наиболее обустроенная часть Москвы: Белый город и Китай-город. Затем бунтовщики ворвались в Кремль. Самодержцу Алексею Михайловичу ничего не оставалось, как выдать толпе высокопоставленных чиновников, главных инициаторов налоговых новаций. Одни были тут же убиты, другие подвергнуты публичной казни. На события в Москве откликнулось беднейшее население других городов. В ходе восстания выплеснулось многое из того, что не устраивало все слои, дворян в том числе. Власть, напуганная происходящим, оказалась под прессом требований сословий, для которых цены на соль не были столь актуальны, как для социальных низов. Привилегии светских и духовных кланов, их своекорыстное отношение к государственным нуждам на время объединили протестные настроения. Усмирить Соляной бунт, под таким названием это масштабное событие вошло в историю, оказалось непросто. Трижды — в июле, сентябре 1648-го, а затем в январе 1649 года царь вынужден был собирать Земский собор. На каждом заседании объявлялись политические решения, призванные успокоить население. Цены на соль вернули к прежнему уровню. Затем последовали шаги навстречу требованиям средних сословий. Постановлением «О слободах» предусматривались конфискация и передача под госконтроль подмосковных латифундий. «Слободы в Москве и городах с торговыми и ремесленными людьми, с крестьянами, бобылями и закладчиками» были отписаны на государя «без лет и без сыску, где кто ныне живет».

Свою потребность в соли из собственных месторождений

Россия покрывала лишь отчасти. Дефицит восполнялся привозом из-за границы, а малейшая нехватка тут же давала о себе знать. Возникал ажиотажный спрос. Даже имея немало природных залежей соли, Россия не располагала рентабельными предприятиями, современной технологией солеварения и отлаженной системой доставки продукта потребителям. Будучи российским посланником в немецких княжествах, Румянцев в 80-е годы XVIII века непосредственно столкнулся с этой проблемой. Среди других важных задач, исходящих еще от Екатерины II, ему пришлось подыскивать и направлять в Россию мастеровых людей, владеющих технологией солеварения, которые в конце концов Румянцевым были найдены и отправлены в Россию. В ту пору русский посланник не мог предположить, что далее по жизни ему придется иметь дело с соляной отраслью в государственном масштабе.

Здесь министр коммерции столкнулся с проблемами, кочующими из века в век: нестабильностью добычи, трудоемкостью поставок продукта в отдаленные регионы, скачками цен. Между тем налог на соль, как и питейный налог, на протяжении столетий оставался важной статьей пополнения государственной казны. В этом смысле увеличение объемов производства и бесперебойная поставка соли на внутренний рынок сопровождались ростом бюджетных поступлений. Соль поступала к потребителям всевозможными путями: из-за границы на судах в Петербург и Архангельск, баржами из соляных копей, разбросанных в ближних и дальних местах государства. Однако продукта не хватало. Статистика тех лет свидетельствовала, что в один только Петербург, население которого в 1802 году составляло 278 тысяч человек, необходимо было ежегодно доставлять до четырех тысяч тонн. Рынок соли лихорадило, и это передавалось населению. Причины крылись в том, что затраты на добычу и перевозку продукта по отношению к другим товарам были высоки. Для стабилизации рынка было издано постановление о вольном промысле солью. Был также решен вопрос о наделении землей возчиков соли. Таким образом, эта особая категория граждан в имущественных правах приравнивалась к привилегированным сословиям.

На основе частно-государственного партнерства реконструкции подвергалось суконное производство: от технологии получения высококачественного сырья до модернизации действующих предприятий. Для этих целей за границей приобреталось не только оборудование, но и неизвестные в России породы тонкошерстных овец-мериносов. Осуществлен проект первого отечественного завода по

производству сахара из свеклы. По мере того как в Туле строился этот объект, в 1806 году издано правительственное распоряжение «О средствах к распространению в России сахарных заводов и водок, выгоняемых из сахарной свеклы». Налоговые льготы, правительственные субсидии позволяли отладить и запустить производство первого российского сахара в 1809 году. Частно-государственное партнерство было положено и в основу таких крупных проектов, как Российско-американская компания по освоению побережья Аляски (РОСАМКО), Беломорская торговая компания для сельдяного и других промыслов (БТК).

Составной частью государственной политики становится использование научно-технических достижений на основе передового зарубежного опыта. Этим целям служит ряд законопроектов 1806 года: «О пропуске без взимания пошлины с машин, служащих к сокращению труда на мануфактурах», «О пропуске без взимания пошлин с машин и других орудий, служащих землепашеству». В развитие прежних инициатив в 1807 году издается три правительственных документа: «О беспошлинном пропуске привозимых из-за границы фур новых изобретений, служащих в пользу земледелия», «О пропуске по одному образцу выписываемых из чужих краев для горных заводов инструментов, орудий и других вещей, особливо из Англии, патентованных», «О невзимании пошлины с книг в переплете, выписываемых для Академии наук, для университетов, кадетских корпусов и гимназий».

* * *

Экономическое развитие любой страны, ее благополучие напрямую зависит от транспортных коммуникаций. А в России эта отрасль исторически находилась в плачевном состоянии.

Издревле Россия — страна степей, лесов и болот. Преодоление бескрайних пространств, связь между поселениями была одной из главных забот правителей. Ярослав Мудрый — один из первых, кто попытался обустраивать бездорожье. При нем особым почетом пользовались «мостники» — строители переходов через водоемы и топи, поскольку большие и мелкие реки, извилистый рельеф топких берегов препятствовали сообщениям не только внутри княжеств, между ними, но и с сопредельными соседями. В городах мастеровые люди мостили из досок и бревен проезды, переходы, дорожки между строениями. В ходе раскопок в культурном слое Новгорода было открыто 28 слоев деревянных мостовых.

Лошади, ямщики, экипажи, обозы, верстовые столбы, станции, постоялые дворы оснащали пути из одного места назначения в другое. О поездке из Москвы в Петербург в июне 1787 года свои впечатления оставил венесуэльский путешественник Франсиско де Миранда. «Было уже четыре часа, когда я выехал, и тройка лошадей резво помчала меня по прекрасной дороге, по обе стороны которой открывались прекрасные виды… Следуя довольно приличным трактом, миновали места, заселенные достаточно равномерно, ибо деревни встречаются здесь почти через одинаковые промежутки; оставив позади 16 верст, на четверке лошадей добрались до Городни, а затем, по такой же дороге с похожим пейзажем, уже на шестерке лошадей, приехал в город Тверь… Шел сильный дождь, и было довольно холодно, когда я вошел на постоялый двор, очень уютный и чистый. Дорожки посыпаны песком, как в Голландии, а в комнатах развешены пучки ароматических трав. Мне тотчас подали чай и хлеб с маслом, всего за 30 копеек…» Затем после Вышнего Волочка картина начала меняться: «…Дорога проходит тут по топким местам и потому везде вымощена бревнами, как водится у русских, и это сущий ад для путешественника, вынужденного трястись в своей карете или кибитке… так что, когда я на четверке лошадей прибыл в Хотилов, преодолев 36 верст, все тело болело, словно после порки». За Новгородом «22 версты нам пришлось ехать по проклятой дороге, мощенной жердями, до селения Подберезье, где мой слуга Алексей сообщил, что не может найти подорожную, каковая, без сомнения, осталась в Новгороде, а без нее смотритель не хочет давать лошадей…» Наконец дело уладилось: «…Тройка резвых коней повезла меня дальше, вдоль строящегося прекрасного тракта, мощенного камнем, который прокладывается по новому проекту императрицы, пожелавшей, чтобы весь путь до Петербурга был таким; здесь возводятся каменные мосты и другие великолепные сооружения, но до сих пор нет ни единой почтовой станции»{70}.

Однако обустройство сухопутных маршрутов не поспевало за экономическими потребностями. Снабжение растущих городов товарами по земной тверди становилось все более и более трудоемким и затратным. Экономика развивающегося государства требовала более эффективных способов и средств доставки. Внутренние водоемы, реки и каналы становились единственными транспортными коридорами, по которым перемещались товары в нужных государству объемах. Особое беспокойство вызывало сообщение между аграрным центром и югом и набирающим силу промышленным севером. Колесная тяга была распространенным, но весьма затратным и трудоемким

средством передвижения. Дорог с твердым покрытием, мостов, переправ для перевозки грузов в больших объемах с юга на север, с запада на восток и обратно не существовало. Двигателей, способных преобразовать тепловую энергию в механическую, не было. Энергия ветра, с успехом используемая на морях, внутри континента, на реках, была малопродуктивна. Человек и лошадь составляли основу транспортных систем. Ветер и течения как помогали, так и препятствовали перемещению грузов.

В истории известна попытка турецкого султана Селима возродить Казанское и Астраханское ханства. Осуществить эту задачу по тем временам было возможно единственным путем: доставить боеспособную армию к месту главных событий по воде. Чтобы провести войска на Волгу, Селим в 1569 году направил пашу Касима во главе 17 тысяч янычар и крымского хана Гирея с 50 тысячами татар для прорытия соединительного канала на водоразделе Волги и Дона. На осуществление масштабной задачи ушло несколько лет, но из-за огромного объема земляных работ план Селима не осуществился.

Известен и другой пример: древний путь «из варяг в греки». Преодолевая водоразделы, пороги, мелководья, корабли викингов достигали средиземноморских берегов. И тогда, и еще долгое время позже судам, продвигающимся по внутренним водоемам, приходилось сталкиваться с немалыми препятствиями. Сушу, разделяющую русла соседствующих рек, преодолевали волоком, на катках или по дощатым желобам. Для регулирования глубины и стоков рек создавались искусственные водохранилища. По маршрутам древних волоков, в обход мелководий, извилистых участков, порожистых мест стали рыть соединительные каналы. Для перехода судов из одного водного бассейна в другой с различными уровнями воды возводились специальные гидротехнические сооружения — шлюзы.

Исторический масштаб петровского времени подтвержден осуществлением крупных гидротехнических проектов. Тогда началось регулярное освоение протяженных транспортных маршрутов с использованием рек и водоемов. Петр I, выписывая из-за границы знатоков гидротехники, с их помощью проводил широкие изыскания с главной целью — надежно и беспрепятственно связать новую столицу с остальной Россией. Царь предполагал соединить юг с севером путем прокладки канала от Волги к Дону, а также подключить верховья Волги к системе, обеспечивающей движение по воде от Рыбинска к Твери, от Твери далее к Ладоге, Неве и Финскому заливу.

Претворение петровских предначертаний растянулось более чем на столетие, однако кое-что из значительного великому

реформатору удалось выполнить при жизни. Так, на месте древнего волока, где теперь стоит город Вышний Волочек, была выстроена система каналов и шлюзов, позволившая судам проходить от Волги до Невы. Вышневолоцкая водная система, включившая в себя малые и большие реки и водоемы, специально прорытые каналы, водопропускные сооружения, оказалась по тем временам самой протяженной сквозной судоходной магистралью в Европе. Однако она имела и существенный недостаток — условия и скорость перемещения караванов судов позволяли осуществить за судоходный сезон движение лишь в одну сторону, к Петербургу. За навигацию удавалось провести около 400 судов, успевая доставлять к месту складирования до двух тысяч тонн груза. Для молодой развивающейся столицы это было существенно, однако потребности региона по-прежнему во многом удовлетворялись поставками морем, из-за границы. Особую озабоченность вызывало Ладожское озеро. С виду спокойное, оно наносило речному флоту огромный урон. Коварные, внезапно налетающие штормы отправляли на дно немало кораблей вместе с грузом и экипажами.

Маршинская, Тихвинская и Вышневолоцкая водные системы

По итогам навигации 1718 года потери при прохождении по Ладоге исчислялись одной тысячей единиц. Это едва ли не треть

от всего задействованного здесь флота. Петр I уже тогда задумал прорыть русло в обход озера. Канал от Шлиссельбурга до Новой Ладоги протяженностью 111 километров, при ширине 21,4 метра и глубине 2,13 метра, предполагалось проложить в течение трех лет. Начало было положено весной 1719 года, а судоходство началось спустя 12 лет.

В послепетровское время государственные заботы о водных коммуникациях ограничивались лишь поддержанием условий для судоходства. Ресурсов едва хватало на ремонт ветшавших сооружений, укрепление берегов, расчистку фарватеров, создание водохранилищ для обеспечения стока вод в мелководные годы. Екатерина II, проследовав по всему протяжению Вышневолоцкой системы в 1785 году, распорядилась перестроить деревянные плотины и шлюзы в каменные, благоустроить переходы в наиболее трудных участках трассы. Была достигнута наибольшая пропускная способность Вышневолоцкого водного пути, но этого для удовлетворения растущих нужд Санкт-Петербурга по-прежнему было недостаточно. То затухая, то возобновляясь, прокладка водных маршрутов, строительство портовых сооружений, погрузо-разгрузочных механизмов велись без всякой системы и плана. Между тем проторенные водные дороги переставали справляться с растущим тоннажем кораблей. Условия проводки речных караванов, как и отдельных судов и барж, отставали от требований времени. Рельеф, заужения, перепады высот, недостаточная глубина все более сказывались на проходимости водных маршрутов. Требовалась масштабная инженерная, проектно-изыскательская работа для прокладки новых обходов, каналов, создания шлюзов, мощных водосборников. Многие проблемы, возникавшие на том или ином участке, были связаны с просчетами в проектировании, низкой эксплуатационной дисциплиной, отсутствием систематического надзора за состоянием сооружений. Так, законченный постройкой Новгородский (Сиверсов[14]) канал в обход озера Ильмень не подтвердил своей эффективности. Канал проходил по низкой, затопляемой паводками местности, засорялся и постоянно нуждался в очистке.

По мере того как Румянцев разбирал завалы во вверенном ему хозяйстве, обнаружилось, что транспортные артерии государства имеют множество разрывов. Причиной тому были не только прихоти природы: малоснежные зимы, ранние или запоздалые весны, буйства стихии, половодья. Препятствовали хозяева на местах — помещики, губернские чиновники, буквально оседлавшие транспортные артерии. И по этой причине эффективность экономических связей внутри государства

оставалась крайне низкой. К тому же выяснилось, что центральная власть не располагает точными сведениями о наиболее перспективных направлениях местного рельефа. В этих условиях развивать транспортные коридоры, оптимизировать маршруты доставки товаров на покрытом бесчисленным количеством рек, озер, водоемов пространстве было невозможно. Составления карты судоходных рек, по которым осуществляется движение товаров как внутри государства, так и их поступление в Россию извне, было выполнено на основе срочно затребованных в 1801 году данных от гражданских губернаторов. Результатом анализа, проведенного по итогам запроса правительства, стала адресованная Государственному совету «Записка о водяных коммуникациях»{71}. В ней Румянцев убеждал: прежний подход к постановке дела безнадежно устарел. Развязка проблем на одном участке давала лишь временный результат. На примере первого, осуществленного по настоянию Румянцева проекта — прокладки канала, соединяющего Неман с Западной Двиной, были доказаны его безусловные преимущества — избавление от непомерных затрат труда, времени, выплат торговых пошлин и в конечном счете от экономической зависимости России от соседней Пруссии. Для обеспечения стабильности транспортных потоков и их планомерного развития нужны были серьезные капитальные вложения, а также преобразования в системе управления водной отраслью[15]. По предложению директора департамента Румянцева пространство водных ресурсов России было поделено на зоны ответственности — инспекции. Во главе каждой из них Румянцев поставил профессионально подготовленных военных инженеров высокого ранга.

Первой инспекции поручалась территория, примыкающая к балтийскому побережью на запад от Петербурга. Ее первоочередной задачей было обеспечение судоходства по рекам Двина, Неман, Нарва, а также в верховьях Днепра и Волги, включая малые реки, озера, каналы с изысканием способов и кратчайших путей их соединения. Этими мерами предполагалось оживить экономику Псковской, Эстляндской, Финляндской губерний.

Вторая инспекция ведала зоной строительства Мариинско-го канала, судоходством по рекам Свирь, Двина, Сясь, Тихвинка, Сухона, Уна. Также в ее ведении был бассейн Волги ниже Рыбинска, включая реки Сура, Ока, Кама. Инспекция контролировала судопропускные работы на днепровских порогах, по рекам Донцу, Дону, Днестру. Ей также планировалось поручить строительство нового канала в обход Ладожского озера, соединяющего реки Свирь и Сясь.

Третья инспекция должна была создавать условия бесперебойного снабжения столицы — Санкт-Петербурга. Ей были переданы действующие, реконструируемые и вновь создаваемые объекты акватории Невы и прилегающей к ней прибрежной зоны (бечевник), Ладожский, Сяський, Новгородский каналы, Волховские и Боровицкие пороги и обходящие их бечевники, озеро Селигер с прилегающими малыми и большими реками…

Отдельной инспекции поручался надзор за обеспечением порядка на водных магистралях{72}.

* * *

В особо трудном положении находился Санкт-Петербург. Его жизнеобеспечение во многом зависело от иностранной торговли. Приблизив столицу к Европе, Петр I тем самым на сотни верст отдалил город от центров, где в России производилось самое насущное: хлеб, соль, другие продукты и предметы обихода. Тележные обозы по суше, караваны барж и судов по воде из центра и окраин существенно уступали возможностям доставки товаров из Европы морем. Снабжение и продовольствие не только двора, но и простых горожан в основном обеспечивалось внутренними и европейскими поставками, но зимой они прерывались на длительный период. Перевозимые обозами «по зимникам», руслам замерзших рек, товары покрывали потребности города лишь отчасти. Если в благоприятный сезон на морской переход от любого европейского порта уходило до двух недель, то путь следования судна из Твери до Санкт-Петербурга занимал от 50 до 70 дней. На протяжении десятилетий в столице особым праздником отмечался весенний день, когда после прохождения по Неве ладожского льда у петербургских причалов швартовалось первое торговое судно из Европы.

Знаменитая картина «Бурлаки на Волге» — произведение, принесшее славу выдающемуся русскому художнику Илье Ефимовичу Репину. На пространном холсте с впечатляющей силой отображен труд, с которым с незапамятных времен и до начала XX века связывали свою судьбу многие поколения русского народа. Бурлаки. Это были люди особого склада. Сильные, кряжистые, сбиваясь в артели, они обеспечивали проводку груженых лодок, барж, судов по рекам и каналам к стоящим на них городам. Их слаженные совместные действия подчинялись единой команде бригадира, вожака. Ритм приложению их сил и движению задавался своеобразным призывом-кличем. Преисполненная мужественного драматизма

работа бурлаков воспета в знаменитой народной песне «Дубинушка». Команда-клич «эй, ухнем», повторяясь, придает хоровому произведению особый, запоминающийся колорит.

Маршруты вдоль рек, по которым продвигались бурлаки, называли бечевниками. Бечева, канат, специальные, сшитые из парусины и кусков сыромятной кожи лямки да еще весла были единственным средством, связывающим человека с проводимым по воде судном. Обиходное, дошедшее до нас «тянуть лямку» — это оттуда, из тех давних времен. «Печальник народный», поэт Некрасов, по-своему отобразил стихию бурлацкой судьбы: «Выдь на Волгу: чей стон раздается / Над великою русской рекой? / Этот стон у нас песней зовется — / То бурлаки идут бечевой!».

Бурлацкий труд России был крайне необходим. До конца XIX века не существовало других способов и средств выполнить эту работу. Продвигаясь по заболоченным, заросшим холмистым берегам рек, иногда прибегая к конной тяге, бурлаки приводили в движение махины, груженные зерном, дровами, солью, мылом, арбузами… Бурлачеством только на Волге и Оке в начале XIX века было занято до 600 тысяч человек. Помехами для беспрепятственной проводки кораблей и грузов служили не только рельеф местности, мелководья, пороги, но и владельцы прибрежных поместий, угодий, чинившие на переходах препоны беззащитным трудягам. Над ними издевались, провоцировали, натравливая слуг, собак, вымогали, требуя незаконных податей за проводку судов по берегам их владений. Перед правительством стояла одна задача — искать пути к наиболее эффективному использованию этого труда. Не редкими были случаи, когда владельцы запертых на мелководье, груженных товаром судов вынуждены были распускать команду, корабли продавать на дрова или сжигать вместе с нереализованным грузом. Изданным по предложению Румянцева высочайшим указом Александра I владельцам прибрежных усадеб и латифундий в категорической форме предписывалось: береговая линия вдоль рек и водоемов шириной 10 саженей (21 метр) должна быть абсолютно свободна, не застраиваема или быть занята под какие-либо хозяйственные нужды.

Уникальные документы прошлого красноречиво свидетельствуют об очевидных, до сей поры так и не искорененных рецидивах в поведении россиян на перекрестках путей-дорог. Имеет смысл привести некоторые из них полностью: «Доклад. Вследствие Высочайшего Императорского Величества повеления, объявленного мне сего марта 19 дня Вашего Величества Генерал Адъютантом Графом К.А. Ливеном о пропуске не в очередь водяною коммуникацию барок Провиантского

ведомства в обход прочим судам. Департамент подает свое мнение, что многие купцы из опытов частого по Вышневолоцкой коммуникации хождения, расчисляя время, в которое они могут прибыть к Санкт-Петербургу, заключают, соображаясь оному, условия с иностранными Конторами на поставку товаров, и от таковых пропусков не в очередь претерпевают чувствительные остановки, а нередко за непоставку товара в срок и убыток. С другой стороны, если таким пропуском не в очередь казенное место, в пользу которого позволение дано, и выигрывает, то не менее того столица в продовольствие жизненными припасами претерпевает ощутимый вред. Впрочем, если те, которым доставление казенного припаса вверено, будут столь тщательно поспешать, как и другие, то никакого почти замедления последовать не может. Приняв все сии причины в уважение, что и те и другие, будучи верноподданные Вашего Императорского Величества, не имеют никакого права преимущественно пред другими пользоваться Монаршими милостями с преосуждени-ем общественной пользы, которые есть предпочтительнее частной, осмеливаюсь Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше донести, не благоугодно ли Вашему Величеству будет повелеть, на пользу общества все таковые водяного коммуникацию барок не в очередь в обход прочим судам отменить.

Резолюция. Быть по сему»{73}.

Перед нами хрестоматийный пример того, как воспользовался благорасположением и неосведомленностью императора высокопоставленный сановник граф Ливен. Вопреки интересам дела он сумел обойти всех, получил «Высочайшую резолюцию»… Румянцев нашел в себе мужество пойти наперекор влиятельному вельможе, добился отмены этого и, по-видимому, других подобных ошибочных распоряжений императора. Дезорганизация движения караванов судов, неизбежные в таких случаях потери, разрыв хозяйственных связей, наконец, материальный ущерб вызывались и иными причинами.

В другой докладной императору Румянцев просит выделить 24 тысячи рублей на расчистку русла реки Сура. В документе он описывает, насколько бесхозяйственное отношение к состоянию русла реки, заваленного упавшим лесом и остатками мостовых свай, с одной стороны, вредит снабжению города Рыбинска хлебом, с другой — неочищенный бечевник мешает возвращению судов к месту загрузки. Подобное вынуждало владельцев разбирать у рыбинских пристаней корабли и продавать их на дрова.

Румянцеву приходилось также решительно вмешиваться в

вопросы, затрагивающие навигационные правила и обязанности судовладельцев, нередко выражая протест. «Беспорядочное установление судов, долженствующих от пристани отходить караванами, происходят не редко, что впереди идущая барка, остановясь по своевольной беспечности хозяина, задерживает все прочие за нею идущие, между тем воды весенние стекают, а кладь сего каравана, не дошедши до Рыбинска, на целое лето для Столиц потеряна. Каковой случай чувствителен был прошедшею весною, в теперешнем положении судоходства в 150 судов изо всего каравана к Рыбинску прибыло только две барки»{74}.

Проводка до предела нагруженных судов по российским водоемам требовала соблюдения правил и знания условий безопасного движения. Возможности навигации, преодоление опасных течений, вызывающих изменения русла, образование мелей, расчистка и углубление фарватеров, наконец, предложения, где и как соединять разделенные сушей водные артерии, исходили от лоцманов — знатоков водных маршрутов. С ведома Румянцева впервые было оформлено специальное законодательство, укрепляющее правовые основы лоцманского дела, легализирующее профессию как таковую.

* * *

В 1806 году во Францию и Англию на учебу была командирована группа практикантов «для познания гидравлических и технических наук». Однако эта разовая акция не могла удовлетворить растущие нужды отрасли. Было создано собственное учебное заведение в целях регулярной подготовки специалистов. Высокой профессиональной репутацией в Европе пользовался Августин Бетанкур[16] — талантливый ученый, механик, строитель, он слыл и отличным организатором. Его и пригласил Румянцев в Россию. В 1808 году Бетанкур приступил к организации в Петербурге Корпуса инженеров путей сообщения, по типу учебного заведения, созданного им в Испании. Поначалу учебный процесс был ориентирован на подготовку специалистов для строительства и эксплуатации водных коммуникаций, а впоследствии и железных дорог. В самом ведомстве Румянцева был образован учебный отдел, создана транспортная библиотека, устроен модельный кабинет натурных копий инженерных сооружений и механизмов…

О том, насколько масштабно подходил Румянцев к проблемам транспортной отрасли, свидетельствует один из дошедших до нас документов — письмо-поручение графа Н.П.

Румянцева инженеру генерал-лейтенанту Ф.П. Деволану от 29 августа 1804 года.

Франц Павлович Деволан, голландец по происхождению, был одним из тех иностранных специалистов, кому на протяжении десятилетий довелось осуществлять в России сложнейшие инженерные проекты. Его пытались привлечь на русскую службу во времена Павла I. В первый приезд в Россию высококлассный проектировщик-гидротехник не смог в полной мере реализовать себя. С началом царствования Александра I для него открылись реальные возможности. Он, как никто другой из представителей этой профессии, оказался востребованным. Деволан стоял у истоков проектирования и строительства портов в Нарве и Одессе, осуществлял реконструкцию обходов вокруг Ладожского и Онежского озер, занимался строительством Свирского, Новосяського, Тихвинского каналов, Сестрорецкого оружейного завода… В служебных разъездах по России Деволан проделал 115 тысяч верст. В связи с разделением Департамента водных коммуникаций на инспекции он возглавил ту, которая ведала сооружением Мариинского и других каналов этой системы. Узнав об экстренном поручении императора Александра I изыскать место для строительства новой столицы области Войска Донского, Румянцев посчитал нужным попутно дать Деволану ряд поручений.

«Милостивый государь мой Франц Павлович!

Получив от Министра внутренних дел для сведения копию с указа, которым Ваше Превосходительство назначены для осмотра нового местоположения городу Черкасску, я испросил у Его Императорского Величества дозволение поручить вам, Милостивый Государь мой, обозреть Таганрогский порт, который, как известно, по связи с Южными Губерниями и с Каспийским морем представляет неоспоримые выгоды для Черноморской торговли. Предмет Вашего обозрения определяю тем, чтобы улучшить Порт приближа оной к самому Таганрогу, и отнять настоящие неудобства, стесняющие в теперешнем положении стремление торга…»{75}

Далее министр просит Деволана в ходе своей поездки уделить внимание и другим участкам, где имелись трудности гидротехнического порядка. Деловая репутация, профессионализм Деволана, по мнению министра, позволяли ему квалифицированно оценить состояние объектов, отстоящих друг от друга на сотни километров. Возможности судоходного движения по реке Донец, целесообразность прокладки канала между рекой Кума и Каспийским морем, проходка днепровских порогов — проблемы, с которыми Деволану поручалось

ознакомиться на месте. Министр также просит его составить экспертное заключение «по важнейшему и давнему проекту» соединения Каспийского и Черного морей, с тем расчетом, чтобы «осталось только приступить к делу».

Водные маршруты и системы, спроектированные и возведенные под руководством Румянцева, до сих пор востребованы, служат национальной экономике, обеспечивая устойчивое внутреннее судоходство. Венцом творения стало завершение строительства Мариинской водной системы. Крупнейшее по тем временам в мире гидротехническое сооружение в 1810 году вступило в строй. Оно обеспечивало транспортировку до двух третей грузов из бассейна Волги на северо-запад страны. Невиданная по своим масштабам водопропускная система на Парижской выставке 1816 года была удостоена золотой медали. Последующее ее развитие в XX веке превратило Мариинскую водную систему в Волго-Балтийский водный путь.

* * *

Давно подмечено, что самодержавным правителям, как правило, не всегда хватало терпения, старания, усидчивости, чтобы целиком посвящать себя решению национальных, внутригосударственных проблем. Избавление от рутинных хлопот обреталось в заботах о внешнем мире, за порогом своего Отечества. Отражение надуманной военными внешней угрозы, выполнение союзнических обязательств по отношению к не всегда надежным союзникам служили серьезным поводом к выступлению в военный поход. Утомленного мирскими заботами монарха влекли лавры военной славы. В таких случаях легко находился повод прийти, к примеру, на помощь кому-либо из воюющих монархических домов. Феномен Наполеона Бонапарта предопределил движение эпохи, ее драматургию. Коалиции древних европейских монархий, создаваемые с целью остановить «неистового корсиканца», одна за другой терпели поражения. Что касается Франции и России, их параллельное сосуществование, наметившееся в самом начале века, обещало равновесие интересов, сохранение некого мирного баланса в двусторонних отношениях. Однако начиная с декабря 1805 года события стали развиваться по самому плохому сценарию…

В результате военных действий в центре Европы рушились отлаженные хозяйственные связи, наметился спад в торговле с традиционными партнерами на Балтике. Юг и восток оставались

направлениями, где имелись возможности смягчить неизбежные трудности. Наладить товарообмен с государствами, соседствующими с дальними окраинами России, становилось целью стратегического значения.

Системное освоение побережий Черного и Азовского морей, превращение этого региона в мощный торгово-транспортный комплекс — одно из выдающихся событий первых десятилетий XIX века. Ориентация хозяйственно-экономической политики государства в сторону интенсивного освоения юга, включения его в единую систему народно-хозяйственных связей — историческая заслуга Румянцева и его единомышленников. Предстояло проложить транспортные маршруты, наладить грузопоток к портам, которых еще не существовало. Прибрежные деревни преобразовать в города. Создать портовую инфраструктуру. Построить флот, способный ходить как по реке, так и по морю.

Предпринимались разные попытки решения этих масштабных задач. Прежде всего для юга страны были объявлены меры государственной поддержки, стимулирующие деловую активность. Опорные пункты России на Черном и Азовском морях, берег Каспия, а также условная сухопутная граница в Сибири к тому времени выступали своего рода разделительными линиями. Местом для торговых сделок, как правило, служили мелкие поселения, приграничные пункты, сделки осуществляли многочисленные посредники. Правительственные распоряжения от 1803 и 1807 годов, на четверть сократившие таможенные платежи, создавали новые экономические стимулы для местных коммерческих структур. Торговые издержки по сравнению с прежними затратами снизились в три раза, что существенно увеличило приток товаров из сопредельных государств по Дунаю и Черному морю. Режим благоприятствования, помимо таможенных и налоговых льгот, открывал широкие возможности для землепользования и строительства.

Ключевое значение в развитии южного торгово-транспортного направления придавалось Одессе, Феодосии, Херсону, Таганрогу. За десятилетие захолустные поселения у берегов Азовского и Черного морей были преобразованы в современные портовые города. Через них постепенно налаживался регулярный торговый транзит в соседние страны и обратно. Развитие портовой инфраструктуры осуществлялось не только за счет финансирования из государственной казны, но и на основе пожалованных выгод местным властям и предпринимательским сообществам. В частности, Одессе десятую часть таможенных доходов дозволялось расходовать на обустройство гавани, строительство «складочных магазинов»,

таможенного дома.

* * *

Глубокий след в истории хозяйственно-экономического становления юга России оставил первый градоначальник Одессы, а затем и первый губернатор Новороссии Арман Эммануэль (Эммануил Осипович) герцог де Ришелье дю Плесси, граф де Шинон. Судьбу представителя именитой фамилии, изломы жизненного пути, как и многих французских аристократов, предопределила революция 1789 года. Долгие годы за пределами своей страны вынуждены были провести не только оставшиеся в живых представители правящего дома Бурбонов (они еще могли рассчитывать на внешние поступления и пожертвования), но и значительная часть деятельного, образованного дворянства. Не имея средств к существованию, они пополняли войска антинаполеоновских коалиций или искали другие пути, где и как применить себя.

Герцог де Ришелье принадлежал к той немногочисленной группе иммигрантов, кто не пожелал тратить свою жизнь впустую. Он посчитал бессмысленным сидеть сложа руки в ожидании конца правления Наполеона Бонапарта и решил поступить на службу в России. Наиболее важный, «российский этап» начался в 1803 году, когда указом Александра I де Ришелье был назначен губернатором Одессы. Ему предстояло претворить проект, задуманный другим иностранцем — Хосе (Осипом Михайловичем) де Рибасом[17], которому принадлежит идея основать здесь «порт для военного флота, купеческой гавани и города с крепостью при оных»{76}.

В Российском государственном архиве древних актов{77} хранится обширная переписка министра коммерции Румянцева с градоначальником Одессы Дюком де Ришелье. Наиболее интенсивный период охватывает 1803—1806 годы, самые трудные для потомственного французского аристократа. Реальность его разочаровала, о чем он откровенно сообщает Румянцеву: «На самом деле я постоянно нахожусь в состоянии раздражения, видя, каким образом служат государству в этой стране и какие огромные суммы были потрачены и практически потеряны, выброшены на ветер» (15 апреля 1803 года).

Однако эти обстоятельства не стали для Ришелье препятствием. Оценивая открывающиеся здесь перспективы, он пишет в Санкт-Петербург: «Торговля на Черном море в течение длительного времени лишь притягивала взгляды правительства

России. На самом деле эта торговля заслуживает всего его внимания… Внешняя черноморская торговля имеет четыре больших канала, по которым в Россию должны поступать огромные богатства» (26 апреля 1803 года).

В неменьшей мере новый градоначальник был потрясен тем, с какими людьми ему приходилось начинать свою деятельность. «Управление юстиции является объектом наивысшей важности в торговом городе, а здесь, можно сказать, или полностью пренебрегают или, вернее, оно вовсе не существует. Суд состоит из людей самых презираемых, глава его не умеет ни читать, ни писать, и можно сказать, что это его самый малый недостаток» (15 апреля 1803 года).

Далее последовали решительные действия, и уже через год Ришелье докладывал Румянцеву: «Внутреннее судоходство ныне пришло в великое приращение: в прошлом году приходило из Херсона, Николаева и других мест 250 судов, а ныне пришло их 397 и на них было 1300 человек. Представляется, что сия часть заслуживает одобрения в рассуждении доставления хороших матросов и внутренней пользы.

Внутренние провинции России, прежде выписывавшие иностранные товары через Север, начинают привлекать товары через Одесский порт. Харьковский помещик Каразин от компаний сего города прислал в Одессу человека учредить контору. Главным предметом оной будет выписка иностранных товаров, которые свозиться будут в Харьков, а оттуда пойдут внутрь России» (16 ноября 1804 года).

Уже тогда открывшиеся возможности черноморской торговли помогли избавить Европу от голода. Ришелье докладывал в Петербург: «В Испании чрезвычайный недостаток хлеба, и потому чрезвычайные требования в короткое время подняли цену на хлеб 20-ю процентами. Если бы житницы Черного моря не помогли полуденной части Европы, то она должна бы подвергнуться всему ужасу голода» (1 сентября 1804 года).

А еще через год Румянцев получает от Ришелье донесение, полное гордости и оптимизма: «Нынешний год коммерция в Одессе в самом блистательном состоянии. Более 500 судов в приходе, да еще 200 придет. Приезд иностранцев из Италии и Оттоманских областей чрезвычаен. Так же и женщины начинают приезжать, что есть знаком твердого поселения. Постройки по мере распространения торговли умножаются. Теперь Одесса прелестный город, а года через три… будет большим и преизрядным… Теперь она за 1000 верст в окружении лучше всех городов» (13 июня 1805 года).

На полях: «Доложено государю-императору 28 июня 1805

года».

В переписке с Румянцевым упоминаются разные вопросы, затрагивающие разноотраслевое хозяйство: о создании страховой конторы, о расчистке днепровских порогов, о вине из фруктов, о торговом режиме Порто-франко, о почте, о привозе мебели, о размножении тутовых деревьев, о продаже баранов испанской породы, о гимназии и т. д.

К концу 1806 года, подводя итоги своего пребывания в первые годы на черноморских берегах, Ришелье пишет Румянцеву: «Наконец, господин граф, я решаюсь сказать, что основы для процветания торговли на Черном море заложены, но осуществление наших желаний по этому поводу зависит от событий, управлять которыми не в нашей власти» (24 октября 1806 года).

Ришелье были даны весьма широкие полномочия. Предписывалось: «…иметь начальство над всеми военными командами: над всеми крепостными и портовыми строениями, над таможнею, карантином, постовою конторою, морскими чиновниками; наблюдать за скорым и точным правосудием; увеличивать население Одессы привлечением туда полезных иностранцев; наблюдать за правильным употреблением городских доходов…»{78}

Ришелье привнес в отсталую, необустроенную жизнь российской окраины немало новаций и европейский опыт. На месте поселения Гаджибей (Хаджибей) было развернуто строительство крепости, казарм, складов, причалов. Губернатор внедрял культуру быта, приемы домоводства, огородничества, садоводства, как мог, старался облагородить этот доставшийся ему на попечение мир. Давал наказ мореходам доставлять в Одессу новые сорта плодовых и декоративных растений, завозил продуктивные породы животных. Неустанная забота о санитарном состоянии Одессы позволила без больших потерь преодолеть в 1811—1812 годах эпидемию чумы. Дюк, как его называли в народе, не считаясь со временем, посвятил делу всего себя. Вел весьма скромный образ жизни. Власть Ришелье начиная с 1805 года распространилась на весь Причерноморский регион. В должности новороссийского генерал-губернатора герцог прослужил 11 лет. За это время местечко Гаджибей в 700 дворов превратилось в Одессу — процветающий город-порт с населением 35 тысяч человек. Объем совершаемых здесь торговых сделок возрос в десять с лишним раз: с двух миллионов рублей в 1802-м до 25 миллионов к 1813 году Все эти годы Ришелье работал под непосредственным руководством министра коммерции Румянцева, который во всем поддерживал и всячески помогал

первостроителю юга России и делом, и советом. Об этом свидетельствует их обширная переписка, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации.

Ришелье покинул Одессу в 1814 году. Сохранились свидетельства трогательного прощания горожан с любимым градоначальником. Жители вышли на улицы проводить Дюка в дорогу. Представительная процессия долго тянулась вслед за отъезжающим. В 1818 году Александр I посетил Одессу. Император был поражен увиденным, оценил масштабы содеянного герцогом. В признание заслуг Ришелье перед Россией, к тому времени первому министру Франции, была направлена награда — орден Андрея Первозванного. Тогда же было принято решение установить в Одессе памятник. Имя Ришелье сохранено в названии одной из центральных улиц города.

Премьер-министр и министр иностранных дел Франции Ришелье в тяжелый, переходный постнаполеоновский период показал себя личностью выдающейся. За государственные заслуги был удостоен высшей награды — ордена Духа. Между тем придворные интриги, необоснованные нападки, травля со стороны «разномастных» сановников побудили первого министра подать в отставку. Ришелье, как свидетельствуют источники, вознамерился вернуться в Россию. Остаток жизни ему хотелось провести в полюбившемся ему крае. Преждевременная смерть в 1822 году не позволила осуществить задуманное…

* * *

Политический смысл и деловую целесообразность Румянцев видел и в продвижении государственных целей и экономических интересов России и по другим, географически сопредельным направлениям, где вполне преуспели европейские государства-конкуренты. Торговые пути в Китай и Японию, некогда проложенные русскими первопроходцами и мореплавателями, оставались пока невостребованными. Отношение власти к налаживанию торгово-экономических отношений с граничащими с Сибирью территориями на Дальнем Востоке противоречило растущим интересам государства.

Факты российской истории свидетельствовали если не о небрежном, то бессистемном подходе предшественников к освоению перспективных экономических пространств. Контакты, сулящие взаимные выгоды в отношениях с граничащими странами, затухали, наметившиеся связи прерывались на десятилетия. Румянцев же положил начало системной работе по

установлению добрососедских отношений с Китаем и Японией.

* * *

Музыкальный спектакль Алексея Рыбникова «“Юнона” и “Авось”» в московском «Ленкоме» — украшение репертуара этого театра. Более четверти века постановка пользуется неизменным успехом. Поэма Андрея Вознесенского талантом режиссера Марка Захарова и его труппы воспроизведена как захватывающее действо. На сцене много такого, что заставляет зрителя не просто сопереживать, но и задуматься: не вымысел ли это? Происходило ли вообще в реальной жизни что-либо подобное? Существовал ли на самом деле тот, кто выведен главным героем? Не является ли камергер Резанов всего лишь литературным персонажем? А если и был в истории такой реальный человек, то почему о нем, о его служении потомкам толком ничего не известно? Может ли быть так, что если он действительно был, то неужели оставил по себе след лишь своей безумной страстью, испепеляющей любовью к испанской даме?

Николай Петрович Резанов — был. Он — выдающаяся личность. Герой-первопроходец, подлинный патриот, в ком служение Отечеству, чувство долга были для него высшей жизненной ценностью. Андрей Вознесенский только едва приоткрыл завесу неизвестности над этим именем. Вымысел в «“Юноне” и “Авось”» преобладает. Невероятная судьба героя, обаяние его личности подвигли на поиски более полных сведений о подлинном Резанове. Постепенно из глубин времени стали появляться свидетельства, документы, факты, полнее и точнее проясняющие обстоятельства его жизни и служения.

Именно его, Резанова, министр коммерции Николай Петрович Румянцев призвал для выполнения миссии, по тем временам, исторического масштаба — быть во главе первой российской кругосветной экспедиции. Предусматривалось морским походом пройти из Петербурга до Камчатки, нанести визит в Японию, произвести инспекцию российских владений в Русской Америке… Это предприятие оказалось наиболее ярким, но и самым драматическим этапом жизни Резанова.

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранятся документы, проливающие на служение Н.П. Резанова новый свет. Это «Особая инструкция для японской Миссии, данная Резанову Министром Коммерции Графом Румянцевым»[{79}], а также «Высочайший рескрипт, данный на имя Действительного Камергера Резанова 10 июня 1803 года». В

документе «Всеподданнейшая записка о торговле с Японией, поданная императору Александру Павловичу Министром Коммерции графом Румянцевым 20 февраля 1803 года»{80} Румянцев указывает, что предлагаемый им проект «есть предприятие, соделывающее знаменитую в Российской торговле эпоху».

В свою очередь в императорском рескрипте говорилось:

«Господин действительный Камергер Резанов! Избрав Вас на подвиг, пользу Отечеству обещающий, как со стороны японской торговли, так и рассуждении образования Американского края, в котором Вам вверяется участь тамошних жителей, поручил я канцлеру вручить Вам фамоту, от меня к японскому императору назначенную, а министру коммерции по обоим предметам снабдить Вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены мною. Я предварительно уверяюсь, по той способности и усердию, какие мне в Вас известны, что приемлемый Вами отличный труд увенчается отменным успехом и что тем же трудом открытая польза государству откроет Вам новый путь к достоинствам, а сим вместе, несомненно, более еще к Вам же обратить и мою доверенность.

Александр»{81}.

Тогда, в начале XIX века, новое царствование желало заявить о себе чем-то значительным. Эпоха великих географических открытий, казалось бы, осталась позади, но Румянцев и его единомышленники не считали возможным для России отказываться от дальних морских экспедиций. К тому времени стали придавать особое значение тому, как использовать ресурсы огромных пространств Сибири, как сделать доступными принадлежащие России отдаленные территории островов Курильской гряды, а также на Тихоокеанском побережье Северной Америки. Не была еще до конца изведана возможность пройти, охватив евразийский материк вдоль северного побережья — от Кольского полуострова до Чукотки и Камчатки. Румянцеву принадлежит историческая заслуга именно в том, что, несмотря на сотрясавшие Европу военные тревоги, удалось доказать правящей элите необходимость и целесообразность освоения морских торговых путей с Запада на Восток. Свои взгляды на этот счет министр коммерции обосновал в другом документе, во «Всеподданнейшей записке о торговле с Японией, поданной императору Александру Павловичу Министром Коммерции Графом Румянцевым 20 февраля 1803 года».

Европейские войны наносили российской экономике немалый урон. Задумав лишить Британию мировой гегемонии, Наполеон I приступил к осуществлению своих планов. Англо-французское

противостояние сулило для российской экономики весьма мрачные внешнеторговые перспективы: разрушение традиционных хозяйственных связей, спад в торговле. Восток казался министру коммерции Н.П. Румянцеву направлением, позволяющим, по меньшей мере, возместить потери российской экономики, открыть новые горизонты в торговле. Наладить товарообмен с иностранными государствами, соседствующими с отделенными огромными расстояниями экономическими районами России, казалось делом не только перспективным, но в то же время крайне необходимым. Небольшие колонии русских поселенцев, в разное время заброшенных судьбой на острова Курильской гряды, на Сахалин, Камчатку, Алеутский архипелаг, побережье Аляски и далее — вдоль берега по континенту Северной Америки, влачили существование в гибельных условиях. Страдая от сурового климата, болезней, от нехватки самого насущного, подвергаясь набегам местных племен, русские люди едва выживали среди лежащих без движения огромных богатств. Добытые ценности, прежде всего пушнину, вывозить было некому и не на чем. Путь через Сибирь давался ценой невероятных лишений. Покрыть огромное расстояние через океаны и моря доселе никому из россиян не удавалось. Доказать способность России преодолевать океаны, подобно тому как это делали мореходы Португалии, Испании, Голландии, — эта мысль к концу XVIII — началу XIX века не оставляла многих. И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский оказались в нужный момент в нужном месте. Два бывалых морских волка в прежние времена прошли школу служения на английских кораблях. К 1803 году вынашиваемые ими и их предшественниками-мореходами мечты сомкнулись с реальной государственной необходимостью.

* * *

В те годы интересы деловых людей России стали все более сосредотачиваться на том, чтобы попытаться извлечь реальную выгоду от деятельности Российско-американской компании. Акционерное предприятие было учреждено в конце XVIII века с целью освоения земель на восточном побережье Северной Америки, однако устроители никакой отдачи от этого не имели. В задачу экспедиции, снаряженной на двух парусниках «Надежда» и «Нева», входила инспекция не только принадлежащих Российской империи владений на Камчатке, но и тех, что расположены по восточному побережью Северной Америки — от Аляски до Калифорнии. В докладной записке Александру I, датированной 20 февраля 1803 года, Румянцев ясно указывает, что снаряжаемая экспедиция «есть предприятие, соделывающее знаменитую в Российской торговле эпоху». Набросав план движения экспедиции, Румянцев помимо инспекции североамериканских владений компании преследовал главную цель — организовать торговые операции на юге Китая, в Индонезии, но ключевое значение он придавал Японии. Перед Резановым ставилась задача попытаться наладить связи со Страной восходящего солнца. По сведениям, имевшимся в Петербурге, такая возможность некогда, в царствование Екатерины II, имелась, но ею не смогли должным образом воспользоваться.

Неудачу прежней попытки — навести мосты в Японию — Румянцев относил на счет неправильного выбора людей, «собственная нравственность которых не соответствовала их назначению». Поэтому принципиально важным было, чтобы экспедицию возглавил «человек со способностями и знанием политических и торговых дел», такой, кому удастся «постановить на предбудущее время дружеские сношения между империями». Румянцев полагал, что прибытие в Японию видного российского сановника, наделенного особыми императорскими полномочиями, владеющего правилами обхождения, способностями убеждать, позволит преодолеть барьер отчуждения, но, по меньшей мере, исключит Россию из числа других, отверженных Японией государств.

* * *

Резанову к тому времени было 39 лет. Он имел отличную

деловую репутацию, был хорошо образован, знал несколько иностранных языков. В молодые годы некоторое время служил под началом самого Державина. Совершил поездку в Сибирь и на Дальний Восток, где изучал возможности строительства морских судов, затем продолжил службу в Сенате. Еще со времен Екатерины II Резанов под влиянием сибирского первопроходца П.И. Шелихова заразился идеями масштабного освоения русскими побережья Северной Америки, думал над тем, как сделать доходной Российско-американскую компанию. Резанову удалось передать свои предложения Павлу I, и он был поддержан. Подступиться к осуществлению намеченных целей удалось, однако уже в новое царствование, при императоре Александре Павловиче. Российско-американское акционерное общество под руководством Резанова претерпело существенные преобразования. В состав его членов вошли представители около 400 именитых фамилий, среди них были и члены правящей династии.

* * *

«Особая инструкция для Японской Миссии, данная Резанову Министром Коммерции Графом Румянцевым»{82} — интереснейший документ российской дипломатии начала XIX века. Инструкция позволяет судить о характере дипломатического творчества того времени, о том, как выстраивались подходы России к достижению непростых целей. В том, как изложена историософия вопроса, видно, каковы были в России представления о Японии. Предвидя неизбежные трудности, создатели документа очерчивают пределы желаемого и возможного, прописывая программу максимум и минимум. До мельчайших деталей в инструкции изложены протокольные тонкости, какие необходимо соблюдать российскому посланнику, прослеживается желание предостеречь Резанова от возможных ошибок. Для документа характерен абсолютно внятный, подлинно русский, весьма близкий к современному, литературный язык. В нем почти отсутствуют архаизмы и канцелярские обороты, свойственные служебным документам того времени.

Помимо преамбулы инструкция содержит 22 параграфа, каждый из которых достоин внимания и комментария. Здесь возможно остановиться лишь на некоторых наиболее существенных.

Первым делом детально прописаны вопросы, которые Резанов

неизбежно услышит. Изначально придется рассказывать как о государстве, которое Резанову доверено представлять, так и лично о нем самом. В том, что касается российской государственности, Румянцев предписывает Резанову:

«Вы скажите, что Россия есть первейшее пространством своим Государство в Европе и объясните границы оного; что климаты в сем Государстве различны, потому что оно занимает пол света; что Россия могуществом своим содержит в почтении и равновесии всю Европу, Китай, Турецкую империю и Персию; что войска она имеет и пехоты и конницы до 700 000; что управляема земля сия Самодержавным Государем, а как Японцы к единому самодержавию имеют почтение, то опишите Самодержавную Российскую Власть во всем ее достоинстве. Вы можете сказать, между прочим, что многие Азиатские Цари и владетели, каковы суть Сибирские, Грузинские и Калмыцкие, покоряясь Его могуществу, ныне просто в числе знатных Его подданных находятся; что Государь Император Российский, приняв Прародительский Престол и увидев обширность границ своих, славными победами Предков Его ознаменованных, положил царствовать в тишине и мире со всем светом. Что Государство Его есть прибежище наук, художества и законов».

Особо указывается на необходимость быть максимально точным, «действовать с большой осмотрительностью», на все вопросы «отвечать просто и без притворства»: «Вас будут весьма подробно спрашивать и о разных вещах, даже и о тех, которые им известны, и ответы Ваши велят записывать. Между прочим будут любопытствовать: какая земля Россия? Как она обширна? Каковы ее границы? Что растет в России? Самодержавен ли Государь оной? Какие он содержит войска? Против кого воюет? Какие его союзники? Какая у него полиция? Какой закон? Какие обычаи и множество вопросов Вам зададут подобных. Спросят Вас, что Вы за человек? Будучи Его Посланником, в каком Вы качестве и достоинстве? Какая Ваша должность? В каких Вы чинах? Какого рода грамота Императорская? Как они писана? Как запечатана? Как уложена и каким образом Вы ее сберегаете?»

* * *

Пожалуй, самым тонким и наиболее сложным ожидался вопрос о том, как правильно и по возможности точно донести сведения о вероисповедании. Враждебность Японии к христианству виделась Румянцеву одним из главных препятствий, способных повлиять на успех предприятия. Причины, некогда

побудившие Японию отгородиться от остального мира, были известны. Поэтому особое внимание уделено тому, как развеять возможные предубеждения японцев к россиянам из-за их религиозной принадлежности. В доказательном отношении это наиболее уязвимая сторона документа — попытка показать независимость православия от католицизма и его преимущество над ним.

Португальские, а затем и испанские мореплаватели, открыв в 1542 году Японию, проложили сюда дорогу не только торговцам, но и миссионерам. К середине 80-х годов XVI века численность в Японии новообращенных христиан достигла 600 тысяч. Используя проверенный с другими народами опыт, пришельцы постепенно стали распространять свое влияние на светские дела, начали вмешиваться в местные обычаи, насаждать пренебрежение к коренным историческим культам. Новая религия стала все более приобретать форму власти, параллельную государственной. Росло недовольство в японской правящей элите. Раздражение накапливалось и в простом народе, для которого буддизм и синтоизм оставались традиционными религиозными ценностями. Поводом для изгнания католических миссионеров и полного искоренения христианства послужили откровения кого-то из испанских мореплавателей. Японцы от него узнали, в чем состоял подход колонизаторов. «Желая завоевать какую-либо новую страну, туда заблаговременно направляют миссионеров, чтобы через христианские проповеди они помогли подготовить в местном населении благоприятные условия для последующего полного покорения прежнего государственного пространства». По сигналу власти в Японии, начиная с 1614 года, в массовом порядке началось физическое истребление христиан. Именно тогда произошло «страшное христианам гонение и изгнание из Японии португальцев». Принадлежность к этому вероучению была объявлена государственным преступлением. Последние попытки японцев-христиан к сопротивлению были окончательно подавлены в 1637 году избиением на юге страны около 40тысяч верующих… С тех пор страна оказалась закрытой для внешних сношений, а японцам было запрещено покидать пределы архипелага.

«…Касательно Духовного закона скажите Вы, что Российский закон совершенно противен Гишпанскому и Голландскому, разделен от оных и догматами и обрядами. Спросят Вас не зависит ли Государь Российский от Папы по примеру некоторых известных им Монархов? Вы дадите ответы, что Он от Папы ни мало не зависит, даже не признает его за Духовную Особу, а сносится с ним как со светским малоземельным Владетелем; что

над Российским законом Папа начальства не имеет; что Российский Государь не признает никого Себя свыше и есть Сам непосредственный начальник духовенства Своей земли; что он соединяет кротость с мужеством и имеет власть неограниченную, а со всем сим любит мир и тишину; что кроме тех познаний, каким исполнен вне всей Европы, он жаждет узнать состав Правительства и других частей света. Что при таких Богом вдохновенных дарованиях, поставляя в величайшую цену жизнь и спокойствие людей и радея не только что о Своем подданных, Он и Японцев, кои злощастною судьбою прикинуты были на берег Его владений, возвращает Отечеству и в дар Японскому Императору».

* * *

Инструкцией отдельно предписывалось строго соблюдать в общении с официальными лицами протокольные требования, какие, по имевшимся в России сведениям, приняты при дворе японских императоров: «Я не могу довольно повторить Вам, — пишет Румянцев, — сколько для Вас необходимо будет соображаться несходству их обычаев с нашими и не ставить того в унижение. Таковые правила предписывал сам Людовик XIV, известный между Монархами государь, тем, что с крайнею бережливостью охранял Монаршее достоинство, когда снаряжал Посольство в Японию. В 1624 году Послы Короля Гишпанского… не были приняты и возвратились для того токмо, что сообразоваться с Японскими обычаями не хотели…»

Не меньшее значение в инструкции придается тому, как должно выполнить торжественный акт вручения послания императора Александра I, «относиться к которому следует с высочайшим почтением, как к высшей ценности». Детально прописано, каким образом и кому следует передать документ.

«По получении первых повелений от Двора касательно Вашего приезда, а может быть еще и прежде, попросят у Вас посмотреть грамоту Государеву и перевесть оную. Отказывать Вам в том не надобно. Ящик или футляр, в которой будет положена грамота Государства, должен находиться в лучшем из сундуков Ваших. Сундук сей велите Вы поставить в наилучшем или возвышеннейшем месте Вашей комнаты и к сундуку сему никогда с покровенной головой не приближайтесь. У Японцев есть в обычае, чтобы пред знатными особами и пред предметом такого почтения всегда стоять с открытою головою. И в сем случае надобно будет выполнить обычай Японской, а особливо когда

откроют сундук, в котором будет ящик с грамотою, когда будут смотреть грамоту и прикасаться оной. Если Японцы не дадут Вам нарочных людей нести сию грамоту, когда от Вас сказано будет, тогда изберите Вы двух из почетнейших чиновников, при Вас находящихся, которые… понесут грамоту, куда от Вас приказано будет. Футляр надобно поставить в ящик и уложить хорошенько. Понесут ее под балдахином и так Вас поведут ко Двору. Вам идти надобно будет за балдахином в знак почтения к Императору, Вашему Государю и чтобы самое тоже почтение возбудить в самих Японцах».

Главная же цель, ради которой миссия Резанова направляется в Японию, подана ясно и лаконично: «Важнейший предмет обязанности Вашей — в открытии торга с Японией. Разведывая и прилагая к тому все пристойные с обычаями их средства… представьте им сколь для обоих Государств выгодно производить торг непосредственно; что от нас будут они получать из первых рук пушные товары, мамонтовую и моржовую кость, рыбу, кожи, сукна и проч., каковых товаров ни от которого народа столь выгодно не получат, а мы взамен получать от них можем: пшено, штыковую медь, шелк и проч»..

Предвидя отказ японцев на предложения России приступить к полномасштабному взаимовыгодному сотрудничеству, Румянцев советует Резанову попытаться найти компромисс, предложить возможные варианты организации торговли.

«Впрочем, если бы по каким-либо непредвидимым случаям не согласились они на совершенную свободу в торговле, то не меньше Вам домогаться нужно, если более одного корабля в Нангасакскую гавань присылать они не позволят, чтобы открыта была мена на остров Матмай[18], который частью принадлежит одному владетелю, а частью мохнатым Курильцам[19]; буде же и того не удастся, то тут остается средство производить на остров Уруп, что ныне назван “Александром”, Компаниею заселенном; таким образом чтобы через мохнатых Курильцев могли мы доставать Японские товары и через них же им продавать или променивать наши. Разведайте об острове Сахалин: один ли народ на Сахалинском острове находится или многие; кому принадлежит остров сей? почитают ли его Японцы принадлежностью Китая или не зависимым? в какой связи островские жители с Японцами, и каким образом можно им достигнуть до открытия торга?»

* * *

Как справился Резанов со своей задачей? Первоначальным планом предполагалось, что экспедиция, сделав краткие остановки в портах Европы, пересечет Атлантику с заходами на Канарские острова и в Бразилию, затем обогнет мыс Горн, далее, проследовав через Тихий океан, прибудет в Японию, в порт Нагасаки. По завершении миссии в Японию экспедиция должна была прибыть в российское базовое поселение, в Петропавловскую гавань на Камчатке. После разгрузки, отдыха, ремонта судов предстояло осуществить инспекцию опорных пунктов российских поселенцев на американском побережье. Загрузив колониальный товар, планировалось движение экспедиции обратно.

Однако с первых дней плавания Резанов начал сталкиваться с обструкцией, учиняемой мореходами. Успешному выполнению намеченного маршрута помешали не одни только бури и шторма. Существенную роль сыграл, как водится, человеческий фактор. По инструкции, полученной Крузенштерном, ему как опытному мореходу поручалось лишь командование экипажами судов в морском и дисциплинарном отношении. Резанов же уполномочивался «полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке». В документе, подписанном императором 10 июня 1803 года, говорилось:

«Господин действительный камергер Резанов! Избрав Вас на подвиг, пользу отечеству обещающий, как со стороны японской торговая, так и в рассуждении образования Американскою края, в котором Вам вверяется участь тамошних жителей, поручил я канцлеру вручить Вам грамоту, от меня к японскому императору назначенную, а министру коммерции по обоим предметам снабдить Вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены мною. Я предварительно уверяюсь, по той способности и усердию, какие мне в Вас известны, что приемлемый Вами отличный труд увенчается отменным успехом и что тем же трудом открытая польза государству откроет Вам новый путь к достоинствам, а сим вместе несомненно более еще к вам же обратить и мою доверенность.

Александр».

Оттесненный от заведования всей экспедицией, Крузенштерн увидел для себя не только материальные потери (размер вознаграждения от ожидаемого был несколько урезан), но и утрату лидерских позиций, не ему одному сулящих лавры первопроходца[20]. Это и наложило негативный отпечаток на все предприятие, как и на сведения о нем, поступившие впоследствии в Петербург после завершения плавания. Камергер постоянно наталкивался на обструкцию, злопыхательство, враждебность.

Такое отношение передавалось и членам экипажей судов, где среди офицеров были известные впоследствии мореходы Ф.Ф. Беллинсгаузен, М.И. Ратманов, О.Е. Коцебу. На судне «Надежда» оказалась довольно пестрая компания. Каюты получили и «некоторые из ученых лиц», включенные в экспедицию с целью «пополнения познаний и полезных примечаний». Были люди, наделенные условными, представительскими обязанностями, «дабы придать посольству более блеска», и просто любопытствующие «повидать свет за казенный счет». «Население» корабля с первых дней плавания поделилось на группы, предпочитавшие держаться независимо друг от друга. Образовался довольно сложный, чреватый несовместимостью психологический фон. Обстановку подогревал скандалист поручик Федор Толстой, получивший известность по прозвищу «Американец». Это был особый тип чрезвычайно конфликтного человека. Он стал «пружиной всех беспорядков». Его списали на сушу, как только судно «Надежда» прибыло в Петропавловск. Толстой-Американец был вынужден возвращаться в Петербург «пешеходным туристом»{83}.

* * *

Напряжение среди командования экспедиции добавил выявившийся факт подлога, совершенный Лисянским. «Надежда» и «Нева», вопреки ожиданиям, не выказывали должных мореходных качеств. Приобретенные Лисянским в Англии по весьма высокой цене новейшие суда, как оказалось, таковыми не являлись. Произведенный у берегов Бразилии тщательный осмотр и ремонт обнаружил: корабли отнюдь не новые, а всего лишь подновленные, постройки 1789 года. Их ветхость подтверждалась не только клеймами, найденными ремонтниками на днищах. Корабли не выдерживали серьезных штормовых нагрузок. Это не раз ставило как сам экипаж, так и суда на грань гибели. На рейде у Канарских островов от стоявших здесь бывалых мореходов участники перехода узнали: это были «Леандр» и «Темза», и услышали, что претерпели эти суда в морских сражениях…

Из Бразилии Резанов докладывал графу Румянцеву: «Мы ожидаем теперь благоприятного ветра, но когда пойдем, не могу донести по неповиновению г. Крузенштерна, не говорящего со мной ни слова о его плавании. Не знаю, как удастся мне совершить миссию, но смею Вас уверить, что дурачества его не истощат моего терпения, и я решил всё вынести, чтобы только достигнуть успеха».

Резанов проявлял терпение и благородство до последнего. Тем не менее дипломатический посланник и полномочный министр, камергер Резанов в один из наиболее ответственных этапов экспедиции под угрозой физической расправы оказался заперт в своей каюте. Предъявленный бунтовщикам рескрипт императора на имя Резанова был предан осмеянию. Бунт команды, поднятый Крузенштерном против Резанова, привел к фактическому отстранению его от руководства экспедицией. Это произошло после того, как суда, преодолевая шторма, обогнув мыс Горн, вошли в воды Тихого океана. «Надежда» не смогла без потерь пройти испытания, получила течь в корпусе. Блокированный в каюте Резанов до прибытия кораблей в Петропавловскую гавань на Камчатке практически не выходил из затворничества. О заходе в Японию в это время не могло быть и речи.

* * *

В Петропавловске по обращению Резанова к действующему губернатору состоялось расследование. Вердикт грозил Крузенштерну отстранением от командования кораблем, обещал возвращение в Петербург сухопутным путем для предания суду. Капитан предпочел отступить. Он вынужден был принести публичные извинения Резанову. Извинения Крузенштерна пришлось принять. Людей, способных профессионально управлять парусными судами, знающих навигацию, в том краю было не сыскать.

После произведенного ремонта «Надежда» двинулась в сторону Японии. «Открыть торг с Японией» Резанову не удалось. Общение ограничилось на уровне властей острова, в акваторию которого прибыл его корабль. Накануне прихода в Японию «Надежда» едва выстояла, оказавшись в эпицентре тайфуна. Войти в гавань, сойти на берег ни Резанову, как и никому из членов команды, не дозволялось. Первые встречи отнюдь не отличались гостеприимством. Мореходов долгое время «держали пленниками», не давая сойти на берег, пополнить припасы. Посланник тяжело заболел, и только это обстоятельство дало возможность сойти ему на берег. Внешние контакты, в том числе и с находящейся поблизости голландской факторией, были ограничены. Документы, какие Резанову в конце концов удалось представить, местный губернатор отправил с нарочным в Иедо[21], в резиденцию императора. Ответа пришлось дожидаться довольно долго. Посланец из Иедо воротился ни с чем. Его

возвращение ограничилось лишь сообщением о беседе с секретарем императора. Между тем отношение к пришельцам несколько смягчилось. Корабль Резанова стали посещать именитые граждане, происходил обмен подарками. Резанов старался проявлять возможное гостеприимство, угощал, в том числе и водкой, дарил подарки. Официальное послание российского императора было переложено в специально изготовленную торжественную упаковку, скреплено печатью местного губернатора…

Ожидание реакции официальных властей Японии затянулось на шесть месяцев. Все это время, что, в конце концов, удалось выведать Резанову, при японском дворе продолжалась дискуссия, как отнестись к контактам с русскими. Один из высокопоставленных японских чинов откровенно сказал, что «время, какое благоприятствовало русским, ушло в прошлое». К тому времени, когда корабль Резанова появился у японских берегов, «уже шесть лет, как умер последний при Дворе вельможа, кто ратовал за связи с соседом с Севера. После него пришло время противной партии», — записал он в своем дневнике.

* * *

Инструкция, данная Резанову, не могла вобрать в себя все необходимое. Многое не подтвердилось, другое вступило в противоречие с реальностями, а то, что казалось правдой, на самом деле таковой не являлось. Наивно было предполагать, что японцы, отвергнув католичество, проникнутся доверием к православным христианам. Священники на «Надежде» мало чем отличались от изгнанных из Японии сто с лишним лет назад… Голландцы, получившие ценой немалых усилий право на заход в японские порты двух кораблей в течение года, втайне смотрели на россиян как на непрошеных конкурентов.

Проявляя завидное упорство, российский посланник пытался вызвать японцев на конструктивный диалог. Подарки, привезенные экспедицией для представителей высшей власти, сначала были приняты, затем возвращены. Попытки Резанова переубедить японских должностных лиц, а также предпринимаемые им демарши результата не давали. Японцы оставались непреклонными. Передав находившихся на его борту ранее спасенных у российских берегов четырех японских моряков, Резанов был вынужден возвратиться в Петропавловскую гавань ни с чем.

К тому времени Крузенштерн, воспользовавшись

неопределенностью, отказался продолжать движение к островам Курильской гряды, к берегам Аляски и Северной Америки. Он преследовал другие цели. Ему хотелось опередить находившихся в этом районе француза Лаперуза и англичанина Броутона, занятых поиском пролива, отделяющего остров Сахалин от материка. «Нева», собственность Российско-американской компании, отправилась к берегам Аляски. Лисянский, втайне не желая уступать Крузенштерну лавры первопроходца, пробыл у берегов Аляски недолго. «Нева» загружается товаром, пускается вдогонку за «Надеждой». Не заходя в порты, не считаясь с лишениями, жертвами среди команды из-за нехватки воды и пищи, Лисянский буквально гнал судно. Ему удалось опередить Крузенштерна и на месяц раньше отшвартоваться в Кронштадте…

* * *

Увидев своими глазами, как поставлено дело на Аляске, управляющий Российско-американской компанией принимает решение остаться здесь неопределенное время. Обстановка, положение дел оказались хуже всяких ожиданий{84}. Образ жизни россиян-колонистов и царящие здесь нравы ужасали. «Пьяная республика» находилась на грани выживания. Несметное по тем временам богатство — пушнина, которую они добывали там с легкостью, не делало их счастливыми. Промысловики не знали, куда и кому это богатство сбыть, а сами испытывали нужду в самом насущном — в хлебе. Заниматься животноводством и земледелием, чтобы обеспечивать себя, не удавалось. Выращивать зерновые здесь, как и другую растительную продукцию, оказалось делом крайне трудоемким. Необходимо было либо бросить все силы на возделывание земли, либо на заготовку пушнины. Этому мешало стойкое ожидание: вот-вот придет корабль, доставит все необходимое и проблемы отступят сами собой. Но нет. Так происходило далеко не всегда.

Если по каким-либо причинам корабли снабжения не могли пересечь океан, наступали голодные зимовки. «Недостаток хлебных припасов повергает людей болезням, голоду и самой смерти», — докладывал Резанов в Петербург.

Желая спасти дело Российско-американской компании, Резанов покупает у местных миссионеров корабль «Юнона», приступает к постройке барка «Авось». Между тем наступило время зимовки 1805/06 года, не сулившее ничего, кроме голода. Резанов решается на рискованное, в зимних условиях, плавание на «Юноне» вдоль континента на юг в надежде попытаться добыть

продовольствие у обосновавшихся в Калифорнии испанских поселенцев. 17 июня 1806 года Резанов, ссылаясь на свои прежние донесения, пишет Румянцеву: «О гибельном положении, в каковом нашел я Российско-Американские области; о голоде, который терпели мы всю зиму при всем том, что еще мало-мальски поддержала людей купленная с судном “Юноною” провизия; о болезнях, в несчастнейшее положение весь край повергших, и столько же о решимости, с которою принужденным нашелся я предпринять путешествие в Новую Калифорнию, пустясь с неопытными и цинготными людьми в море на риск с тем, чтоб или — спасти области, или — погибнуть».

Тогда в Калифорнии и произошел этот, воспетый замечательным российским поэтом, любовный роман Резанова с дочерью местного губернатора, с неотразимой испанкой, доньей Консепсией. Между тем Резанов сумел тогда добиться главного: загрузить «Юнону» продовольствием, тем самым избавив русских колонистов на Аляске от голодной зимовки. Далось это Резанову с большим трудом. И это при том, что гарантий на возобновление торговых операций с Калифорнией получено не было. Оставался один возможный торговый партнер — Япония.

* * *

Упорное нежелание японцев открыть взаимовыгодную торговлю наводило Резанова на мысль предпринять попытку решить проблему с позиции силы. Изоляция, в которой японские властители удерживали государство, противоречила логике существования других, гораздо менее цивилизованных народов. Поведение японских правителей-сегунов вступало в противоречие с настроением японского общества. В этом, находясь в Японии, Резанов убедился. Продумав детали военной операции, изучив ресурсы, на которые возможно было опереться, Резанов посылает запрос Александру I в надежде получить монаршее одобрение. Он не знал, что события при Аустерлице в декабре 1805 года поставили Россию в сложнейшую ситуацию, при которой и думать о положении дел на Востоке никому в Петербурге в голову уже не приходило. План Резанова был прост: силами колонистов взять под контроль Сахалин и некоторые острова Курильской гряды, лишив японцев возможности использовать их для своих нужд. Тем самым он надеялся «принудить» их к торговым переговорам. Только угроза дальнейшего военного вторжения на архипелаг, по мнению Резанова, могла повлиять на непреклонную позицию японских властей. Не получив ответа от монарха, Резанов

самочинно санкционирует военную операцию. На кораблях «Юнона» и «Авось» под командованием лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова — это было фактически всё, чем тогда располагала Россия на тех берегах, — была предпринята военная вылазка. Разрушение факторий и поселений на Сахалине и Курилах, фактическое изгнание японцев с этих территорий не возымело желаемого действия. Япония безмолвствовала…

* * *

Приходится признать: Резанов — один из тех государевых людей, кому не удалось добиться успеха, достигнуть поставленных перед ним целей. Таких, как он, канувших в безвестность, в истории России гораздо больше, чем тех, кому удалось занять место на почетном пьедестале. Между тем судьба Резанова, его старания и устремления, свойственная ему жажда верой и правдой послужить Отечеству — высокий нравственный пример для поколений.

Знакомство с оставленными Резановым донесениями, письмами, инструкциями, дневниковыми записями открывает личность государственного масштаба. «Секретная инструкция Николая Резанова Григорию Баранову», составленная в июле 1806 года перед отплытием из Ново-Архангельска, — своеобразное духовное завещание героя-первопроходца. В ней излагается так и не осуществленная программа освоения россиянами Аляски. «Не знаю, будет ли у Вас принят план мой, я не щадил для него жизни. Горжусь им столько, что ничего, кроме признательности потомства, не желаю. Патриотизм заставил меня изнурить все силы мои: я плавал по морям, как утка; страдая от холода, голода, в то же время от обиды и еще вдвое от сердечных ран моих. Славный урок! Он меня, как кремень, ко всему обил, я сделался равнодушен; и хотя жил с дикими, но признаюсь, что не погасло мое самолюбие. Я увидел, что одна счастливая жизнь моя ведет уже целые народы к счастью их, что могу на них разливать себя. Испытал, что одна строка, мною подписанная, облегчает судьбы их и доставляет мне такое удовольствие, какого никогда я себе вообразить не мог. А все это вообще говорит мне, что и я в мире не безделка, и нечувствительно возродило во мне гордость духа».

Отнюдь не случайно адмирал Вандерс (США) впоследствии утверждал: «Николай Резанов был прозорливым политиком. Живи Резанов на десять лет дольше, то, что мы называем Калифорнией и Американской Британской Колумбией, было бы русской

территорией…»

* * *

Обстоятельства, как видим, не сильно благоприятствовали Резанову. Консервативная традиция, которой придерживалась Япония, оказалась непреодолимой. Так и не продвинулись дела у Российско-американской компании. Не удалось достичь главного: наладив торговлю с близлежащими в регионе партнерами, сбалансировать экономику Российско-американской компании, тем самым сделать жизнь колонистов на Аляске более или менее сносной. Мореходам Крузенштерну и Лисянскому повезло больше. Торжественное возвращение кораблей в Петербург сделало их национальными героями. Русский престол после трагических неудач в Европе нуждался именно в таком позитивном событии. Искания Резанова на этом фоне оказались отодвинутыми на задний план.

К тому времени, когда Резанов решил возвратиться в Петербург, добрая молва о нем, замечательном человеке, наперекор обстоятельствам прокатилась по Сибири. «Приехав в Якутск, видел я благодарность соотчичей моих, весь город за рекою встретил меня, и наперерыв угощали. Здесь, в Иркутске, еще более видел ласки их, меня задавили поздравлениями. Я из благодарности, хотя без удовольствия, но таскался всюду, и из той же благодарности дал я и городу в доме училища на 300 человек обед, бал и ужин, который мне 2 т. руб. стоил. Из Томска получил нарочного, что город приготовил мне дом со всею прислугою. Здесь также наперерыв принять старались меня. Г-н Ситников, уступя мне прекрасный дом свой, барски меблированный, дает мне стол, экипаж и ни до малейшей не допускает издержки. Остается мне пожелать только то, чтобы мой труд Монарху угоден был, верь, что мне собственно ничего не нужно».

Это строки из последнего, предсмертного письма Резанова своему доверенному лицу в Петербурге. Из него также следует, что Резанов к тому времени уже знал о завершении кругосветного плавания «Надежды» и «Невы». Известно было ему, и в каком свете представлены были он и его роль перед государевым руководством. «Слава богу, всё кончилось. Все получили награды, и один только я ничего не желаю потому, что не о том мыслю и ничего не удобен чувствовать», — заключает он в своем письме.

* * *

«И последнее, что нам доподлинно известно о Николае Петровиче Резанове: Отправившись из Охотска 24 сентября 1806 года — Резанов по свойственной ему неутомимой деятельности ехал очень скоро, — что для слабого здоровья его, обессиленного тяжкими трудами, огорчениями и заботами в течение трех лет, имело гибельные последствия. При переходе через реки, покрытые тонким льдом, ему приходилось несколько раз ночевать в снегу. За 60 верст до реки Алдана он занемог жестокою горячкой и без памяти приведен в якутскую юрту. Получив облегчение, он через 12 дней отправился далее. В Якутске опять слег в постель и, не поправившись вполне, продолжал путь. Прибыв в Красноярск, он вновь захворал и 1 марта 1807 года скончался»[{85}].

Спешил ли он в Петербург, дабы испросить согласие царя на бракосочетание с возлюбленной, доньей Консепсией, как уверяет Андрей Вознесенский, или все-таки попытаться снарядить новую экспедицию с целью закрепить русских на дальних берегах, — вопрос, который так и остается непроясненным…

…В 1852 году к берегам Японии направилась большая эскадра «черных кораблей». Это были одетые в металлические корпуса военные суда под американским флагом. Ее возглавлял командор Мэттью Перри. Незваные гости смотрелись куда как внушительнее, чем «Юнона» и «Авось» под командованием лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова. Военное снаряжение эскадры выглядело устрашающе. Американскому адмиралу удалось, под угрозой вторжения, склонить японцев открыть для иностранцев порты Хокодатэ и Симоду. На этом эпохе изоляции Японии от остального мира пришел конец. Тем временем, экспедиция русского морехода генерала Е.В. Путятина прибыла в Японию для наведения мостов несколько месяцев спустя. 26 января 1855 года японско-русские переговоры в Си-моде закончились подписанием договора. Начало статьи первой этого документа гласит: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией».

150-летие этого события в России и Японии торжественно отмечено в 2005 году.

* * *

Внимание министра коммерции, а потом и министра иностранных дел Румянцева к северо-американскому континенту не ограничилось лишь потребностями Аляски.

Историческая заслуга Румянцева еще и в том, что именно он

заложил основы устойчивых двусторонних торговых, а затем и политико-дипломатических отношений между северо-американской республикой и императорской Россией. Министр исходил из того, что молодое, крепнущее государство на отдаленном континенте сталкивается с теми же проблемами, что и развивающаяся Россия, более того, его растущий флот рано или поздно станет противовесом морскому преобладанию Британии. Эта политика Румянцева весьма скоро оказалась повернута в практическую плоскость. Возмещать экономические потери от континентальной блокады Англии в какой-то мере представлялось за счет поставок через Атлантический океан из США. Тогда в начале века были предприняты шаги к установлению консульских, а затем и дипломатических отношений. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Александра I — президенту Соединенных Штатов Америки Джеймсу Мэдисону (приводится полный текст{86}):

«Санкт-Петербург 31 августа (12 сентября) 1808 г.

Александр I, российский император, приветствует своего достойного и великого друга президента Соединенных Штатов Америки.

В целях еще большего укрепления дружественных связей и взаимопонимания, которое существует между Российской империей и Соединенными Штатами, и желая прежде всего дать недвусмысленное свидетельство моих чувств к вам лично, м-вый г-дрь, и к нации, столь достойной того высокого уважения, с каким я к ней отношусь, я решил назначить при вас в качестве моего генерального консула и поверенного в делах коллежского асессора Андрея Дашкова{87}, который вручит вам это письмо.

Зная его рвение и способности, я надеюсь, что своим благоразумным поведением он завоюет ваше уважение и благосклонность. Прошу вас, милостивый г-дрь, оказать ему благожелательный прием и верить всему, что он скажет от моего имени, особенно когда он заверит вас в моем неизменном расположении к Соединенным Штатам и моих чувствах к вам. Засим молю бога, мой достойный и великий друг, хранить вас под своим святым покровом.

Александр».

Примерно через год после обмена консулами в полном объеме были установлены и дипломатические отношения: в июне 1809 года американским посланником в России был назначен Дж. К. Адаме (1767—1848), будущий президент США, а граф Ф.П. Пален указом Александра I стал первым российским посланником в США. Таким образом дипломатические отношения между двумя государствами были установлены «де факто»[22].

Официальные представители обеих сторон были заняты урегулированием двухсторонних проблем, однако предпринимались попытки разрешать конфликты высокого политического уровня. Заметным дипломатическим эпизодом было предложение России выступить посредником в англо-американском военном конфликте 1812—1814 годов. Эта попытка, отвергнутая Англией, потерпела неудачу, однако оказала благотворное воздействие на атмосферу отношений США и России. На этом фоне успешно развивалась двухсторонняя торговля. Для подкрепления баланса российской внешней торговли помогло включение России в континентальную блокаду Англии и использование северо-американских нейтральных кораблей. За время навигации 1810 года в порты Российской империи прибыло более 200 кораблей под американским флагом. В 1811 году в Кронштадте побывало 138 кораблей, в Архангельске — 65, и в портах Балтики — около 30.{88}

Наряду с этим велись интенсивные переговоры с целью облегчить положение российских поселений на Аляске, в частности о запрете американцам продавать оружие аборигенам, направлявших его против колонистов из России…

Знакомство с дипломатической перепиской, какую Министерство иностранных дел Российской империи вело с американской стороной через своих представителей, приоткрывает довольно любопытную картину. Общий дух, каким проникнуты документы, отличается исключительной благожелательностью, отражает взаимное стремление к сотрудничеству.

«Из депеши Н.П. Румянцева Ф.П. Палену

С.-Петербург, 7 [19] декабря 1810 г. Господин граф!

Г-н Адаме отправляет курьера к своему правительству, и я с удовольствием пользуюсь случаем написать вам и подтвердить получение ваших первых донесений из Вашингтона. Я представил их на рассмотрение государя; е. в-во с интересом узнал подробности о данных вам аудиенциях, об оказанном вам радушном приеме и вообще о стране вашего пребывания. Е. в-во очень доволен, г-н граф, началом вашей деятельности и не сомневается, что вы приложите все усилия, чтобы выполнить его волю и содействовать развитию дружественных отношений с правительством, при котором он вас аккредитовал и к которому, как вам известно, он преисполнен уважения. Единственное, о чем приходится сожалеть, это о разделяющем нас огромном расстоянии, которое препятствует нам чаще получать от вас известия. Тем не менее я прошу вас писать мне с любой оказией и сообщать не только о стране, где вы пребываете, но и о Южной

Америке…

Граф Румянцев. Получено в Филадельфии 29 декабря 1811/40 генваря 1812»[{89}].

* * *

Помимо морской экспедиции к берегам Японии сухопутным путем была направлена посольская делегация в Китай во главе с графом Ю.А. Головкиным. Установление устойчивых торгово-экономических связей — другая важная цель, которую преследовал министр коммерции Румянцев. Именно на это, по аналогии с организацией экспедиции в Японию, был нацелен ее глава, которому были даны соответствующие подробные полномочия и инструкции. Официальной целью значилось известить властителей сопредельного государства о восшествии на престол нового русского царя Александра I. На самом деле это был лишь повод. Перед миссией Головкина ставились серьезные задачи — получить согласие китайской стороны на право доступа российских купцов морем в Кантон и во внутренние районы Китая. Предполагалось договориться об установлении особого торгового режима в устье Амура. Тот факт, что во главе миссии был поставлен видный вельможа, должен был свидетельствовать перед китайской стороной особое значение, придаваемое намерениям России. Граф Головкин в петербургских кругах был известен как утонченный знаток приемов европейской дипломатии, требований государственного протокола и этикета. И это обстоятельство, казалось, должно было способствовать успеху миссии.

Из века в век реальные отношения Российской империи с императорским Китаем преодолевали весьма тернистый путь. Было противостояние из-за территориальных проблем. Границ между двумя могущественными государствами-соседями не существовало. Принадлежность местных территорий и проживающих на них народов определялась силой государства-завоевателя. Осуществлять постоянный контроль над огромными, часто труднодоступными районами ни той, ни другой стороне не представлялось возможным. На это у конкурентов не хватало сил и ресурсов. Неустойчивый баланс драматическим образом сказывался на положении коренного населения.

* * *

В начале XVII века в Китае по заданию тобольского воеводы И.С. Куракина побывал сибирский казак Иван Петелин с целью «разыскания путей». Ему удалось добраться до Пекина и с успехом провести переговоры с императором Ван Ли. Петелину выдали грамоту на имя русского государя, дающую право купцам приезжать и торговать в Китае. Документ этот для царской элиты оказался в полном смысле «китайской грамотой». Он был написан на языке, каким в Петербурге никто не владел. Письменный отчет Петелина, где излагались открытые им возможности, был оставлен без внимания. Лишь после заключения в 1689 году Нерчинского договора торговые отношения между Китаем и Россией стали постепенно налаживаться. Однако связи сопровождались трениями, локальными стычками, захватами территорий и людей.

Тогда же предпринимались попытки направить в Китай разного рода миссии, однако только в 1727 году был заключен Кяхтинский договор о торговле и границах между Россией и Китаем. Подготовка этого документа растянулась на шесть месяцев и далась российским представителям ценой немалых усилий. Их запугивали, строили козни, пытались подкупить. Глава миссии граф С.Л. Рагузинский-Владиславич, со своей стороны, проявлял стойкость и последовательность в продвижении российских интересов. «Российская империя дружбы богдыхана не желает, но и не дружбы не боится, будучи готова к тому и другому»{90}, — заявлял российский посланник. В основу Кяхтинского договора был положен принцип «каждый владеет тем, чем владеет теперь». Были уточнены и занесены на карту границы, установлен порядок, по которому русские купцы получили право один раз в три года посылать казенные торговые караваны в Китай с числом участников не более трехсот человек. Тогда же была легализована духовная миссия, при которой дозволялось построить дом, склады для товаров, церковь. Однако и впоследствии недоразумения и конфликты продолжались, поскольку зона соприкосновения интересов двух государств была исключительно протяженной, захватывая весьма труднодоступные зоны.

* * *

Территория современной Сибири из века в век была ареной противостояния некогда могущественных ханств и династий Средней Азии, Монголии, Китая. При всем том прав на обладание землями и прилегающими к ним территориями юга Западной

Сибири, районами Саяно-Алтайских горных массивов никому из претендентов закрепить за собой не удалось. С середины XVII века главными конкурентами здесь стали Россия и Китай. Подданство местного населения, ведущего кочевой образ жизни, оставалось неопределенным. Трагическими по своим последствиям оказались события в Горном Алтае. На протяжении десятилетий власти династии Цин направляли сюда вооруженные экспедиции для сбора дани. При этом походы сопровождались грабежами и насилием. Непокорных либо казнили, либо уводили с собой в рабство. Над алтайцами нависла угроза если не полного исчезновения, то утраты национальной идентичности. К середине XVIII века лидеры алтайцев на своем сходе приняли решение искать защиту от китайской экспансии в соседнем государстве. Они обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой принять их под покровительство российской короны. Соответствующий императорский указ тогда же, в 1756 году, был издан. Однако беды алтайцев на этом не закончились. Им еще долго приходилось терпеть набеги, грабежи и захват территорий. Не имея достаточно сил для защиты «сибирских калмыков», как их тогда называли, Россия вынуждена была прибегнуть к переселению алтайцев в оренбургские степи и в районы Поволжья. «Спасательная» операция, для которой был снаряжен обоз в пять тысяч телег, обошлась ценой огромных потерь. Изнурительные переходы алтайского каравана к местам, не отвечающим традиционным формам жизни и быта, сопровождались немалыми жертвами. Лишь к началу XX века мир и спокойствие утвердились на Алтае. Трудный путь самоопределения пришлось преодолеть и другим народностям Сибири.

* * *

Надежды на успех экспедиции графа Ю.А. Головкина в Китай не оправдались. Наладить конструктивный диалог с партнерами не удалось. Китайцы встретили многочисленную миссию весьма настороженно, не пожелали впускать делегацию в свои пределы. Миссии был придан военный отряд, сама делегация оказалась излишне многочисленной. Прежде чем приступить к переговорам, китайские представители потребовали отказаться от военного сопровождения, настояли на сокращении состава официальной делегации. Пришлось часть команды отправить обратно в Россию. Участник той экспедиции Ф.Ф. Вигель, оказавшись в оппозиции к главе миссии, в своих мемуарах выставляет действия российской

делегации и старания самого Головкина как негодные, плохо продуманные. Пишет он об этом язвительно, с иронией, хотя в целом оставленные им мемуары имеют историческую ценность. Далеко не всё, конечно, было гладко, многое предусмотреть не удалось. От неоднократных попыток Головкина вызвать собеседников на диалог китайская сторона уклонялась. Переговоры в основном сводились к обсуждению протокольно-церемониальных вопросов. На одной из таких встреч российскому послу было предложено прорепетировать церемонию «простирания и коленопреклонения» главы официальной аудиенции перед богдыханом. По свидетельству бывших там дипломатов, посольскую грамоту полагалось доставить к ногам китайского императора на четвереньках, закрепив посольский свиток на спине посла… что знатоку международного протокола Головкину показалось абсолютно неприемлемым. Китайские переговорщики в конечном счете добились того, чего хотели, — российские представители отказались от продолжения своей миссии. Головкин, не получивший желанного результата, оказался в опале. Ему было приказано оставаться в Иркутске до той поры, пока не позабудется неудавшийся политический замысел.

Неудачи российских миссий в Китае и Японии кое-кто в Петербурге пытался объяснить ошибочным выбором переговорщиков. Собственные просчеты правящая элита постаралась списать на дипломатов. Находить «крайнего» — апробированный в чиновных кругах ход. Подлинные причины неудач крылись гораздо глубже. Конфликты и столкновения прошлого, попытки управлять делами с позиции силы, на языке угроз сказывались на атмосфере, в которой дипломатам приходилось вести переговоры. Тому, какова репутация Российской империи в этих окраинных государствах, должного значения не придавалось. Сведения о России, какие имелись к тому времени у государств-соседей на востоке, не располагали к сотрудничеству В своих записках Вигель лишь вскользь упоминает одно из существенных обстоятельств, повлиявших на исход российской миссии в Китае, — происки англичан. Британия и другие конкуренты на востоке действительно выставляли Россию в крайне неблаговидном свете. Для вызревания условий, накопления более полных представлений о том, что собой представляла Россия и какие взаимные выгоды можно извлечь, установив с ней нормальные торговые связи, требовалось время. В последующие десятилетия ход событий это подтвердил. К середине XIX века Россия установила прочные межгосударственные отношения и с Китаем, и с Японией.

* * *

Всего четыре с половиной мирных года (1801—1805) Россия не участвовала во внешних конфликтах. В политико-экономическом отношении это был один из самых плодотворных периодов царствования Александра I, «время национального пробуждения». Кое-что из задуманного осталось планами, другое удалось осуществить лишь отчасти. Но сделать российскую экономику более эффективной, частично преодолеть ее отставание от других европейских стран все же удалось. К 1804 году положение дел в государственном хозяйстве России стало постепенно выправляться. Существенно возросли поступления в бюджет, сократился дефицит внешней торговли, укрепились позиции национальной российской денежной единицы. Ценность рубля в ассигнациях по отношению к серебряному рублю практически уравнялась…

Однако политические страсти, разгоравшиеся вдали от Петербурга, в центре Европы, захватили российского императора настолько, что об обещании, которое он дал своему народу в начале царствования — «не выводить Россию из мирного благоденствия», — пришлось забыть. Первый опыт военного противостояния оказался печальным. Поражение коалиции русских и австрийских войск при Аустерлице (декабрь 1805 года), где император своим вмешательством в рекогносцировку войск лишь усугубил исход сражения, повергло его в глубокую депрессию. Затем эти неудачи повторились.

* * *

«Хорошо чужую крышу крыть, как своя течет», — в свое время писал граф С.Р. Воронцов, переправляя через Лондон к посланнику Николаю Румянцеву два миллиона рублей. Это была денежная поддержка Екатерины II наследным принцам династии Бурбонов, потерявшим в результате революции французский престол. Россия в ущерб себе «крыла чужую крышу» не однажды и не только деньгами… Новая попытка защитить Пруссию и наказать возмутителя европейского спокойствия, «выскочку Наполеона», завершилась в 1807 году сокрушительным поражением русских войск в битве при Фридланде[23].

Время, отпущенное России на мирную передышку, в конечном счете сошло на нет. Политике «свободы рук» пришел конец. Под воздействием обстоятельств, вызванных вмешательством России в военные конфликты в Европе,

достигнутые в экономике результаты постепенно размывались. Начиная с 1805 года удерживать наметившиеся темпы экономического роста стало невозможно. 1807 год — поворотный в царствовании Александра I. Поражения русской армии под Аустерлицем и Фридландом драматически сказались на положении дел внутри России. Царь вынужден был прибегать к экстренным мерам для восстановления утраченного военного потенциала. Ресурсов, приведенных в действие в ходе первых лет либеральных реформ, недоставало для покрытия неуклонно растущих государственных нужд. К тому времени более 50 процентов государственных доходов направлялось на военные нужды. Однако и после поражений при Аустерлице и Фридланде уровень деловой активности не снижался, а нарастал. Возводились города и торговые порты на юге, улучшались водные коммуникации, строился коммерческий флот.

* * *

Встреча Наполеона и Александра на Немане, на плоту, затем беседы в Тильзите радикально изменили российские внешнеполитические ориентиры, Александр произвел очередные перестановки в правящем эшелоне. «Молодые друзья» были окончательно отстранены. К тем обязанностям, что выполнял Румянцев, добавился портфель министра иностранных дел. Он оказался единственным, кому император мог доверить столь важный пост. Это означало переключение внимания Румянцева на направление, где решались главные для государства вопросы войны и мира. Соглашения, подписанные с Наполеоном в Тильзите, обязывали Россию прервать торговые отношения с Англией, в случае очередного военного конфликта в Европе выступить на стороне Франции… Переговоры двух императоров в Эрфурте (1808) привели к началу последней Русско-шведской войны на финской территории. Тем временем продолжалась война России с Турцией и Персией. Между тем экономическое положение государства, его ресурсы не могли выдержать столь обременительных затрат. Дело шло к финансовой катастрофе. Бюджетный дефицит в 1808 году составил 126 миллионов рублей, в 1809 году вырос до 157 миллионов. Другого выхода, кроме получения внешних займов и повышения налогов, никто в кризисном штабе правительства предложить не мог. В глубокой тайне от членов правительства последовало «секретнейшее» распоряжение императора главному казначею отпечатать десять миллионов рублей ассигнациями. Однако эта мера лишь

усугубила экономическую ситуацию. Инфляция достигла угрожающих масштабов. Государственные доходы сократились в два, а к 1810 году — в четыре раза. Существенно возрос внутренний и внешний долг. Ослабли позиции рубля. Хозяйственно-экономический и административно-налоговый аппараты не справлялись с нарастающими в государстве трудностями. Свести баланс расходов и доходов возможно было лишь путем радикальных мер. Александр I решил возложить решение обострившихся внутренних проблем на Михаила Михайловича Сперанского. В отличие от других своих современников Сперанский, как свидетельствуют источники, удостоился более углубленного изучения исследователями исторического прошлого России. Его стремительное восхождение из низов к вершинам государственной службы, необоснованные репрессии, которым он подвергся со стороны верховной власти, привлекли особое внимание советских историков к его судьбе.

* * *

Действительно, появление такой личности, как Сперанский, воспринималось окружающими как некий феномен. На фоне весьма низкого образовательного уровня российской управленческой элиты он обнаруживал редкостные по тем временам способности. Семинарист Александро-Невской семинарии, за десять лет преодолев одну за другой крутые ступени Табели о рангах, к тридцати пяти годам Сперанский — тайный советник, товарищ (заместитель) министра юстиции, председатель Комитета по составлению российских законов. Как никто другой, он обнаруживал обширные познания, был «скор на перо», умел точно и в литературном отношении зрело «излагать бумаги». Его мобильность и работоспособность поражали современников. Это он перевел с французского на русский гражданское уложение — «Кодекс Наполеона». Молва о талантливом русском чиновнике донеслась и до императора французов. На встрече в Эрфурте Наполеон между делом предложил Александру любую из завоеванных провинций в обмен на Сперанского…

Начиная с 1807 года император особенно приблизил Сперанского к себе. В ходе поездки в Эрфурт в 1808 году на Александра I произвели впечатление те позитивные изменения, которые произошли в германских землях за весьма короткое время. Собеседник царя статс-секретарь Сперанский выразил по этому поводу точку зрения, что причины положительных перемен

заключались в «уложениях». По ним здесь с некоторых пор стали выстраивать жизнь. Прусское законодательство, заимствованное у Франции, упразднило привилегии высших сословий, ликвидировало последние пережитки феодализма. Равные гражданские права открыли простор частной инициативе для всех.

* * *

Тогда, по свежим следам, Сперанский по поручению Александра I подготовил «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», на основе которой далее разработал обширный план реформ государственного аппарата, финансов, торговли. В январе 1810 года предложил проект финансовой реформы. В условиях военного времени и острого бюджетного дефицита власть вынуждена была прибегнуть к непопулярным мерам, болезненно затрагивающим интересы имущих. Правительству пришлось менять кредитно-денежную политику. Наряду с увеличением оброчных податей пойти на введение прогрессивного подоходного налога. Отказаться от печатания бумажных денег. Были повышены цены на самое необходимое. Стоимость соли возросла в четыре раза — до одного рубля за пуд. Следуя по стопам Румянцева в том, что касалось мер по усилению защиты и укреплению национальной экономики, Сперанский пошел гораздо дальше. Внешнеторговый тариф, объявленный в Положении о нейтральной торговле в 1811 году, открывал дополнительные преимущества в развитии торговли и промышленности, приостанавливал импорт товаров, без которых государство могло обойтись.

В законотворческих нововведениях Сперанский продвигал отвергнутый Александром I в первые годы царствования принцип разделения властей: законодательной, исполнительной, судебной. Радикальная реформа властной надстройки в том виде, как это предлагал Румянцев, разрушала и устоявшиеся традиции внутри правящей элиты, затрагивала привилегии тех, кто считал себя неприкасаемым, включая высших сановников императорского двора. Штатную численность камергеров и камер-юнкеров пришлось сократить в шесть раз, с 146 человек до двадцати четырех{91}. От дворян требовались свидетельства об образовании, для них вводились экзамены при зачислении на государственные должности. Тогда же по предложению Сперанского были уточнены функции Государственного совета. Согласно новому уложению на совет, как законосовещательный

орган при императоре, возлагались полномочия координатора законодательного дела. При этом ставилась задача избавлять исполнительную власть от дублирования и противоречий в ведомственном законотворчестве. Состав совета не избирался, а назначался императором. Его председателем указом императора от 1 января 1810 года был назначен канцлер Н.П. Румянцев. Однако через несколько недель после выхода этого указа в судьбе Сперанского произошли перемены, характер которых предсказать мало кто мог. Он был вызван к императору и после трехчасовой беседы по возвращении домой его ожидал ссыльный экипаж. Каких-либо официальных заявлений со стороны власти по поводу отставки первого министра, каким слыл Сперанский, не последовало. Это обстоятельство породило разноречивую волну предположений и слухов, смысл которых в конечном счете сводился к одному. В какой-то момент Александр пришел к пониманию — в своих реформаторских новациях Сперанский продвинулся слишком далеко. Лишиться поддержки в поместном дворянстве в условиях угрозы новой войны с Наполеоном было бы непростительной ошибкой. Сперанский, не совершивший очевидных должностных проступков, был, однако, не просто отставлен, но и сослан за сотни верст под надзор полиции. Его осведомленность в важнейших государственных секретах особенно беспокоила Александра.

* * *

Как личность Сперанский для императора и его ближайшего окружения оказался особенно удобен. Его скромное происхождение из бедной семьи священнослужителя позволяло без особых церемоний переложить на него ответственность за возможные последствия преобразований, предсказать которые в условиях нарастающей военной угрозы было нелегко. Чтобы преодолевать препятствия, необходимо было обладать мужеством и решимостью. Александру по природе не был свойствен высокий полет мыслей и чувств, этого ему как раз и не хватало. Стали меняться его отношения с окружающими. Нетерпимость к противоречащим ему людям оборачивалась разрывом. Александр постепенно расставался даже с теми, кто до последнего времени был ему лично близок, кто делом доказал свою пользу и преданность престолу. Скрытность, непоследовательность, сбивающий с толку обманчивый стиль поведения подтверждали сказанное о нем Пушкиным. Это был «властитель слабый и лукавый».

Гасить нарастающее недовольство в высшем сословии пришлось испытанными методами — отставками, перетряской правящего кабинета. Удаление Сперанского, а затем Румянцева и Гурьева, опала Карамзина и других видных сановников не избавляли власть от необходимости обеспечивать баланс доходов и расходов, строить жизнь государства, соотносясь с экономическими законами. К сожалению, экономическая политика России и далее подвергалась радикальным изломам под воздействием военно-политических союзов и принятых обязательств. О том, насколько это соответствовало национальным интересам, свидетельствует тот факт, что если доля России в мировой торговле к 1800 году составляла 3,7 процента, то через полвека, в 1850-м, она вопреки логики развития не возросла, а понизилась, составив — 3,6 процента. Свободный тариф, обеспечивший беспошлинное поступление товаров из-за рубежа, введенный вслед за восстановлением прежних отношений с Британией, не замедлил сказаться на состоянии российской промышленности. Так, из 51 сахарного завода, действующего в России в 1815 году, их численность к 1820 году уменьшилась наполовину, до 29.

Самодержавие, воплощенное в личности царя, еще долго выступало главным двигателем исторического процесса. Потребовались десятилетия, чтобы преодолеть последствия царствования Александра I Благословенного.

* * *

Одиннадцать лет Румянцев работал на ключевых направлениях, от которых зависело состояние российской экономики. Из того, что намечалось осуществить, удалось далеко не всё. Обстоятельства военного времени с трудом позволяли сосредоточиться на самом насущном. Социальные, гражданские нужды обеспечивались скудно, по остаточному принципу. Выполнить работы по прокладке Мариинской водной системы удалось, лишь прибегнув к расходованию средств из благотворительного фонда императрицы Марии Федоровны.

Как теперь, так и тогда, исполнительская дисциплина, образованность и профессионализм кадров, само состояние управленческого аппарата оставляли желать много лучшего. Можно ли считать исчерпывающими меры, которые продвигал Румянцев в экономической сфере? Располагал ли он полнотой возможностей, чтобы вывести Россию в один ряд с идущими впереди европейскими государствами?

* * *

В своей записке «О разуме тарифа» Румянцев уклонился от изложения главных причин российских неурядиц. На то у него, конечно, имелись свои резоны. Однако сквозь строки этого документа так или иначе проступает многое, что позволяет мыслящему человеку усвоить главное — причины эти кроются в неэффективном управлении, в монархической системе власти, в ее неспособности отвечать на вызовы времени. Крепостничество сковывало производительные силы общества. Интенсифицировать экономику «дозволялось» только высшему сословию — поместному дворянству. Купечество еще только обретало полноту прав и коммерческих привилегий. Крестьянству дозволялось лишь торговать хлебом и «произведениями хозяйственными, крестьянскому быту свойственными». Пытаясь разъяснить высшему эшелону проблемы, решение которых давно найдено государствами, ушедшими далеко вперед, Румянцев призывает прямо только к тому, чтобы оберегать народ, его духовное и физическое здоровье. Ведь ответ, каким должно быть будущее России, рано или поздно будет найден именно в народных недрах.

* * *

Пребывание Румянцева на посту министра коммерции завершилось в 1811 году. Указом императора министерство было упразднено. Его функции были переданы нескольким другим ведомствам: Министерству финансов, вновь создаваемому Департаменту внешней торговли; вопросы торгового судоходства и торговли внутри России — Министерству внутренних дел. Несколько ранее, в 1809 году, под предлогом загруженности делами особой важности, Румянцев вынужден был отказаться от управления Департаментом водных коммуникаций и устроения дорог. Должность эту отдали супругу великой княгини Екатерины принцу Ольденбургскому, оказавшемуся в Петербурге в изгнании.

Остается неизвестным, в каком состоянии духа Румянцев оставлял дела. Построению государственной экономики и преобразованиям в хозяйственном управлении он отдал немало сил и времени. То, что было претворено в жизнь под его руководством, подытоживается в изданном 150 лет назад документе:

«В течение одиннадцатилетнего управления Румянцевым Министерством Коммерции, торговля, возведенная им до

цветущего состояния, сравнялась с первыми европейскими державами. Петербургский порт, занимавший почти половину торга всей империи, оправдал благотворное его попечение. Отпуск отечественных произведений всегда превышал привоз иностранных. Все порты: Балтийскаго, Белаго, Чернаго, Азовскаго и Каспийскаго морей, с успехом совершали свои торговые обороты. Самая сухопутная торговля из Азии в Европу, из Европы в Азию и из Азии в Азию обращалась выгодно. Уничтожение же сбора пошлин, иностранною золотою и серебряною монетою, обратилось в пользу нашего купечества, потому что, по возвысившемуся курсу, металлы эти приходились дешевле. Хотя политические потрясения Европы в 1804 году затруднили торговые сношения, однако оне послужили к пользе нашего отечества: народная потребность заменилась собственною промышленностию, прекратился привоз иностранных вещей, служивших к умножению одной роскоши, и остановился излишний перевод денег за границу… Ополчения Франции противу Прусии (в 1806 году), блокада немецких вольных городов английскими флотами, наконец, разрыв мира России с Англиею, сократив движение коммерции на море и на суше, не принесли России тех выгод, какими приметно пользовалась она в мирное время, за всем тем, она увеличила свою деятельность в распространении мануфактур, фабрик. Китайская граница и пристани Каспийскаго моря, куда военное пламя не простиралось, увеличили привоз товаров. Последовавшие годы до 1811 года, обуревавшие всю Европу, казалось, должны были убить торговлю; но они расширили круг ея действия, и государство наше отпускало своих произведений гораздо более, нежели когда-либо. Перевозная торговля, и особенно так называемая посредническая, достигла тогда до высокой степени прибылей: она имела даже благотворное влияние на наши вексельные курсы»{92}.

* * *

Служение министра коммерции Румянцева материализовано в едва ли не самом известном в мире архитектурном ансамбле города на Неве, воздвигнутом на стрелке Васильевского острова. История его создания такова. В самом начале своей деятельности на посту директора Департамента водных коммуникаций и устроения дорог и министра коммерции Румянцев, по поручению Сената, организовал инспекцию недостроенной Биржи, возводившейся по проекту любимца Екатерины II, Джакомо

Кваренги. Несмотря на то, что состояние работ было признано удовлетворительным, решение о завершении строительства принято не было. Дело в том, что на рассмотрение Александру I был предложен другой, более амбициозный проект, несущий в себе черты зарождающегося во Франции нового архитектурного стиля «революционного классицизма». Именно Тома де Томон отобразил эти тенденции в новом проекте Биржи, который в итоге и был реализован, как написал в своей книге сам архитектор: «…в соответствии с указаниями графа Румянцева». Настойчивые усилия министра в конечном счете увенчались успехом. В феврале 1804 года на его имя поступил высочайший рескрипт:

«Граф Николай Петрович! Соизволяя на Ваше представление о построении новой в Санкт-Петербурге каменной биржи и обложении камнем берега от Исаакиевского моста до конца старой биржи, с включением оной, по сделанным на то планам и сметам, Мною к Вам обращенным. Я признаю нужным для производства тех строений и работ учредить под главным Вашим начальством Комиссию, которой штат, Мною утвержденный, при сем отдаю Вам, для наполнения людьми способными. Я желаю, чтобы построение биржи было окончено на четвертый год, а обложение берега камнем в пять лет, начав те и другие работы при наступлении нынешней весны, повелевая при этом в число исчисленных по сметам 1 939 138 рублей 05 копеек взять на первый год причитающуюся сумму из Государственного казначейства и поручаю Вам снестись с Министром Финансов. Впрочем, пребываю к Вам благосклонным»{93}.

* * *

Румянцев с честью выполнил и это монаршее повеление. Разработка проекта была поручена французскому архитектору Тома де Томону. Само здание было задумано зодчим в виде античного храма. Архитектор сознательно пошел по пути подражания известным памятникам классической архитектуры. Получилось уникальное произведение античного искусства на русской почве. Фронтон, в отличие от канонического, опирается не на восемь, а на десять округлых, сужающихся кверху колонн, — сооружение стало более монументальным. Стены и колонны гладко оштукатурены и окрашены в ровный белый цвет, как в древней Византии. Строительство на Биржевой площади началось весной 1804 года и, как и предписывалось указом императора, было завершено к 1809 году[24]. С тех пор ансамбль сохраняет свой неизменно величественный вид. Эспланада, гранитные

набережные и берега, ступенчатые спуски к Неве, две мощные Ростральные колонны символизируют морские победы российского флота…

* * *

Время обезличило многие достижения Румянцева на хозяйственно-экономическом поприще. Было предпринято немало такого, чтобы затушевать, предать забвению подлинную правду о времени и людях, волею обстоятельств взявших на себя управление государством, оказавшимся в тяжелейших условиях. Факты экономической истории России, относящиеся к началу XIX века, свидетельствуют, что преобразования, осуществленные Румянцевым и его единомышленниками, стали тем фундаментом, на котором Россия, вопреки многим прогнозам, смогла выстоять. Несмотря на огромный ущерб в ходе военных поражений 1805—1807 годов, экономическую блокаду, государственному управлению удалось избавить Россию от глубоких потрясений и социальных взрывов. «Колосс на глиняных ногах», как Наполеон высказывался о России, не только не рухнул, но и не был истощен настолько, чтобы оказаться подорванным изнутри голодом и лишениями военного времени.

Глава четвертая. «NON SOLUM ARMIS — НЕ ТОЛЬКО ОРУЖИЕМ» [25]

В июле 1807 года взоры всех в Европе — от верховных властителей до рядовых обывателей — были обращены к Тильзиту, небольшому городку в Восточной Пруссии. Там, на Немане, в средней части течения реки на специально сооруженном плоту состоялось первое, вошедшее в историю наполеоновской эпохи «свидание» императоров России и Франции.

Накануне, неподалеку от этих мест, под Фридландом, войска Российской империи, покинутые союзниками, потерпели крупное поражение от французской армии. К концу сражения остатки беспорядочно отступавших частей могли оказаться сброшенными в Неман. Но наступающий противник остановил давление, дал им возможность переправиться на другой берег… Вслед за этим по просьбе российской стороны состоялись переговоры о мире. Местом их проведения стал Тильзит. Главными действующими лицами были российский император Александр I и император Франции Наполеон I.

* * *

Какими они были и что представляли собой в тот момент?

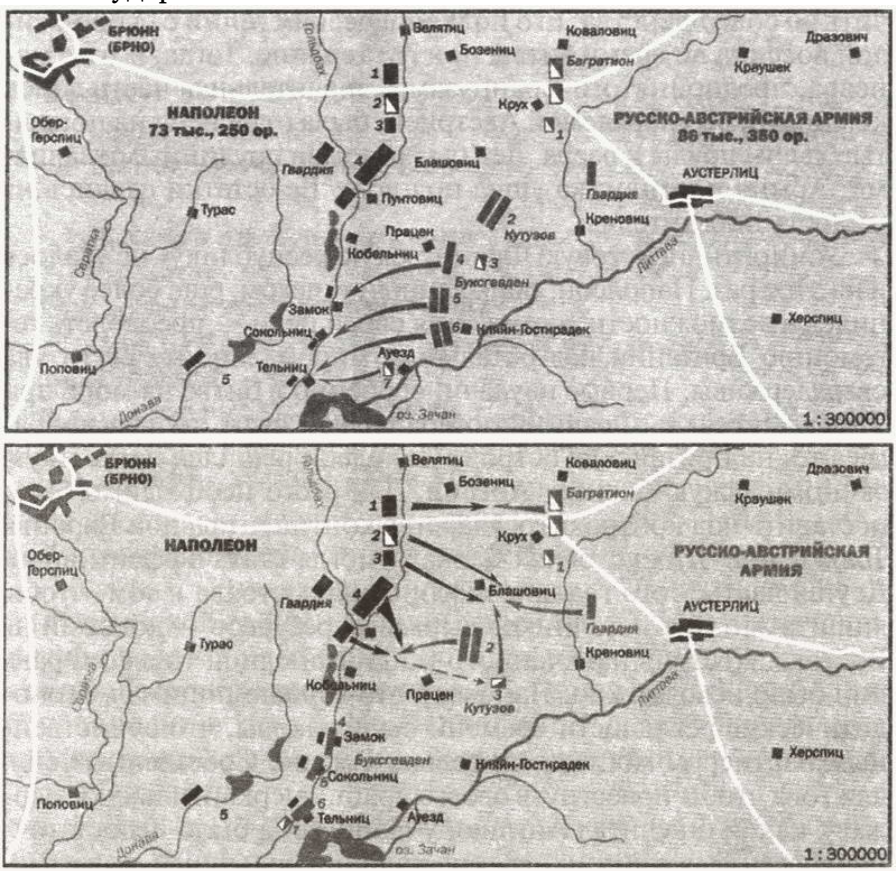
Сын корсиканского дворянина, артиллерийский поручик Наполеон Бонапарт находился на вершине славы и могущества. У кормила государственной власти он оказался к тридцати пяти годам — в 1804 году был коронован «Наполеоном I, императором Франции и французской нации». Это был человек, который, как нынче говорят, «сделал себя сам». Когда начинал, у него за плечами не было ни родословной, ни богатства, ни положения в обществе. Проходя сквозь тернии революции, преодолевая крутые ступени тяжелейших трансформаций, которые выпали на долю французского общества, участник тех событий Бонапарт проявил талант, который затем сумел отточить до совершенства. Его полководческий гений с особой силой воссиял во время битвы при Аустерлице. Тогда, в ходе маневра, предпринятого французами, значительная часть войск коалиции, возглавляемой Австрией, была оттеснена на покрытые льдом пруды и озера. Лед

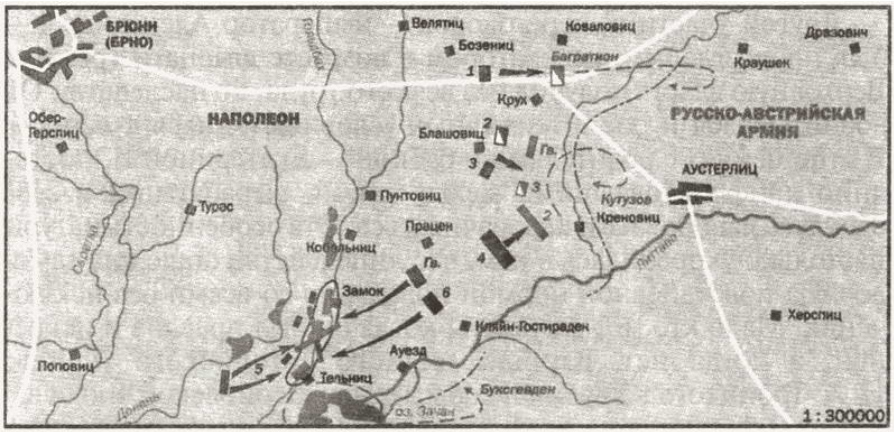
был взломан орудийными залпами. Армия противника ушла под воду. Ее остатки сдались на милость победителя.

Усмирить «неистовую Французскую республику» не удалось и на этот раз. Наполеон, окрыленный успехом, еще более укрепился в возможности достижения своей цели — преодолеть гегемонию Британии над остальным миром, лишить ее титула сверхдержавы. Первые неудачи, особенно в битве на море при Трафальгаре, где Франция потеряла свой флот, только прибавили ему решимости. Из-за невозможности высадки морского десанта на Британские острова Наполеон решился на жесткую экономическую блокаду Англии. Для этого необходимо было поставить под контроль государства континентальной Европы. Только при этих условиях блокада могла стать эффективной. Другая часть этого грандиозного плана состояла в том, чтобы лишить Англию источников сырьевых ресурсов — колоний на Востоке. Достичь намеченного усилиями одной только Франции было невозможно. Наполеон это хорошо понимал. Геополитические реальности времени были таковы, что единственным партнером могла стать только Россия. Собственных сил, для того чтобы повергнуть своего врага, «меркантильную» державу, какой он считал Англию, у Наполеона было недостаточно. Нужен был союзник, располагающий большими людскими ресурсами, способный вести долгую изнурительную войну.

Другой участник переговоров — император Александр I — был провозглашен императором в возрасте двадцати трех лет. Верховную власть получил без всякого труда, по наследству. Он воспитывался и рос в тепличных условиях. Учился с ленцой. В отношениях с родителями и бабкой — Екатериной II, постоянно конфликтовавшими между собой, вырабатывал в себе свойства лавировать и изворачиваться. Эта особенность натуры настолько укоренилась в нем, что лицедейство стало для самодержца повседневной нормой поведения со всеми без исключения. Мало кто мог разгадать, когда он был правдив и искренен, а когда нет. Взгляды видного российского ученого Н.А. Троицкого на время и события наполеоновской эпохи заметно выделяются на фоне воззрений, навеянных патриотической мифологией. В книге «Александр I и Наполеон» сопоставляются достоинства двух исторических личностей. Сравнение это далеко не в пользу Александра. Наполеон уступал российскому самодержцу разве что только ростом. В остальном преимущество на стороне французского императора. Он превосходил Александра во всем, был наделен несравнимо более высоким интеллектом. Если у российского самодержца в юности и имелись какие-либо задатки, развить их ему не довелось. Слишком рано он осознал себя

наследником престола. Прежде времени его женили. Бремя государственной власти он принял на себя совсем неподготовленным к этой роли. Александр не хотел и не мог примириться с превосходством Наполеона. Вера в свою исключительность, в «богоизбранность» была опровергнута при первом же столкновении с реальностью в сражении при Аустерлице. Тогда Александром овладело мстительное чувство. Он затаил в себе надежду наверстать упущенное, когда-нибудь свести счеты со своим обидчиком. От новых безуспешных попыток добиться цели чрезмерное самолюбие самодержца особенно страдало. И это, в свою очередь, не могло не влиять и на личные, и межгосударственные отношения.





Расположение войск в Аустерлицком сражении (три этапа)

О том, насколько обстановка после Фридланда была сложна, написал участник тех событий, близкий императорскому семейству князь Александр Борисович Куракин. Он состоял в свите молодого императора Александра I. Будучи доверенным лицом его матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, князь дал слово информировать ее о происходящем.

«Ничего более счастливого для нас не могло случиться, — писал князь Куракин, — небо ниспослало нам благословение и оказало покровительство в самую трудную пору, в какой только Россия находилась когда-либо. Оставленные или не поддержанные в полной мере нашими союзниками, мы были вынуждены нести всю тяжесть войны, которую мы могли бы выдержать лишь при деятельном содействии Англии и Австрии; у нас не было ни денег, ни продовольствия, ни оружия; наши войска, после испытанных ими потерь, могли бы быть пополнены только за счет нашего народонаселения, и к тому же новые рекруты не могли бы сразу заменить наших старых солдат; мы имели перед собою, у наших границ, победоносного неприятеля, с силами втрое большими, чем наши собственные, которым оставалось сделать один шаг вперед, чтобы вступить в наши польские провинции, где тлеет огонь возмущения — и все готово было принять неприятеля и восстать! Что же мы могли ему противопоставить? Остатки большой армии, упавшей духом вследствие всего вынесенного ею по милости генералов: отсутствие всякой надежды на успех и совершенную бесполезность всех пожертвований в случае дальнейшего упорства с нашей стороны. Эта картина совершенно правдивая, в которой нет ничего пристрастного или преувеличенного,

достаточно убеждает, насколько мы счастливы, что вышли с такою выгодою из этой трудной и опасной борьбы, в которую мы были вовлечены»{94}.

После этой победы, как Наполеон напоминал впоследствии Александру, ничто не мешало ему вторгнуться в пределы России. «Я был волен идти, куда мне угодно. Меня ждали 80 тысяч литовцев, и если я согласился на мир, то только с условием, что Вы присоединитесь ко мне, чтобы помочь заключить мир с Англией»{95}.

Когда на острове Святой Елены повергнутого, но несломленного Наполеона спросили, какое время для себя он считает наиболее успешным, великий пленник ответил: «Тильзит». Там в 1807 году свершилось то, к чему французский император стремился еще в начале своего политического пути и, казалось бы, уже достиг этого. Ему в декабре 1800 года удалось убедить российского самодержца Павла I вступить с ним в союзнические отношения. Тогда смелая мысль о возможности совместного удара по могуществу Англии в ее ост-индских владениях увлекла воображение Павла I. Однако планы эти оказались отброшены в результате убийства русского царя. Лишь спустя шесть лет, ценой неимоверных жертв с одной и другой стороны, сложились условия, при которых союз двух императоров был восстановлен. По меткому выражению одного из историков, Наполеон «своей шпагой завоевал русский союз».

* * *

С некоторых пор Наполеону казалась вполне осуществимой идея сосуществования европейских народов, когда бы Франция и Россия разделили зоны ответственности на Западе и Востоке. «Я считаю, — писал Наполеон Талейрану, — альянс с Россией был бы очень выгодным, если бы она не была столь своенравной и если бы можно было хоть в чем-то положиться на этот договор»{96}. Чтобы так судить, имелись основания. Павел I первоначально решительно выступил против Франции, направив Суворова во главе русских войск в Европу Затем он изменил свое решение, установил с Наполеоном союзные отношения, наметив совместный поход с целью лишить Британию ее владений в Индии. Александр I, придя к власти в 1801 году, свое восхищение «первым консулом Франции» к 1804 году сменил открытой враждебностью.

Российскому императору после разгрома его армии под Фридландом была предоставлена возможность с достоинством

выйти из создавшейся ситуации. На середине Немана состоялось «свидание на плоту», специально для этого сооруженном по приказу Наполеона, которое как бы уравнивало победителя и побежденного. Неман в воображении Наполеона должен был символизировать для Александра I своего рода разделительную линию, границу, по сторонам которой распространяется влияние двух империй: Франции — на запад, России — на восток. В палатку для беседы оба императора должны были войти одновременно. Первые слова, как утверждают источники, произнес, обращаясь к русскому императору, Наполеон: «Так из-за чего же мы воюем?» Александр от прямого ответа уклонился. Это означало бы, что Россия вновь, уже в который раз, оказалась вовлеченной в войну на стороне чужих интересов. «Сир, я ненавижу англичан так же, как и Вы…» — произнес в ответ Александр, дав, таким образом, Наполеону понять, что Россия готова вступить с ним в коалицию против своего недавнего союзника. «Что же, тогда мы поладим…» — отреагировал на это французский император.

Как отметили наблюдатели, первая встреча властителей «с глазу на глаз» продолжалась 1 час 17 минут. Однако политическое эхо от этого события оказалось долгим и масштабным. Во французских газетах, например, появились стихи:

Я видел двух хозяев земли
на плоту.
Я видел мир, я видел войну
на плоту.
Готов спорить: Англию страшит
этот плот,
Более чем любой флот.

Произошедшее в Тильзите нашло отклик даже в российской глубинке. Народная молва о свидании двух императоров трактовала это событие так: «Как же это наш батюшка, православный царь, мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристем? Ведь это страшный грех!» — «Да как же ты, братец, не разумеешь и не смекаешь дела? Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапарта в реке, а потом уже допустить пред свои светлые царские очи».

Почему так судили о Наполеоне простые крестьяне? Что могли знать о нем эти невежественные, безграмотные люди? Образ Наполеона-врага с некоторых пор усиленно внедрялся в

сознание россиян. Это было частью официальной политики. На это нацеливались не только аппарат государства, дворянство, но и духовенство, православная церковь. Наполеон — обидчик самодержца Александра, унизил русское воинство своими победами. И все же главное было не в этом. Наполеон выступал носителем нового социального порядка, который сначала установился во Франции, а затем, после одержанных побед, стал продвигаться дальше в другие города Европы. Под ударами наполеоновской армии рушились вековые устои феодализма. Вводимые «Кодексом Наполеона» новые конституционные порядки, отказ от сословных привилегий, наделение крестьян землей и многое другое давало пищу для тревожных размышлений российским крепостникам.

Наполеон понимал, в каком душевном состоянии находится его собеседник, поэтому все 11 дней после первой встречи на Немане стремился вдохновить своего нового друга и союзника, увлечь его обнадеживающими перспективами. Постепенно в ходе тесного общения складывались, как многим казалось, дружеские взаимоотношения двух императоров. Встреча на плоту и другие последовавшие за тем беседы в неформальной обстановке, казалось бы, необычайно сблизили двух императоров. Если раньше Наполеон считал Александра «отцеубийцей и главным поставщиком “пушечного мяса” для антифранцузских коалиций», то уже в письмах из Тильзита Жозефине Наполеон писал об Александре: «Он гораздо умнее, чем о нем думают…»{97}

При обходительности, которую проявлял Наполеон, моральный итог тильзитских встреч для Александра был тем не менее неутешительным. Неумолимый рок событий все далее и далее уносил российского самодержца в сторону, противоположную той, которая, казалось бы, была единственно правильной для России. При восшествии на престол Александр I возвестил:

«Если я подниму оружие, то это единственно для обороны от нападения, для защиты моих народов или жертв честолюбия, опасного для спокойствия Европы. Я никогда не приму участия во внутренних раздорах, которые будут волновать другие государства, и, каковы бы ни были правительственные формы, принятые народами по общему желанию, они не нарушат мира между этими народами и моею империей, если только они будут относиться к ней с одинаковым уважением»{98}.

Однако далее слов дело не пошло. Россия оказалась в кольце войн. Остались в стороне закоренелые проблемы, не осуществлены задуманные реформы. Силы и ресурсы государства вновь, в который раз, были переориентированы в сторону от

главного.

* * *

В силу каких причин Россия вновь оказалась втянутой в европейские войны? Только ли беспокойством за судьбы древних монархий Европы, не умевших постоять за себя в борьбе против Наполеона, был движим Александр I? Все это было, но до поры оставалось отнюдь не главным. Здесь возобладал глубоко личный мотив. Произошло событие, возбудившее в императоре гнев и ярость, а с ними и неутолимую жажду мести.

Его чести был нанесен жестокий удар. Это произошло, когда последовал ответ на русский протест в связи с казнью в Париже герцога Энгиенского, одного из членов монархической семьи Бурбонов, которого Наполеон посчитал предводителем противостоящей ему оппозиции, по-прежнему претендующей на французский престол. Тайная операция, которую по нынешним временам следовало бы отнести к разряду актов государственного терроризма, удалась легко. В марте 1804 года герцог был захвачен в соседнем с Францией Баденском княжестве и вывезен в Париж. Затем в течение трех дней был осужден и расстрелян. Казнь герцога Энгиенского потрясла монархические дома Европы. Последовали официальные заявления протеста. Россия, однако, пошла дальше всех. Она оказалась единственной, где был объявлен государственный траур, при том что российский императорский двор не состоял ни в каких, тем более родственных связях с низвергнутым революцией французским королевским домом.

Ответ, последовавший из Парижа на российскую ноту протеста, сразил Александра в самое сердце. Наполеон через Талейрана ответил, что если бы император Александр, узнав, что на чужой территории находятся убийцы императора Павла, пожелал этих убийц арестовать, то Наполеон не протестовал бы. Оскорбление было ужасающее и притом публичное. Наполеон вслух высказал то, о чем до сих пор только шептались при европейских дворах: что Александр не только знал о заговоре против Павла, но и принимал в нем прямое участие{99}.

Далеко не сразу, но Наполеону пришлось ощутить тяжелые последствия этого поспешного и недальновидного шага. Он потом глубоко сожалел, что не прочитал письмо принца, направленное ему лично накануне казни. Обвинял Талейрана, подтолкнувшего его к приведению в исполнение приговора. Этим актом император Франции фактически обрекал себя на политическое

одиночество. Добывать себе союзников среди европейских монархов, как это показали дальнейшие события, Наполеону оставалось одним путем — силой. Нанесенное Александру оскорбление стало отправной точкой для вступления России в войну против наполеоновской Франции. Утолить жажду возмездия российскому самодержцу, однако, не удалось. 1805 и 1807 годы — Аустерлиц и Фридланд стали трагическими вехами русской истории, этапами национального позора[26]. Искать в Наполеоне корень всех постигших Россию бед становилось непродуктивно. Ход событий подтверждал: Наполеона не увлекала идея покорения пространства на востоке, населенного народами, далекими от европейской цивилизации. Но поскольку русский царь оказался со своими войсками в Европе и стал вмешиваться в дела, которые впрямую его не касались, французский император вынужден был обратиться к русской теме. Не единожды доказав свое превосходство, Наполеон и далее не допускал мысли о покорении или завоевании России. Это не входило в его планы. Высказывания о том, что отношения двух отдаленных друг от друга государств лишены каких-либо антагонизмов, что интересы, если они и имеются, носят параллельный характер, повторялись французским императором много раз. По его мнению, он, как победитель, повел себя весьма благородно. России ничего не оставалось, как смирить обиды, отнестись к своему новому союзнику с уважением, внять его пожеланиям и намерениям.

* * *

В сражении под Фридландом, проигранном русскими войсками, особенно отважно противостоял натиску французов Павловский гренадерский полк. Многие его воины пали. Медные каски на головах погибших оказались прострелены пулями, картечью. Воздавая должное их героизму, Наполеон повелел собрать эти трагические реликвии войны. В Тильзите император французов передал их Александру. Жест этот подтверждал — русского солдата можно убить, но не уничтожить. Эти памятные знаки воинской самоотверженности и мужества стали символами отличия солдат лейб-гвардии Павловского полка. Император повелел надевать их гренадерам-павловцам во время парадов. Об этом есть у Пушкина в поэме «Медный всадник».

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,

Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.

* * *

Тильзитский договор, как это было принято в подобных случаях, накладывал на побежденную сторону определенные обязательства. России предстояло доказать верность принятому на себя курсу. Уже это ставило императора Александра в весьма трудное положение. Тильзитский акт в том виде, в каком его прочитали в Петербурге, лишал Россию прав на княжества Молдавию и Валахию, откуда Александру I предписывалось вывести войска. Россия обязывалась разорвать отношения с Англией, присоединившись к европейскому экономическому бойкоту. В случае возникновения какой-либо войны с участием Франции следовало быть готовой выступить на стороне Наполеона. Кроме того, Александр согласился признать все полученные в ходе Наполеоновских войн территориальные приобретения Франции в Европе.

Нельзя сказать, что Наполеон в ходе переговоров в Тильзите не думал об интересах своего союзника. Он предложил Александру обратиться к проблеме «старинного врага у ворот своей столицы», каким он считал граничащую с Россией Швецию. Петру I в ходе Тридцатилетней войны ценой огромных усилий удалось утвердить Россию на Балтике, однако новую столицу России — Санкт-Петербург — пришлось основать всего лишь в трех десятках километров от границ шведских владений. На взгляд французского императора, имелась «благоприятная» возможность отодвинуть внешнюю границу России от Петербурга подальше на северо-запад, «чтобы гром шведских пушек не беспокоил петербургских красавиц». Наполеон проявил понимание и других коренных проблем российской государственности, которые она не могла самостоятельно решить на протяжении веков. Речь шла о шансах России на доступ к незамерзающим морям на Востоке, о восстановлении некогда прерванного исторического пути «из варяг в греки», к святым местам Палестины, торговым путям Средиземноморья. Наполеону казалось возможным объединить исторические устремления

России со своими честолюбивыми замыслами.

В Тильзите затрагивались и другие проблемы, болезненно отзывающиеся в России. В ходе Наполеоновских войн, повлекших крушение Австрии, Пруссии, их бывшие владения в Польше постепенно переходили под контроль Франции. Именно от Наполеона зависела будущность того пространства, на котором некогда существовала могущественная Речь Посполитая. Как и каким образом поступит завоеватель? Восстановит ли Польшу в прежнем виде, на чем настаивали влиятельная польская эмиграция в Париже, а также видные польские военные из числа тех, кто служил у Наполеона, или же предпримет какие-либо другие шаги? Этот вопрос крайне беспокоил Россию.

* * *

Известие о том, что русский император отказался от своего прежнего союза с Британией, повергло в шок европейские политические круги. Без России создать очередную коалицию, способную одолеть Наполеона, становилось немыслимым. Тильзит радикально менял расстановку военно-политических сил в Европе. Между тем и в самой императорской России известие о событиях в Восточной Пруссии было встречено в штыки. Само слово «Тильзит» и тогда, и долгое время позже оставалось «обидным звуком», символом национального позора. В Петербурге обстоятельства, при которых оказалась русская армия под Фридландом и находившийся при ней император, вынужденный вести переговоры с ненавистным Наполеоном, в расчет не принимались. То, как и каким путем военно-политический кризис обрел свое разрешение, устраивало далеко не всех. Череда поражений России, не знавшей ничего подобного за все предшествовавшие сто лет, давала повод к размышлениям, влекущим за собой драматические выводы. Общественное мнение России, привыкшее к недавним победным походам Суворова, а до того Потемкина, а еще ранее Румянцева-Задунайского, не желало считаться с реальностью… Российская элита, «глухая к доводам разума», ополчилась против российского самодержца. Особо доверенных, кто привык быть посвященным всегда и во всё, раздражало, что никто, кроме самого самодержца, не присутствовал при его долгих беседах наедине с французским императором. Говорили о том, что Александр пошел навстречу всем пожеланиям Наполеона, принес слишком много жертв новому союзу. Подключение России к континентальной блокаде порождало немало проблем для внутреннего рынка. Трудно было

представить, как, каким путем будут возмещены потери в экономике, ранее ориентированной на главного торгового партнера — Британию. Недовольство усугублялось и непримиримой позицией духовенства, провозгласившего анафему Наполеону — «антихристу». Повеление Александра отменить церковное проклятие не возымело действия. Недружественные высказывания в адрес наполеоновской Франции подогревали экстремистские круги. Особо наблюдательные не преминули отметить тот факт, что Тильзитский трактат был подписан 27 июня, день в день 98-й годовщины славной победы русских войск в битве под Полтавой… Злословие простиралось и по поводу того, что Наполеон был провозглашен императором в одно время с провозглашением империи на «негритянском острове Санто-Доминго[27]». Таким образом, с иронией высказывалось сомнение: «…достойно ли нам теперь принадлежать императорскому сообществу.».{100} Группа молодых офицеров закидала камнями французское посольство, выбив окна в одном из кабинетов, на стене которого находился портрет Наполеона. Представители иностранных дворов в Петербурге терялись в догадках. Атмосфера в обществе, с которой столкнулся император по возвращении из похода, была крайне тревожной. Зловредный сговор виделся во всем, включая самого императора Александра I, ставшего на соглашательский путь с ненавистным им Наполеоном I. По адресу Александра раздавались не только голоса возмущения, но предупреждения, сулящие ему закончить царствование «так, как его отец». В некоторых кругах Петербурга велись разговоры о том, что «вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена, а так как императрица-мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести сестру Александра Великую княгиню Екатерину»{101}.

Враждебное отношение к «тильзитской дружбе» проявляло себя повсеместно — в Петербурге и Москве. Как писал выдающийся современник тех событий Денис Давыдов, это были: «…англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русские военные и гражданские чиновники, тунеядцы, интриганы, — словом, это был рынок политических и военных спекулянтов, обанкротившихся в своих надеждах, планах, замыслах»{102}. Ярость от сближения с Францией принимала крайние формы. Отстраненный от дел бывший посол империи в Лондоне Воронцов предлагал «провести по Петербургу проездом на ослах сановников, участвовавших в подписании Тильзитских соглашений»{103}.

Александру I, его царствованию посвящено немало книг,

исследований, мемуаров. Историко-публицистическое наследие двух столетий из-за неразглашения секретов верховной власти, свойственного любой монархической литературе, оставалось почти недоступным вплоть до наших дней. Репутацию Александра оберегали главные события его царствования: 1812 год, освобождение Европы, ниспровержение Наполеона… Списали, посчитали простительными для Александра все его немотивированные поступки, предательства, совершенные им по отношению к отцу, друзьям, своему окружению и союзникам, наконец, своему народу, который его почитал и любил. В конце концов порешили: лучше всего признать императора «сфинксом, не познанным до гроба». Современникам и их потомкам не хватало духу сказать правду, открыть главное, что мешало самодержцу и наносило ущерб ему лично и управляемому им государству[28]. Свойством его натуры было малодушие. От этой слабости характера проистекали непостоянство, лицемерие и изворотливость. Это отображалось в его деяниях, которые он вынужден был предпринимать в критически трудных обстоятельствах: в заговоре против отца, в отношениях с цареубийцами, во внезапных перепадах в общении с людьми, которых он то приближал, то отдалял от себя, в петляниях вокруг реформаторских планов, которые он было начинал, но не доводил до конца. Личным поведением в частной жизни «наместник Бога на земле» не однажды опровергал идею о божественном происхождении царской власти… Между тем в народе авторитет российской монархии оставался неколебим. К счастью для Александра, население России все еще продолжало боготворить институт царской власти, воспринимало монарха как опору и воплощение единства православной родины. Российский самодержец, несмотря на свою молодость, воспринимался как царь-батюшка, богоизбранный отец народа. И даже тогда, когда происходили провалы, по масштабам близкие к национальной катастрофе, как это случилось при Аустерлице, народ, невзирая ни на что, был преисполнен сочувствия к молодому царю. Первые излияния сострадания и любви простые люди направили на своего самодержца.

* * *

Тильзит, переговоры на Немане с Наполеоном обнажили далеко не лучшие свойства натуры Александра I. Свое поведение, как и политические решения, Александр впоследствии пытался всячески оправдать. Он выдавал это за тайно обдуманный маневр,

как необходимую временную уступку, предполагающую в будущем неизбежный реванш. Такой расчет российского самодержца стоил немалых жертв. В конечном счете его ошибки ускорили нашествие Наполеона на Россию, а это обернулось для собственного народа и народов Европы трагической развязкой… На самом деле Александр был движим только одним. «Бывают такие положения, когда нужно думать о том, чтобы сохранить себя», — напутствовал император князя Д.И. Лобанова-Ростовского, отправляя его парламентером к Наполеону. Всё, что происходило потом, более или менее известно.

Царствование Александра I как в зеркале отобразило повсеместно углублявшийся кризис монархической идеи: неспособность одного человека, даже наделенного некоторыми дарованиями и неограниченной властью, справиться с нарастающим объемом и масштабом управленческих задач. Деяния и поступки Александра I не раз ставили на грань кризиса российскую государственность, а его вмешательство в управление боевыми действиями в ходе войн страшило военачальников больше, чем неразгаданные планы противника… Да и дипломатические способности, в которые император уверовал, не оставили у потомков особых чувств, не превзошли пятой ступени в Табели о рангах государственных чиновников. «Коллежский он асессор по части иностранных дел», — писал о нем Пушкин. В конечном счете успехи государства обеспечивались не благодаря, а вопреки государю, а эгоистические, честолюбивые устремления царя усугубляли национальные бедствия.

Обладал ли Александр той зрелостью, которая была необходима, чтобы противопоставить собственную дипломатию дипломатии Наполеона? Тильзит не без основания следует отнести к его личному политическому провалу: Наполеон переиграл своего не искушенного в подобных переговорах собеседника по всем статьям. Будь Александр искуснее и дальновиднее, он имел бы возможность отстоять гораздо более почетные условия, взять на себя иные обязательства. Например, временный нейтралитет по отношению к тем действиям, которые намечал или уже затеял Наполеон в Западной Европе. Условия для торга имелись. Что касается Англии, то достаточно было выйти из военного договора с ней. Заключая союзнические, партнерские отношения с Наполеоном, Александр не сумел даже отстоять коренные интересы государства, особенно в связи с продолжающейся войной с Турцией. Зато весьма рьяно старался защитить интересы поверженной Пруссии. «Дьявольские» способности «обольстителя» Наполеона сделали свое дело. Император России сдал всё, что только возможно, только бы уйти

подобру-поздорову.

Первая фраза, произнесенная Александром при встрече с Наполеоном, свидетельствовала, что российский самодержец прямо-таки с порога отказывается от своего прежнего союзника. Не было предпринято попытки оценить ситуацию, прояснить позиции сторон, взять паузу, чтобы осмыслить подходы, прикинуть варианты выхода из военно-политического тупика. Нет. Александр с ходу согласился включить Россию в орбиту геополитических интересов Франции, заслужив тем самым в некоторых российских кругах прозвище «приказчик Наполеона».

* * *

Полная переориентация внешней политики неизбежно предполагала привлечение к управлению Россией новых людей. Александр тогда был вынужден пойти на очередную смену тех министров, кто в наибольшей мере был выразителем прежней политики. Отмежевавшись от своего прежнего окружения, самодержец испытывал потребность в деятельных помощниках. Их нехватка побуждала Александра I действовать самостоятельно. При этом император все более раскрывал то, на что был способен: образ мыслей, стиль ведения государственных дел. Сановники и приближенные к престолу стали отмечать проявление качеств, далеко не обязательных для подтверждения могущества и величия царской власти. Александру I недоставало многого, особенно при непосредственном общении с таким искушенным и талантливым политиком, как Наполеон. Самодержец, правда, был не очень способен признавать свои ошибки, но его близкие, преимущественно члены семьи и некоторые из друзей, прямо указывали ему на это.

Тогда Александр I принял для себя два весьма важных решения: 30 августа 1807 года должность министра иностранных дел[29] была предложена Николаю Петровичу Румянцеву, а пост военного министра 13 января 1808 года занял Алексей Андрее вич Аракчеев. Именно эти два человека стали опорой императору в самый трудный для него период. Позднее самодержец приблизит к себе Михаила Михайловича Сперанского. Под рукой имелись и другие деятели, кому он доверял, но их способностей хватало, как правило, быть на вторых ролях[30].

За период, предшествующий Тильзитскому миру, Александр I сменил пять министров иностранных дел. На то были разные причины. Все прежние, каждый по-своему, выказывали достоинства, но в силу разных обстоятельств вынуждены были

покинуть это поприще. Внешними делами в самом начале царствования Александра I некоторое время заведовал Н.П. Панин, но участие в заговоре против Павла I прервало его государственную карьеру. Затем Коллегией иностранных дел управлял граф В.П. Кочубей. Его сменил А.Р. Воронцов, которому после учреждения Министерства иностранных дел (1802) было присвоено звание министра. Вскоре он покинул пост по состоянию здоровья. Далее эта роль была поручена другу императора князю А.А. Чарторыйскому, однако его увлеченность польским вопросом в ущерб интересам европейской политики Российского престола не позволила продолжить миссию. В 1806 году руководить международными делами было поручено П.Я. Убри, причиной его отставки послужил подписанный им в Париже договор с Наполеоном, содержание которого не устроило российское руководство. Недолго во главе ведомства находился сменивший его А.Я. Будберг. Дипломат, известный своими антифранцузскими взглядами, после событий в Тильзите также оказался в отставке. Перманентная смена лиц отображала метание власти, непостоянство политического курса государства и, как следствие, желание переложить на других вину за допущенные провалы. К кандидатуре Румянцева вынуждены были прибегнуть, что называется, в последнюю очередь. Предубеждений, если не препятствий, на назначение Румянцева на эту должность хватало. В политических верхах империи Румянцев в силу своего особого статуса чувствовал себя независимо, стоял особняком. Молва не без оснований гласила — он по внебрачной линии потомок Петра I. К тому же сын выдающегося полководца, фельдмаршала Петра Румянцева. Один из молодых, наиболее доверенных сподвижников Екатерины II многие годы выполнял не только ее дипломатические, но и весьма деликатные поручения за границей. Дипломатическая служба при многочисленных немецких землях и княжествах составила Румянцеву репутацию несговорчивого, настырного, весьма жесткого политика. Фюрстам, князьям и герцогам, погрязшим в праздности и безделье, такой дипломат не нравился. Русского посланника не удавалось заговорить, отделаться от него под благовидными предлогами или пытаясь вручить ценные подарки. Противодействие попыткам Пруссии воссоздать под своей эгидой Союз немецких княжеств вызывало яростные протесты. Нелицеприятный отзыв о Румянцеве самого Фридриха Великого послужил веским доводом, чтобы двенадцатилетний дипломатический опыт графа Румянцева долгое время оставался невостребованным. Это можно понять, поскольку внешняя политика Российской империи исторически была ориентирована

на немецких соседей, а прусский король Фридрих II (Великий) для дома Романовых — личность особо почитаемая, легендарная. Отнюдь не случайно, едва оказавшись на престоле, Александр I свой первый государственный визит нанес именно в Пруссию. Взгляды на Румянцева со стороны и в новые времена только усиливали сомнения. Около восьми месяцев Румянцев числился исполняющим обязанности министра иностранных дел. В высшем эшелоне все еще давали о себе знать колебания — оставлять ли министра коммерции, директора Департамента водных коммуникаций и устроения в империи дорог в роли совмещающего пост министра иностранных дел. Причиной служили суждения, высказываемые Румянцевым в критические периоды государственной жизни, расходящиеся с мнением «большинства». Делал он это порой весьма решительно и резко. Всем запомнились слова, которые он произнес при обсуждении на заседании Государственного совета, каким должно быть политическое поведение России после поражения при Аустерлице: «Будучи тверд в правилах, я обязываюсь при нынешнем случае сказать, что если утверждал, что не было пользы скоропостижно выставлять военные ополчения, то и ныне в скоропостижных исканиях мира пользы я не вижу. Если мы и при Петре Великом, и при Екатерине II сумели сносить раны минутных неудач военных, уничижения никогда и нигде сносить мы не умели»{104}. Из этого следует: Румянцев был решительно против ввязывания в военную кампанию в центре Европы, завершившуюся для России Аустерлицем, как и предостерегал от поспешных попыток заключить с Францией мир. И в том, и в другом эпизодах Румянцев оказался прав.

Мыслящие современники относили Румянцева к просвещенным либералам-государственникам. Во внутренних и внешних делах он один из немногих, кто оставался твердым последователем политической школы Екатерины II. «Не тащиться хвостом», не идти на поводу, не брать на себя поспешных обязательств, вовремя разгадывать, предвидеть последствия замыслов союзников и противников — правило, которого придерживался Румянцев-политик.

«Румянцев, — как о нем писали в ту пору, — имел самостоятельные политические взгляды и лелеял смелые “замыслы”. Сын блестящего генерала, добывшего себе военную славу при Екатерине II в борьбе с турками, он только и мечтал о завоеваниях в Турции и видел в этом столько же семейную традицию, сколько исполнение национальной миссии»{105}.

«Просвещенный патриот», «умеренный политик», Румянцев видел главные приоритеты в том, чтобы направлять

государственные ресурсы на решение насущных задач, прежде всего преодоление отставания России от государств Центральной Европы. По его убеждению, внешняя политика, военная стратегия должны были носить охранительный характер. Национальным бедствием становились войны, усугубляя незавидное положение Российского государства. Для каждой последующей войны находились свои, непреодолимые на тот момент доводы и причины. И поражения и победы одинаково истощали государство, а мирных передышек явно недоставало для модернизации хозяйственного организма огромной страны.

Племя «младоекатерининцев», к которому Румянцев принадлежал, к тому времени заметно поредело. За четыре года царствования Павел I разметал эту плеяду. Кое-кто изменил прежним ценностям. Оставаться последовательным и твердым в своих убеждениях, сохранять достоинство при российском престоле было непросто. Значительная часть российской политической элиты не питала к Румянцеву особых симпатий. Настороженное отношение к нему преобладало и у многих стоявших у трона. Однако произошло следующее:

«Император сам вошел в его кабинет, держа в руках портфель иностранных дел — в то время портфель еще был не только в переносном, но и в прямом смысле атрибутом министерской должности. Александр отдал графу ценную ношу, точнее, заставил принять ее, хотя тот живо сопротивлялся. Николай Румянцев — самый блистательный живой свидетель другой эпохи. Он давно зарекомендовал себя своей достойной службой, владел огромным состоянием, сполна пользовался уважением и почтением, поэтому государственная должность, как бы она ни была высока, ничего не могла добавить к его положению. Министр и вельможа мог бы решить, что он скорее унижает себя, соглашаясь еще больше заниматься повседневными государственными делами. Тем не менее он принял эту должность, потому что видел в ней возможности защищать политику, которая была ему дорога, и через нее вести свою страну к блистательной судьбе»[{106}].

* * *

Когда Румянцев получил предложение возглавить Министерство иностранных дел Российской империи, на политическом поле Европы действовали сильные игроки. С появлением в политике Талейрана, Меттерниха и без того противоречивые отношения между государями и государствами

приобрели еще более сложный характер. В политический обиход запускались изощренные интриги, обман, наконец, предпринимались коварные ходы, разгадать которые даже искушенному политику было непросто. Искусство «политического обольщения» было доведено Талейраном и Меттернихом до совершенства. «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли» — авторство этой известной фразы принадлежит Талейрану. Именно он, а никто другой исповедовал это «правило» в своей политической практике.

Знаток российской реальности того времени Ф.Ф. Вигель в своих воспоминаниях так пишет о назначении Румянцева: «Место жалкого немца (Будберга) вскоре занял русский с громким именем, высокою образованностью, благородною душою, незлобивым характером и с умом, давно ознакомленным с делами дипломатическими и ходом французской революции. Самое же согласие графа Николая Петровича Румянцева на принятие звания министра иностранных дел показывает в нем сильный дух, готовый со вступлением в должность вступить в борьбу с всеобщим мнением, самоотвержение, с которым он в настоящем жертвовал собственною честью для будущей пользы своего Отечества»[{107}].

Румянцев-дипломат в противовес своим недругам гораздо глубже оценивал как свойства наполеоновской эпохи, так и ее потенциал. Он принадлежал к немногим, кто имел возможность, находясь в центре Европы, непосредственно наблюдать, какую помощь обретала Франция под воздействием личности Наполеона Бонапарта. Посланник Румянцев укрепился в мысли о новых возможностях, которые могли приблизить разрешение многовековых задач, стоявших перед домом Романовых.

«По мнению Румянцева, французская революция, со всеми своими войнами и потрясениями, разрушая старый мир, позволит России развалить трухлявое здание Востока. В начале нового царствования, когда Россия теряла силы в борьбе против Наполеона, вместо того чтобы пойти по следам Екатерины на Дунае, Румянцев отошел в сторону, ограничивая себя более узкой задачей. Тильзитский акт, который обосновывал возможность возвращения к восточной политике, естественно вернул Румянцева на первый план, и граф оказался почти необходимым человеком. Будучи призван к власти, он привнес в нее более стройные взгляды, более смелые планы, более точные выводы, чем взгляды своего повелителя, которые носили туманный и неопределенный характер. Он более, чем Александр, клонил к тому, чтобы разделить Турцию, и, во всяком случае, не допускал мысли, чтобы происходящий кризис закончился без заметного

расширения России. Под его влиянием интересы России на Востоке становятся яснее, желания превращаются в строгую с методической точки зрения систему, где все части взаимосвязаны и в которой разрыв с Англией — один из главных элементов»{108}, — писал французский исследователь Альбер Вандаль.

Как видим, достоинства личности Румянцева, его политико-дипломатический опыт, казалось бы, не оставляли никаких сомнений в способности самостоятельно прокладывать внешнеполитический курс. Размышляя над тем, как на деле складывалась обстановка вокруг Румянцева, приходится исходить из того, что он, будучи министром иностранных дел, в своих реальных шагах оказался весьма ограничен. Тому были причины исторического порядка. С давних времен в императорской России повелось вмешивать в иностранные дела многих. До Румянцева и после него успешно управлять внешней политикой мало кому из призванных на это поприще удавалось. Самодержцы, вне зависимости от собственных способностей, стремились играть главенствующую роль. Мнение мыслящих помощников имело вес, но к нему не всегда прислушивались. Всё зависело от близости к престолу того или иного сановника, его авторитета во властной иерархии. Свои суждения, доводы, рекомендации дозволялось также делать сиятельным лицам из числа тех, кто порой никакого отношения к столь важной и тонкой сфере не имел. Помимо Александра I и императрицы-матери Марии Федоровны, были еще и другие Романовы. Свое слово пытались вставлять и представители потомственной знати. К ним принято было прислушиваться. Влияние на политические настроения в Петербурге оказывали имевшие доступ ко всему иностранцы. Многое из того, что должно было оставаться государственной тайной, довольно быстро становилось достоянием тех, кто проявлял к этому интерес. То, что должно оставаться «тайною тайн», что затрагивало исключительно государственные интересы, престиж и достоинство самого государя, просачивалось в светские круги. Особой осведомленностью щеголяли не только царские любимцы и любовницы, но и просто ловкие проходимцы, умевшие втереться в доверие к властным персонам. И в пору, когда существовал Посольский приказ, затем Коллегия иностранных дел, а потом и Министерство иностранных дел, их начальствующие лица, строго контролируемые монархами, выполняли сугубо подчиненную роль. Александр I не составил исключения. Румянцев, как и его предшественники, управлявшие внешнеполитическим ведомством, оказался влиятельным, но всего лишь одним из советников государя. Более того, год от года самодержец стал обнаруживать особое пристрастие к

дипломатической работе. В его поведении все более укоренялась тенденция самому, без оглядки на помощников, вершить межгосударственные дела. Как государь, вознамерившийся не только царствовать, но и править, в своих суждениях и решениях он был порой непоследователен, непредсказуем. Противоречивость его натуры, двойственность характера, подмеченные еще в детстве, теперь проявляли себя в продвижении государственной политики. Все это точно охарактеризовал Пушкин:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Александр, молодой, представительный, энергичный, желал произвести впечатление, блеснуть, продемонстрировать способность с легкостью, на ходу, без промедления вершить дела. К этому располагала атмосфера салонов, где, упиваясь обществом молодых женщин, император проводил немало времени. Там царила М.А. Нарышкина, надолго завладевшая его сердцем. Суждения Александра, высказываемые в подобных обстоятельствах, порой экспромтом, обнаруживали поверхностность, неискушенность в государственных делах. Склонность вести себя раскованно, щегольнуть, демонстрировать готовность к суждениям, иметь свое мнение по любому вопросу давала повод политическим интриганам пользоваться этим. Иногда своей поспешной реакцией Александр ставил в тупик собственное окружение. В правящем эшелоне возникало замешательство. Требовались время и искусная дипломатическая работа, чтобы расставить всё по своим местам. Льстивое окружение, однако, и из этих промахов императора старалось «делать погоду», приписывая Александру некие особые качества в умении вести дела мудро, решительно, главное — с успехом.

* * *

К 1807 году и позже Россия представляла собой военный лагерь во враждебном окружении. Продолжалась война с Персией и Турцией. Назревали, как это было условлено на переговорах с Наполеоном, военные действия в Финляндии против Швеции. По мере того как отступал лед на Балтике, возрастала угроза рейда на Петербург английского флота[31]. Только со стороны Урала и

Сибири рубежи России оставались в безопасности. Экономическое положение государства день ото дня ухудшалось. Рубль потерял в цене до 50 процентов своей прежней стоимости. Россия лишилась традиционных источников сбыта сырья и товаров. Необходимо было срочно искать пути возмещения утраченных поступлений в казну, налаживать и укреплять внутренний рынок.

Поражения в битвах лишь усилили внутреннюю напряженность, обострили национально-патриотические чувства. Драматический оттенок всему придавало обстоятельство, что в ходе сражений с Наполеоном было пролито немало крови. В массовом сознании коренилось стойкое стремление к возмездию, к реваншу. Обстановка была не из легких. Уже в самом начале, когда только было объявлено об альянсе двух императоров, в России и в Европе явно и тайно стали действовать силы, целью которых было вбить клин, разрушить русско-французское согласие. Разномастные круги, находящиеся как внутри, так и в стороне от реальной власти, не без успеха воздействовали на общественное мнение. Сословия, утратившие хозяйственные связи в Европе и особенно доходы от торговли с Англией, вели психологическую войну по всему фронту. Россия полнилась противоречивыми сведениями, искажающими подлинное положение вещей.

При внимательном изучении соглашений, подписанных в Тильзите, Румянцев обнаружил в них немало ошибок, допущенных в ходе «скоропостижных исканий мира». Таких, каких можно было и следовало избежать. Там, где требовались зоркость, неуступчивость, проглядывали поспешность и небрежность, граничащая с халатностью. Здравомыслящий политик не мог не обратить внимания на односторонний уклон подписанных соглашений. Были упущены важные положения, касающиеся принципиальных вопросов политической доктрины России. Вопрос о совместной политике в отношении Турции, которому в ходе переговоров в Тильзите было уделено немало внимания, в итоговом документе отражения не нашел. Не оказалось ничего такого, что бы обязало Францию приостановить поддержку Османской империи, с которой Россия вела войну начиная с 1806 года. Талейран, в ту пору министр иностранных дел Франции, на сетования российских дипломатов по этому поводу ответил примерно так: «В дипломатии, как и в музыке. Если мотив не положен на ноты, то считай, он утрачен».

Румянцев предлагал сосредоточить дипломатические усилия на том, чтобы новый союзник России — Франция — перешла к реальной демонстрации своих партнерских отношений. Министр надеялся склонить Наполеона пересмотреть тильзитские

соглашения, дополнить главный документ статьями, которые бы ясно и точно прояснили позицию Франции по весьма важным для России военно-политическим вопросам. Дух доверия и партнерства, по мнению канцлера, возобладает, если двум державам удастся согласовать стратегию поведения по отношению к остальному миру. В ходе этой настойчивой дипломатической работы постепенно прояснялось, что Наполеон не располагал объективными представлениями о том, в каком положении оказались Россия и ее самодержец. Он отказывался понимать и принимать во внимание обстоятельства, в которых находился его недавний партнер по переговорам в Тильзите. Образ России в представлениях Наполеона, как и многих на Западе, к разочарованию российского самодержца и его министра иностранных дел, рисовался весьма смутно и противоречиво. Справедливости ради необходимо отметить: составить целостное представление о том, какова Россия на самом деле, разобраться в метаниях русской политической мысли даже весьма просвещенным европейцам было непросто. Многое черпалось из мифов, слухов, сбивчивых рассказов малосведущих путешественников, субъективных суждений посольских людей. Мало кто улавливал эволюцию, которая происходила на ее пространствах от царствования к царствованию. Наполеон, например, не мог себе представить, что в России абсолютная монархия на деле таковой не являлась. Он всерьез не принимал, что кто-либо, особенно из свиты Александра, мог позволить себе выступить с осуждением политики императора.

И тогда, и далее, в ходе регулярных встреч и бесед с представителями союзной Франции, Румянцеву приходилось немало времени тратить на то, чтобы открыть собеседникам глаза на российскую реальность. Нужно было терпеливо доказывать, что судить о России по легендам времен Ивана Грозного или Петра Великого было бы глубоким заблуждением.

«Император Наполеон и в целом все у вас ошибаются на счет России. Ее плохо знают. Думают, что Император царствует самовластно, что достаточно издать указ для того, чтобы изменились мнения, или для того, чтобы за всех решить. Император Наполеон мне это часто говорил. Он думает, что знак государя способен всё изменить: он ошибается… Императрица Екатерина так хорошо знала свою страну, что она учитывала все мнения — бережно относилась даже к противоречивому духу некоторых старушек. Она мне сама говорила об этом…»{109} — неоднократно подчеркивал Румянцев в беседах со своими французскими собеседниками.

Приняв на себя обязанность министра иностранных дел,

Румянцев вступил в самый драматический, но и в самый значительный этап своей жизни. Он оказался в гуще важнейших событий времени, вошел в круг самых видных деятелей эпохи. Бремя ответственности, возложенное на него, требовало исключительной самоотдачи. Наиболее трудным оказалось умиротворить российскую общественность, умерить страсти, укоренить здравый смысл, прежде всего во влиятельных кругах. Элита, часть которой издавна была ориентирована на Англию, другая часть — на Пруссию, третья — на Австрию, чувствовала себя отверженной, ее место оказалось на задворках большой политики. Виновником перемен, ссылаясь на молодость и неопытность императора, считали Румянцева. Военно-политические обстоятельства, поставившие Россию в новые для нее условия, в расчет не принимались. Ожесточение, с которым отодвинутые в тень царедворцы набросились на Румянцева, не знало границ. Политическая близорукость оппонентов усугублялась ненавистью ко всему, что исходило от Наполеона. Государственные интересы, возможные выгоды от союза с Францией предавались анафеме, а их последователи объявлялись дураками. «Дурак, глупый, пустая голова, невежество, негодяй, презренный, ничтожный, лицемерный, гнусный интриган, гнусный придворный…»{110} — неслось в адрес Румянцева. Кому принадлежали эти слова и почему эта брань занесена в исторические хроники?

Семен Романович Воронцов — современник и коллега Румянцева — был инициатором интриг против Николая Петровича. Их пути не однажды пересекались. Потомок именитых предков[32], Воронцов в юности некоторое время учился за границей. Участвовал в битвах против турок при Ларге и Кагуле. Затем перешел на дипломатическую службу: был назначен посланником в Венецию, затем начиная с 1794 года в Лондон. Обретенные за годы службы за границей контакты и связи он первое время использовал на благо России. Ему не раз приходилось конфликтовать с «невеждами» и «проходимцами» при дворе Екатерины II, Павла I. Амбиции и пристрастия таких людей, как Семен Романович Воронцов, питали заслуги предков, их близость к престолу, собственная гордыня. Чувство соперничества с такими же, как он, но более удачливыми Воронцова не покидало. Он считал нужным поучать остальных, в том числе и молодого императора. Ему пришлась по душе роль независимого оппозиционера. Постепенно Воронцов прочно обосновался в Англии, где и остался навсегда.

Политический вес С.Р. Воронцову придало видное положение, которое на некоторое время занял при Александре I его старший

брат, Александр Романович Воронцов, министр иностранных дел (1802—1804), канцлер. И тот и другой имели репутацию англоманов. Действуя один из Лондона, другой в Петербурге, никто из них нисколько не преуспел в укреплении союза России с Англией, но они приложили немало сил, чтобы разрушить наметившиеся позитивные отношения с наполеоновской Францией. Выставляя Наполеона в своих докладах в невыгодном свете, а его военно-политические планы авантюрными и опасными, министр Воронцов добился-таки разрыва России с Францией в 1803 году. Каковы оказались политические последствия этих решений, известно. В конечном счете министр был отправлен в отставку, а от услуг его брата окончательно отказались в 1806 году, назначив посланником в Лондон другого дипломата.

* * *

Насколько тревожно складывалась атмосфера в Санкт-Петербурге, молодому, эффектному французскому посланнику генералу Савари[33] пришлось испытать на себе. Его отказывались принимать в великосветских гостиных, а там, где он обязан был присутствовать по протоколу, его встречал «ледяной прием». Используя лесть и соблазнительные подношения Нарышкиной, любовнице Александра I, Савари удалось войти в круг ближнего окружения императора, но на отношение элиты к наполеоновской Франции это, однако, никак не повлияло. Оценивая обстановку в Петербурге после Тильзита, Савари докладывал Наполеону: «Император и его министр граф Румянцев — единственные настоящие друзья Франции в России; это такая правда, которую было бы опасно умолчать. Сама страна была бы готова снова взяться за оружие и опять пойти на жертвы, чтобы воевать против нас»{111}.

Найти среди российской элиты добросовестных людей, свято исполняющих государственный долг, придерживающихся новой политической линии, как того требовали переменившиеся обстоятельства, было очень непросто. Далеко не все чиновники, в том числе и весьма высокого ранга, следовали политическим установкам Александра I и его министра иностранных дел. Кое-кто в государственном аппарате попросту саботировал распоряжения, так или иначе уклоняясь от избранного курса. Даже посол России в Париже граф Толстой, назначенный туда после подписания тильзитских соглашений, действовал вопреки строгим установкам. Более того, он предпринимал вызывающие

шаги в пику Наполеону. В ответ на представления, направляемые министром Румянцевым из Петербурга, посол с деланым простодушием заявлял, что «ничего не может с собой поделать».

Одно из донесений Толстого о «чистосердечных и близких отношениях», установившихся у него с послом Австрии в Париже Меттернихом, вызвало жесткую реакцию министра Румянцева: «Государь предписал мне уведомить вас, что он желает установить подобное согласие и сближение лишь для поддержания и упрочения союза, существующего между его величеством и императором французов, но отнюдь не для того, чтобы заменить его. Решительная воля его императорского величества заключается в том, чтобы иметь в настоящее время главным союзником императора Наполеона; поэтому государю угодно, чтобы никакой ошибочный прием, никакая, если смею так выразиться, параллельная дружба *(amitie collateral)* не могли бы повредить дружбе его с Францией, и ему было бы крайне неприятно, если бы император французов нашел повод к беспокойству его дружбы… Император убедился долгим и печальным опытом, как много выгод *(deprofit)* извлек он из предшествовавших союзов, и теперь видит, что благо его империи требует уничтожения и замены их союзом, заключенным с императором французов….Государь желает и поручает мне наблюдать, чтобы все наши дипломатические сношения шли в этом новом направлении, признанном его величеством полезным для блага его империи»{112}.

Своим примером Толстой-дипломат свидетельствовал, насколько непросто Александру I и Румянцеву давался подбор нужных исполнителей. Высокие обязанности поручались людям доверенным, но лишенным дипломатических способностей, необходимого опыта жизни в странах пребывания. Их старались подкреплять карьерными дипломатами, кто, многократно послужив за пределами государства, демонстрировал необходимые качества. Интересы дела требовали особенно бережно относиться к элите дипломатических кадров, отслеживать карьерное продвижение тех из них, кто обладал глубокими познаниями, в совершенстве владел иностранными языками. На примере начинающего дипломата Румянцева видно, насколько внимательно отслеживался его карьерный путь. Успехи, пусть и не столь значительные, отмечались повышением рангов, добавлением к жалованью. Карьерных дипломатов ценили, их щедро награждали. Уже будучи министром иностранных дел, Румянцев, исходя из обретенного опыта, продолжил совершенствование дипломатической службы и ее учреждений.

* * *

К этому времени Россия располагала за границей четырнадцатью генеральными консульствами, восемью консульствами, и двумя вицеконсульствами. В их числе были старейшие консульства России, учрежденные в Амстердаме (1707), Венеции (1711), Париже (1715), Вене (1718), Бордо (1723). По мере роста сети российских консульских учреждений за рубежом и иностранных консульств в империи появилась необходимость в организации специализированного подразделения. По представлению Румянцева императору Александру I внутри Министерства иностранных дел 13(15) мая 1809 года была образована Экспедиция консульских дел, прообраз современного Консульского департамента МИД России[34].

В докладе министра иностранных дел Н.П. Румянцева императору Александру I были определены задачи Экспедиции консульских дел: вся внутренняя и внешняя переписка по консульским делам; переписка с иностранными консулами, находящимися в России; составление инструкций и наблюдение за их исполнением; дела «о призах и по другим предметам, до торговли и мореплавания относящимся». После образования этого подразделения консульская и дипломатическая службы были официально объединены под флагом Министерства иностранных дел Российской империи.

Кроме того, в структуре Министерства было выделено особое подразделение — Азиатский департамент. Ему было поручено ведение дипломатических сношений с азиатскими государствами, а общее руководство сосредотачивалось в особой Министерской канцелярии{113}.

* * *

Для придания нужного направления в двусторонних российско-французских отношениях проводились регулярные консультации министра Румянцева и посла Франции в Санкт-Петербурге, которым к тому времени стал Коленкур[35], сменивший Савари. Именно ему было поручено выработать и согласовать подходы двух держав ко всему кругу европейских проблем и, в частности, к совместной военной политике на Востоке. По мнению европейских наблюдателей, происходящее в Османской империи свидетельствовало о ее грядущем распаде. Заговоры, покушения, перевороты происходили там с

нарастающей последовательностью. Коекому казалось, что удержать раздираемое внутренними противоречиями огромное государство в прежних границах не удастся. По мнению некоторых европейских политиков, достаточно было лишь небольшого внешнего толчка, и крушение неизбежно. Судьба «османского наследства», как цинично называли эту проблему, занимала многих в политических кругах Европы. Именно в это время в Турции произошла серия дворцовых переворотов, в ходе которых султан Селим III погиб, Мустафа IV оказался низвергнут, на престол взошел его брат Махмуд. Между тем варианты возможных совместных действий России и Франции Румянцеву и Коленкуру согласовать не удавалось. Вырисовывался конфликт интересов. Из документов, ставших впоследствии известными, видно, что в восточном вопросе французская дипломатия находилась на тех же позициях, что и английская, и австрийская. Переход под контроль России черноморских проливов, по мнению западных стратегов, означал возникновение опасной геополитической ситуации. У Российской империи могли появиться такие преимущества, которые рано или поздно привели бы ее к экономическому господству в Европе. По этой причине Коленкур вел переговоры весьма уклончиво. Перед послом Франции, по сути дела, стояла единственная задача — выведать преобладавшие в высшем политическом руководстве России точки зрения. На этом фоне российский министр проявил себя как весьма «трудный» собеседник. Его навыки ведения переговоров не однажды ставили партнеров в тупик. Бесконечные словопрения, бесплодные размышления над географическими картами нисколько не приближали Румянцева и Коленкура к каким-либо существенным результатам. Румянцев укреплялся в мысли: необходима новая встреча двух императоров. На этот раз к ней следовало глубоко и тщательно подготовиться, придав деловую направленность всему тому, что касалось интересов каждой из сторон и самого союза двух держав.

* * *

Год и месяц спустя после Тильзита, в сентябре 1808 года, состоялась вторая встреча Александра I и Наполеона I Бонапарта в Эрфурте. Место встречи выбиралось таким образом, чтобы оно находилось ровно посередине пути между Петербургом и Парижем. Поскольку преодоление расстояний в то время давалось нелегко, а государственный аппарат был не столь мобилен, в такие встречи старались вместить как можно больше:

их использовали для более углубленного знакомства не только первых лиц, но и представителей многочисленной свиты. Общение длилось по нескольку недель и сопровождалось гаммой малых и больших событий, а подлинные цели, которые стороны ставили перед собой, лучше всего поддавались обсуждению за пределами официальной повестки. Наполеону было известно о решимости российского императора восполнить упущенное в Тильзите. Александр I намерен был предъявить французам некоторые требования, уравнивающие баланс в двусторонних отношениях. Иначе, по мнению российской стороны, у союза двух императоров не могло быть будущего. Наполеон тщательно продумывал встречные дипломатические маневры для воспрепятствования намерениям российской стороны. Опираясь на ориентировки своего посла, французский император поручил приближенным строить протокол таким образом, чтобы как можно больше времени оставалось для индивидуальных бесед с Александром I наедине. Заранее замышлялись ходы и уловки, какими можно было бы нейтрализовать Румянцева. Необходимо отметить, что и сам Александр, желая уйти от опеки, старался проявить самостоятельность. Это избавляло самодержца от необходимости мотивировать свои действия или тем более выслушивать от своих приближенных противоположные советы и суждения.

Перед самым отъездом в Эрфурт Наполеон детально проинструктировал Талейрана: «Во время путешествия подумайте о способе почаще видеть императора Александра. Вы скажите ему, что польза, которую наш Союз может принести человечеству, свидетельствует об участии в нем Провидения. Мы предназначены сообща восстановить порядок в Европе. Мы оба молоды, и нас не следует торопить. На этом Вы сильно настаивайте, так как граф Румянцев в вопросе о Леванте (Турции) проявляет большую горячность. Вы укажите, что без участия общественного мнения ничего нельзя сделать, что Европа не должна опасаться нашей соединенной мощи, но должна приветствовать осуществление задуманного нами большого предприятия»{114}.

Как личность и как государственный деятель, Румянцев был давно известен друзьям и недругам России. Изучение достоинств, недостатков, слабостей тех, кто мог влиять на межгосударственные отношения, — исторически укоренившаяся традиция. В этом смысле Румянцев не составлял исключения. Как он наблюдал за другими, так наблюдали и за ним, его карьерным продвижением. Поколебать его в собственных убеждениях, побудить пойти на компромисс не представлялось возможным.

При всем своем внешнем благодушии он непреклонно и последовательно отстаивал национально-государственные интересы. Из прежних донесений Наполеону было известно, например, что: «…быть подкупленным или плененным подарком слишком большой ценности Румянцева возмутило бы и, быть может, повредило нам; это человек по преимуществу деликатный, которым надо овладеть почестью и знаками уважения превыше всех, употребляемых даже в самых редких случаях. Это достойный и уважаемый человек, уже пожилой и расслабленный; друг своей страны и мира превыше всего. Он желает быть полезным Вашему Величеству в Петербурге и желает, чтобы Вы заметили, что он министр коммерции»{115}, — докладывал Савари в Париж еще в августе 1807 года.

Начиная с 1802 года Румянцев выполнял не только широкий круг обязанностей министра коммерции, главы ключевого департамента по части «управления водных коммуникаций и устроения в империи дорог», но и члена Государственного совета. Найти тему, повод для беседы с ним было легко. Граф располагал к себе, отличался живостью ума, непревзойденным чувством юмора. Когда же речь заходила о реальной политике, всякие хитросплетения и уловки оказывались бесполезными. Это отмечали англичане, немцы и австрийцы. За годы посольской службы в Петербурге Коленкур не раз убеждался, насколько Румянцев был тверд, а в ряде эпизодов проявлял себя весьма решительно. Он, когда этого требовали обстоятельства, всеми средствами старался предостеречь Александра, опровергал необдуманные, скороспелые суждения и обещания, высказанные императором, что называется, не очень подумав. По мнению советников Наполеона, удобнее и продуктивнее было бы иметь дело непосредственно с Александром. Российский самодержец слыл человеком настроения, был гораздо более податлив, его можно было легко перенастроить, уговорить.

Понимая, что переговоры в Эрфурте будут носить совершенно иной характер, нежели в Тильзите, Наполеон мобилизовал на подготовку максимум ресурсов, находящихся в его распоряжении. Грандиозное и продолжительное действо готовилось французским императором так, чтобы не только произвести впечатление на российского самодержца, но и продемонстрировать остальному миру прочность союза двух государей, а лично Наполеону — величие и могущество его империи. Участников, привлеченных к встрече, оказалось так много, что жители Эрфурта вынуждены были уступить гостям все свои жилища.

* * *

Личная встреча с российским самодержцем нужна была Наполеону не только для того, чтобы вести затяжные дискуссии о «турецком наследстве», о судьбе придунайских княжеств или обсуждать беспокоящую Россию проблему разделенной Польши. Прежде всего ему необходимы были твердые гарантии прочности союза, заложенного соглашением в Тильзите. Это было важно, поскольку дела французского экспедиционного корпуса в Испании не заладились и, как и ожидалось, появились признаки военной активности в Австрии, где поднимали голову силы реванша. Имелся и другой, исключительный сюжет. Он касался будущности великого дела, которое создал Наполеон. Не закрепив преемственности власти в собственном потомстве, великая империя в случае его смерти обрекалась на драматическую неопределенность.

Русский император имел сестер на выданье, и Наполеон питал надежду породниться с одним из древних монархических домов и основать собственную династию. Так его имя вписывалось в легитимную линию пс отношению к другим европейским домам. Прямые родственные связи сделали бы выполнение издавна намеченных планов вполне осуществимыми. О них в феврале 1808 года он подробно написал российскому самодержцу: «Армия в 50 000 человек, наполовину русская, наполовину французская, частью может быть даже австрийская, направившись через Константинополь в Азию, еще не дойдя до Евфрата, заставит дрожать Англию и повергнет ее в прах пред континентом. Я приготовил все нужное в Далмации, Ваше Величество, — на Дунае. Спустя месяц после нашего соглашения армия может быть на Босфоре. Этот удар отзовется в Индии, и Англия будет сокрушена. Я согласен на всякий предварительный уговор, какой окажется необходимым для достижения этой великой цели. Но взаимные интересы обоих наших государств должны быть тщательно соглашены и уравновешены. Все может быть условлено и разрешено до 15 марта. К 1 мая наши войска могут быть в Азии и войска Вашего Величества — в Стокгольме; тогда англичане, угрожаемые в Индии, изгнанные из Леванта, падут под тяжестью событий, которыми будет полна атмосфера. Ваше Величество и я предпочли бы наслаждаться миром и провести жизнь среди наших обширных держав, оживляя их и водворяя в них благоденствие посредством развития искусства и благодетельного управления; но враги мира не позволяют нам этого. Мы должны расти вопреки нашей воле. Мудрость и политическое сознание велят делать то, что предписывает судьба,

идти туда, куда влечет нас неудержимый ход событий… В этих кратких строках я вполне раскрываю пред Вашим Величеством мою душу. Тильзитский договор будет регулировать судьбы мира. Быть может, при некотором малодушии Ваше Величество и предпочли бы верное и наличное благо возможности лучшего, но так как англичане решительно противятся этому, то признаем, что настал час великих событий и великих перемен»{116}.

Сценарий встречи в Эрфурте был придуман Наполеоном в расчете на то, чтобы поразить Александра мощью и масштабностью всего того, что он создал, что его окружало. Отборные войсковые части, парадная амуниция, образцовое оружие, оркестры, наконец, представительная свита — всё было задействовано, чтобы произвести впечатление на российского самодержца и его окружение. Были задуманы многочисленные парады, военные маневры, званые обеды, приемы, балы и т. п. Наполеон сам отбирал репертуар театра «Комеди Франсез», который был привезен в Эрфурт, чтобы давать спектакли гостям. К участию в эрфуртской встрече Наполеон привлек своих многочисленных вассалов — королей, герцогов и прочих властителей из завоеванных им государств и княжеств. Атмосферу того периода в деталях воссоздает в своих мемуарах Талейран.

«Император желал появиться окруженный теми из своих полководцев, имена которых громко прозвучали по Германии. Приказание отправиться в Эрфурт получил, прежде всего, маршал Сульт, затем маршал Даву, маршал Ланн, князь Невшательский, маршал Мортье, маршал Удино, генерал Сюше, генерал Буше, генерал Нансути, генерал Клапаред, генерал Сен-Лоран, два секретаря кабинета, Фен и Меневаль, также Дарю, Шампаньи и Маре, генерал Дюрок назначил Канувиля для подготовки квартир. “Возьмите также Боссе, — сказал ему император, — ведь нужно, чтобы кто-нибудь представил Великому Князю Константину наших актрис; кроме того, он будет выполнять за обедами свои обязанности префекта, а затем, он носит известное имя”… Каждый день кто-нибудь уезжал в Эрфурт. По дороге двигались фургоны, верховые лошади, кареты, прислуга в императорской ливрее»{117}.

Александр также направился в Эрфурт в сопровождении весьма представительной свиты. Его сопровождали великий князь Константин, граф Н.П. Румянцев, обер-гофмаршал граф Толстой, посол во Франции граф Толстой, князь Волконский, граф А.П. Ожаровский, князь С.П. Трубецкой, граф Ф.П. Уваров, граф П.А. Шувалов и немало других.

Всё, что происходило в Эрфурте, было задумано и исполнено

так, как этого хотел Наполеон. Всё выглядело впечатляюще и по тем временам невиданно, грандиозно. Любопытный эпизод произошел в ходе спектакля, где по ходу пьесы «Эдип» произносились слова: «Дружба великого человека является даром богов». В этот момент Александр встал со своего места, взяв руку Наполеона в свою{118}.

Но произошло и другое масштабное, ничуть не уступающее всему, что имело место в Эрфурте, событие. Его Наполеон никак не мог предвидеть. Одним из счастливых обстоятельств, сопутствующих успеху Наполеона, было его окружение. Ему везло на талантливых людей. Осуществляя его грандиозные планы, многие из них под воздействием личности императора выросли, сумели не только раскрыть свои дарования, достичь немыслимых карьерных высот, но и приумножить материальное благополучие. Он принадлежал к числу немногих из известных истории властителей, кто демонстрировал редкостную способность ценить заслуги людей, волею судьбы оказавшихся рядом. Особенно тех, кто проявлял способности, достигал поставленных целей. Зная их слабые и сильные стороны, Наполеон твердо следовал правилу — вознаграждать соратников. И в пору удач, и позже, когда фортуна стала изменять, почти все они оставались со своим гениальным лидером. Авторитет Наполеона для них был непререкаем. Но Эрфурт стал местом, где Наполеона предали. Измена была катастрофической по своим последствиям и вполне соотносилась с государственной. Нашелся человек, изъявивший готовность действовать за спиной Наполеона, — ближайший соратник императора, осыпанный благодеяниями, чинами, орденами, титулами, недавний министр иностранных дел Талейран.

Как свидетельствуют источники, в Эрфурте, в одну из встреч в гостиной княгини Турн-и-Таксис, улучив момент, «без особых предисловий» Талейран предложил русскому самодержцу свои услуги, чтобы помочь ему стать освободителем Франции от Наполеона. «Вы в этом успеете, только если будете сопротивляться Наполеону. Французский народ — цивилизован, французский же государь — не цивилизован; русский государь цивилизован, а русский народ — не цивилизован; следовательно, русский государь должен быть союзником французского народа»{119}. По Талейрану, выходило — ради достижения очерченной Талейраном цели Александру предстояло жертвовать своим «нецивилизованным народом». Российский император, не задумываясь, принял это предательское по отношению к своему другу Наполеону предложение, исходившее от одного из наиболее приближенных к французскому императору и весьма осведомленных людей.

* * *

Выходец из аристократической, но обедневшей семьи, Талейран начинал священником. Уроком трудного и обездоленного детства стала твердая жизненная установка: не быть бедным. Материальную выгоду он стремился извлекать всегда и везде, где бы ни находился, кому бы ни служил. О его денежных махинациях, взятках, поборах было известно давно, но Талейран не испытывал по этому поводу угрызений совести. Те, кому удалось раскусить молодого епископа, говорили о нем: «Этот человек подлый, жадный, низкий интриган, ему нужна грязь и нужны деньги. За деньги он продал свою честь и своего друга. За деньги он бы продал свою душу, — и он при этом был бы прав, ибо поменял бы навозную кучу на золото»{120}. Любопытно, что этот отзыв о себе Талейран подтверждал дальнейшим ходом своей жизни, но при этом ему удавалось продвигаться к вершинам власти, славы, богатства. От Людовика XVI к республике, от нее к Директории, далее к консульству, от консульства к Наполеону, от него к Бурбонам, от них к Орлеанам, далее к англичанам. В 34 года, будучи уже епископом Оттенским, Талейран решает снять с себя сан и погружается в события, вызванные революцией. Ключевую роль в судьбе Талейрана, однако, сыграли обстоятельства, при которых ему удалось сблизиться с лидерами Директории, а затем и молодым генералом Бонапартом. Получив пост министра иностранных дел, Талейран умело воспользовался своим положением. Он один из первых, кто разглядел в Бонапарте натуру выдающуюся, постиг, какие дарования и возможности заложены в молодом военачальнике. Со своей стороны Бонапарт, находясь на подступах к вершинам власти, особенно нуждался в мыслящем, изворотливом, искушенном помощнике. Ему необходим был представитель старинного аристократического рода, что помогало ему утверждаться в обществе, в котором предстояло играть главенствующую роль.

Талейрану досталась удачливая судьба. Он с успехом для себя преодолел крутые повороты времени, возвысился, разбогател, как никто другой, оказался не просто долгожителем, но сумел пережить всех, кто так или иначе был близок к Наполеону. Именно ему одному, из многих участников и очевидцев событий, удалось оставить за собой последнее слово о Наполеоне и его эпохе. Мемуары, которые написал Талейран, по его завещанию увидели свет спустя 50 лет после его смерти. Подтвердить или опровергнуть истинность того, как на самом деле происходили те или иные события, было некому. Его труд

написан мастерски, так что неискушенный читатель не может не верить автору. Правдоподобие достигается приемами, известными в мемуарном жанре. Читателя поражают живописное изложение подробностей, деталей и обстоятельств событий, многочисленные упоминания автором имен и дат. Сомнениям, так ли всё было, места не остается. Талейран повествует о событиях и происшествиях в обход тех, где он представал бы в неблагоприятном для себя свете. Тем не менее как ни старался автор затушевать подлинную правду о своей сущности, она пробивается сквозь строчки его мемуаров. В некоторых же местах Талейран прямо свидетельствует о том, как он манипулировал людьми и своекорыстно пользовался обстоятельствами. В книге можно встретить прямые откровения в коварстве, как Талейран предательски и злодейски вел себя по отношению к Наполеону.

* * *

Вступая в рискованную беседу с российским самодержцем, Талейран заведомо просчитал его реакцию и был уверен, что не будет отвергнут или тем более выдан Наполеону. Он целился в самое уязвимое для самолюбия российского самодержца место. Александр I после стольких неудач втайне мечтал поквитаться за понесенные унижения. С момента восхождения на престол перед ним, как и другими самодержцами, не стояло никаких более значительных целей, кроме одной — чем и как вписать себя в исторические летописи. Ничего другого, кроме войны, никому из монарших особ в голову не приходило. «Надо бы войну, чтобы как-нибудь характеризовать царствование», — говорил шведский король Густав.

Российский самодержец, не колеблясь, принял план, предложенный Талейраном. Прочее стало отступать. Политика России с тех пор начала приобретать ту двойственность, которая привела в конечном счете к новому военному столкновению двух империй. Цели, которые преследовали до той поры единомышленники Александр I и Румянцев, для самого российского самодержца постепенно стали утрачивать прежнее значение. Талейран, обязавшись ориентировать Александра, где и как ему следует противодействовать замыслам Наполеона, рекомендовал российскому самодержцу строить свое политическое поведение так, чтобы, заранее зная о намерениях французского императора, не отвергать, но выставлять ему в ответ такие оговорки, которые в конечном счете сделали бы его планы неосуществимыми. Такая тактика стала приносить свои

отравленные плоды уже в Эрфурте. На перемену, которая к концу пребывания произошла в русском самодержце, обратил внимание Наполеон. Он не мог понять, какое именно обстоятельство повлияло на настроение Александра I. Тогда французский император отнес это на счет неуклюжей выходки одного из своих генералов, имевшей место накануне…

* * *

От встречи в Эрфурте в сентябре 1808 года до взятия Парижа в мае 1814 года пролегает непрерывная цепь вероломств Талейрана по отношению к Наполеону Цель, поставленная тайными заговорщиками в Эрфурте, порой исчезала с горизонта, казалась несбыточной. Но все эти годы Александр и Талейран, каждый по-своему, в меру обстоятельств и возможностей, продолжали двигаться в избранном направлении. Тогда же в Эрфурте Талейран пытался обхаживать и Румянцева, зондируя возможность расширить круг заговорщиков. Агенты французской тайной полиции занесли в свои отчеты две продолжительные, далеко за полночь, встречи Талейрана и Румянцева в Эрфурте. Как впоследствии писал Талейран в мемуарах, российский министр не проявил «должной проницательности». Для этого было избрано другое лицо — состоявший при свите советник Александра I М.М. Сперанский, которому решили доверить обеспечение надежной конспиративной связи. Попутно Талейран не преминул предложить свои услуги и Австрии. «Вот что доносил об этом знаменательном факте Меттерних в Вену: “Х. (Меттерних обозначает Талейрана «иксом». — *Е. Т.)* снял передо мной маску. Он, мне кажется, очень решился не ждать… партию. Он мне сказал позавчера, что момент наступил, что он считает своим долгом вступить в прямые сношения с Австрией. Он мне сказал, что в свое время он отказался от предложений, которые ему сделал граф Людвиг Кобенцль, но что в данный момент он бы их принял… Он мотивировал первый свой отказ местом, которое он тогда занимал. Теперь я свободен, и у нас дело — общее. Я говорю Вам об этом с тем меньшей сдержанностью, что я думаю, что у вас хотят мне оказать услугу'. Он мне намекнул, что нуждается в нескольких сотнях тысяч франков, так император [Наполеон] подорвал его состояние, поручив ему содержание испанских принцев… Я ему ответил, что император [Франц I] не прочь доказать ему свою признательность, если он желает послужить общему делу. Он ответил, что это дело, что ему остается только либо восторжествовать вместе с этим делом, либо

с ним же погибнуть. 'Удивлены ли вы предложением, которое я вам сделаю?' — спросил он у меня. 'Нет, — сказал я ему, — я смотрю на это как на истинный залог, данный для общего дела' “»{121}.

После возвращения в Петербург втайне от Румянцева в его ведомстве была создана строго законспирированная группа. Талейран передавал сведения специальному дипломату, назначенному в Париж. Им оказался неприметный по тем временам секретарь российского посольства К.В. Нессельроде. Талей-ран получал от него в оплату за услуги деньги. Нессельроде шифровал информацию и далее переправлял ее в Россию лично Сперанскому. Сотрудники Бек и Жерве занимались расшифровкой сообщений, а после дешифровки ложились на стол императора. Ознакомившись с их содержанием, Александр I собственноручно убирал из них то, что считал нужным. Затем бумаги подвергались чистовой переписке и только после этого передавались на ознакомление министру иностранных дел. Источник в секретной переписке обозначался несколькими псевдонимами: «мой кузен Анри», «красавец Леандр», «книгопродавец», «юрисконсульт», «Анна Ивановна». Денег на оплату растущих аппетитов «Анны Ивановны» у Нессельроде не всегда было в достатке. По этой причине он вынужден был запрашивать у Петербурга дополнительно значительные суммы.

В ходе эрфуртской встречи Талейрану уже тогда удалась интрига, существенно повлиявшая на характер личных отношений двух императоров. Он сумел сделать всё для того, чтобы расстроить планы Наполеона на брак с одной из великих княжон, сестер Александра I. К тому времени Наполеон все более и более тяготился осознанием того факта, что у него не могло быть детей от его брака с Жозефиной Богарне. Чем дальше он двигался по жизни, тем больше его занимала мысль о наследнике. В Эрфурте его озабоченность дала о себе знать более чем определенно. В какой-то момент Наполеон был готов пожертвовать всем, принять любые предложения, выдвигаемые русскими, только бы использовать шанс достичь договоренности в вопросе о бракосочетании. Свои намерения после долгих колебаний Наполеон доверительно изложил Талейрану: «Я должен основать династию, но я могу это сделать, лишь вступив в брак с принцессой из одной из царствующих в Европе старых династий. У императора Александра есть сестры, и возраст одной из них мне подходит. Поговорите об этом с Румянцевым. Скажите ему, что после окончания испанского дела я готов на его планы раздела Турции, остальные же доводы вы найдете сами, так как я знаю, что вы сторонник развода; могу вам сказать, что такого

мнения держится и сама императрица Жозефина»{122}.

Талейран отреагировал на это весьма решительно, желая любой ценой оттеснить российского представителя от участия в весьма деликатном, но по своим последствиям исторически важном деле. «Если Ваше Величество разрешит, то я ничего не скажу Румянцеву. Хоть он и герой романа Жанлис “Рыцари лебедя”[36], но я не считаю его достаточно проницательным. И затем, после того, как я наставлю Румянцева на правильный путь, ему придется повторить императору все сказанное мною, но сумеет ли он это хорошо сделать? Я не могу быть в этом уверен. Гораздо естественнее и, могу сказать, гораздо легче серьезно поговорить по этому важному делу с самим императором Александром. Если Ваше Величество разделяет такую точку зрения, то я возьму на себя начало этих переговоров»{123}.

Как видим, Талейран постарался всячески, как только мог, «нейтрализовать» Румянцева, при этом непонятно зачем упомянул имя известной в литературных кругах писательницы. Насколько «удачно» Талейран выполнил это сокровенное поручение своего императора, он далее излагает в своих мемуарах: «Сознаюсь, что новые узы между Францией и Россией казались мне опасными для Европы. По моему мнению, следовало достичь лишь такого признания идеи этого брачного союза, чтобы удовлетворить Наполеона, но в то же время внести такие оговорки, которые затруднили бы его осуществление»{124}. Так оно и получилось. Попытки уладить вопрос о браке Наполеона сначала с Екатериной, затем с Анной затянулись на годы. В конце концов предложения Наполеона потонули в бесконечных переговорах, дипломатической переписке… Возможность породниться с российской короной Наполеону так и не представилась.

* * *

Феномен Талейрана, его жизнь и деятельность, его наследие продолжают будоражить умы историков, литераторов. Личность такого масштаба, столь запутанной, противоречивой судьбы — редкостный материал для исследований. Был период, когда Талейрана превозносили, будто одного из богов, делавших всемирную историю. При этом безмерном преувеличении его роли старались забывать о безнравственном, противоречащем правилам чести и достоинства, поведении князя. Какие бы ни числились за Талейраном грехи, заявляли некоторые, — в конце концов, его деяния послужили прогрессивным сдвигам и преобразованиям. Время Наполеона Бонапарта отнюдь не

единственный этап в жизни Талейрана. Присущие ему качества позволили в период Реставрации послужить Бурбонам — Людовику XVIII, Карлу X, затем, после июльской революции 1830 года, Луи Филиппу I (Орлеанскому). Завершал Талейран свое служение на посольской должности в Лондоне. Здесь, на этом посту, он окончательно оскандалился. В ходе переговоров об отторжении Бельгии от Голландии Талейран при определении госграницы, используя свой международный вес, за взятку включил в состав Бельгии Антверпен. Факт этот стал достоянием гласности…

Современник, близко знавший Талейрана, писал: «Никогда еще общественная нравственность не была смущена подобным примером, зрелищем такой развращенности и стольких пороков, увенчанных постоянным успехом и видимой славой! Вот в чем его гений, и в этом отношении никого нельзя с ним сравнивать»{125}.

В своем предсмертном политическом завещании Талейран прибавлял: «Я ничуть не упрекаю себя в том, что служил всем режимам, от Директории до времени, когда я пишу, потому что я остановился на идее служить Франции, как Франции, в каком бы положении она ни была». Конечно, его противники и позднейшие критики заявляли, что подобными фразами нельзя было бы успокоить совесть, если бы она у Талейрана была в самом деле в наличии.

И теперь в некоторых научных кругах современной Франции Талейрана ценят как выдающуюся личность, как украшение национальной истории. Любопытный доклад был представлен в июне 2007 года в Петербурге в Эрмитаже на международной конференции, «Тильзит и Европа», посвященный 200-летию Тильзитского мира. Французский исследователь Эммануэль де Вареськьель представил доклад, само название которого о многом говорит: «Талейран, от Тильзита до Эрфурта, подводная лодка Европы»…

* * *

Нейтрализовать Румянцева в Эрфурте, отдалить его от Александра удавалось, но не всегда. Диалог двух императоров, в каких бы условиях он ни протекал, так или иначе, возобновлялся с участием Румянцева. День за днем Наполеон убеждался: не всё так просто в окружении российского самодержца. Вопрос, за кем из русских последнее слово, оставался открытым. Румянцев в этом смысле был той фигурой, которая проявляла зоркость и непреклонность. Своим влиянием на Александра, в чем пришлось

французскому императору самому убедиться в Эрфурте, российский министр определенно воздействовал на ход переговоров, задавал тон в том, что касалось принципиальных положений, внесенных в повестку дня эрфуртских встреч.

Встреча в Эрфурте, на которую возлагал такие надежды Наполеон, не придала ему уверенности, удалось ли убедить Россию строго придерживаться согласованной линии. Одним из пунктов протокола, подписанного двумя императорами, предусматривалось предложить Англии переговоры о мире. Участие в них столь весомой политической фигуры, как Румянцев, могло, по мнению Наполеона, убедить англичан в серьезности намерений, позволило бы сдвинуть вопрос с мертвой точки. Посол России во Франции Толстой по-прежнему не проявлял должной гибкости, демонстрировал не только нежелание, но и неспособность к конструктивному диалогу. Неоднократные предостережения из Петербурга на Толстого не действовали. Более того, он постоянно вступал в перепалки с представителями французской знати, одна из которых — с маршалом Неем — едва не закончилась дуэлью. Стал вопрос о замене российского посла. Это обстоятельство придавало аргументам Наполеона особую убедительность. Александр вынужден был дать согласие на поездку Румянцева в Париж для участия в мирных переговорах с англичанами. Императоры условились предложить Британии положить в основу переговоров принцип *Uti possidetis,* обязательство сторон признать законными политические обстоятельства, сложившиеся на тот момент.

Четыре месяца, начиная с ноября 1808-го по февраль 1809 года, Румянцев безвыездно находился в Париже. Это был один из критических этапов европейской истории, когда накал политических страстей предвещал новую масштабную войну. Именно в эту пору Румянцев смог воочию убедиться, насколько государства, конфликтующие в центре Европы, искали опоры в России, стремились использовать ее потенциал в собственных интересах. Присутствие Румянцева в Париже в качестве министра и одновременно посла России Наполеон связывал с решением иных проблем. Тогда, в ходе войны французов в Испании, произошло непредвиденное. В июле 1808 года испанские партизаны блокировали одну из армий Наполеона близ Байены, где 18 тысяч французов сдались в плен вместе со знаменами, орудиями, обозом. Исход войны в Испании приобретал непредсказуемый, по крайней мере затяжной характер. Озадаченный уклончивым поведением Александра I, ставшим очевидным под занавес переговоров в Эрфурте, Наполеон счел необходимым застраховать себя. Как знать, увязнув в Испании, не

потеряет ли Франция союзника Россию?

Неудачи французского экспедиционного корпуса в Испании, наконец, противоречивые сведения, о чем договорились и договорились ли вообще властители России и Франции в Эрфурте, лишь усиливали позиции Британии на переговорах. Присутствие Румянцева во французской столице на ход трехсторонних консультаций никак не повлияло. Военно-политическая обстановка на тот момент давала англичанам немало поводов вести себя более чем уверенно. Переговоры с англичанами, как и следовало ожидать, закончились ничем. Желая удержать Румянцева в Париже, Наполеон предложил вернуться к рассмотрению неувязок в обязательствах России и Франции по отношению друг к другу. Кроме того, предстояло разработать так называемый запретительный тариф, ужесточающий экономические санкции союзников против Британии.

Румянцев — частый гость именитых салонов, был принят знатными вельможами, влиятельными политиками. Об этом периоде сохранились разрозненные свидетельства, в целом позволяющие утверждать: российский представитель, по мнению многих, показывал себя уверенным дипломатом, прекрасно владел собой, умел за обменом любезностями отстаивать собственную точку зрения. Румянцев не однажды встречался и беседовал с Талейраном, который, зная, каков политический вес собеседника, всячески льстил российскому министру. По его сведениям, в салонах Парижа распространилась молва об удовольствии беседовать с графом Румянцевым. «Часто говорят, что Вы соединяете французскую любезность с английской глубиной, итальянскую ловкость с русской твердостью»{126}.

В многочисленных беседах с французской элитой российский министр имел возможность обстоятельно обрисовать положение дел в России, состояние общественного мнения в ее политических кругах, объясняя причины недоверия к Наполеону. Обсуждался болезненный польский вопрос, в котором наполеоновской Франции принадлежала особая роль. Немало дискуссий было посвящено судьбе «османского наследства», тому, что может произойти в случае развала империи на Востоке. Когда заходила речь о политических перспективах Европы, Румянцев весьма смело высказывал сомнение в достижимости полной экономической блокады Британии. На разных уровнях провоцировался вопрос о том, насколько долго будут сохраняться союзнические отношения между Россией и Францией, удастся ли двум императорам мирным путем и далее преодолевать разногласия. Уже тогда имелось немало политиков,

провоцировавших неизбежное — новое военное столкновение двух империй. Румянцев в одной из откровенных бесед с министром иностранных дел Ж. Б. Шампаньи дал свой пророческий прогноз на то, каков сценарий возможного развития событий: «Мы не станем воевать с Вами. Мы не будем нападать на Вас. Вы вторгнетесь в наши пределы. Мы будем, сражаясь, отступать пред Вами. Ваш император непобедим, но он не бессмертен»{127}.

Наполеон в ту пору переживал не лучшие времена и особенно нуждался в политической поддержке своего союзника. Личное присутствие министра Румянцева служило признаком прочности и незыблемости отношений двух империй. Высадка английского экспедиционного корпуса на Пиренейский полуостров, рост национально-повстанческого движения, наконец, неудачи, поражения, которые терпели французские войска, подвигли Наполеона самому отправиться в Испанию к театру военных действий. Его личное вмешательство в ход войны и на этот раз переломило ситуацию. Ряд блистательных операций, приведших к разгрому повстанческих сил, к спешной эвакуации англичан, позволял уверенно смотреть в будущее. Завершить испанские дела между тем Наполеону не удалось. То обстоятельство, что основные силы французских войск, как и сам император, увязли в испанской кампании, настраивало Австрию форсировать приготовления к реваншу. Поступали сообщения, что Вена формирует новую коалицию, вооружаясь, усиленно готовится к войне. Тревожные сигналы получил Наполеон и о положении дел в его столице. Из перехвата дипломатической почты, направляемой из Парижа в Вену, следовало: Талейран за спиной императора затеял интригу с целью создать некое теневое правительство «на случай гибели императора в бою». Усмотрев в этом попытку политического переворота, Наполеон, стремительно преодолев немалое расстояние, внезапно возвратился из испанского похода в Париж. Румянцев тогда оказался невольным свидетелем публичного разноса, словесной казни, которой Наполеон подверг своего бывшего министра. Сцена эта вошла в хроники наполеоновской эпохи. Наполеон в присутствии свиты и гостей обрушил на Талейрана каскад ругательств и оскорблений, каких мало кто от него когда-либо слышал. Отторгнутый, но неизгнанный и не подвергнутый репрессиям Талейран отныне с еще большим усердием стал посвящать себя тайным интригам и планам.

* * *

Графиня Ремюза, держательница великосветского политического салона, часто присутствовала при беседах Наполеона с гостями. В своих воспоминаниях она, в частности, описывает, как происходили его встречи и беседы с российским министром иностранных дел. Отмечает, насколько Румянцев внимательно, как ей казалось, изучал французского императора. Ему удавалось расположить Наполеона к продолжительным беседам. Императором, находившимся к тому времени «на той высоте славы, куда ему удалось подняться», стало овладевать ощущение своего полного, непревзойденного могущества. В самом Наполеоне, в его самооценке происходили необратимые изменения. Первый консул, умиротворивший взбудораженную революцией Францию, поражал воображение современников масштабом своей личности. Интеллектуальная элита Европы преклонялась перед Наполеоном. «Мировая душа», — говорил о нем Гегель. Бетховен посвятил Наполеону знаменитую «Героическую симфонию». Однако, когда в 1804 году Наполеон был объявлен императором, отношение к нему со стороны независимо мыслящих европейцев стало меняться. У них на глазах правление во Франции вырождалось в новую монархию, по образу и подобию похожую на все предшествующие. Между тем сановное окружение, обосновавшееся вокруг французского императора, успешно вытесняло всех, кто так или иначе критически относился к новому правителю. Раболепство, в котором соревновались заседавшие в Сенате и Государственном совете депутаты, не знало границ. К ним стали присоединяться монархи Европы. Дипломатам и политикам при общении с Наполеоном предписывалось льстить ему как можно больше. «Дружба великого человека — дар богов», — говорил, обращаясь к Наполеону, российский император Александр I. Непрерывное словесное каждение поначалу не меняло сущности гениальной личности. Наполеон продолжал неутомимо трудиться. Военные предприятия отнюдь не единственное и не главное, что влекло Наполеона. Он прилагал старания к тому, чтобы совершенствовать внутреннее управление, стимулировать промышленность и торговлю, заботился о народном благосостоянии. Однако бремя славы и власти трансформировало характер французского императора. Фимиам, бесконечно курившийся Наполеону, стал оказывать на него отравляющее действие. Лесть, безмерные славословия, повсеместный энтузиазм стали восприниматься им уже как нечто обыденное, естественное.

В своих мемуарах Ремюза упоминает одну из встреч Наполеона с Румянцевым, свидетельницей которой она была. «На неожиданный вопрос французского императора: “Как, по-вашему,

управляю я Францией?” — последовал лаконичный ответ российского министра: “Немного строговато”»[{128}]. Это суждение Румянцева на фоне бесконечных восторгов и восхвалений звучало диссонансом: российский гость держался независимо, внимательно присматривался ко всему, что его окружало, стремился уловить наиболее важное и существенное из того, чем жила Франция. Румянцев приходил к выводу — успехи Наполеона предопределялись не только полководческим талантом, но и новым духом, обновленным укладом жизни французского общества. Давало о себе знать иное мироощущение, были иными общественный тонус и отношение к жизненным ценностям. Под воздействием «кодекса Наполеона» и стимулируемых им реформ в стране произошли радикальные перемены. Французская государственность во главе с ее лидером выглядела намного эффективнее всех других, особенно российской. Система управления, административный и налоговый аппарат, исполнительская дисциплина существенно отличались от того, как и чем жила Россия. Несмотря на, казалось бы, авторитарный режим, в Париже и в провинциях исправно действовали институты гражданского общества, соблюдалось равенство прав и свобод граждан, утвердилась система местного самоуправления. Румянцев воочию убеждался: для того чтобы говорить с Францией на равных, России надо пройти немалый путь внутренних преобразований. Опираясь на впечатления, получаемые во Франции, ссылаясь на почерпнутый позитивный опыт, Румянцев пытался убедить Александра I вернуться к остановленным в 1804—1805 годах реформам, приводил доводы в пользу разумных мер, направленных на обновление системы государственного управления.

* * *

Сообщения о наращивании австрийцами военных приготовлений серьезно беспокоили Наполеона. Еще одна война после труднейшей кампании в Испании была бы более чем несвоевременной. Победы, какими бы блистательными они ни были, неизбежно сопровождались издержками в экономике. Требовалась передышка и для армии, где после ряда непредвиденных неудач наблюдалось ослабление боевого духа. Наполеон всеми доступными средствами пытался избежать назревающего военного конфликта. Ссылаясь на договор, подписанный Александром I в Эрфурте, он напоминал: нападение на Францию означало бы для Австрии неизбежность войны на два фронта. От российского министра он требовал решительных заявлений именно в этом духе. В условиях, когда политическая обстановка свидетельствовала о скатывании к новой войне в центре Европы, Румянцев подвергался беспрецедентному давлению. Каждая из сторон именно в его лице стремилась заручиться поддержкой России, тогда как возможности Румянцева разрядить ситуацию были крайне ограниченными. Необходимыми полномочиями он не располагал. На прохождение дипломатической почты от Петербурга до Парижа только в один конец требовалось от 20 до 30 дней. В самом Петербурге отношение к назревавшему конфликту вынашивалось долго.

Отъезд Румянцева из Парижа в феврале 1809 года произошел в момент, когда воинственная риторика между Францией и Австрией достигла небывалого накала. Уже по дороге в Россию Румянцева настигла депеша, в которой Александр сообщал ему об аудиенции, данной им австрийскому посланнику князю Шварценбергу: «Тот заверял и ручался честью, что в Вене нет и речи о войне с Наполеоном; что Император его желает сохранить мирные отношения с Францией, но убежденный, что Наполеон по окончании войны с Испанией нападет на его владения, готовится к предстоящей войне, неся вследствие этого тяжелые расходы, вселяющие мысль — не лучше ли начать войну, нежели, ожидая ее, готовиться к ней»{129}.

Период между февралем 1808-го и апрелем 1809 года — особая глава в европейской истории. Наполеон старался избежать войны, предпринимал для этого все возможное. Из документов, ставших известными лишь впоследствии, в частности, из переписки Наполеона с посланником Франции в Петербурге Коленкуром, видно, насколько и в какой мере французский

император пытался убедить Александра I. Только российский самодержец своим решительным заявлением, наконец, демонстрацией силы — маневром войск был способен остановить новую войну. Развитие событий пошло по другому сценарию. День ото дня в Париж приходило все больше сведений из Вены о готовности и даже планах ведения войны. Следуя своему правилу «уметь ощипать курицу прежде, чем она успеет закудахтать», Наполеон предпринимает переброску своих армий к местам возможного сосредоточения сил коалиции. Войска Австрии численностью 330 тысяч человек, ведомые эрцгерцогом Карлом, 10 апреля 1809 года без объявления войны открыли военные действия. По существу, Наполеону противостояла очередная, пятая коалиция государств в составе Австрии, Англии, Испании. Ее тайно поддерживала Пруссия. За три месяца войны состоялось несколько кровопролитных сражений. Однако ни одно из них не дало преимуществ ни той ни другой стороне. Решающая битва состоялась 5—6 июля при Ваграме — деревеньке, расположенной в пригородах Вены. Наполеон и здесь продемонстрировал свой непревзойденный талант полководца. Сражение завершилось разгромом австрийских войск. Еще более тяжелыми оказались политические последствия войны. Поверженная Австрия лишилась значительной части прежней территории. Были отторгнуты все ее юго-западные провинции. Австрийский император Франц I должен был признать законными территориальные перемены в Испании, Италии, Португалии… Империя Наполеона распространила свои владения от Балкан до всего западного побережья Европы. Идея тотального бойкота английских товаров отныне охватывала практически весь континент.

Уже упоминавшемуся французскому исследователю Альберу Вандалю в трехтомном труде «Наполеон и Александр I», вышедшем в Париже в 1896 году, на фоне эволюции в отношениях двух императоров в какой-то мере удалось реконструировать обстановку, складывающуюся в тот период вокруг Румянцева. Вандаль представил Румянцева таким, каким он был: как воспринимался высокопоставленными партнерами, какие цели преследовал. Он показал, насколько поступавшие с большим опозданием инструкции из Петербурга дезориентировали Румянцева-министра, лишали возможности руководствоваться политической целесообразностью. Двойное дно политики, продвигаемой Александром I, его метания, действия через других лиц, минуя Румянцева, не раз ставили российского министра иностранных дел в ложное положение.

Действия Российской империи в отношении к франко-

австрийскому конфликту трудно признать безукоризненными как в политическом, так и в военном отношении. Россия, как советовал Александру I Талейран, в ходе долгах проволочек заняла двойственную позицию: официально выступила на стороне Наполеона, но Австрии тайно были даны заверения воевать против нее так, что она этого не почувствует… Маневры Александра I Наполеон разгадал. Одержав и на этот раз блестящую победу, император Франции распорядился ее результатами единолично, так, как посчитал нужным. Россия получила свою долю военной добычи, но такую, что польский вопрос для нее принял еще более болезненные очертания. «Союзник» Наполеона Россия согласилась взять под свое покровительство отторгнутый от Австрии Тарнопольский округ с узкой полоской в Восточной Галиции. Этот шаг, как оказалось, таил в себе негативные политические последствия, эхо которых отзывается и сегодня. По итогам франко-австрийской войны при видимости участия России император Александр I и его министр иностранных дел оказались под огнем жесткой критики. Петербургская элита со свойственным ей лицемерием постфактум упрекала самодержца в политической недальновидности, в утрате тех выгод, какие она могла бы получить.

* * *

Столь долгое пребывание в Париже не прошло для Румянцева бесследно. Оппозиционное сообщество в России постаралось придать его пребыванию во Франции особый оттенок. Румянцев, как писали его недруги, «подвергся тому очарованию, которое Наполеон своей искусной откровенностью, возвышенностью мыслей оказывал на лиц, которым он желал нравиться». Из Парижа стали поступать сведения о якобы небескорыстных отношениях, установившихся между русским министром и Наполеоном. Пошли пересуды о полученных Румянцевым подарках. Это было частью общего замысла — дискредитировать Румянцева, чтобы лишить Александра I последнего из доверенных лиц, кто мог оказывать на него влияние. Наделе Наполеон, зная об углубленном интересе гостя к древностям, памятникам письменности, литературе, распорядился предоставлять ему доступ к библиотечным хранилищам, музейным запасникам, позволил копировать первоисточники. Немало времени канцлер провел в фондах Национальной библиотеки, глубоко изучил прикладное искусство, художественные ремесла, организацию издательского и полиграфического дела. Французам,

сопровождавшим российского министра, пришлось убедиться в его неподдельном интересе к истории и другим наукам. В отличие от других русских, находившихся до и после него в Париже, Румянцев вел скромный образ жизни. Ни предметы роскоши, ни сама роскошная жизнь, которую позволял себе кое-кто из россиян, его не привлекали. Из общения с ним Наполеон вынес суждение о Румянцеве как об одном из наиболее просвещенных русских, отмечал широту его познаний. О подарках, полученных во Франции, их характере и ценности, после возвращения Румянцев посчитал нужным подробно отчитаться императору Александру I. Главную ценность составляли подаренные книги. Хорошо изданная литературная классика, фолианты по искусству. Подарки эти не могли повлиять на благосостояние одного из самых богатых людей России. Факт этот красноречиво свидетельствует об атмосфере, царившей у российского престола[37].

К тому времени, когда Румянцев возвратился из Парижа, Александр I и близкие ему сподвижники перед лицом неотвратимых фактов, исходя из собственных впечатлений от поездки в Эрфурт, вынуждены были вновь задаться поисками подходов к тому, как оптимизировать управление Россией. Удерживать народ в повиновении, благостно править, как это удавалось предшественникам, весьма «просвещенному» монарху Европы становилось все труднее. В общественном сознании коренилось убеждение, что феодализм, угнетение не являются стимулом, обеспечивающим экономический прогресс. Сословное деление и наследственные привилегии лишь укрепляли социальный эгоизм, сея в обществе конфликтность. К тому же дворянство с некоторых пор все менее проявляло способность выступать гарантом прочности абсолютной власти.

Планы преобразований, несмотря на их актуальность и поддержку мыслящей части общества, и на этом этапе никуда не продвинулись. Континентальная блокада, война на нескольких фронтах усугубляли экономический кризис. Надежды на внешние заимствования таяли. Внутренний долг тяжелым бременем ложился на состояние государственных финансов и экономику, и без того истощенную. Хозяйственно-экономический механизм, административно-налоговый аппарат никак не отвечали требованиям времени. Баланс расходов и поступлений в бюджет можно было свести лишь путем радикальных мер как в центре, так и в губерниях. Необходимо было изменить кредитно-денежную политику. Реформы требовали жертв от владетельных сословий, пришлось ужесточать налоговое бремя, пересматривать сословные привилегии. Ставился вопрос о сокращении аппарата

управления, упразднении ненужных звеньев, введении экзаменов на гражданские чины при зачислении на государственные должности. Звучали и далеко идущие предложения о необходимости преобразований конституционного порядка — разделения компетенций между исполнительной, законодательной, судебной ветвями власти[38].

* * *

История того периода написана так, что попытки преобразований, предпринятые в 1809—1812 годах, связываются с именем М.М. Сперанского. Однако эта часть истории России, касающаяся именно реформаторского периода 1809—1812 годов, нуждается в более глубоком изучении.

Можно понять, почему имя Сперанского в российской истории закрепилось на первом плане, как бы осеняя собой тот несостоявшийся, так и не доведенный до конца этап реформирования. Разночинец Сперанский, гонимый царской властью, своей судьбой «вписывался» в концепцию, обличающую правящую дворянско-помещичью элиту России. От него вели исторические параллели к инакомыслящим других времен: Чаадаеву, Герцену, Чернышевскому, Добролюбову. Именно таких советская историография поднимала на щит. До других не было дела.

Так до конца и неясно, что послужило поводом не просто отставки влиятельного сановника Сперанского, а немедленной, в течение трех часов ссылки без суда и следствия… В чем его подозревали, почему так и не предъявили никакого официального обвинения — до сих пор остается загадкой. Не без оснований можно предположить: по-видимому, возникла реальная опасность разоблачения канала, который использовался в секретной игре Талейрана против Наполеона. Из Вены по дипломатическим каналам поступило известие о циркулирующих там слухах, будто российский император имеет в высших кругах Парижа высокопоставленного «конфидента». Не пало ли подозрение на Сперанского? Только он был во всё посвящен и был способен выдать Наполеону Талейрана! На эту мысль наводит несколько обстоятельств. Вслед за ссылкой Сперанского немедленно произошел разгром его конспиративной группы. Ее участники — Бек и Жерве — оказались в Петропавловской крепости. Бек в результате допросов с пристрастием потерял рассудок. Жерве также подвергся репрессиям… Нессельроде был срочно отозван из Парижа. Словом, предпринимались спешные меры, чтобы

замести следы.

Исчезновение с политической арены России Сперанского означало свертывание намеченных реформ. И на этот раз Александр, напуганный оппозиционными настроениями, решил отступить. Главный выразитель новаторских идей был выставлен «козлом отпущения», тогда как далеко не он один, но и другие представители высшего эшелона власти разделяли ответственность за намечаемый «ошибочный» государственный курс. С ними поступали по-другому…

* * *

1809 год — самый насыщенный событиями в политической карьере Румянцева. Министру иностранных дел предстояло урегулировать отношения со Швецией, закрепить итоги двухлетней войны межгосударственным актом. Переговоры Румянцева с королем Швеции проходили вязко, на протяжении ряда месяцев. В конечном счете российский ультиматум прервать переговоры и покинуть Стокгольм возымел действие… Фридрихсгамский мирный договор был подписан 5 (17) сентября 1809 года. Внешняя граница империи была отнесена более чем на 400 километров от Петербурга на северо-запад. Под юрисдикцию России отходила территория Финляндии до реки Торнео, а также Аландские острова. Отмечая заслуги перед Россией в заключении Фридрихсгамского мирного договора, Александр I своим указом от 7 сентября 1809 года удостаивает Румянцева звания Государственного канцлера Российской империи, высшего в гражданской Табели о рангах[39].

Переход Финляндии под протекторат Российской империи — прямое следствие и результат союза с наполеоновской Францией. Идея отодвинуть границу «исторического врага России» от столицы, Петербурга, была высказана французским императором в Тильзите и далее закреплена в секретной части подписанного в Эрфурте договора. Соображения, какие высказывал Наполеон, казались убедительными. Многие помнили, как всего два десятка лет назад шведский король Густав IV угрожал овладеть Петербургом маневром через Ладожское озеро. Яростным желанием было «не оставить в Петербурге камня на камне, пощадив лишь статую Петра Великого, на пьедестале которой он прикажет выбить: “Здесь был Густав”». В случае возникновения новой российско-шведской войны положение Петербурга действительно становилось крайне уязвимым. Для того чтобы отодвинуть границу подальше на запад, у российских стратегов

не находилось ни сил, ни решимости.

Наполеон предоставил своему союзнику «свободу рук». Расширение России в сторону шведских владений вписывалось в концепцию мироустройства в Тильзите, по которой предполагалось распространить господство России на Востоке, Франции — на Западе. В этом отношении любопытный эпизод произошел после встречи в Эрфурте. В сентябре 1808 года в Байонну со специальным посланием Наполеону от императора Александра I прибыл князь Волконский. После непродолжительной беседы, взяв со стола яблоко, император французов произнес: «Передайте императору Александру: мир для нас все равно что это яблоко, и мы вдвоем, если не будем поддаваться уговорам врагов, можем поделить его пополам»[40].

Боевые действия против Швеции начались после того, как шведский король Густав IV, отказавшись заключить союз с Россией против Англии, возвратил Александру I знаки ордена Андрея Первозванного. Политическая ситуация на северо-западе тем не менее складывалась не так благоприятно. В феврале 1808 года русские войска вступили на территорию Финляндии. Однако надежды на скоротечную войну не оправдались. Боевые действия длились почти два года, и война могла принять затяжной характер. Решающий перелом произошел благодаря героическому броску, предпринятому по льду Ботнического залива, когда русские войска под предводительством Барклая де Толли и Багратиона оказались на подступах к Стокгольму. К тому времени в ходе революционных событий Густав IV был низложен. Этот переворот ускорил заключение мира.

* * *

О том, как проходила торжественная церемония, посвященная вхождению Финляндии в состав Российской империи, сохранилось немало подробностей. Принято считать заседание сейма в Порвоо в марте 1809 года, в котором принял участие российский император, первым историческим шагом Финляндии на пути к приобретению независимости. Протокольная часть этого события глубоко продумывалась, готовилась особенно тщательно.

«Тогда из Петербурга в Порвоо были привезены особый престол с балдахином, ланд маршальский жезл и мундиры для герольдов. Прибытие императорской свиты и трона указывало на то, что речь идет о российском государственном акте, в ходе которого осуществляется присоединение завоеванной страны к

империи, при этом жители Финляндии, собравшиеся на сейм, признают императора своим государем. Такой акт *(hylning,* нем. *Huldigung)* являлся, согласно тогдашней государственно-правовой доктрине, основным. Он мог быть скреплен двусторонней присягой и заверениями, даваемыми жителями; ему можно было придать религиозное содержание посредством коронации.

Никакой коронации в Порвоо устроено не было, однако следует подчеркнуть, что основные государственные акты проводились в кафедральном соборе и завершались богослужением»[{130}].

Присоединившуюся к России Финляндию в ее внутренних делах Петербург рассматривал как самостоятельное государство со своим правительством. Уклад жизни, право, религия были оставлены в неизменном виде. Об этом на заседании сейма в Порвоо Александр I заявил особо. Россия брала на себя обязательство «сохранить веру, основные законы и сословные привилегии, хранить эти привилегии и установления в незыблемости и полной мере»[{131}].

Князь П.Г. Гагарин, генерал-адъютант Александра I, в брошюре «Тринадцать дней, или Финляндия» описал грандиозный по тем временам бал, на котором император «танцевал в основном с дамами, но также и с несколькими девицами, при этом ведя с ними беседы». Тогда у Александра I завязался любовный роман с восемнадцатилетней Уллой Меллерсвед. Впоследствии образ Уллы стал наиболее востребованным в художественных произведениях о том, как Финляндия стала государством и нацией.

* * *

Присоединение Финляндии к России не возымело, однако, позитивного воздействия на настроения в Петербурге. Более того, высказывалось сочувствие «бедным шведам», к числу которых относили и коренное население Финляндии.

Александром I было объявлено о финнах как о «нации в числе других наций», бывшей шведской территории были предоставлены права автономии. Фридрихсгамский мирный договор между Россией и Швецией, подписанный Румянцевым, стал началом пути Финляндии к государственной независимости. Княжество Финляндия приобрело гораздо больший вес, а финны получили бо́льшие права в России, чем русские в Финляндии. Многие финны сделали в Петербурге удачную карьеру, преуспели в предпринимательской деятельности. Но в рядах оппозиции во

все большей мере подвергалось остракизму всё, что так или иначе было связано с внешней политикой Александра I и его министра иностранных дел.

«Одни порицали Румянцева и самого Императора Александра, упрекая их в пристрастии к Наполеону и Франции. Другие оправдывали правительство невозможностью противиться завоевателю, побеждавшему всех врагов своих. Ненавидя Наполеона как виновника зол, постигших Россию, приписывали ему все невзгоды; винили его клевретов в пожарах городов, в распространении фальшивых ассигнаций. Появившаяся осенью 1811 года огромная комета была, во мнении многих, провозвестницей новых неслыханных бедствий. Опасаясь нашествия на Россию Наполеона во главе покоренных им народов, думали видеть в нем духа тьмы Аполлона, гонителя церкви Христовой»{132}.

В дошедших до нас отзывах о канцлере, министре иностранных дел, относимых к тому периоду, имеется немало попыток представить его либо «простодушным орудием официальной политики императора», либо — простаком, подпавшим под обаяние личности Наполеона I и позволявшим дурачить себя. Так судили о Румянцеве, как писал впоследствии известный государственный деятель, лицеист первого призыва барон Корф, «вельможи, бессильные подняться до служения исторической идее и слишком податливые на обаяние всесветной жизни».

Начиная с 1810 года политическое поведение российского самодержца стало вызывать беспокойство многих. Император стал отходить от ранее избранного курса, не предпринимал должных мер, чтобы сглаживать российско-французские противоречия. К тому времени самодержец окружил себя теми, кто так или иначе ненавидел Наполеона. «Тут были: швед Лармфельд, немцы Пфуль, Вольцоген, Винценгероде, эльзасец Анштет, пьемонтец Мишо, итальянец Поулуччи, корсиканец Поццо ди Борго, британский агент Роберт Уилсон… Эти иностранцы образовали военную партию, еще более непримиримую, чем самые ярые русские»{133}.

* * *

Донести до императора атмосферу нарастающего общественного беспокойства взялась сестра императора великая княгиня Екатерина. При этом она решила прибегнуть к авторитету популярного, обретшего прочные общественные

позиции публициста и историографа Н.М. Карамзина. По ее просьбе ученый подготовил обзор «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», представленный императору в 1811 году. Предприняв краткий экскурс в историю, автор далее обратился к современному положению в государстве, при этом затронул и некоторые теневые стороны царствования Александра I. Карамзин указывал на промахи и просчеты самодержавной власти, приводил примеры того, как император действует во вред себе, где впадает в заблуждение и допускает ошибки. В том, что касалось нарастающего напряжения в российско-французских отношениях, историограф, напомнив «мудрый екатерининский принцип политического невмешательства», рискнул высказаться прямо, без витиеватостей: «Если Александр вообще будет осторожнее в новых государственных творениях… Если заключит мир с Турцией и спасет Россию от третьей, весьма опасной войны с Наполеоном хотя бы и с утратой многих выгод так называемой чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом или с целью бытия… то Россия благословит Александра…»{134}

Документ был воспринят самодержцем с негодованием. Открытый призыв избежать конфронтации с Наполеоном, поступиться чувством «так называемой чести» противоречил подлинным намерениям самодержца. Обвиненный в эгоистичном стремлении поучать власть, Карамзин на годы был отлучен от престола. История этого документа весьма показательна. «Записка» попала в число произведений «подпольной и враждебной печати», на десятилетия оказалась под сукном. В 1870 году журнал «Русский архив» напечатал ее на своих страницах, но вмешалась цензура, вырезав текст Карамзина. И только в 1889 году, по прошествии почти 80 лет, Александр III решился ее опубликовать.

Для Александра I и для Наполеона I, а тем более «для большинства, далекого от сокровенных пружин и извилин политики», Румянцев оставался крепким орешком, бескомпромиссным в том, что касается подлинно государственных интересов. Русский министр был глубоко убежден, что непреодолимых причин для конфликта, а тем более *для* военного столкновения у России и Франции не существовало. Имевшиеся недоразумения были разрешимы в ходе переговоров. Румянцев-дипломат, располагай он необходимыми полномочиями и свободой действий, был готов к тому, чтобы избежать очередной разорительной войны. Благоприятное для России решение в отношении Польши, за которое ратовал перед

Наполеоном Румянцев, ослабляло давление на Александра воинствующей оппозиции, а решение вопроса о бракосочетании, о котором настоятельно просил царя Наполеон, позволяло бы если не преодолевать, то по меньшей мере смягчать нынешние и будущие межгосударственные противоречия. В своем кругу Наполеон не раз, касаясь предлагаемой Россией Польской конвенции, жаловался на Румянцева, заявляя, будто он «преследует его булавочными уколами, что он хочет предписывать ему законы, и утверждал, что уже полгода, как перестал понимать его»{135}. В своих, на взгляд Наполеона, завышенных требованиях уступок Румянцев усердствовал не ради достижения односторонней выгоды. Ему были крайне необходимы аргументы, чтобы успокоить общественное мнение, предоставить доказательства, что Наполеон способен идти навстречу пожеланиям союзника… Польское урегулирование по тем временам означало устранение одного из главных препятствий на пути к межгосударственному согласию. Его решение могло стать решающим доводом в руках Румянцева, подтверждением того, что российско-французские отношения избавлены от одностороннего движения, а Россия не является вассалом Наполеона.

Ценой немалых усилий Румянцеву в какой-то момент все-таки удалось добиться от Наполеона желаемых уступок. В циркуляре, разосланном российским губернаторам в ноябре 1809 года, Румянцев в конфиденциальной форме извещал: «Наполеон не только не намерен питать надежды о восстановлении бывшего Королевства Польского, но и не имеет о том никакого помышления»{136}. Французский император, сообщал далее Румянцев, выражает надежду, что «Его Величество император Александр употребит всякое со стороны своей содействие, дабы укоренить между жителями бывшей Польши тишину, спокойствие и повиновение властям существующим, в полном убеждении, что сие послужит не только отвращению от них новых бедствий, но и к прочному их благосостоянию»{137}.

В этом циркуляре Румянцев, к своему сожалению, не мог сослаться на одно существенное обстоятельство. Наполеон увязывал ратификацию соглашения по польскому вопросу с получением от российского императорского дома согласия на брак с Анной, сестрой Александра I. Но так и не встретил понимания. Ранее согласованный сторонами документ по польскому вопросу был отозван. Неудавшиеся переговоры о бракосочетании с великой княжной Анной нанесли ему, властелину Европы, тяжелейший моральный удар. Уязвленный до глубины души, Наполеон в конечном счете сделал предложение

австрийской эрцгерцогине Марии Луизе. Наполеон предпринимает еще более болезненные для чести Александра I шаги. Французские войска оккупировали герцогство Ольденбургское — немецкое княжество, с исторических времен родственными узами связанное с домом Романовых. В Россию были высланы наследный принц, шурин российского самодержца, с супругой, сестрой Александра великой княжной Екатериной Павловной, той самой, к которой безуспешно сватался Наполеон.

Недружественные жесты, последовавшие со стороны Наполеона, породили тяжелые предчувствия в мыслящей части общества. Сомнения в благоприятных перспективах союза Франции и России улетучивались. Отношения двух императоров все более и более скатывались к фатальному исходу. К тому времени и Румянцева стали посещать мрачные мысли. Через два месяца после своего назначения на пост военного министра М.Б. Барклай де Толли, жаждавший, как и император Александр, военных побед, написал в марте 1810 года Румянцеву: «С каким неизменным удовольствием узнал я, что Ваше сиятельство одинакового со мною мнения в том, что рано или поздно Франция с ее союзниками объявит России войну, что война сия может и даже неминуемо должна решить участь России»{138}.

Подрывную работу, направленную против Наполеона, не только в династическом вопросе, но и во многом другом вела мать Александра I, императрица Мария Федоровна. Ее роль в политической истории России в годы царствования Александра I летописцами империи сознательно приглушена. Марию Федоровну на все лады превозносили в превосходных степенях как «министра благотворительности». Вдовствующая императрица, немка по происхождению, Мария Федоровна, дабы не вызывать раздражения в народе, предпочитала действовать негласно, из-за кулис. Многочисленные благотворительные акции в пользу неимущих, раненых, обездоленных, вокруг которых особенно бурлило общественное мнение, помогали оставлять вне поля зрения то, чему Мария Федоровна целиком посвящала себя на самом деле. Императрице-матери тогда едва перевалило за 40, она, пережив траур по убиенному мужу, вновь расцвела, на удивление хорошо выглядела. В первое десятилетие XIX века Мария Федоровна была уже не та, какой она была в прежние 80-е и 90-е годы века минувшего. От той, некогда кроткой, затем отвергнутой и затравленной охладевшим супругом, не осталось и следа. Перед ней, императрицей во вдовстве, открылось поле деятельности, на котором она чувствовала себя гораздо увереннее Александра I. Ее сын еще только пытался освоиться с ролью всероссийского самодержца. В отличие от него она более глубоко

усвоила школу Екатерины II и уроки царствования ее мужа Павла I. Живость характера, динамизм, общительность и, конечно, статус императрицы во вдовстве добавляли притягательных свойств ее индивидуальности. Она состояла главой Ссудного банка и некоторых других доходных предприятий. Это приносило ей личный доход в один миллион рублей в год. Такой достаток позволял ей выглядеть в свете предпочтительнее других. Мария Федоровна, «государыня почтенная, но гордая, с аристократическими предрассудками», как о ней говорили, оказывалась в эпицентре событий, которые так или иначе отражались на судьбах европейских государств. Нельзя сказать, что ей не изменяло политическое чутье. Попытки императрицы-матери воздействовать на сына-императора, ее вмешательство в государственные дела не всегда были уместными, порой больше диктовались инстинктами, чем здравым смыслом. Она стала объединять вокруг себя оппозицию и, не стесняясь, осуждала политику Александра после Тильзита. Подобные действия особенно возмущали Елизавету Алексеевну, супругу Александра I. Свое негодование она выражала в письмах за границу своей матери: «Императрица, которая, как мать, должна была бы поддерживать, защищать интересы своего сына, по непоследовательности, вследствие самолюбия (и, конечно, не по какой-либо другой причине, потому что она неспособна к дурным умыслам) дошла до того, что стала походить на главу оппозиции; все недовольные, число которых очень велико, сплачиваются вокруг нее, прославляют ее до небес, и никогда еще она не привлекала столько народа в Павловск, как в этом году. Не могу вам выразить, до какой степени это возмущает меня»{139}.

В своих взглядах на положение дел, на предпринимаемые Александром I шаги Мария Федоровна часто расходилась с сыном. Она прибегала к таким рычагам воздействия, какими могла воспользоваться только мать. Уйти от ее опеки Александру не всегда удавалось. Он старался подолгу находиться вне пределов столицы, особенно часто и долго гостил у своей сестры Екатерины в Тверской губернии. Но и там всевидящее око следовало за ним. Рядом с императором, как правило, находился кто-либо из доверенных лиц и докладывал Марии Федоровне о происходящем.

«Прусско-немецкие патриоты и иезуитско-эмигрантская колония в Петербурге дружно сплотились, стремясь к одной общей цели: к низвержению ненавистного им Наполеона и к возбуждению русского национального чувства против преобладающего влияния Франции. В этом же духе неусыпно действовала и императрица Мария Федоровна. Иностранные

дипломаты, которые привыкли после смерти Екатерины II смотреть на Россию как на орудие своих своекорыстных целей, страшились только одного, что борьба России с Наполеоном не состоится»[140].

Именно Мария Федоровна делала все возможное, чтобы вставлять палки в колеса, препятствуя взаимопониманию, начало которому положила встреча двух императоров в 1807 году в Тильзите. В бесцеремонном поведении Наполеона по отношению к главам монархических дворов Европы российская императрица видела угрозу себе самой. Оккупация владений ее друзей и родственников разжигала в Марии Федоровне династические инстинкты, подвигала к действиям, порой противоречащим здравому смыслу. Политическая целесообразность, государственные интересы — всё отходило на дальний план, когда речь заходила о российско-французском союзе. «Она [Мария Федоровна] поторопилась выдать замуж Великую Княжну Екатерину (женщину замечательную по красоте, уму и характеру) за незначительного герцога Гольштейн-Ольденбургского, тщедушного прыщавого заику, который получил в награду в управление Тверское губернаторство», чтобы избегнуть предложения, которое предвидела и которого опасалась. После того как она поспешила с замужеством старшей дочери, чтобы избавиться от неприятного ей родственного союза, следовало ожидать, что она не согласится выдать за Наполеона и последнюю свою дочь. Несмотря на это, император Александр обещал похлопотать и почти обнадежил в успехах, но не дал слова, так как он «не желал стеснять волю своей матери»[141].

Неофициально Наполеону дали понять: он, как кандидат, своим происхождением не отвечал традиционным династическим требованиям. Перед самым вторжением в Россию, когда военное столкновение уже невозможно было остановить, Наполеон в своем кругу однажды бросил фразу: «Такая война из-за дамских грешков!» Никто тогда не посмел уточнить, а историки до сих пор гадают, кого из дам и какие грешки имел в виду французский император. При этом Наполеон не проронил ни слова о нарушениях Россией союзнических обязательств, об ее отступлениях от экономической блокады Британии, об обременительных нововведенных для французских товаров таможенных тарифах. Между тем следует заметить: не о дуэли, вызываемой, как правило, обидой за поруганную мужскую честь, а о войне шла речь. Похоже, относились эти слова к матери Александра, русской императрице во вдовстве Марии Федоровне. Именно ее Наполеон впоследствии в 1813 году объявил своим личным врагом.

Известный исследователь царствования Александра I М.И. Богданович замечает по этому поводу: «Руководствуясь благоразумной и расчетливой политикой, Россия могла бы уклониться от войны с Наполеоном в первый и, кажется, в последний раз. Провидение ниспослало России неоценимого союзника, но она не смогла воспользоваться драгоценным даром. Пока в умах наших государственных людей интересы Ольденбурга стоят выше всероссийских выгод, нельзя рассчитывать на успех в политических начинаниях»{142}.

* * *

Лавирование, несдержанные обещания, неуместно выдвигаемые условия оставляли все меньше шансов осуществить ранее принятые обязательства — сохранить союз с Россией. В Наполеоне вырастало яростное, неукротимое желание возмездия — в очередной раз наказать Александра. Тот, кого он избавил от полного разгрома в 1807 году, остатки плененной армии которого в 1805 году после Аустерлица отпустил без предварительных условий, вел себя все более и более вызывающе. «События доказали, как сильно я желал союза с Россией: в войну 1807 года ничто не препятствовало мне овладеть Вильною и соседними губерниями: в заявлении, сделанном мною законодательному корпусу, я ясно высказал, что мне было приятно слушать о завоевании Финляндии и занятии Молдавии и Валахии, потому что это было выгодно для моего лучшего союзника. Заключив мир с Австрией, я отдал России часть Галиции и тем доказал, что считаю невозможным восстановление Польши… Все это должно служить доказательством моего расположения к России и лично к императору Александру, которого я люблю, беспредельно уважаю и всегда буду любить. Франция не должна быть врагом России: это неоспоримая истина. Географическое положение устраняет все поводы к разрыву»{143}.

В ответ на великодушие ему, покорителю Европы, не проигравшему ни одного сражения, платили черной неблагодарностью. К тому же состояние «ни войны, ни мира» было особенно тягостно для Наполеона. Утрачивалось драгоценное время. Французский император по-прежнему считал достижимой целью отобрать у Британии главный источник ее богатства — Индию. Для этого ему был нужен надежный союзник. Тот же, на кого он сделал ставку, предал его.

Задолго до того момента, когда Наполеон двинул свои войска вглубь России, он, сам того не подозревая, находился в кольце

обстоятельств, которые медленно, но верно готовили его гибель. Вторжение в Россию провоцировал не один хитрый и изворотливый «византийский грек» (так французский император в порыве раздражения называл Александра I). Рядом с Наполеоном, в ближайшем окружении, находились люди, которые изнутри искусно вели подрывную работу. Талейран внушал Меттерниху и другим противникам Наполеона мысли о неготовности Франции противостоять коалиции, вести войну на два фронта. Он же подавал сигналы в Петербург Александру, когда и как противодействовать Наполеону. Это была глубоко продуманная стратегия стравливания, шаг за шагом подталкивающая к конфронтации.

Разноликое сообщество, осевшее в Петербурге, все смелее и решительнее стремилось спровоцировать Наполеона на поединок, который должен был стать решающим. О том, чтобы победить его на европейском театре военных действий, не могло быть и речи. Оставался единственный шанс — заманить Наполеона в непривычные для него условия, измотать длительной военной кампанией. По мнению европейских недругов Наполеона, только на бескрайних пространствах России, суровых, мало обустроенных, такой план мог привести к желаемой цели. В своих откровениях монахам Валаамского монастыря Александр I говорил: «Я знал за два года до войны о злом для нас умысле Наполеона. С моей стороны все возможное человеку употреблено было, чтобы водворить спокойствие; но всё было тщетно. Неприятельские армии разных наций были сильнее нашей; один Бог, после многих советов, вразумил нас вести войну отступательную далее внутрь России. Неприятель разграбил нашу землю, много причинил нам вреда и убытка, но и это Бог же попустил для того, чтобы смирить нас. Когда же Ему угодно было помиловать нас, Он и помиловал удивительным образом. Не мы побеждали врагов, а Он! Да Промысел Божий всегда во всем с нами!»{144}

В словах Александра I, впавшего к тому времени в чрезмерную набожность, было много от лукавого. Для невежественных монахов, не владевших реальным знанием того, как и что происходило на самом деле, такие рассуждения венценосной особы легко воспринимались на веру. На деле сам Александр I мечтал, вынашивал планы, ждал часа, когда он сможет поквитаться с Наполеоном. На это его толкали не одни только личные амбиции. Лишенные прав наследные принцы, изгнанные вельможи, битые генералы, утратившие экономические выгоды дельцы, церковники, дрожавшие за свои привилегии и власть, стояли за его спиной. Они взывали к

единственному из оставшихся, к русскому императору, требуя защиты, отмщения, реванша, восстановления в утраченных правах. Сам Александр претерпел от своего «партнера поневоле» немало такого, что не излечивало болезненный след в его душе. Затаенное желание когда-нибудь поквитаться с Наполеоном боролось в Александре I с неуверенностью. На размышления над тем, как с этой задачей справиться, на взвешивание шансов ушли тревожные дни, месяцы, годы. «Отступательная война» задумывалась задолго до того, как войска Наполеона перешли Неман. Российский Генеральный штаб прорабатывал разные варианты ведения войны. На службу в Россию призывались изменившие Наполеону военачальники: Моро, Бернадот, Жомини. Исходя из их рекомендаций, шла подготовка армии именно к затяжной кампании, к чему Наполеон себя никогда прежде не готовил. Военные не могли предвидеть всё в деталях. К примеру, возможность сдачи Москвы. Или направление движения войск неприятеля в сторону Петербурга. Еще задолго до нового столкновения, когда речь заходила об угрозе вторжения Наполеона, указывая на карту России, Александр I не раз говорил о своей готовности бороться, отступая вглубь страны, в Сибирь, до самой Камчатки. В случае неуспеха он якобы готовит себя нести лишения. Там он отрастит бороду и будет «жить в глубине России, со своими крестьянами, питаясь одним картофелем». Именно эти, повторяемые на разные лады высказывания впоследствии послужили поводом для посмертного мифа об Александре, якобы не умершем, а ушедшем в народ под видом старца Федора Кузьмича{145}.

* * *

Канцлер, министр иностранных дел Румянцев все более убеждался: за его спиной император сознательно вел дело к разрыву. Миротворческая риторика, заявления в преданности союзу, о взаимной дружбе государей для Александра служили лишь прикрытием. Александр вел многоходовую игру, в которую независимо друг от друга вовлекались новые лица. Зная о непреклонной позиции российского министра, тайные оппоненты решили отвести ему роль ширмы, отвлекающей Наполеона от подлинных устремлений России, чтобы в подходящий момент возложить на него ответственность за прежний «профранцузский курс».

Известие, что предложение Наполеона повенчаться с наследной австрийской принцессой Марией Луизой благосклонно

встречено австрийским императорским домом, шокировало сановный Петербург. Это событие означало, что в результате длительной закулисной возни вокруг вопроса о бракосочетании Россия оказывалась в одиночестве, в военно-политической изоляции. Растерянность в правящем эшелоне сменилась лихорадочными попытками Александра наверстать упущенное. Вопреки здравому смыслу, забыв о своей последовательной антипольской политике, самодержец предпринимает тайную попытку склонить к военному союзу Польшу. Предложение делается через друга по «негласному комитету», поляка по происхождению, князя Чарторыйского, которого Александр I в 1803 году лишил поста министра иностранных дел. Об этих потугах российского императора Наполеону стало известно довольно быстро. В марте 1811 года Наполеон узнал содержание конфиденциальных писем Александра I своему другу и советнику А. Чарторыйскому. Император сообщал, что готовится начать войну против Наполеона с присоединения Польши к России, назвав число войск, «на которое можно рассчитывать в данное время» (200 тысяч русских и по 50 тысяч пруссаков, датчан, поляков), и дал задание Чарторыйскому склонить на сторону России националистические верхи Польши обещанием «либеральной конституции»{146}.

Еще более сложной, абсолютно бессмысленной интригой стала попытка тайно привлечь на свою сторону Австрию, сделав ей предложение, подобное тому, что было направлено полякам. Связанная по рукам и ногам Австрия к тому моменту находилась в полной зависимости от Франции, а сам французский император только что породнился с австрийским престолом. Тем не менее в секретных инструкциях послу в Вене Шувалову давалось поручение, во что бы то ни стало заручиться союзническими обязательствами с Австрией. Указание Александра I сопровождалось словами: «…в щекотливых случаях отправлять свои письма г-ну Кошелеву[41], которому я полностью доверяю. Канцлер ничего не будет знать об их содержании…»{147} Кто такой Кошелев? Этот человек олицетворял иной, тайный уровень привязанностей самодержца. Родиону Александровичу Кошелеву удалось привить юному цесаревичу склонность к мистицизму. Вера в Провидение, в магическую силу тайных знаков и заклинаний, в сверхъестественное для Кошелева оставалась главным в его жизни. После воцарения молодой император еще более приблизил его к себе, назначил камергером, председателем Комиссии прошений, ввел в состав Государственного совета.

Во Франции особую миссию выполнял полковник А.И. Чернышев — доверенное лицо Александра, его личный адъютант.

Он доставлял письменные и устные послания императоров друг другу, попутно добывая информацию, которая могла иметь особую ценность. Полковнику, прозванному «Ямщиком» из-за его частых перемещений между Парижем и Петербургом, удалось завербовать одного из офицеров французского Генштаба. Однако вышла осечка. При обыске у Чернышева на квартире были обнаружены секретные документы. Итогом политического скандала был суд. Француз был казнен на гильотине. Чернышеву пришлось с позором ретироваться.

Любопытно, но о предпринимаемых Александром тайных шагах кое-кто в его личном окружении мог не знать, однако Наполеон узнавал о них одним из первых. Сведения, поступающие из разных источников, все более и более подтверждали свою достоверность. Наполеону становилось ясно: Россия усиленно готовится к войне, а Румянцев с некоторых пор не является выразителем подлинных намерений российского престола. Его присутствие во власти лишь помогало укрывать истинные намерения самодержца. Румянцев, со своей стороны, не мог не замечать перемен в поведении императора по отношению к себе. Реальности были таковы: в то время, когда министр прилагал старания к тому, чтобы сохранять мир, крепить утрачиваемое доверие, Александр I, так или иначе, вел дело к разрыву.

Драма канцлера, министра иностранных дел состояла в том, что он, считая себя самым доверенным лицом, единственным, кому в критические минуты государь мог написать: «Тут речь идет о судьбе мира и, я повторяю, в этом деле я могу иметь неограниченное доверие только к Вам»{148}, с некоторых пор таким уже не являлся. Император совершил еще одно предательство — теперь в отношении своего министра.

* * *

Исследователи судьбы Наполеона и по сей день строят догадки, в силу каких причин гений политика и полководца, к тому времени не проигравшего ни одного из двадцати двух сражений, вдруг изменил ему. Почему Наполеон вопреки всему решился на ненужную, безрассудную военную акцию и осуществил ее так опрометчиво, в столь неблагоприятных обстоятельствах?

По мере того как Наполеон поднимался к высотам славы и успеха, возрастала его нетерпимость ко всему происходящему вопреки его воле и власти. Обида, гнев, ожесточение, как

известно, — главные враги на пути взвешенных решений. Вероятнее всего, это был шаг человека, охваченного гневом, обманутого, оскорбленного. Отказ в бракосочетании нанес Наполеону болезненный удар. Примириться с отступничеством Александра он не мог. «Ваши государи могут быть побиты хоть 20 раз и спокойно возвращаются в свои столицы. А я солдат, мне нужны честь и слава, я не могу показаться униженным перед своим народом…»{149}

При набиравшей силу воинственной риторике, в условиях концентрации войск у российской границы, Александр I, судя по всему, не очень верил в решимость Наполеона начать войну.

Известие о вторжении войск в пределы России застало самодержца в Вильно, где тот предавался прелестям светской жизни, балам, приемам. Наступление неприятеля стало причиной бегства, да так, что «едва успели упаковать императорскую посуду». Главное же обстоятельство состояло в том, что российская армия не была готова к войне и оказалась застигнутой врасплох. Требовалось немало времени на концентрацию сил для события, избежать которого не удастся, — генерального сражения.

Сопоставляя шансы, трезвый политик Румянцев понимал, насколько рискованным был путь, на который становился российский самодержец. Александр сам был неспособен вести войну, да и государство не было готово к ней. Требовались незамедлительные меры, чтобы выйти из военных конфликтов на Востоке, которые на протяжении последних лет изнуряли Россию. Безусловными политико-дипломатическими удачами российской дипломатии в канун начала войны 1812 года стали нейтрализация Турции, вступление в антинаполеоновский союз Швеции и Испании. Выдающейся заслугой Кутузова стали тонко просчитанные военные операции и искусная дипломатия на турецком направлении. В мае 1811 года, буквально за месяц до французского вторжения, был заключен Бухарестский мир, означавший выход России из затянувшейся Русско-турецкой войны.

Король Швеции Бернадот принял предложение о союзе с Россией. Казалось бы, недавняя потеря Финляндии, безусловно, означала переход Швеции на сторону Наполеона. К тому же не кто иной, как Наполеон, дал согласие занять пустующий шведский трон бывшему офицеру революционных войск, на груди которого красовалась татуировка: «Смерть королям и тиранам». Утверждают, что причина тому — глубоко сидевшая в Бернадоте зависть к успехам своего удачливого товарища по офицерской школе. В последний момент к антинаполеоновской коалиции

примкнула Испания. Переговоры канцлера, министра иностранных дел Румянцева с уполномоченным верховного правительства Испании доном Франциско де Зеабермудесом происходили в Великих Луках. Это был последний эпизод в служении Румянцева-дипломата[42].

* * *

Принято считать, что война 1812 года поставила крест на политической карьере канцлера Румянцева. На самом деле он сам, как только почувствовал возню за своей спиной, решил отойти отдел. Политическое пространство, на котором приходилось действовать Румянцеву, все более и более сужалось. Доверие, установившееся в его отношениях с двумя самодержцами—с Наполеоном и Александром, разрушалось на глазах. Группу влияния в правящем аппарате российского императора возглавил уроженец Корсики граф Жозеф де Местр. Обуреваемый завистью к своему великому земляку, отверженный и преследуемый, не имея возможности себя применить, долгое время скитался он по Европе. Целью своей жизни он ставил борьбу с Наполеоном. В конце концов ему удалось предложить себя в Петербурге. Здесь его ввели в круг высших должностных лиц, ответственных за подготовку государственных решений.

По мнению историка С.М. Соловьева, ситуация, в которой оказался канцлер Румянцев, была предопределена всем ходом событий. «При такой страшной борьбе, при таком страшном столкновении народных интересов, какое представляет нам описываемая эпоха, нельзя надеяться, чтобы лицо, занимавшее такое место, какое занимал Румянцев, при таком сильном влиянии на ход событий, даже только предполагавшемся, могло быть пощажено противною партией. Поэтому неудивительно, что Румянцев, управлявший иностранными делами в печальное время после Тильзита, представлялся поклонником Наполеона, человеком, преданным и даже проданным французскому союзу. Принужденный известными обстоятельствами к заключению Тильзитского мира и союза, имея задачей посредством этого союза обеспечить заблаговременно два важнейших интереса России — Польский и Восточный, император Александр нашел в Румянцеве человека, который вполне сочувствовал этой задаче. С одной стороны, разделить то, что было сделано Наполеоном относительно Польши; с другой — приобрести важное, необходимое для России положение на Дунае завоеванием Молдавии и Валахии стало основною мыслью Румянцева, и ни от

одного из министров французские послы не встречали таких настаиваний, таких резких выходок, как от Румянцева, когда дело доходило до этих двух дорогих для него предметов… С такою же цепкостью держался Румянцев до конца за Молдавию, за границу по Серету, если уже нельзя стало приобрести Валахию. Вследствие таких стремлений, очень скоро обнаружившихся, Румянцев навлек на себя страшную ненависть Меттерниха, главным образом за политику его по польским и турецким отношениям, вследствие которой Австрия могла быть обхвачена славянщиною и с севера, и с юга. Ненависть, разумеется, не разбирала средств, когда нужно было вредить ненавидимому человеку, и Румянцев в Вене явился министром, проданным Наполеону»{150}.

На самом деле российский канцлер имел дело с противодействием не одной, а нескольких политических сил, объединенных одним интересом — столкнуть Россию с Францией. Препятствием на их пути оставался он — Румянцев… Министр все более убеждался в этом, когда ему на подпись стали приносить бумаги, к составлению которых он отношения не имел. Подписав такой документ, Румянцев оказывался в одних рядах с политическими провокаторами, стоявшими за спиной российского самодержца. Министр отказался ставить свою подпись под документом. Император выразил свое неудовольствие: «По своему положению не имею ли я права указывать, какой ответ хочу я, чтобы был дан моим министерством. Так как Вы канцлер моей Империи, а я имею нужду дать ответ Министерству иностранного двора, то канцлер мой должен скрепить оный своею подписью. Дело не терпит отлагательства. Итак, граф, я нуждаюсь в необходимости требовать, чтобы канцлер мой подписал ответ, который, по моему мнению, должен быть дан на сообщения французского министерства»{151}.

Это был выговор. Категорический тон наносил ущерб достоинству и чести Румянцева. Этим своим заявлением Александр указал Румянцеву место. Напомнил — он не более чем чиновник, обязанный выполнять его волю. Ожидать такое от человека, которого знал с колыбели? От государя, которому столько лет преданно служил?! Однако исполнители закулисной тактики кое в чем просчитались. Прежде всего в отношении Румянцева. Он не сразу, но разгадал смысл предпринимаемых маневров. Двойная игра, в которой ему отводилась некая сомнительная роль, Румянцева не устраивала. Решительно восстав, отказавшись ставить свои подписи на государственных документах, канцлер предпринял шаги, которых от него никто не

ожидал. Министр принялся форсировать свою добровольную отставку. Такого прежде в высших эшелонах российской власти никто не мог припомнить. Румянцев был гордым, человеком чести. Настоящим аристократом, как говорил о нем Карамзин. Граф Ростопчин, желчный и изобретательный на колкости, знавший Румянцева с юных лет, писал о нем: «Румянцев был человек светский, с манерами вельможи. Политика его в отношении Наполеона сводилась к двум пунктам: 1) выиграть время; 2) избегать войны. Публика, постоянно пребывающая покорным слугою клеветы и послушным эхом глупости, глядела на него как на человека, преданного Наполеону и жертвовавшего ему интересами России; но для опровержения этой клеветы достаточно вспомнить имя, которое он носил, его привязанность к государю и гордость его души»{152}.

Федор Васильевич Ростопчин — одна из ярких политических фигур той эпохи. Во времена Екатерины II и Павла I и потом при Александре I его то приближали, то отдаляли от престола. С юных лет он знал многих и о многом мог судить. Ему вредили его острый язык, холеричный характер. Оттого положение Ростопчина при власти никогда не было прочным. Любимец Павла I, Ростопчин занимал высокое положение директора Почтового департамента, первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел. Был назначен великим канцлером ордена Святого Иоанна Иерусалимского, членом Совета императора. Прилипчивое прозвище «гатчинский капрал», каким он отметил военные старания Аракчеева еще при цесаревиче Павле Петровиче, ему немало навредило. Поэтому после гибели Павла I не всё складывалось в судьбе Ростопчина так, как он этого хотел. Он подолгу оставался не у дел, путешествовал, занимался литературным трудом, сочинял общественные проекты, управлял хозяйством в собственных имениях. «Русский Сен-Симон», — так говорили о нем современники… Людей подобного склада, несмотря на их способности и стремление служить, как правило, числят в оппозиции. «Сердцем прям, умом упрям, на деле молодец», — говорил о себе Ростопчин. В канун драматических событий 1812 года он был назначен военным губернатором Москвы. Ростопчину принадлежит выдающаяся роль в мобилизации ополчения, в подготовке города к защите от врага, в эвакуации населения, по вывозу за пределы столицы государственных реликвий и ценностей. В силу прирожденного темперамента и буйства мысли Ростопчин оставил после себя немало таинственного и запутанного. Впоследствии его обвиняли в поджоге Москвы, указывая на отсутствие в городе средств пожаротушения… Их, как оказалось, перед вступлением в город

французов вывезли. Сам же он утверждал, когда это требовали обстоятельства, что это он подготовил и санкционировал поджог Москвы. Потом он от этого всячески открещивался. Затем написал брошюру «Как я поджег Москву». Достоверно известно, что свое богатейшее имение под Москвой поджег он сам… Таким образом, Ростопчин личным примером организовал «огненную» борьбу с оккупантами. Как бы там ни было, но Ростопчин стал знаменем гражданского сопротивления в один из наиболее критических периодов истории Первопрестольной. Потом он, числясь членом Государственного совета, снова оказался не у дел.

* * *

Самая влиятельная фигура царствования — Аракчеев, наблюдая, с каким упорством Румянцев добивается своей отставки, пишет ему: «…как русский, сожалею, что Отечество теряет самого выдающегося своего сына, но если оное согласно собственному Вашего сиятельства пожеланию, то я буду утешаться тем, что Вы позволите мне, милостивый государь, везде и во всяком месте и во всякое время быть у Вас, почитать Вас и любить душевно»{153}.

* * *

Алексей Андреевич Аракчеев — современник Румянцева, личность, как никакая другая, замкнувшая на себе внимание не только современников, но и потомков. Он — зловещий символ эпохи, воплощение безудержного деспотизма. При жизни и после смерти ему посвящены немало исследований, отзывов в мемуарах, стихов, эпиграмм, анекдотов. Его демонизированная тень нависала над Россией на протяжении XIX века. И в общественном мнении, и в классической литературе Аракчеев — «временщик». «Всея России притеснитель, / Губернаторов мучитель… / Полон злобы, полон мести. / Без ума, без чувств, без чести…» — написал о нем Пушкин. Его жизнь и государственное служение выкрашены только в черный цвет, что само по себе противоестественно. Неужели настолько слепы были самодержцы Павел I и Александр I, что удерживали его при себе на протяжении всей жизни, а Александр начиная с 1810 года целиком передал ему управление внутренними делами государства? Возвышение Аракчеева — свидетельство кризиса монархической модели власти, когда самодержец, в данном

случае Александр I, оказался не в состоянии управлять огромной империей. Задача была тем более сложной, поскольку государству, находящемуся в кольце войн, грозила потеря независимости. Видимо, так было нужно, чтобы беспрекословно преданная престолу личность патриота, офицера приняла на себя издержки и провалы царствования.

Репутацию Аракчееву создавали как свойства его натуры, так и обстоятельства, в которых ему пришлось служить. Политическое долгожительство такой фигуры как Аракчеев возможно объяснить, лишь воссоздав подлинную картину российской жизни на рубеже XVIII—XIX веков, что сделать нелегко, прежде всего потому, что вся историография императорской России преследовала цель возвеличивать царствование Екатерины II. При этом несостоятельность Павла I вырисовывалась как бы сама собой, оправдывая тем самым неизбежность его конца.

Екатерина оказалась на российском троне, устранив с помощью офицеров-заговорщиков собственного мужа — Петра III. Это был не самый «легитимный» путь к верховной власти. Факт этот тяготил императрицу на протяжении всего царствования, побуждая думать о прочности своего положения. В этом она проявляла себя и как зоркий политик, и как дальновидный правитель, и как мудрая женщина. Ее дружба с французскими просветителями, вызывающая недоумение у них самих, служила ее духовному возвышению над всеми остальными. Ее постоянное манипулирование военачальниками, окружением, фаворитами сбивало с толку одних, сталкивало лбами других. И это тоже возводило Екатерину на некий недосягаемый пьедестал. Однако главной опорой для нее должно было стать российское дворянство. Именно оно держало в повиновении население огромной крестьянской страны.

Екатерина II не только оставила в силе вольности и привилегии дворянам, введенные указом 1762 года. Она решила подтвердить их «Жалованной грамотой от 1785 года»[43]. Таких привилегий и льгот было 92. «Дворянство резко отделялось от других сословий, подтверждалась свобода дворян от обязательной службы; от уплаты податей, их нельзя было подвергнуть телесному наказанию, судить мог только дворянский суд. Лишь дворяне имели право владеть землей и крепостными крестьянами, они также владели недрами в своих имениях, могли заниматься торговлей и устраивать заводы, дома их были свободны от постоя войск, имения не подлежали конфискации. Дворянство получило право на самоуправление, составлять “дворянское общество”, органом которого являлось дворянское

собрание, созываемое каждые три года в губернии и уезде, избиравшее губернских и уездных предводителей дворянства, судебных заседателей и капитан-исправников, возглавлявших уездную администрацию»{154}.

В результате российская государственность оказалась заложницей в руках тех, кто постепенно стал обращать в свою пользу все им дозволенное. С течением лет понятие гражданского долга, личной ответственности, дисциплины размывалось. Развеять благостные мифы о времени Екатерины II нелегко. Это тем более трудно, поскольку ее царствование увенчано немалыми успехами. Однако, как бы ни приукрашивалось и ни превозносилось ее царствование, в жизни российского общества нарастало состояние стагнации, застоя. Государство с некоторых пор перестало сводить концы с концами, стало жить в долг. Внешние заимствования сдерживались необходимостью погашать проценты по прежним кредитам. Экономика государства заходила все дальше в тупик. Расхлябанность, небрежное отношение к службе разъедало государственный порядок. Взяточничество, поборы приняли невиданный размах. Многие из представителей высшего сословия исполняли обязанности «спустя рукава», вели разгульный образ жизни, получая при этом жалованье из казны. Произвол, «барство дикое без чувства, без закона»[44] разъедало общественные устои. Снизилась и боеготовность армии. Поместное дворянство рекрутировало в армейские ряды далеко не самое крепкое, физически сильное пополнение из крепостных крестьян.

Помочь Павлу I в наведении порядка должны были молодые офицеры, такие, кто способен железной рукой, без колебаний вернуть государство в рамки упорядоченной жизни. Известно скептическое отношение к попыткам Павла I ввести прусскую систему в армии. Но по существу это был путь к тому, чтобы радикальным образом навести в стране порядок, поскольку армия была гарантом стабильности и спокойствия в государстве, оставаясь главной в механизме управления. Других радикальных подходов не было. По крайней мере, Павел о них не знал. Тех, кто стал ему единомышленником, кто оказался «без лести предан», в окружении царя оказалось немного. Беда в том, что непредсказуемый характер Павла отторгал многих, кто мог бы стать для него безукоризненным помощником. Аракчеев оказался в нужное время в нужном месте. Этот молодой офицер артиллерии был в числе первых, кто взялся помогать императору Павлу I. Пример того, как надо действовать, поскольку другие средства были мало эффективны, подавал сам Павел, отменив дворянские привилегии, прибегая к рукоприкладству.

Попытка отстранить Павла I от власти «по-хорошему» завершилась его гибелью. Однако это обстоятельство не отменило стоявших перед государством проблем. Молодой император Александр I некоторое время пробовал вводить нормы и правила конституционно-демократического свойства. Роптание в обществе, вызванное его бездарным вмешательством в принятие политических решений, в управление войсками, приведшее к поражению при Аустерлице, спустя два года новые поражения и неожиданное замирение с Наполеоном в Тильзите ставили под вопрос само пребывание Александра I на Российском престоле. Понадобилась сильная, бескомпромиссная личность, «железная рука», способная удержать общество в узде. Павлу не дали, а Александр был на это не способен.

Аракчеев потому и не оставил в российской истории доброй памяти и лестных о себе отзывов, поскольку стал действовать вопреки узкокорыстным интересам всех облепившихся сословий и групп населения: дворян, помещиков, купечества, крестьян, офицерства, солдат. Поставив во главу угла государственные интересы, он требовал от них «невозможного для того, чтобы достичь возможного». Аракчеев был непримиримым борцом с ленью, расхлябанностью, недобросовестным отношением к воинском долгу, гражданской службе, к жизни и быту по принципу «как придется»… Разве кого-либо из таких чтили, благодарили, почитали, любили? Дворянская элита не могла примириться с тем, что ими руководит безродный и плохо воспитанный офицер из обедневших дворян. Помещики ненавидели Аракчеева за то, что он изымал у них владения, земли, призванным на военную службу крестьянам не позволял после ее окончания возвращаться к прежним местам проживания. В создаваемых на ровном месте военных поселениях их принуждали заниматься не только земледелием, но и совершенствоваться в военном деле.

Для своего поколения Аракчеев и далее был вместилищем всех мыслимых зол, а его имя поносилось столь яростно, как никакое другое в национальной истории. Это отношение из десятилетия в десятилетие коренилось в общественном сознании, в публицистике, в исторической науке. «Уж это имя, — сказал в беседе с автором известный историк, академик Б.В. Ананьич, — никогда и никому не удастся отмыть». Действительно, труднейшая задача. Между тем Аракчеев, его судьба и государственное служение до настоящего времени остаются по-настоящему не познанными в нашей истории. Канули в безвестность многие выдающиеся, наделенные талантом люди того времени. О них не осталось ни следа, ни строчки. Император

Александр I, его индивидуальность налагала особую печать на время и людей, его населявших. Он стремился доминировать и весьма ревностно относился ко всему, что могло хотя бы как-то увести его фигуру в тень. Ему были не по душе все те, кто помимо его воли заявлял о своих успехах. Самодержец ненавидел Кутузова за его предостережения, высказанные накануне Аустерлицкого сражения, которым он не внял, что привело к гибели армии. Если он решался поощрить кого-либо, то только скрепя сердце. Император не любил упоминаний имен героев 1812 года, поскольку под давлением общественного мнения был оттеснен от командования армией, действующей против Наполеона.

Аракчеев, как никто другой, познал склонность императора доминировать во всем, особенно что касалось успехов. Поэтому он всячески подчеркивал вторичность своей скромной, сугубо подчиненной по отношению к Александру роли, решительно уклонялся от наград и чрезмерных восхвалений в свой адрес. Более того, он старался принимать на себя все без разбора огрехи царствования. Следовало бы добраться до истины. Не ради того, чтобы воздвигнуть Аракчееву памятник, хотя бы для того, чтобы понять, зачем России понадобился такой человек[45].

Между тем от Аракчеева пролегает прямой путь к правлению Николая I. Император, прозванный в народе «палкиным», действовал куда как жестче. Не чета Аракчееву

Мало кому известно, но в отличие от многих современников были и те, кто выражал иные взгляды на выдающиеся личности:

> Как русский Цинциннат, в душе своей спокоен,
> Венок гражданский свой повесил он на плуг.
> Друг Александра, правды друг.
> Нелестный патриот — он вечных бронз достоин!
> *В.Н. Олин[46]. 1832 год*

«Без лести предан» — девиз, который Павел I распорядился начертать на его фамильном гербе. Когда после позорного поражения при Фридланде государь Александр I произвел его в генерал-фельдмаршалы, Аракчеев категорически от этого воинского звания отказался. За военную кампанию в Финляндии против Швеции (1808—1809) император наградил его боевым орденом Святого Георгия, послав ему при этом свой личный знак, который носил, — Аракчеев награду вернул, как вернул и пожалованный ему орден Андрея Первозванного. Бесспорны заслуги Аракчеева в военном деле, в становлении отечественной артиллерии, в обосновании теории и практики применения этого

рода войск. Идея военных поселений, к которой пытались подступиться еще с времен Петра I, стала осуществимой, когда за дело взялся Аракчеев. Содержание армии непомерным бременем ложилось на бюджет государства. Сделать так, чтобы четверть века воинской службы были заполнены не только походами, сражениями, муштрой, но и полезным крестьянским трудом, — составляло основу проекта. Ненависть к себе он особенно вызывал у имущих, у которых Аракчеев вынужден был реквизировать на нужды сражающейся армии собственность — поместья, крепостных, земли для создания военных поселений. В уставе, принципах организации поселений виделся зачаток чуждых дворянско-помещичьей среде, их интересам самоуправляемых общин. Недовольство выражала и солдатская масса, не желавшая совмещать ратный труд с сельскохозяйственным. Граф Жозеф де Местрв 1808 году, когда состоялось назначение Аракчеева военным министром, писал: «Он жесток, строг, неколебим; но, как говорят, нельзя назвать его злым. Я считаю его очень злым. Впрочем, это не значит, чтобы я осуждал его назначение, ибо в настоящую минуту порядок может быть восстановлен лишь человеком подобного закала»{155}. Аракчеев оказался фигурой, способной мобилизовать ресурсы народа и государства с одной только целью — выстоять, спасти Россию от неминуемого краха в ходе нескончаемых войн. В критический период 1812 года и впоследствии Аракчеев — ключевая фигура в организации ополчения, комплектовании резервов, снабжении армии.

Непредвзятый взгляд на то, каким был на самом деле Аракчеев, открывает личность, наделенную исключительным чувством долга, но противоречивую и жесткую по натуре. Он, казалось, был создан для того, чтобы служить, и не просто служить, а так, чтобы приносить пользу. «Труд был его божеством, польза была его лозунгом» — так писал о нем современник. Его мобильность, работоспособность поражали. Он удерживал в памяти мельчайшие детали. Главным объектом его внимания были исполнительность и дисциплина. Решительно искоренял он расхлябанность, лень, разгильдяйство. «Мы всё сделаем: от нас, русских, нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного». В том, что касается рукоприкладства как аргумента в общении с подчиненными, то этот стиль поведения был почерпнут им от друга юности — Павла I. Аракчеев, как свидетельствуют источники, не щадил ни себя, ни других. За почтением, с которым он выражал свое отношение к императорским особам, крылась не только готовность к беспрекословному подчинению и выполнению их воли, но и

способность предостерегать, избавлять от необдуманных шагов и ошибок. В новейших исследованиях перед нами предстает иной Аракчеев. Строгий и грозный на службе, в обыденной жизни он оставался душевным другом для своих товарищей, приветливым и радушным хозяином{156}.

Государственный архив Российской Федерации хранит несколько десятков писем Аракчеева к Румянцеву, датированных 1803—1818 годами. Из них следует, что этих двух, таких разных людей связывала большая человеческая дружба, которой Аракчеев исключительно дорожил. Вот одно из них:

«Где бы ни быть, но нигде не в состоянии забыть вашего Сият., которого в течение нескольких лет привык почитать и уважать душою; а как скорым и совсем неожиданным мною отъездом, о котором мне сказано было за несколько часов, я так был озабочен, что не успел проститься с вашим Сият., то по сей причине еще более мне нынешний мой отъезд сделался неприятным. Сегодняшний праздник я начинаю тем, что первая моя работа поздравить как с оным, так и с наступающим новым годом вашего Сият., который желаю от искреннего сердца вам начать и окончить в совершенном здоровье, а для меня с неизменною вашею дружбою, которую я ценю более всего в моей жизни.

г. Вильна
25 декабря 1812 г., утро в 6 часов.
Граф Аракчеев».

* * *

Аракчеев не был одержим стяжательством, продвигал многочисленные благотворительные акции в пользу инвалидов и страждущих. На них он выделял немалые деньги. Ему принадлежит авторство смелого проекта по освобождению помещичьих крестьян (1818).

Беспокойная, перегруженная государственными заботами жизнь не позволила Аракчееву обрести семейного счастья. Сохранилось принадлежавшее ему Евангелие. На внутренней стороне обложных листов, где он отмечал основные вехи своей жизни, Аракчеев как-то написал: «Советую всем, кто будет иметь сию книгу после меня, помнить, что честному человеку всегда трудно занимать важные места государства».

Положив свою судьбу на алтарь Отечества, Аракчеев тем не менее понимал — безукоризненного следа в истории России ему не оставить. «Много ляжет на меня незаслуженных проклятий», —

говорил он Ермолову. Попытки клеймить, порочить Аракчеева протянулись сквозь времена и в день сегодняшний. Чтобы историческая личность предстала перед потомками со всех сторон мерзопакостной, вытаскивались и продолжают выставляться на свет подробности его частной жизни, муссируется его личная драма{157}.

Но воссоздать подлинный облик этого государственника, очистив от наслоений и клеветы тем более важно, что искаженная трактовка масштабных личностей, к каким относится Аракчеев, формируют исторически неверное представление о русских, о русском национальном характере.

* * *

К тому времени, когда генерал Вильсон, английский представитель при штабе русской армии, прибыл к Александру с изложением «требования армии», нужды у императора предпринимать какие-либо шаги на тот момент уже не было. Румянцев де-факто сам устранился от дел, находился, по сути, в добровольной отставке. Между Александром I и Вильсоном по поводу Румянцева произошел тогда весьма любопытный диалог: «Во время этого объяснения государь несколько раз изменялся в лице. Когда Вильсон замолчал, император подошел к окну и оставался там одну или две минуты, как бы желая собраться с мыслями; затем Александр подошел к Вильсону, взял его руку и, обняв, сказал: “Вы единственный человек, от которого я мог выслушать это сообщение. Еще в минувшую войну Вы, доказав мне свою преданность на деле, заслужили право на мое искреннее доверие, но Вам не трудно понять, в какое тяжелое положение Вы поставили меня, меня, государя России! Я должен был выслушать это. Но армия заблуждается относительно Румянцева; никогда он не советовал мне покоряться Наполеону, и я не могу не питать к нему особенного уважения; он один никогда ничего не просил у меня, между тем как все прочие, находящиеся на моей службе, беспрестанно добиваются почестей, денег или преследуют частную выгоду для себя или для своих родных. Я не могу напрасно пожертвовать им; впрочем, приезжайте ко мне завтра, я должен собраться с мыслями, прежде чем отправить Вас обратно с ответом”»{158}.

Когда согласно полученному приказанию Вильсон вновь явился, император встретил его словами: «Вы повезете в армию уверения в моей решимости продолжать войну с Наполеоном, пока вооруженный француз останется в пределах России. Я не

отступлю от своих обязательств, что бы ни случилось. Я готов отправить свое семейство в отдаленные губернии и принести всевозможные жертвы, но что касается выбора моих собственных министров, то в этом деле я не могу делать уступок. Такая сговорчивость повлекла бы за собою другие требования, еще более неуместные и неприличные. Граф Румянцев не подаст повода ни к какому несогласию либо разномыслию. Всё будет сделано для разъяснения опасений в этом деле, но так, чтобы это не имело вида уступки угрозам и чтобы я не мог упрекать себя в несправедливости. В данном случае весьма важно найти средства и способ исполнения. Дайте мне время — всё будет устроено к лучшему»{159}.

Как Александр на деле «всё устроил к лучшему», известно. Под предлогом перегруженности исподволь велась работа к освобождению Румянцева от государственных дел. Сначала от управления Департаментом водных коммуникаций и устроения дорог, затем принимается решение упразднить Министерство коммерции. Румянцев слагает обязанности председателя Государственного совета, поскольку ему предстоит быть при императоре в военном походе… Но в военном походе место Румянцева занял Нессельроде. Сам император еще в октябре 1811 года, назначая вернувшегося из Парижа Нессельроде статс-секретарем Министерства иностранных дел, сказал своему новому выдвиженцу: «В случае войны я намерен стать во главе армий; тогда мне нужен будет человек молодой, могущий всюду следовать за мной верхом и заведовать моею политической перепиской. Канцлер, граф Румянцев, стар, болезненен, на него нельзя возложить этой обязанности. Я решился остановить свой выбор на Вас; надеюсь, что Вы оправдаете мое доверие, исполняя свои обязанности с верностью и скромностью»{160}.

Эпизод, в котором состоялся разговор у Александра с английским представителем, изложен настолько гладко и складно, что возникает сомнение, так ли это было[47]. Столь обстоятельные императорские суждения, судя по всему, были положены на бумагу потом, когда многое прояснилось и улеглось. Сделано это было с одной целью — подправить ситуацию, сохранить самодержцу лицо. Оказывается, лояльность графа Румянцева к Александру никогда не вызывала сомнений… По своим достоинствам он на голову выше всех сановников империи… Никогда не просил у своего императора благ и наград… Не мог допустить и мысли как-то зависеть от Наполеона… И вообще, во всем виноваты плохо воспитанные офицеры…

Всё было бы правильно, если бы Александр взял под защиту

Румянцева еще до того, когда канцлера стали подвергать травле. Если бы о диалоге Александра с английским представителем российские верхи узнали сразу после того, как только этот разговор состоялся. Но ведь сведения об этой беседе были найдены в бумагах императора спустя годы, когда приступили к написанию истории царствования. Было это, когда никого из участников тех событий не было в живых.

* * *

Известие о вторжении войск Наполеона в Россию болью отозвалось в душе Румянцева. Он, как никто из посвященных в русско-французские дела, до последней минуты надеялся — здравый смысл возобладает, а конфронтация не приведет к военному столкновению. Министр пережил это событие крайне остро. Настолько, что с ним случился тяжелый приступ, инсульт. Последствия удара дали о себе знать позднее, граф начал терять слух. Оправившись, Румянцев предпринимает неординарный шаг. Он отказывается от всех своих государственных наград. Продает в казну ордена и другие наградные знаки иностранных государств. Среди них — орден Почетного легиона, полученный им лично от Наполеона I. Тем самым он посчитал ничтожными для себя и сами награды, и собственные заслуги перед теми, кто их вручил. Полученные деньги канцлер передает в благотворительный фонд помощи жертвам войны. Помимо этого, Румянцев поручает своему доверенному лицу в Лондоне приобрести и обеспечить доставку оружия для сражающейся русской армии. «Вам наверное уже известно, — пишет Румянцев барону Николаи, — что буквально все у нас в настоящее время делают предложения Государству внести свой вклад в вооружение страны, которое столь необходимо из-за случившегося кризиса. Несмотря на то, что из-за кризиса судьба моего состояния становится непредсказуемой, поскольку оно почти полностью находится в Белой России, я намерен следовать примеру других. Прошу Вас, господин Барон, использовать сумму 20 000 рублей для того, чтобы купить и отправить сюда, как можно быстрее, солдатские ружья, которые я хочу передать своей Родине. Если для того, чтобы получить ровный счет, нужно добавить от 2-х до 5 тыс. рублей, прошу взять для меня вексель в финансовом бюро по Вашему усмотрению. Я обещаю, господин Барон, уплатить по векселю с удовольствием и благодарностью…»{161}

Обстоятельства, при которых он, Румянцев, одно из главных действующих лиц в критический для государства период, был

выключен из участия в событиях, особенно тяготили канцлера. Долгие дни и месяцы министр иностранных дел напрасно ожидал реакции императора на свои неоднократные заявления об отставке. Результата не давали и его обращения за поддержкой к своему другу и соратнику Аракчееву. Румянцев надеялся, что одинаково близкий и к нему лично, и к императору человек поможет уладить наболевший вопрос, сумеет смягчить неизбежную в таких случаях неловкость. «Объясните Государю, — пишет он в одном из писем Аракчееву (9 августа 1813 года), — со свойственной вам осторожностью и тем глубочайшим почтением, которое я к нему храню, печаль духа моего и поставьте в виду, что ему есть одно исцеление — даровать мне свободу»{162}.

Убедившись в тщетности своих надежд получить ответ от государя, Румянцев решается на радикальный шаг, сам слагает с себя полномочия министра. «Препровождая к утверждению вашего императорского величества заготовленные ратификации персидского мирного договора, — пишет граф Румянцев императору, — я сужу, что сим оканчивается министерское мое служение…» Далее всё из того, что пишет Румянцев в своем обращении к императору, больше напоминает исповедь: «В министерском звании служил я вам, всемилостивейший государь, двенадцать лет, а шесть тому минуло, как ваше императорское величество, подписав Тильзитский мир, которому я был совершенно чужд, мне поручить изволили начальство иностранных дел. Тогда, государь, две войны вы уже имели на руках: персидскую и турецкую; да и самим мирным Тильзитским договором обязались неукоснительно вступить в войну с Англией и в войну со Швецией; и то монаршее обещание исполнить изволили. В таковом положении дела империи находились, когда я, не по домогательству своему и не по желанию, а единственно по всеавгустейшей воле вашей, принял Министерство иностранных сношений. В 1812 году восстановлен мир с Англией, и предшествовавшая война не нанесла Отечеству никаких бед. В 1809 году подписан Фридрихсгамский мир, на севере поставлена межа империи не на Кимене, но там, где течет Торнео. В 1812-м окончена турецкая война, и на полудни Прут и Дунай обозначили новые границы. Теперь, Всемилостивейший государь, восстановляется мир с Персией, и на востоке Кура и Араке составят предел Отечества. Я принес престолу службу посильную, и с меня довольно. Отпустите меня, Всемилостивейший государь!»{163}

Не вдаваясь в подробности, Румянцев останавливается только на итогах служения в Министерстве иностранных дел. Без пафоса канцлер напоминает императору наиболее важные периоды. Эти

несколько строк — не только отчет, но и откровенный приговор политике непрерывных войн, которые вопреки своим обязательствам перед народом и государством вел Александр I.

* * *

Не дожидаясь возвращения императора в Петербург, Румянцев вызвал к себе старшего по должности дипломата, им оказался тайный советник Вейдемейер, передал ему дела по министерству и навсегда покинул свой пост. Развязка, однако, наступила гораздо позднее, когда Румянцев де-факто уже не был связан государственными делами. Российские войска отпраздновали победу, завершили боевые действия взятием Парижа. В июне 1814 года Румянцеву доставили, наконец, адресованное ему личное письмо Александра I. В нем император довольно многословно и путано попытался изложить, как он выражается, «собственную апологию» — причины, по которым за столь долгое время так и не сумел найти время ответить на неоднократные обращения к нему канцлера, министра иностранных дел. Обстоятельства, как оказывается, состояли не только в том, что Александра преследовали бесконечная перемена мест и смена событий, но еще и в том, что нужды в нем, в Румянцеве, как и в дипломатах вообще, в ту пору не было. Эти соображения выражены самодержцем с обескураживающей прямотой.

Он писал: «…дипломатам почти нечего делать в эпоху, которую мы переживаем теперь; только меч может и должен решить исход событий; даже при умножении военных сил, имеющихся у нас в распоряжении против общего врага, путем присоединения к нашему делу новых держав, красноречие и искусство лиц, ведущих переговоры, совершенно бесполезны, так как всё зависит от большей или меньшей решимости, проявляемой монархами для пренебрежения опасностями, которым они подвергают свои государства, присоединяясь к делу, за которое сражаемся. Поэтому я прошу Вас взять обратно Вашу просьбу и сохранить за собою то место, к которому мое уважение и доверие Вас призвали. По крайней мере, обождите моего возвращения; тогда от Вас будет зависеть выбор — или возобновить наши прежние отношения, или расстаться со мною, если таково уже Ваше непременное намерение»{164}.

Запоздалое объяснение, многословное и, казалось бы, искреннее, не возымело своего действия. Императору просто не хватало мужества сказать что-либо внятное до тех пор, пока исход

противостояния с Наполеоном не был окончательно предрешен. Для того чтобы внять просьбам Александра, отозвать свои многократные заявления об отставке, Румянцеву нужно было отбросить недавнее прошлое, где оставалось такое, что невозможно было забыть или тем более простить. Моральный террор, которому подвергся он, канцлер империи, унизительные подозрения и обвинения в его адрес свежи были в памяти, как и не утихало оскорбленное чувство отвергнутости. Тот факт, что император не предпринял тогда ни единого публичного шага в его защиту, особенно болезненно затрагивал честь и достоинство Румянцева. «С сильными на земле нет расчета, — писал канцлер, — есть развязка»{165}. Мы никогда не узнаем, что творилось в душе Румянцева. После совершенного по отношению к нему императором предательства Румянцев навсегда утратил интерес к государственной службе. Внешне он избрал линию поведения человека, покорившегося судьбе. Не стал протестовать, объясняться, просить, доказывать. Он решил навсегда удалиться отдел. «Я не хотел дать Вам преемника и сам поступил на Ваше место»{166}, — впоследствии скажет император Румянцеву[48].

Император вспомнил о Румянцеве не случайно. События весны 1814 года сделали Россию вершительницей судеб Франции и всей континентальной Европы. Удержаться в этой роли, сохранить преобладание, которое было приобретено ценой стольких жертв, было непросто. Весь последующий ход событий подтвердил это. «Главой царей», «королем королей» Александра величали недолго. В пору триумфа, когда в русских войсках зазвучало: «Здравствуй, батюшка Париж! Как-то ты заплатишь за матушку Москву?» — Александр приходил к мысли, что плодами победы воспользоваться не придется. Талейран за рассуждениями о международном праве, о «легитимизме» пытался представить дело так, что в итоге кровопролитных войн нет победителей и побежденных. В восстановлении конституционного порядка во Франции были одинаково заинтересованы все монархические государства Европы.

Всё говорило о том, что наступают другие, весьма трудные для России времена. Послевоенное урегулирование оказалось задачей не менее сложной, чем отстранение Наполеона от власти. Намечался конгресс стран антинаполеоновской коалиции, в ходе которого России предстояло подтвердить свое право решающего голоса на то, каким будет послевоенное устройство Европы. Необходимо было в политических документах закрепить результаты длительной войны, в которой Россия понесла наибольшие жертвы. Уже на этапе подготовки к встрече в Вене Россию, Австрию, Англию и Францию разделяли существенные

разногласия. Если к этому добавить антипатии к участникам, репутация которых была немало подмочена прежними политическими компромиссами и авантюрами, ожидать чего-либо благоприятного Александру не приходилось. К тому же стали просачиваться сведения о закулисных маневрах недавних союзников. Их целью было изолировать Россию, оставить ее в одиночестве перед сколачиваемой коалицией. Александру нужен был опытный дипломат, глубоко знающий политическую обстановку, наделенный способностями к трудным переговорам, к словесным поединкам самого неожиданного свойства. Нессельроде для этих целей не годился. О коварном поведении «союзников по коалиции» свидетельствовала попытка австрийского канцлера Меттерниха организовать за спиной Александра I сепаратный сговор. Произошло это в момент, когда, казалось, Наполеон был отстранен от власти окончательно и бесповоротно. Меттерних направил Людовику XVIII одну из копий секретного договора трех государств, предусматривающего совместные действия в том, чтобы изолировать Россию при решении вопросов послевоенного устройства Европы. Знаменитые Сто дней, когда, внезапно покинув остров Эльба, Наполеону удалось вновь взять под контроль Париж, отмечены весьма знаменательным эпизодом. На столе среди бумаг, брошенных впопыхах Людовиком XVIII, оказался и проект трехстороннего секретного договора. Наполеон не замедлил с курьером переправить этот документ в ставку Александра I. Немая сцена, возникшая в момент, когда Александр I предъявил договор австрийскому канцлеру, описана во многих исторических источниках. «Меттерних так растерялся, что, по-видимому, в первый и последний раз в жизни даже не нашелся что солгать»{167}. Александр предпочел нужным далее не клеймить опозорившегося партнера, преследуя главную цель — продолжение борьбы с Наполеоном.

Развязка наступила 22 августа 1814 года, когда Румянцеву доставили рескрипт (указ) императора Александра I. В нем говорилось: «Граф Николай Петрович! Убеждаясь принесенными Вами на время отсутствия моего из столицы неоднократными просьбами и новым Вашим настоянием, увольняю я Вас ото всех дел, на Вас возложенных. По известному Вам вниманию моему к достоинствам Вашим можете Вы судить, сколько прискорбно для меня удовлетворить такому Вашему желанию. Надеюсь я, однако несомненно, что из любви к Отечеству не отречетесь Вы паки быть оному полезным Вашими познаниями и опытностью, когда состояние здоровья Вашего то позволит. Примите в сем случае удостоверение в отличной моей благодарности за оказанные

Вами Отечеству заслуги и в непоколебимом моем к Вам уважении. Пребываю, впрочем, Вам всегда благосклонный»[168].

* * *

Волею исторических обстоятельств служение политика и дипломата Румянцева, по причинам от него независящим, современники и их потомки постарались предать забвению. События 1812—1815 годов вытеснили многое существенное, что непосредственно относилось к Румянцеву. Цели, которые он перед собой ставил, посчитали тщетными, расценили никчемными, ошибочными. Всю ответственность за 1812 год возложили на французского императора Наполеона I. Его вина неоспорима. Но так ли однолинейна была дорога к трагической развязке? Был ли у тех событий единственный виновник? Прояснить подлинные причины катастрофы 1812 года не посчитали нужным. Только собрав воедино сведения о том, как всё происходило на самом деле, возможно понять, в силу каких причин служение канцлера, министра иностранных дел Российской империи Румянцева предано забвению. Сведения о его политической судьбе потому и скудны, потому и оказались в загоне, что не укладывались в официальную версию, культивируемую имперской историографией. По этим причинам реконструировать этапы политического пути Румянцева, относимые к 1807—1812 годам, приходится, опираясь на разрозненные источники. В том, что касалось национально-государственных целей, стоявших перед Россией, он разошелся с самодержцем, оказался отвергнутым. И все же его жизнь и служение — часть бесценного опыта, быть может, еще более значительного, чем слава, доставшаяся другим его современникам. Опыт государственного служения Румянцева не прошел для России бесследно.

Коридоры власти так уж устроены, что в них, несмотря на смену лиц, политических ориентиров, хранятся и продолжают жить сведения, предания, молва о людях и ценностях, которым они служили. Духовное наследие Румянцева так или иначе питало представления, формировало взгляды идущих на смену поколений дипломатов. Преемником политической программы Румянцева спустя полстолетия выступил Александр Михайлович Горчаков (1798—1883).

Горчаков вступил в должность министра иностранных дел Российской империи в 1856 году, через 42 года после того, как сложил с себя полномочия Николай Петрович Румянцев. Это были

другие времена, иные исторические условия. Дипломатия как наука и искусство продвинулась далеко вперед. В самом начале деятельности недавний лицеист «пушкинского призыва» Горчаков имел возможность знакомиться с тайнами политики европейских дворов, наблюдать повадки сильных мира: Талейрана, Меттерниха, собственного императора Александра I. Тогда Европа преодолевала последствия Наполеоновской эпохи, а Александр I примеривал роль «повелителя», лидера в урегулировании европейских проблем. Ему довелось присутствовать на переговорах на международных конгрессах в Троппау, Аахене, Лейбахе, Вероне, вести записи, составлять протоколы, писать отчеты, резюме и проекты документов, что послужило для него хорошей школой, многому научило. Уже тогда Горчаков обдумывал, каким должен быть подход российской дипломатии к внешней политике: неукоснительно рассматривать международные события и участие в них России, прежде всего, под углом зрения собственных национально-государственных интересов. К тому времени, когда Горчаков приступил к руководству Министерством иностранных дел: «…он был умудрен опытом, наблюдениями, годами, охладившими его пыл, снабдившими его свойственными возрасту недоверчивостью и осмотрительностью, обратившими его в того проницательного и расчетливого “старого математика”, который с утонченным искусством проводил русскую политику сквозь “теснину” трудного времени, не давая ей отклоняться с узкого среднего пути между разносторонними опасностями, соблазнами и односторонностями и неспешно, дальновидно созидая для будущего»{169}. Но политическая программа, предложенная Горчаковым внуку Александра I императору Александру II, всем своим духом перекликалась с политическими установками канцлера Румянцева. «Свобода рук» во внешней политике была интерпретирована Горчаковым в формуле: «Россия сосредотачивается».

Во главу угла внешней политики России были поставлены национально-государственные приоритеты и цели. К тому же Горчаков сумел извлечь уроки из драматического опыта своего далекого предшественника. Он согласился принять пост министра иностранных дел лишь при условии непреложности его права на последнее слово в международных делах. Ему, Горчакову, удалось, проявив характер, волю, взять дело в свои руки, ограждая управление внешней политикой государства от сторонних влияний. На протяжении двадцати лет канцлеру, министру иностранных дел Александру Михайловичу Горчакову удавалось подчинять внешнеполитические шаги государства

национальным интересам, обеспечивая возрождение России после Крымской (1853— 1856) войны. Но это уже другие значительные и не менее поучительные страницы российской истории{170}.

* * *

По меркам истории человечества Румянцева и Горчакова разделяло незначительное временное пространство. Они жили и служили в разных, но по-особому сложных для российской государственности условиях, при монархах, наделенных разными способностями и характерами. Их политические судьбы оказались во многом схожими. У каждого складывалась своя история доверительных отношений с царствующими монархами. И тот, и другой начинали свою карьеру при дворе — в высшей администрации империи. Начальный этап дипломатической службы Горчакова напоминал путь, в свое время пройденный Румянцевым: в «лоскутных государствах Европы». И тому, и другому досталось пережить пору революционных потрясений Европы — Румянцеву в 1789 году, Горчакову в 1848—1849 годах. Оба исходили из того, что в интересах России следует вести последовательную, охранительную политику, создающую условия для ее самостоятельного развития.

Каждый из них — и Румянцев, и Горчаков, приложили немало усилий, чтобы российско-французское сближение способствовало балансу в расстановке сил на европейском пространстве. И для Горчакова, как и для Румянцева, стало большим жизненным разочарованием предпринятый властителями Франции разрыв с Россией, что ставило это государство на грань национальной катастрофы в 1815—1871 годах.

Известную роль в судьбе каждого оставили выдающиеся женщины, занимавшие видное место в политическом истеблишменте. Для Румянцева такой была великая княгиня Мария Федоровна, впоследствии супруга Павла I, императрица во вдовстве. Для Горчакова — великая княгиня Ольга Николаевна, сестра Александра II, королева Вюртембергская. При том брожении умов, какие окружали российский престол, их дружба с царственными особами служила духовной поддержкой, оберегала от наветов, нападок недоброжелателей. И Румянцев, и Горчаков слыли выдающимися представителями отечественной культуры, поддерживали тесные отношения с интеллектуалами, яркими выразителями общественного мнения как у себя в стране, так и за рубежом. Это немало способствовало разъяснению и продвижению целей и задач российской внешней политики.

Если относить дипломатию к «искусству достижения возможного», то служение и Румянцева, и Горчакова отмечено очевидными позитивными результатами и уберегло Россию от неизмеримо больших бед и потерь. Им приходилось проводить решения, противоречащие их личной гражданской позиции. Однако их высокая идейно-политическая нравственность и принципиальность могут служить вдохновляющим примером для поколений российских дипломатов и государственных деятелей. И Горчаков, и Румянцев от природы были наделены высоким эстетическим чувством, художественным вкусом, что выдвинуло их в ряды видных представителей национальной культуры. Подобно Румянцеву, Горчаков коллекционировал художественные произведения. Его живописное собрание по сей день хранится в Государственном Эрмитаже. В силу этих достоинств именам Румянцева и Горчакова должны быть предоставлены почетные места в пантеоне российской государственности, в почетной летописи дипломатии, в истории отечественной культуры.

* * *

Противостояние Наполеона и Александра I вылилось в драму мирового масштаба. В это действо были вовлечены народы, государства, монархи, правящая элита. Разрушены экономики государств, достояние, создаваемое столетиями, было принесено в жертву, как и неисчислимое количество человеческих жизней.

Великая армия Наполеона, как писали тогда, «расшиблась о русскую армию». «Сшибка» невиданных масштабов, которая произошла на пространствах России, привела к гибели сотен тысяч русских, французов, австрийцев, немцев, представителей других, больших и малых народов Европы. Годы потребовались для того только, чтобы захоронить останки погибших. Десятилетия в руинах стояли города. Поверив рапортам и заверениям, будто Москва после нашествия Наполеона быстро восстанавливается, Александр I пожелал увидеть это собственными глазами. Посетив в 1815 году город, осмотрев то, что от него осталось, самодержец пришел в ужас. Москва представляла собой огромное пепелище, по которому бродили утратившие кров жители. Раздача пожертвований у кремлевского крыльца обернулась страшной давкой. В ней погибли люди.

Сражения того времени были сопряжены с огромными потерями и жертвами. Изобретение огнестрельного оружия и снаряжаемых картечью разрывных снарядов сделало бесполезными щиты и доспехи, используемые прежде в бою

холодным оружием. В большинстве случаев действовало правило: «Ранен — значит убит». Надежда на выживание после тяжелых ранений имела минимальные шансы. Медицина не обладала тогда средствами первой помощи и лечения огнестрельных ран, какие появились впоследствии. Потери измерялись не только жертвами, понесенными в ходе сражения, но и после него, поскольку редко кто выживал от полученных увечий. Боевые возможности войск усилило применение артиллерии. Используя разрывные снаряды, атакуя прямой наводкой, пушки наносили воюющим сторонам огромный урон. По этой причине Наполеон, да и не только он один, некоторые битвы по характеру протекания называл резней. Такой исход, к примеру, имело сражение, которое произошло в конце января 1807 года при Прейсиш-Эйлау «Битва при Эйлау немало стоила обеим сторонам, не принеся никакого результата. Это было одним из тех неопределенных сражений, в которых одни топчутся на месте, а другие бросаются в бой без всякого плана; мне следовало выбрать другое поле битвы»{171}. В этой резне установить победителя было практически невозможно. Более пятидесяти тысяч мертвых и раненых покрывали снежные поля. Только отступление русских с поля боя к Кенигсбергу послужило поводом говорить о победе французов, хотя Наполеон в душе так не считал. В том сражении он потерял почти половину своего войска, более десяти своих генералов.

Все последующие битвы по числу потерь мало чем отличались от предшествующих. На территории одной только России в 1813 году из-за невозможности захоронить иным способом в течение всего года сжигали тела погибших: в Минской губернии 48 903 трупа; в Московской — 49 754; в Смоленской — 71 733; в Виленской — 72 203; в Калужской — 1048… О тех же, кого удалось захоронить, известна только общая цифра—100 тысяч человек.

В научной и художественной литературе многократно описаны события, связанные с Бородинской битвой, сдачей неприятелю Москвы и испепеляющим пожаром, который на 90 процентов уничтожил город, об огромном уроне, понесенном отступающей армией Наполеона… В эпопее 1812 года было немало и другого, трагического и героического. Например, битва при Малоярославце 12 (24) октября 1812 года. Небольшой городок восемь раз переходил из рук в руки… В той резне потери были равными… Городок к исходу дня на какое-то время остался в руках французов. Но именно там, при Малоярославце, был навсегда утрачен прежний боевой дух наполеоновской армии. Так сражаться и побеждать, как прежде, ей уже было не суждено. Сам

Наполеон там едва не попал в плен к казакам Платова. После этого эпизода он решил всегда носить при себе яд на случай непредвиденного для себя исхода.

Немалые потери армии Наполеона в России, как, впрочем, и русских войск, были понесены под воздействием невыносимого климата и условий обитания: бездорожья, разоренного жилья, отсутствия продовольствия и фуража. «Шестой стихией Восточной Европы» называли грязь. При осмотре освобожденного Вильно Александра I ожидала такая картина: «Город был переполнен ранеными и больными. На всех главных улицах были разведены большие костры для уничтожения миазмов и очищения воздуха. Госпиталь в Базилианском монастыре представлял наиболее ужасающую картину: 7500 трупов были навалены друг на друга по коридорам, подобно грудам свинца; разбросанные трупы валялись всюду и в других помещениях; все отверстия разбитых окон или стен были заткнуты руками, ногами, туловищами и головами мертвых, чтобы предохранить живых от доступа холодного воздуха. И в этих помещениях, наполненных зловредными испарениями, лежали несчастные больные и раненые, обреченные на гибель»{172}.

* * *

Кутузов. Грузный старец, лицо которого пересекает повязка, прикрывая отсутствующий глаз, — так его представляют многие поколения. Художники писали Кутузова, когда ему было около 60 лет.

Между тем современники знали его совсем другим: молодым, энергичным, смелым офицером, ранее других выбившимся в генералы. В боевых операциях Кутузов проявлял героизм, близкий к самопожертвованию, он первым ввязывался в бой и выходил из него последним. Он участвовал во всех ключевых сражениях русской армии конца XVIII века: при Ларге и Кагу-ле, при Очакове и Измаиле. Прошел боевую школу при командующих Румянцеве и Суворове. В боях был неоднократно ранен. При отражении турецкого десанта в Крыму пуля угодила ему в левый висок и вышла у правого глаза, навсегда исказив облик 29-летнего офицера. В бурное, противоречивое время Екатерины II о нем заговорили, отмечая личную храбрость и хорошую голову. Кутузову поручались весьма сложные задания, в том числе дипломатического порядка, он всегда справлялся с ними достойно. При этом всех покоряли живость ума, раскованность, сам стиль его жизни. Он умел расположить к себе самых

несговорчивых собеседников.

Екатерина II называла его «мой Кутузов». Отнюдь не анекдот, а реальное событие связано с посещением Кутузовым гарема турецкого султана Селима III. В 1783—1784 годах Кутузов около полугода находился в Константинополе во главе посольства численностью 600 человек. Склонить Селима III пойти на уступки и принять российские предложения не удавалось. Решение проблемы было найдено в его гареме, где задавали тон женщины-христианки, выкраденные или выкупленные за границей из плена. Кутузов сумел убедить красавиц-христианок — любимых жен султана, которых он к тому же ценил, и ему было дозволено явиться в гарем[49] — самое запретное, самое укрываемое от посторонних глаз место, где протекала интимная жизнь монарха Османской империи… Известие о том, где удалось побывать русскому посланнику, осквернив своим присутствием «святая святых», просочилось в общественные круги, вызвав у населения шок. Охладить страсти удалось лишь заявлением властей, что «россиянин никакой угрозы не представлял и не представляет, поскольку является евнухом Екатерины II»{173}. Понятно, что этот факт послужил поводом для злословий в определенных питерских кругах…

Потом до восшествия на престол Александра I занимался строительством и обучением армии, как дипломат, вел военно-политические переговоры в союзных с Россией государствах. Когда завершилось царствование Павла I, боевой генерал Кутузов оставался одним из немногих в России живых наследников полководческой школы своих предшественников. К тому же он был русским по происхождению. Жизнь таких людей, как Кутузов, в любые времена не могла протекать гладко. Им завидовали, на них клеветали, пытались сваливать собственные просчеты и неудачи. Его отношения с Александром I не заладились с самого начала. На фоне личности такого масштаба, каким был Кутузов, заносчивый начинающий император смотрелся особенно неубедительно.

Назначение Кутузова на пост военного губернатора Санкт-Петербурга для Александра I сразу после восшествия на престол носило политический характер. Он из тех, кто был рад служить, но не прислуживать. Градоначальник столкнулся с мелкими придирками, попытками императора требовать ответа за повседневное, неизбежное. Поводом для отставки послужил случай: пролетка сбила прогуливающегося иностранца. Остро нуждаясь, ряд лет находился в добровольной отставке, вынужден был жить в деревне на доходы от небольшого имения.

Война против Наполеона заставила вспомнить о Кутузове.

Необходим был именитый генерал, поскольку все остальные были либо иностранцами по существу, либо по происхождению. Кутузов получил приказ встать во главе русско-австрийских войск против армии французов. При подготовке и в ходе одного из самых крупных сражений начала XIX века Александр I своим самонадеянным вмешательством всё испортил. Попытки переложить ответственность на главнокомандующего результата не дали. Слишком много было свидетелей, кто своими глазами видел, как развивались события. Разгром русской армии еще более омрачил отношение Александра I к Кутузову. Поражение при Аустерлице попытались списать на генерала, тогда как дезорганизацию и сумятицу в войска внес лично император. Он же, при первых залпах охваченный страхом, с острым приступом диареи с поля боя сбежал. За «проявленную храбрость» Александр I, не найдя в себе мужества отказаться, принят орден Святого Георгия Победоносца. Из-за этих постыдных для самолюбия обстоятельств российский самодержец проникся еще большей неприязнью к Кутузову, стал далее чинить препятствия на пути талантливого военачальника и дипломата. Его держали на должностях, весьма далеких от его подлинного предназначения. Долгое время он был одним из шестидесяти четырех губернаторов: сначала в Киеве, потом в Вильно.

Военная тревога, вызревавшая в ходе очередного противостояния Наполеона I и Александра I, требовала все более трезвого подхода к оценке возможностей России. Одна только война с Османской империей, длившаяся с 1806 года, отвлекала немалые силы и ресурсы. И здесь, принимая во внимание прежний военно-политический опыт, вынуждены были прибегнуть к Кутузову. В ходе одной из операций при Рущуке генералу удалось скрытно переправить через Дунай войска и внезапной атакой захватить лагерь противника: казну, резервы, штаб вместе с некоторыми важными турецкими военачальниками. Бесспорный военно-политический успех Кутузова очевиден всем, но не Александру I. Заключение Бухарестского мира (1812) позволило передислоцировать Придунайскую армию на наиболее опасное направление, где вскоре начались военные действия против объединенной армии под предводительством Наполеона.

Во главе русской армии, действующей против войск вторжения, Кутузов оказался под давлением общественного мнения. Авторитет Кутузова к тому времени был настолько высок, что Александру противостоять — означало подвергнуть риску свою собственную судьбу. К тому времени самодержец на подступах противника к Двине уже успел «накомандовать». Александр, по совету немецкого генерала Пфуля, решил

использовать на литовских равнинах тактику англичан в португальских горах. Построенные перед рекой укрепления и четыре моста через Двину в результате обходного маневра перешли к противнику. Естественная линия обороны беспрепятственно была захвачена французами. В Генштабе не стесняясь поносили «проклятого немца» Пфуля в присутствии истинного виновника провала. В конце концов, призвали на помощь наиболее преданных царю Аракчеева и Балашова. По просьбе военных они принялись убеждать императора покинуть армию, «которую его царственное присутствие стесняет в действиях»{174}. Тогда же любимая сестра Екатерина с прямотой, какую могла позволить себе только она, написала: «Ради Бога, не поддавайтесь желанию командовать самому! Не теряя времени, надо назначить командующего, в которого бы верило войско, а в этом отношении Вы не внушаете никакого доверия!»{175}

Кутузов, пройдя сквозь тернии тяжелейшей войны 1812 года, ушел из жизни, но не из-за дряхлости лет и не по причине тяжелой, продолжительной болезни. Его попросту затравили клеветническими слухами, оскорбительными выпадами. Каждый его шаг, действие, распоряжение, наконец, приказ находили тех, кто, подыгрывая императору, подвергал командующего армией либо порицанию, либо осмеянию. Одни говорили: «Кутузов самый гнусный эгоист, пришедший отлет и развратной жизни почти в ребячество, спит, ничего не делает». Другие им в ответ: «Слава Богу, что он спит; каждый день бездействия стоит победы. Он возит с собой переодетую в казацкое платье любовницу». Это и всякое другое, подлое, говорилось о Кутузове-полководце, на плечах которого лежала ответственность за судьбу России в пору, когда отступающая вражеская армия еще составляла немалую угрозу.

Полководец, под предводительством которого оккупационные войска были изгнаны за пределы России, вынужден был терпеть произносимые у него за спиной суждения Александра I. «Фельдмаршал ничего не исполнил из того, что следовало сделать, не предпринял против неприятеля ничего такого, к чему бы он не был буквально вынужден обстоятельствами. Он побеждал всегда только против воли; он сыграл с нами тысячу и тысячу шуток в турецком вкусе. Однако дворянство поддерживает его, и вообще настаивают на том, чтобы олицетворить в нем народную славу этой кампании… Мне предстоит украсить этого человека орденом Святого Георгия первой степени, но, признаюсь Вам, я нарушаю этим статусы самого славного учреждения… я только уступаю самой крайней необходимости. Отныне я не расстанусь с моей армиею и не подвергну ее более опасностям

подобного предводительства»[176].

Это говорил Александр I английскому генералу Вильсону, представителю Великобритании при Ставке российских войск. Откровение последовало в тот момент, когда российские войска, полностью освободив свою территорию, дошли до Немана. Предстояло решить: следует ли им далее вторгаться в Европу? К тому времени немало видных деятелей в России, среди которых были Румянцев и Аракчеев, придерживались точки зрения, которую Кутузов выражал открыто: «Я вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение императора Наполеона и его армии. Наследство его достанется не России или какой-либо другой из держав материка, а той державе, которая уже теперь господствует на морях. И тогда преобладание ее будет невыносимо».

Взгляды других на будущность Европы, к числу которых принадлежал Александр I, были диаметрально противоположны. «Пока этот человек существует, никогда мы не будем в состоянии рассчитывать на покой; поэтому нужно вести войну на смерть — наш добрый государь разделяет этот взгляд, вопреки мнению тех презренных людей, которые хотели бы остановиться на Висле. Но это не есть желание народа, который, однако же, один несет бремя войны. И у которого более здравого смысла и чувства, чем у напудренных голов, украшенных орденами и вышивками»[177].

И здесь в условиях, когда следовало принимать весьма важное для судеб государства решение, император Александр повел себя постыдно. Своему доверенному лицу Кутузов рассказал: «Скажу тебе про себя откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня и поцелует». Однако в те же часы и минуты император писал в Петербург графу Н.И. Салтыкову: «Слава Богу, у нас все хорошо, но насколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо».

С тех пор высказано немало предположений о том, какой оборот могли бы принять события, если бы возобладала установка Кутузова на прекращение военных действий против Наполеона на Висле. Одна из точек зрения принадлежит прусскому фельдмаршалу Гнейзенау: «…бескорыстная помощь России давно позабыта и даже отрицается немецкою историографиею; оказывается, что дело освобождения совершено геройскими прусскими руками, а Россия только препятствовала осуществлению политических мечтаний страны. Современники, непосредственные участники великой борьбы 1813 года говорили так: “Если бы император Александр по отступлении Наполеона из России не преследовал завоевателя, вторгнувшегося в его

государство, если бы он удовольствовался заключением с ним мира, то Пруссия поныне находилась бы под влиянием Франции, а Австрия не ополчилась бы против последней. Тогда не было бы острова Св. Елены, Наполеон был бы еще жив, и один Бог знает, как бы он выместил на других те невзгоды, какие ему пришлось вынести в России”»{178}.

* * *

Победа над Наполеоном избавила Александра I, Марию Федоровну и других от политической ответственности за неисчислимые жертвы, вызванные спровоцированной ими войной. Уже тогда победные гимны, прославление павших, бесконечные чествования героев увели общество от необходимости доискиваться причин этой бессмысленной войны. Немало усилий прилагалось для героизации российского императора. Его вклад в победу всячески превозносился, а сам он едва ли не обожествлялся. «Глава царей», «король королей», «вождь вождей, царей диктатор»{179} — так на все лады величали Александра I. Время и события, последовавшие после 1812 года, новые войны в Европе, взятие Парижа, отречение Наполеона и другое, казалось бы, навсегда оттеснили поиски ответа на вопрос, кто же был прав и кому нужна была эта война. Голоса оппонентов, ранних и поздних, заглушили настолько, что никто особенно и не пытался к этой теме обращаться. Между тем в кругах независимо мыслящих людей на Востоке и на Западе имелись и такие, кто считал: «…двенадцатый год был собственно великою политическою ошибкою, обращенной духом русского народа в великое народное торжество»{180}.

Многое стало известно гораздо позднее, когда архивы прошлого стали достоянием исследователей. Вскрылось такое, о чем никто из современников не знал и не мог догадываться. И даже после, когда предыстория событий предстала в ином свете, летописцы империи всячески стремились обосновать правоту и безупречность политики российского самодержца. Кто еще, кроме Александра I, был, например, посвящен в разговор, который состоялся у Наполеона с послом Российской империи князем Алексеем Куракиным 7 августа 1810 года?

«Мое внимание обращено исключительно на Англию, Голландию, Испанию, Италию; поэтому нет ничего, что бы могло вести к недоразумениям между нами, кроме польских дел. Они могут возбуждать в вас недоверие; но ведь сами же вы виноваты в событиях, которые повели к этому! Так как в последнюю

Австрийскую войну вы не двинулись в самом начале и не заняли тотчас Галиции, то дали время полякам овладеть ею и отняли у себя средство иметь ее теперь, ибо, раз занятая вашими войсками, она должна была бы остаться за вами. При Венском мире мне было нельзя уступить ее вам; не мог я также и возвратить ее прежнему государю: я не мог принести в жертву страну, которая оказала мне преданность. Я не хочу восстановления Польши, — кажется, я это доказал, потому что я мог это сделать и в Тильзите, и после Венского мира. Если бы я имел это в виду, то я бы дал герцогство Варшавское не саксонскому королю — человеку слабому, апатичному, который никогда не двинется. По вине вашего кабинета вы получили в последний раз так мало. Вы всегда прежде, чем начать действовать, заглядываете в последствия событий; но в наш век события идут одно за другим с такою быстротою, что, упустивши раз благоприятную минуту, после уже ее не поймаешь. Правота моего поведения должна вам доказать искренность моих намерений. Государи, поставленные в челе великих империй, не должны действовать иначе; интриги приличны только королю прусскому и мелким князьям германским, которые не умеют и не могут вести себя иначе. Если я буду принужден воевать с вами, то совершенно против моей воли: вести 400 тысяч войска на север, проливать кровь без всякой цели, не имея в виду никакой выгоды! Что вы получили от своей войны в Италии? Погибло множество народа, единственно чтоб доставить славу Суворову? Я не пойду, как император Павел, чтоб схватиться за Мальтийский орден и сделаться его гроссмейстером. Хочу, чтоб меня поняли и не тревожились словоизвержением праздных людей и газетчиков. Я велел сказать Порте, чтоб не думала о возвращении Молдавии и Валахии. Я должен желать, чтоб эти княжества вам принадлежали, во-первых, потому, что они укрепляют вашу границу на левом берегу Дуная, границу естественную, которую вы должны непременно иметь; потому это приобретение составляет предмет сильного желания императора Александра; а, наконец, — нечего скрывать — это приобретение сделает вас навсегда врагами Австрии; скажу вам, что она боится вас столько же, как и меня»[{181}].

* * *

Если кто-либо попытается составить рейтинг выдающихся персон, чьи имена вписаны в летопись человечества, покоритель Европы Наполеон I и освободитель Европы Александр I будут далеко отстоять друг от друга. Как ни пытайся, их роль не

уравновесить на весах истории. Имена Наполеона I и Александра I разделяет пропасть. Казалось бы, расставленные ими исторические вехи должны были бы расположить их где-то рядом. Их соединило время. Они воевали, враждовали, сотрудничали, дружили, противостояли и снова воевали друг с другом. Их дуэль растянулась на десятилетие. Ее исход оказался не в пользу Наполеона. Император французов был лишен трона, рухнуло всё, что с таким упорством он выстраивал. Не состоялась и его личная жизнь, обречена была на погибель его династия.

И судьбе победителя Наполеона Александра I тоже не позавидуешь. Он не сумел оставить долгую и прочную память о себе ни в собственном народе, ни в международном сообществе. Царствование Александра при его жизни пытались поднять до высот Петра I, Екатерины. Курившие самодержцу фимиам пытались именовать его «Великим». В конечном счете в историю дома Романовых он вписан как «Благословенный». И это при том, что Александру удалось, находясь во главе коалиции государств, одолеть Наполеона, а предводимые им русские войска оккупировали Париж. «Изжигаемый» собственной совестью, гонимый самим собой, преследуемый тенью убитого по его вине отца, он остаток жизни до своей кончины в возрасте 47 лет провел в глубоких муках, часами стоя на коленях перед образами. Но эти его страдания не вызвали людского сочувствия ни тогда, ни потом.

В истории с Наполеоном российский престол, движимый идеями монархической солидарности, жаждой возмездия и реванша, действовал без оглядки, бросил все силы и ресурсы государства на то, чтобы низвергнуть французского императора. Несмотря на крушение созданной Наполеоном империи, идеи свободы и равенства, провозглашенные французской революцией, постепенно укореняясь в Европе, подтверждали свою жизненную силу. Наполеон предложил обществу свод законов, в котором уравнивались основные права граждан. Его кодекс подводил черту под феодализмом, открывал дорогу новому гражданскому обществу. Сам его вдохновитель именно это считал своей главной исторической заслугой перед человечеством. Впоследствии на острове Святой Елены он говорил: «Моя истинная слава не в том, что я выиграл сорок сражений: Ватерлоо изгладит воспоминание обо всех этих победах. Но что не может быть забыто, что будет жить вечно, — это мое гражданское уложение»{182}. Вызываемые под воздействием «Кодекса Наполеона» перемены в укладе жизни народов, в благосостоянии людей в еще большей мере вызывали беспокойство в феодально-крепостнической России. Продвижение новых ценностей на восток предвещало крушение векового

порядка, расставание с наследственными привилегиями. На фоне проходивших в Европе перемен отставание России становилось все очевиднее. Историческая практика российских царей, считавших крепостничество злом, но еще большим злом его искоренение, предпочитали любой ценой отгораживаться от подобных идей, игнорировать требования времени. На этот счет выдвигались разного рода суждения, сердцевину которых составляли ссылки на своеобразие исторического пути, самобытную социально-этническую природу России. Интеллектуальные ресурсы государства, аппарат империи, духовенство были брошены на то, чтобы и дальше порочить, предавать Наполеона анафеме. Пропагандистская машина империи не без успеха вела дело к тому, чтобы несведущая часть населения видела в Наполеоне врага. Гнев народа, массовый героизм в ходе войны 1812 года стали тому подтверждением. Ценой невиданного героизма и неизмеримых жертв собственного народа Александр I достиг цели своей жизни и царствования — Наполеон был низвергнут, Бурбонам вернули утраченный французский престол. Заботясь о благополучии европейских монархий, российский император проглядел главное: революционный дух тем временем пропитывал его собственную страну. Первый сигнал поступил в 1820 году: на конгрессе в Троппау Александру I доложили о событиях в Петербурге в Семеновском полку. И сделал это Меттерних, что еще более взбесило императора. Лейб-гвардии Семеновский полк, шефом которого был сам государь-император, взбунтовался в ответ на жесткое обращение командира полка, полковника Шварца, с офицерами и солдатами. Не вникнув в дело, приняв возмущение за выступление против власти, император распорядился жестоко покарать бунтовщиков, полк был расформирован. Сказалось настроение от пережитых опасностей, к тому же накануне произошли буржуазные революции в Италии и Испании. За это впоследствии пришлось поплатиться. Российское воинство, вторгшееся в просторы Европы, открыло для себя новый мир, где качество жизни и законы оказались предпочтительнее, нежели в России. Офицерство, представители российского дворянства, напитавшись свежими впечатлениями и идеями, совсем другими воротились домой. Поразмыслив, они попытались решительно переустроить жизнь в своем государстве. Тогда Марии Федоровне, еще не успевшей похоронить сына, императора Александра I, пришлось испытать жуткий страх, подобный тому, что выпал на долю Марии Антуанетты. Но и на этот раз Бог миловал дом Романовых. Попытка разрушить российскую монархию, предпринятая дворянской элитой 14 декабря 1825 года, успеха не

имела.

Глава пятая. «ОТЕЧЕСТВУ — ЛЮБОВИЮ И ЖЕРТВАМИ» [50]

Князь Ростопчин, окончательно убедившись в том, что уже никогда не будет призван на службу престолу, уединился в своем имении, а над рабочим столом начертал двустишие: «Без дела и без скуки сижу, поджавши руки»{183}. Любимец Павла I, преданный ему до конца, в итоге оказался на обочине, в стороне от магистрального движения жизни. Московский генерал-губернатор, сумевший в критический для Первопрестольной период эвакуировать население, вывезти государственные ценности, а затем обеспечить врагу «пламенное гостеприимство», Ростопчин с некоторых пор стал не нужен. Получив известие об отставке от государственных должностей, в которых до того просто числился, он написал своему заклятому врагу графу Аракчееву: «Извещение о всемилостивейшем увольнении меня от службы я имел честь получить. Теперь остается мне единственно избрать кладбище, где, соединяясь с прахом вельмож и нищих сего мира, пролежу до Страшного суда, на коем предстану с чистой совестью пред правосудие Божие. Пожелав сего всякому христианину и вам, имею честь пребывать и прочее»{184}. Ростопчину не прощали его «злоречения», припоминали всё, чем он так отличался в общении со своими соперниками. Не зная покоя, снедаемый обидой, желчный и обозленный, он с тех пор прожил недолго…

Между тем именно Ростопчин, один из первых назначенцев Павла I, сделавший быструю карьеру, присутствуя в Коллегии иностранных дел вице-канцлером, подал записку: «…в последние годы русская дипломатия отошла от екатерининских традиций соблюдения в первую очередь непосредственных интересов России». В отличие от других держав Россия участвовала во второй коалиции «единственно для того, чтобы уверить себя в вероломстве Питта и Тугута, а Европу в бессмертии Суворова». Учитывая, что при «общем замирении» карта Европы будет перекроена, Ростопчин считал необходимым извлечь из этих изменений для России соответствующие выгоды и впредь преследовать свои собственные интересы, центр тяжести которых лежал, по его мнению, в коренном разрешении восточного вопроса. Он предлагал положить в основу русской внешней политики тесный союз с «мятежной, но уже успокоенной

Бонапартом» Францией против Англии, которая вооружала против Франции «попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы» («и нас грешных», — заметил Павел), завладев тем временем «торговлей целого света», а также Египтом и Мальтой[185].

Румянцев был другим человеком и не собирался сидеть сложа руки, смиренно ожидая собственной кончины. В своей отставке Румянцев увидел благоприятный шанс. Пожилой сановник, казалось бы, лишенный способности открыть для себя что-либо иное, вступил в последний, один из наиболее плодотворных этапов жизненного служения. Оставалось немало неосуществленных проектов, начало которым было положено давно, но загруженность государственными делами останавливала на полпути. Наконец появилась возможность целиком посвятить себя занятиям, к которым тяготел с юности. Биография Румянцева, относимая к годам дипломатической службы в Европе, содержит немало свидетельств того, насколько молодой посланник проявлял интерес к историческому знанию у «образованных народов». То, на что не хватало времени, что едва удавалось осуществлять лишь урывками, стало для Румянцева свободным и открытым полем для повседневной деятельности. Кроме того, оставалось незавершенным дело, начатое его отцом, — возведение города на месте белорусской деревни Гомель. Преобразования на Гомельщине, к которым Румянцев приступил в конце XVIII века, продвигались медленно. Отец, фельдмаршал Румянцев-Задунайский, следуя примеру сильных мира, к концу жизни успел воздвигнуть здесь огромный дворец. Возвышаясь над убогой округой, строение смотрелось по тем временам весьма странно, если не сказать вызывающе…

Когда Николай Румянцев вступил в права наследования, он думал над тем, как правильно распорядиться огромным богатством, к чему его приложить, на что направить. Братьев Сергея и Николая Румянцевых общественное мнение не без основания относило к числу богатейших людей России. Им принадлежали обширные имения в различных частях империи с сельхозугодьями и прибыльными промысловыми, производственными предприятиями. Занятых на них «душ» крепостных только у Николая Петровича Румянцева было, по одним данным, 30 тысяч, а по другим, 35 тысяч крестьян в Белоруссии, Украине, Центральной России. Немалый доход составляли проценты по банковским вкладам, участие в акционерном капитале. Поводов к тому, чтобы вести праздный образ жизни, угождать собственному тщеславию было немало. В имущественных делах, в производимых расходах Румянцев

предпочитал руководствоваться общественными целями и интересами. Для него доставшееся богатство — часть государственной собственности, переданной ему в управление. Оно не должно оставаться без движения.

* * *

В классической русской литературе XVIII—XIX веков воссозданы нравы «типичных» представителей помещичьего сообщества, принимавшие порой весьма уродливые формы. В общественном сознании укоренилось отношение к крепостному праву как к злу, однако предложить, как его преодолеть, мало кто решался. Идея отпускать на волю крестьян по усмотрению их владельца-помещика, предложенная в начале царствования Александру I братом канцлера С.П. Румянцевым, развития не получила. Не помог и Императорский указ «О вольных хлебопашцах». Российское общество, несмотря на тревоги внешнего порядка, не созрело, не было готово к радикальным переменам. На деле помещики, в силу исторически сложившихся условий, оставались единственным классом эффективных в системе землевладения собственников. Опираясь на них, российская монархия сумела воплотить идеи собирания земель, выстроить могущественное государство, создать и укрепить империю. Жизнь и судьба румянцевского поколения пришлась на исторический период, когда ресурсы, заложенные в экономическую систему, какой на Руси выступало крепостничество, стали иссякать. Отставание от других европейских государств становилось все очевиднее. Однако вопрос из вопросов, занимавший умы современников, состоял в том, как безболезненно, без потерь и потрясений обеспечить переход к новой экономической формации.

* * *

Век просвещения не оставил Николая Румянцева в стороне от научных идей и общественно-политических течений времени. Он был лично знаком с известными европейскими энциклопедистами, учеными, литераторами. Дипломату, проведшему 13 лет в гуще европейской жизни, было хорошо известно, чем жил ученый мир, что ценилось в духовной жизни передовых по тому времени государств. Он видел, насколько общественное развитие все более наполнялось знаниями всех

направлений: от инженерных наук до истории, эстетики, философии. Религиозно-мистическое сознание все более вытеснялось подлинно научным естествознанием, что, в свою очередь, стимулировало прогресс. Немалое значение придавалось историческому просвещению и образованию, что наполняло национальное самосознание идеями обновляемой государственности. Мировоззрение европейцев формировалось под воздействием таких просветителей, как Вольтер, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Кондильяк. Отгородиться от этого, не пытаться разобраться в том, что питало духовную жизнь передовых обществ центральной части континента, Румянцев не мог себе позволить. События и уроки происходившей на его глазах революции во Франции наводили на мысль о неизбежном и возможном повторении подобного. В этом он был не одинок. О высокой опасности распространения революционных идей в России свидетельствовали изменения в общественных настроениях. Некоторая часть дворянства, охваченная паническими настроениями, на всякий случай принялась обучать своих детей ремеслам, прикладным профессиям, чтобы они были готовы к внезапно изменившимся условиям. На это настраивало положение, в котором оказалась значительная часть поступавшей в Россию французской эмиграции. Достойные, уважаемые у себя в стране люди, обреченные на годы изгнания, не могли и не знали, как и к чему себя применить.

* * *

Румянцев был не из тех, кто готовил себя капитулировать перед неизбежностью. По складу характера, по убеждениям его также не отнесешь к радикалам-ниспровергателям. Находившийся за пределами страны дипломат думал об эволюционном пути продвижения отсталой и непросвещенной российской государственности к необходимым преобразованиям. Исходил из того, что воспрепятствовать социальным потрясениям можно на основе постепенных либеральных реформ. Их первоочередной целью должно стать образование и обучение, продвижение в крестьянскую среду прогрессивных способов хозяйствования на земле. Чувство ответственности за судьбу вверенных бесправных людей, не всегда присущее иным российским крепостникам, в Румянцеве проявлялось особенно обостренно. Известно, например, что на продовольственное снабжение районов Гомелыцины, пораженных голодом 1821 года, он израсходовал сотни тысяч рублей.

* * *

Из дошедших до нас сведений, почерпнутых из указа Екатерины II, местечко Гомель и его окрестности среди других благодеяний были подарены императрицей фельдмаршалу Румянцеву «для увеселения». На самом деле, кто-то из переписчиков документа вероятнее всего допустил ошибку. Имелось в виду, вероятно, другое — «для поселения». С некоторых пор государыня посчитала важным расселять дворянскую элиту в метрополии, преследуя цель лучшей управляемости и обеспечения государственных целей и интересов в губерниях. В этом она особенно утвердилась, извлекая уроки из пугачевского бунта. Какое для себя увеселение мог обрести в глухом, заброшенном краю такой человек, как Петр Румянцев? Обширная территория живописных, плодородных, заселенных крестьянами земель позволяла создать здесь дворянское гнездо, поместье. Именно так фельдмаршал и воспринял этот дар Екатерины. Не откладывая дело в долгий ящик, он приступил к обустройству поселения, подобающего его государственному статусу и престижу. В центре был заложен внушительный дворец. Завершить строительство ему не удалось. Поместье было завещано старшему сыну, Николаю Румянцеву.

Наследник, опираясь на свои наблюдения и впечатления от жизни за границей, задумал создать нечто необычное, такое, чего в Российской империи до той поры не было. Он решил создать провинциальный город нового типа, подобный таким, какие он видел в благоустроенной Европе. Румянцев ставил эту амбициозную цель в надежде, что Гомель станет прототипом того, как могло бы быть в империи повсеместно. Город этот должен был быть построен из камня и стать комфортным для жизни.

* * *

Не решаясь на радикальные новации, ведущие к раскрепощению крестьян, Румянцев стремился вдохнуть в отсталую часть населения России ту заинтересованность, которая позволяла бы им изменить и обустроить собственную жизнь.

Реализация задуманного затянулась на годы, прерываясь известными военными событиями. Владелец Гомеля и окрестностей решил не отступать от цели ни при каких обстоятельствах. По мере возведения зданий и сооружений Румянцев одновременно готовил и крестьянское население к овладению ремеслами, профессиями, специальностями,

существующими в других регионах России и за границей. Не считаясь с расходами, он завозил сельскохозяйственные орудия, предлагал передовые способы крестьянского труда и приемы земледелия, выписывал семена и рассаду растений, каких здесь не знали: овощных из Португалии, бобовых и луковичных из Гамбурга. Поддерживал постоянную связь с Никитским ботаническим садом в Крыму, откуда также поступали семена и саженцы. По его заказу в Голландии было закуплено племенное стадо коров, а также наняты специалисты по уходу за ними. Особое внимание граф обращал на овцеводство, выписывая образцовые породы из Саксонии вместе с пастухами, кто знал норов и способы ухода за этими животными. Постепенно Гомель и его окрестности застраивались предприятиями для переработки сельскохозяйственного сырья. Были запущены сыроварный, винокуренный, кожевенный, стеклянный, текстильный, прядильный заводы, фабрики для переработки льна и конопли.

Необразованные, не обладающие минимумом знаний, не имеющие профессии люди были не способны привнести в строящийся город европейского типа признаки обновления жизнеустройства. Просвещая, обучая ремеслам, Румянцев одновременно пытался преобразовать и саму жизнь гомельцев. Разработанные англичанином Джоном Ланкастером методы были положены им в основу главного образовательного учреждения Гомеля. Повсеместное появление в Европе ланкастерских школ отвечало потребностям промышленной революции, которая остро нуждалась в притоке квалифицированной рабочей силы… Непрерывный педагогический процесс, входе которого первые обученные начали передавать полученные навыки другим, оказался наиболее применим к обстановке строящегося и развивающегося города. Ланкастерская школа стала едва ли не самым большим социальным учреждением Гомеля. К 1819 году в ней получили начальное образование и овладели профессиями несколько десятков местных жителей. Уже тогда английский опыт, прививщийся на Гомелыцине, предприимчивые люди стали переносить в другие регионы России.

Классицизм стал архитектурным стилем, положенным Румянцевым в основу строительства каменного Гомеля. Стереотипом городской планировки стала регулярность — строгая геометричность улиц и площадей, свойственная городам итальянского Возрождения. В проектирование отдельных зданий Румянцев стремился внести черты всего того лучшего в архитектуре, что ему было известно. Ключевые архитектурные объекты Гомеля стали интерпретацией античных форм, воплощенных в постройках европейских столиц — Санкт-

Петербурга, Рима, Парижа. Теперь, разглядывая сохранившиеся с тех времен чертежи, проекты, видно, как открывается замысел единого ансамбля, эстетической среды, создаваемой для комфортной, гармоничной жизни населения{186}.

Что касается общей градостроительной задачи, Румянцев подошел к решению системно, на основе генерального плана. К проекту были привлечены видные зарубежные и российские архитекторы, строители, управленцы. Планировочные решения по просьбе Румянцева многократно подвергались изменениям. Он хотел, чтобы в Гомеле были представлены все институты и учреждения, какие имеются в подобных городах Европы. Доминантой, градообразующим центром стал выстроенный величественный собор Петра и Павла, помимо административных зданий, гостиного двора, больницы, торгово-бытовых и культовых учреждений. Сам канцлер не только из Петербурга, но и непосредственно на месте контролировал ход работ. Он часто и подолгу пребывал здесь, особенно в последние годы жизни.

Сооружение Гомеля — масштабная эпопея. Возвести город в глубине империи, в стороне от магистрального движения российской жизни — замысел Румянцева, и только ему было под силу его осуществить. Ресурсы государства целиком направлялись на преодоление разрухи, доставшейся в наследство от пережитой войны. По своей сути это было не что иное, как благотворительный проект. Делал это Румянцев не ради «увеселения», не по государеву принуждению, не из прихоти.

Владельцы, унаследовавшие Гомель, вносили свои представления и вкусы в архитектуру, в развитие его инфраструктуры. Таким был фельдмаршал, князь И.Ф. Паскевич-Эриванский (1782—1856), выкупивший Гомель из государственной казны. При нем продолжилось возведение новых строений, осуществлялась реконструкция и перестройка дворца. Однако ничто уже не могло принципиально изменить замысел Румянцева. Гомель оставался таким, каким заложил и выстроил его основатель.

* * *

В современном Гомеле, как нигде, хранят память о Николае Петровиче Румянцеве. Сам город немало пострадал в ходе трагических испытаний, павших на Россию, на Беларусь. От городских строений начала XIX века мало что сохранилось. Однако не затронутой осталась расчерченная во времена графа регулярная городская планировка. Историческая, архитектурно-

художественная часть Гомеля пострадала, но уцелела. Его главной доминантой остается восстановленный и отреставрированный Румянцевский дворец, поодаль от него собор Святых Петра и Павла, где Румянцев по его завещанию был похоронен. В 1917 году собор подвергся поруганию. Саркофаг Румянцева был разграблен и разрушен. Останки сохранить не удалось.

В настоящее время дворец и окружающий его великолепный парк — это культурный центр, где помимо помещений для официальных общественных мероприятий и церемоний выделена музейная часть. Там расположилась мемориальная экспозиция, посвященная служению Румянцева, предметы и документы, свидетельствующие о гомельском периоде жизни выдающегося россиянина. В декабре 1996 года в Гомеле состоялось заседание возобновленного Румянцевского общества. Главным событием стало открытие перед фасадом дворца памятника Николаю Петровичу Румянцеву. В действующем соборе Святых Петра и Павла состоялся чин освящения памятной мемориальной доски. Она установлена в северном приделе, на стене, рядом с которой находился саркофаг с останками канцлера. С той поры Румянцевские чтения в Гомеле стали традицией, проводятся регулярно, раз в два года.

Благотворительность в России имела свои уходящие в прошлое традиции. В разное время, в зависимости от политико-экономических условий, стремление к благодеяниям в пользу отдельных людей, селений, городов, церквей и других гражданских институтов приобретало различный размах и формы. Особенно щедрыми были пожертвования в пользу церкви, которые мотивировались разными обстоятельствами. Как правило, их основу составляли нереализованные религиозные чувства, стремление заручиться духовной защитой от неизбежных испытаний земной жизни. Мотивы других благотворительных деяний, как правило, составляли личные амбиции, желание обратить на себя внимание власти и общества. Особенно превозносились деяния представителей царствующей династии. «Все русские меценаты покровительствовали науке, искусству, просвещению не то, чтобы совсем равнодушно, но как-то неразборчиво, впрохолод и свысока, не обнаруживая при этом той горячей, постоянной участливости, которая больше относится к предмету, нежели к удовлетворению какой-нибудь мимолетной прихоти, или к возвышению себя в глазах так называемого высшего круга и самой власти, служащей ему естественным сосредоточием»{187}. И в предшествующие времена среди современников Румянцева в мыслящей части общества

преобладал именно такой взгляд на существо благотворительности в России.

В царствование Александра I обстоятельства, в которых оказалась охваченная непрерывными войнами страна, непомерная нагрузка на бюджет, растущее число инвалидов, страждущих, обездоленных побуждали власть стимулировать, привлекать на эти нужды любые вспомоществования, возможные резервы и источники. Многочисленные акции императрицы Марии Федоровны не могли целиком решить жгучих проблем, но сами по себе смягчали, разряжали социальное недовольство.

В архивах сохранились несколько писем вдовствующей императрицы Марии Федоровны Румянцеву: «Граф Николай Петрович!

Я имела удовольствие получить письмо ваше от вчерашнего числа с приложенными при оном копиями с Указа Правительствующему Сенату и Рескрипта на ваше имя, заключающих выгоды, предоставляемые Александровской Мануфактуре[51], и поощрение, подаваемое прядению хлобчатой бумаги в Государстве. С искреннею и чувствительною признательностию вижу я в предложении таковых мер в пользу сей отрасли промышленности вообще и покровительствуемого Мною заведения в особенности; изящный опыт вашего усердия и ревностного попечения о его благосостоянии, сопряженных с личною ко Мне приверженностию. От известного Мне вашего образа мыслей Я, конечно, могла ожидать таковых с вашей стороны расположений и толико деятельного пособия, а потому оным не удивляюсь; но тем паче, однако, поставляю приятнейшею Себе обя-занностию благодарить вас от искреннего сердца за усердное ваше содействие к успеху Моих намерений. Будьте уверены в прочем об уважении и доброжелательстве, с каковым пребываю вам всегда благосклонною.

В Гатчине. Сентябрь 15-го дня 1806 года.

Мария».

И этот документ, и другие проливают свет на последовательность, с которой Румянцев вел свою благотворительную деятельность: на устройство институтов, где проживали и обучались воспитанницы, на создание производств, цехов, где бы оставшиеся без родителей и средств к существованию воспитанницы сиротских домов могли обретать профессию. Другая часть писем Марии Федоровны Румянцеву имеет отношение к Совету попечителей Петербургского общества благородных девиц. Влиятельное благотворительное общество возглавлялось императрицей. Под его опекой находилось пять учебных и воспитательных учреждений для молодых девушек,

преимущественно дворянок. Румянцев на протяжении десятилетий входил в состав Совета попечителей и был активным донором этого влиятельного фонда. Граф выделял немалые средства в пользу тех или иных воспитанниц, размещаемых в различные учебные заведения[52].

«Граф Николай Петрович!

С особливым удовольствием содействую благотворительному намерению вашему в пользу девицы Самариной, Я согласно с пожеланием вашим дала Совету Училища Ордена Св. Екатерины повеление о счислении ее пансионеркой вашею на том же основании, как считалась она на иждивении отца. Весьма справедливо вы полагаетесь на Мое к вам расположение, ибо Я надеюсь, что вы довольно знаете, сколь приятно Мне при всяком случае изъявлять к вам истинное уважение и доброжелательство, с каковыми пребываю вам всегда благосклонною.

В Гатчине. Сентября 21-го дня 1813 года.

Мария».

«Граф Николай Петрович! Усмотрев из письма вашего совершенное ваше согласие на предположения Мои и рассуждения исполнения благотворительного намерения почтеннейшей покойной тетки вашей в пользу заведений, под Моим начальством состоящих, изображенного в завещании ее, которое при сем вам возвращаю, я дала соответствующие тому повеления Опекунскому Совету и пяти заведениям, между которыми разделяется отказанная в их пользу сумма сто пятьдесят тысяч рублей, дабы в каждом из них содержать по два пансионера, именуемых пансионерами Анны Никитичны Нарышкиной, и выдавать им при выпуске из заведений по окончании воспитания каждому по пятисот рублей единовременно в награждение. Устроив таким образом благотворительнейшее по Моему рассуждению употребление суммы, почтеннейшею теткой вашею пожертвованной, я прошу вас вручить оную статскому советнику Новосильцову для внесения в сохранную казну Воспитательного дома и удовольствием себе вменяю назначение первых пансионеров для помещения на счет сего капитала предоставить вашему выбору, о котором буду ожидать вашего извещения, прилагая при оном краткую выписку о правилах по каждому из участвующих в капитале Анны Никитичны заведений, с рассуждением приема питомцев наблюдаемых. С истинным удовольствием возобновляю Я при сем случае изъявление отличного уважения и доброжелательства, с каковым я пребываю вам благосклонною. В Павловске. Августа 31-го дня 1820 года.

Мария».

«Граф Николай Петрович!

Почитая весьма благоприятным всякий случай сделать вам удовольствие и тем изъявить отличное Мое к вам уважение, Я немедленно исполнила желания, изображенные в письме вашем от 1-го апреля, и дала повеления Советам общества девиц и Училища Ордена Св. Екатерины о принятии девиц Боборыкиной и Наумовой пансионерками на объясненном вами основании. Я желаю, чтобы сии девицы успехами своими вознаградили вам за человеколюбивое ваше об них попечение, и душевно радуюсь случаю возобновить вам уверение о истинном уважении и доброжелательстве, с каковым я пребываю всегда вам благосклонною.

В Петербурге. Апреля 9-го дня 1821 года.

Мария».

На благотворительные цели в пользу жертв войн Румянцев, начиная с 1799 года, вносил немалые средства: 50 тысяч рублей — в сохранную казну Военно-сиротского дома; на содержание инвалидов — ежегодно три тысячи рублей; платил пожизненные оклады за исполнение государственных должностей. За переданные в казну ордена и награды иностранных государств и России 75 тысяч рублей были распределены на содержание жертв войн с Наполеоном. Крупные суммы были внесены в пользу духовных образовательных учреждений, на установку памятников Екатерине II в Москве, уральскому промышленнику Демидову в Ярославле…

* * *

Если смотреть на деятельность Румянцева с позиций традиционной для России благотворительности, он выступал меценатом другого, особенно не проявляемого ранее свойства. Граф видел себя прежде всего там, где государство за неимением средств не могло взять на себя необходимых расходов. Он направлял ресурсы первым делом туда, где ожидалась несомненная польза для общества. Старался одолевать нужду там, где угасало биение научной мысли. Тратил деньги на проекты, сулящие открытие новых горизонтов и перспектив.

* * *

Одной из фундаментальных проблем, особенно важных для России, по мнению графа, было обнаружение Северного прохода

вдоль континентальной части Азии из Охотского моря в Белое и обратно. С этой целью он организовал и профинансировал несколько кругосветных морских экспедиций. Триумфальное возвращение мореплавателей Крузенштерна и Лисянского в Петербург оставило в стороне сугубо практические цели, которые ставились перед отправкой кораблей «Надежда» и «Нева». Растянувшееся на три года кругосветное плавание доказало лишь возможность сообщения по воде с отдаленным, простирающимся за Урал огромным пространством суши и территориями Дальнего Востока и Северной Америки. Длительные и дорогостоящие переходы через океаны и моря в той же степени, как и сухопутные через Сибирь, не сулили обнадеживающих перспектив обеспечивать сносное существование российских переселенцев на Камчатке и Аляске. Для налаживания там жизнеобеспечения и производственной деятельности нужно было искать другие пути. Румянцев был уверен в существовании прохода по воде из Тихого океана в Атлантический и решил организовать экспедицию[53].

Отто Евстафьевич Коцебу (1788—1846) — один из потомков обрусевших немцев, избравший собственный весьма нелегкий путь служения России. С юных лет он посвятил себя мореплаванию, покорению морских пространств. Коцебу провел в морских походах в общей сложности более 15 лет, не считая времени на подготовку экспедиций и на подведение их итогов. Ему принадлежит слава первооткрывателя 399 островов в мировом океане. Характерно, что всякое новое открытие Коцебу первым делом наделял именами известных российских государственных деятелей. Он участвовал в трех кругосветных морских походах, первым из которых была экспедиция Крузенштерна и Лисянского. Это обстоятельство определило его судьбу. Коцебу не только закалился как личность, он сумел познать премудрости морской профессии, сложности судовождения в экстремальных условиях. Главное, он постиг тонкости того, как управлять экипажем, долгое время пребывающим в неизвестности. В силу этих достоинств следующая кругосветная экспедиция была поручена ему.

В отличие от похода Крузенштерна и Лисянского, новое предприятие целиком и полностью стало детищем Николая Петровича Румянцева. По его замыслам экспедиция «Рюрик» была предназначена для научно-исследовательских целей. Строительство корабля на верфях Финляндии велось под надзором его командира и экипажа. Корабль специально проектировался и был построен так, чтобы корпус не имел глубокой осадки, а днище, обшитое медным листом, могло противостоять возможным столкновениям с мелями и полярными

льдами. Военный флаг придан кораблю лишь для того, чтобы обезопасить судно и экипаж. Палуба была оснащена единственным орудием — для сигнальных целей. Как оказалось впоследствии, пушка в некоторых экстремальных ситуациях выполнила свое прямое назначение. Экипаж включал ученых картографов, этнографов, натуралистов. Экспедиции предписывалось в зимнее время следовать на юг, в «глухие» части мирового океана, где никто из мореплавателей ранее не бывал. Эпопея на бриге «Рюрик» длилась более трех лет: с июня 1815-го по август 1818 года.

В ходе экспедиции «Рюрик» подвергался ударам стихии, обстрелам, команда противостояла пиратским нападениям, попыткам захвата. Немалые угрозы таило морское дно: мели, рифы, коралловые отложения… Команда и ее руководитель не раз оказывались на краю гибели. У мыса Горн в январе 1816 года бриг «Рюрик» встретил мощный шторм. Вал, выкатившись на палубу, смыл Коцебу за борт. К счастью, командир сумел ухватиться за канат и его смогли спасти. На подходе к Камчатке экипажу пришлось выдержать изнурительную борьбу за живучесть корабля. Внезапно нахлынувший холод покрыл судно и его оснастку мощной ледяной коркой. В апреле 1817 года на подступах к Северной Америке «Рюрик» едва не погиб, чудом выдержав два сильнейших шторма. В одном из них Коцебу, сбитый огромной волной, ушибся грудью, потерял сознание. Долгое время после удара командир не мог встать с постели, здоровье его ухудшалось… Обратный курс корабля стал неизбежен. 3 августа 1818 года «Рюрик» вошел в Неву, бросив якорь напротив особняка на Английской набережной, где проживал Румянцев…

Решить главную задачу экспедиции, обнаружить морской проход вдоль северного побережья Ледовитого океана не удалось. Судну, корпус которого хотя и был обшит медным листом, не было дано преодолеть паковые льды…

В летние месяцы Коцебу дважды предпринимал попытку, преодолев Берингов пролив, пройти в восточном и западном направлениях. В первый год плавания близ Северной Америки корабль, как выяснилось, двигался ошибочным курсом. Однако эта часть пути была пройдена не зря. Был открыт обширный залив, названный впоследствии именем Коцебу. Спустя год следующая попытка, пройдя летом Берингов пролив, продвинуться далее на Запад также успеха не имела. Судно не смогло преодолеть ледяные поля и было вынуждено повернуть обратно.

Полученные научные результаты, географические открытия

оказались весьма значительными. Был собран обширный этнографический и палеонтологический материал. Исследования впоследствии были положены в основу издания «Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817, 1818 годах иждивением канцлера, Графа Николая Петровича Румянцева». Этот отчет об экспедиции под руководством Отто Коцебу вышел в свет в 1821—1823 годах трехтомным изданием. За время путешествия членами экспедиции были открыты в Южной Полинезии среди островов Россиян (Туамоту) — обитаемый остров Румянцева (Тикеи), атоллы Спиридова (Такапото), Рюрик (Арутуа) и Крузенштерна (Тикахау); в Микронезии, в цепи Радак Маршалловых островов — обитаемый атолл Кутузова (Утирик) и атолл Суворова (Така). Курсируя у северо-западных берегов Америки, участники экспедиции открыли и описали бухту Шишмарева и остров Сарычева у выхода из Берингова пролива, а также обширный залив Коцебу с бухтой Эшшольца, отделенной от залива полуостровом Хорис. При повторном исследовании Маршалловых островов в январе-марте 1817 года экспедиционеры обнаружили еще ряд обитаемых атоллов Нового Года (Меджит), Румянцева (Вотье), Чичагова (Эрикуб), Аракчеева (Малоэлап) и Де-Траверсе (Аур). Служение самого мореплавателя увековечено в названии «Коцебу» залива и порта у атлантического побережья Северной Америки. Третий кругосветный поход под командованием Коцебу на шлюпе «Предприятие», на этот раз с коммерческими целями, состоялся в 1823— 1826 годах. И это плавание успешно завершилось. И далее при первой возможности граф продолжал снабжать средствами тех предприимчивых людей, кто стремился к освоению этих дальних пространств. В 1818 году им выделены значительные средства начальнику Камчатки капитану Рикорду только с той целью, чтобы он выплачивал их в награду смельчакам из местных жителей, кто совершит переход на север по льдам вглубь Берингова пролива. Подобные задания давались и начальствующим лицам в Русской Америке. Капитан Гагейместер попытался в 1817 году с другого края осуществить подобное предприятие… Не все начинания Румянцева заканчивались в этой части света безрезультатно. Значительными результатами увенчались путешествия отрядов Хромченкова и Этолина за пределы Русской Америки. Успех сопутствовал экспедиции Корсаковского, которая в 1819 году осуществила точную географическую съемку берегов Бристольского залива и его окрестностей. Путешествие Устюгова вглубь Северной Америки сопровождалось новыми открытиями и установлением торговых

связей с местным населением. При содействии Румянцева Российско-американская компания с 1819 по 1825 год регулярно направляла на Аляску свои корабли.

Последовательность, с которой Румянцев вдохновлял и поддерживал мореходов-первопроходцев, свидетельствует о том, что он продолжал верить е результат если не сразу, то в исторической перспективе.

* * *

Освоение непознанного как в материальной, так и в духовной сфере обогащало представления соотечественников о себе и окружающем мире. За 12 последовавших за отставкой лет другую часть своего состояния Румянцев направлял на организацию научных изысканий и систематизацию разрозненных данных, позволяющих составить более полное представление о далеких и сложных явлениях национальной истории… Не последнюю роль в стремлении заняться развитием исторической науки сыграло желание Румянцева преодолеть отставание России в этой отрасли знания. Ему было известно об усилиях ученого мира ведущих европейских держав, направляемых на исследование исторического наследия. Там все больше исходили из того, что прочность государственных устоев, моральный дух народа, патриотизм, чувство национальной гордости и достоинства неотделимы от глубинного знания собственного исторического прошлого. В 1800 году в Англии, затем во Франции, Германии и других государствах на правительственном уровне стали создаваться историко-архивные комиссии, целью которых было объединение ученых для написания капитальных трудов по истории их государственности. Вскоре в Германии появляется труд «Monumenta historica»[54], в Турине — «Monumenta historica patriae»[55]. В России интерес к историческому знанию оставался уделом меценатов-одиночек, таких, например, деятелей екатерининской эпохи, как А.И. Мусин-Пушкин, М.Н. Муравьев, Н.Н. Бантыш-Каменский… Попытка организовать системное историко-научное направление относится лишь к 1809 году, когда особая комиссия Санкт-Петербургского учебного округа предприняла путешествие для сбора археологических материалов в Ладогу, Белозерск, Вологду, Владимир, Ростов, Киев, Чернигов. Однако 1812 год отодвинул дальнейшее продолжение этой работы. Тем не менее вскоре после этого, не без идейного влияния Румянцева на особу императора Александра I, перед Н.М. Карамзиным была поставлена цель и отпущены из госказны

немалые средства для написания «Истории государства Российского». Видный писатель, мыслитель, ученый стремился решить эту задачу, однако работу постоянно сдерживала нехватка документального материала. Это обстоятельство послужило причиной, по которой труд Карамзина после его выхода в свет неоднократно подвергался критике. Кое-кто из ученого мира и ныне относит жанр «Истории» более к художественному произведению, в котором преобладает вымысел. Главным, едва ли не единственным источником для Карамзина оставался Московский архив Министерства иностранных дел. Необходимо было осуществить капитализацию добываемых знаний, на их основе публиковать сборники трудов, статьи. Особое значение придавалось извлечению новых фактов о событиях, связанных с истоками славянства. Дворец на Английской набережной в Санкт-Петербурге, где проживал граф, превратился в независимый научно-просветительский центр, размах деятельности которого был несопоставимо обширнее по сравнению с работой, проводимой Российской академией наук. Благодаря своему влиянию и личному участию удалось сосредоточить вокруг себя лучшие научные силы. В их число входили Н.Н. Бантыш-Каменский, А. Х. Востоков, Ф.И. Круг, И.И. Григорович, митрополит Евгений (Болховитинов), К.Ф. Калайдович, Фр. Аделунг, В.Г. Анастасиевич, П.М. Строев, П.И. Кёппен, И.Н. Лобойко и др. «Ученой дружине» удалось подняться над противоречиями, разделявшими амбициозные круги российских историков. Критериями оставались научно подтвержденные факты исторического прошлого. «Меценат русской науки», «кассир русской словесности», как говорили о Румянцеве тогда, «поднял на ноги историю». Эти отзывы были графу не по душе. Он считал себя частью большого творческого плана, программы, контуры которой вырисовывались по мере погружения исследователей в неосвоенное, непознанное пространство. В этом, как и в других проектах, Румянцев нисколько не походил на наивного престарелого чудака, не знавшего счета деньгам и особенно не беспокоившегося о правильности расходования. Взгляд с высоты нынешнего времени открывает глубоко осознанную программу. Румянцев одним из первых в истории российской науки и культуры взял на себя финансирование той доли в освоении гуманитарных проблем, на которую государство не могло выделить каких-либо значительных средств. «Если только чье-нибудь помышление клонилося на путь народной славы, никого не отчуждал сей благодушный Вельможа от своей поучительной беседы и благороднаго вспомоществования, был ли то Историк или Мореход, Поэт или Антикварий, Географ или

Художник, Грамматик или Законоведец»{188}.

В отличие от других предшествующих этапов жизни эта деятельность Румянцева достаточно широко освещена в науке и публицистике второй половины XIX века. С ним сотрудничали почти все известные исследователи, просветители и обществоведы того времени. Рядом были не только светские ученые, но и ученые-богословы, хотя, оставаясь христианином, он не был привержен богоискательству. Свои денежные средства направлял преимущественно на нужды науки. Тем не менее видные священнослужители, настоятели монастырей и храмов охотно сотрудничали с Румянцевым по извлечению из хранилищ забытых рукописей и книг… Митрополит Евгений (Болховитинов) принадлежал к числу немногих церковных иерархов, чьи познания простирались далеко за пределы священных писаний. Возглавляя епархии в Пскове, а затем в Киеве, священник в свое свободное время изучал древние первоисточники, издания, памятники славянской истории. Широта его знаний поражала многих современников. Это и предопределило глубокую духовную близость, которая связала его с графом. Сотрудничество двух единомышленников в процессе познания исторического прошлого составляло неотъемлемую часть их духовного бытия. «Давно питаю мысль важную, которая приготовила бы для будущего полного сочинения российской истории все нужные элементы»{189}, — пишет Румянцев митрополиту в Псков, предлагая свой метод систематизации географических, исторических, статистических данных и сведений, упоминаемых в древних летописях и других первоисточниках.

«Чувствую, — писал он Малиновскому, — что страсть к древностям меня совершенно охватила и в преклонных летах моих все прочие страсти заменяет; к счастью, волнения ее не очень опасны»{190}.

* * *

Когда позволяли обстоятельства, Румянцев стремился раздобыть любые документы по истории славянства и Древней Руси, осевшие не только в отечественных, но и в иностранных архивах и книгохранилищах. Никто не брался оценить масштабы, наметить перспективы работы, которая в прежние времена выполнялась бессистемно, стараниями одиночек. Что из летописей и свидетельств о давних событиях реально сохранилось и каково их состояние, таких сведений не имелось.

Письменные памятники, как выяснялось, когда-то существовали: их видели, держали в руках. Но либо след их был утерян, либо из-за небрежности и неправильного хранения они находились на грани исчезновения. Румянцев обладал должной решимостью и настолько верил в целесообразность намеченного, что всякие сомнения у колеблющихся отпадали сами собой.

У истоков создания исследовательского центра по изучению славянской культуры стала «ученая дружина». Никто из «дружины» не был стеснен в средствах. Для каждого вырисовывались перспективы творческого роста. П.М. Строев и К.Ф. Калайдович по заданию Румянцева совершили в 1817— 1820 годах длительные поездки по московской и калужской губерниям. Изучение условий хранения древних рукописных и первопечатных памятников открывало тягостную картину. Причиной всему — невежество. К бедствиям войны 1812 года, когда горела Москва, были разорены малые города, имения, монастыри, добавлялось беспечное отношение к летописному наследию. За ненадобностью, ветхостью, неспособностью дорожить предметами старины избавлялись от бесценных собраний. В письме Румянцеву митрополит Евгений (Болховитинов) описывает характерный эпизод о посещении новгородского Юрьева монастыря:

«Когда начальство обители узнало о его намерении посетить монастырь, то распорядилась весь ненужный хлам бросить в Волхов. Встретив воз с иноком, Евгений заинтересовался, что он мог везти, и к своему удивлению увидел порванные книжки и книжные листы… Среди кожаных книг и тетрадей оказались драгоценные остатки рукописей XI века»[{191}].

Случались, однако, и удачи на уровне исторических открытий. В ходе осмотра ризницы и библиотеки Воскресенского (Ново-Иерусалимского) монастыря была обнаружена рукопись от 1073 года, содержащая извлечения из духовных книг, «писаная дьяконом Иоанном по повелению Великого князя Святослава Ярославича». Ныне «Изборник Святослава 1073 года» является вторым по древности датированным памятником славяно-русской письменности[{192}].

Находки часто оказывались в разрозненном состоянии. Это настраивало Румянцева и его «ученую дружину» на дополнительные изыскания к восполнению утрат. Обработка подобных материалов, реставрация рукописных фрагментов, сверка текстов, подготовка к печати — все это требовало немалых усилий. Длительная и кропотливая работа была проведена над древнейшим памятником «Софийским временником». Этот старинный сборник помимо «Несторовой летописи» содержал сведения о событиях в Новгороде и в княжествах средней Руси;

описание Вселенского собора во Флоренции с включением двух папских булл Евгения VI и Пия II; текст грамоты великого князя Василия III византийскому императору Константину XII Палеологу; повествование о походе великого князя Иоанна III на Новгород; описание путешествия Афанасия Никитина в Индию в 1480 году и другие документы. В том, что касается «Несторовой летописи», Румянцев выделил Академии наук 25 тысяч рублей на публикацию всех известных тогда ее рукописных списков.

«Многим из современников графа Николая Петровича Румянцева казалось странным, что государственный канцлер, столь близкий государю сановник, столь богатый вельможа, дорожил клочками едва удобно разбираемых бумаг, собирал обрывки пергаментов разных харатейных листков, на которых мало кто обращал внимание и на которых значились слова мало кому понятные. Но именно эти самые листки и клочки увековечили имя Румянцева, и кто из его современников, сановных бояр мог подумать, что из клочков древних рукописей он составит величественное здание, которое просветит отечественную историю и составит несокрушимый памятник его имени»{193}.

Между тем подвижническая роль Румянцева, получая все более широкую общественную огласку, множила число сочувствующих, сторонников, энтузиастов. Сведения о памятниках древности, выписки из летописей, сочинений, копии синодиков, грамот, каталогов, реестров стали поступать из разных концов России. Кое-что ценное удавалось приобретать на Новгородской ярмарке.

С некоторых пор настойчивые усилия Румянцева с его «дружиной» внесли оживление в жизнь краеведов, историков, любителей старины. Коллекционирование древних грамот, старопечатных книг, икон вызвало в образованном обществе движение, основанное на интересе к первоистокам славянской культуры. Для стиля жизни родовитых русских, богатых аристократов становится модным находить в старине сведения о предках, овеществить свою связь, преемственность с далеким прошлым. Возрос интерес к старообрядчеству, которое не без оснований претендовало на права исконных хранителей основ древнерусской письменности. Старообрядцы, имеющие «законный» доступ к самым удаленным уголкам их расселения, к забытым тайным хранилищам, становятся источниками удовлетворения исканий пытливых ученых и одержимых коллекционеров. Эта погоня за раритетами, древними святынями вызвала к жизни подпольное производство подделок, весьма искусно изготовляемых в монастырских мастерских и

типографиях. В этом своеобразном бизнесе, в конечном счете, обнаруживалось гораздо больше хорошего, нежели плохого. Тиражирование древних рукописей, их коллекционирование «ценителями» неизбежно вело к повышению уровня образованности, облагораживало общекультурную ситуацию в обществе{194}.

Румянцев рассматривал многократно подтвержденные факты как основу для объективной, подлинно научной истории своего народа и государства. Любопытна в этом отношении переписка Румянцева с киевским археологом М. Берлинским, автором «Исторического обозрения Малороссии и города Киева», датированная началом 1815 года. В ответ на сообщения киевского исследователя об обнаруженных древностях Румянцев просит продолжить изыскания, обратив особое внимание на «истолкование тех мест, урочищ и духовных зданий, о которых упоминают древние летописи… Не теряйте из виду, что самые первобытные времена историй наших суть те, которые я хотел бы видеть объясненными и дополненными; отыскивайте надгробные надписи внутри и вокруг развалин уничтоженных самых древних церквей и монастырей… Не пренебрегайте также древнейших дуптиков и синодиков; в них могут находиться имена великих князей, супруг, детей и сродников, о которых статься может дошедшие до нас летописцы и вовсе умолчали»{195}.

Изыскания, инициированные им, состояли в том, чтобы «во всех концах Европы собирать все известия иностранцев, писавших о России, и все акты, относящиеся до нашего Отечества». Из Парижской публичной библиотеки известный эллинист Газе докладывал о найденной им древней рукописи Льва Дьякона о великом князе Святославе Игоревиче; другой исследователь — Гаммер, писал из Вены о том, что в его распоряжении оказалась восточная поэма, датированная 943 годом, где значились такие слова: «…греки и русские могли бы себе представить, что они возьмут непобедимую крепость в Сирии»{196}. Из Сербии Вук Стефанович Караджич сообщал сведения, почерпнутые из местных источников о событиях и именах, известных в русских литературных памятниках. Самуил Бандке, профессор библиографии Краковского университета, шлет Румянцеву «Историю Польского Королевства», где содержалось немало ценных сведений о славянстве. В Императорской библиотеке Вены были обнаружены 114 рукописей, относящихся к истории России, Польши и Литвы XV века. О найденных исторических материалах славянского происхождения корреспонденты извещали Румянцева из Кенигсберга, Лондона, Флоренции, Берлина, Рима… Среди книжных редкостей в собрании Румянцева

особое место принадлежало первому изданию «Слова о полку Игореве», вышедшему в свет весьма малым тиражом в 1800 году под названием «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагородасеверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с преложением на употребляемое ныне наречие».

Оригинал рукописи «Слова» хранился в собрании графа А.И. Мусина-Пушкина. Будучи обер-прокурором Синода, он правдами и неправдами, используя высокое служебное положение, собрал обширную коллекцию древних рукописей, старопечатных книг, включая «харатейные», то есть писаные на пергаменте. Сохранить это собрание не удалось. Пожар Москвы 1812 года уничтожил библиотеку Мусина-Пушкина. В огне погибла рукопись «Слова» и большинство экземпляров ее первого издания, хранившиеся у графа для передачи ценителям древней литературы.

Румянцев принял на себя заботу о дальнейшей судьбе литературного памятника, о подлинности которого ходило множество кривотолков. Поводом к разговорам послужило то обстоятельство, что Мусин-Пушкин скрывал, где именно был обнаружен оригинал, и препятствовал доступу к нему исследователей. По некоторым сведениям, Румянцев предпринял поездку в Ярославль, где, по слухам, Мусин-Пушкин в конце XVIII века приобрел том древних документов, в котором среди прочих оказался и список поэмы. Румянцев пытался докопаться до истоков, чтобы точнее узнать, где было древлехранилище и как оно содержалось, что еще там могло быть ценного. Он собрал сведения о личности и судьбе первого хранителя древнерусского литературного памятника, архимандрита Ярославской епархии, игумена Спасо-Преображенского монастыря Иоиля (Быковского) … На основе собранных документов под попечительством Румянцева в 1819 году вышло в свет издание «Слова»…

Он оплачивает многомесячные командировки по России и за рубеж своих помощников с целью изысканий в монастырских хранилищах и библиотеках. Финансирует десятки трудоемких и дорогостоящих проектов по переводу и изданию отечественных и иностранных источников, летописей, ранее не опубликованных хроник, сказаний, дневников. Диапазон изысканий «ученой дружины» простирался от переводов церковнославянских памятников и реликвий до систематизации и напечатания «Древних русских стихотворений». Впервые в истории народное творчество было выделено в отдельное историко-литературоведческое направление. Уделялось внимание всему: былинному, богатырскому песнетворчеству, вплоть до непристойных текстов. Позднее переданные из уст в уста

произведения стали заносить в рукописные сборники. Они продавались на рынках. Румянцев принял живое участие в систематизации и переиздании таких опусов, известных под именами собирателей Чулкова, Кирши Данилова… Сборник стал вызовом процветавшей псевдоклассической литературе, где преобладало отношение ко всему народному как к низкому, «подлому». Оглавление начиналось песней «Соловей Будимирович» и заканчивалось «непристойным» текстом «Свиньи хрю, поросята хрю». Такая работа способствовала пополнению этнографического знания и филологических представлений об истории стихосложения у славян.

* * *

Необходимость в своде отечественных документов, относимых к истории межгосударственных отношений России, Румянцев, в бытность посланником в германских землях, обосновал в записке Екатерине II. Однако инициатива была оставлена без внимания. Лишь в 1811 году Румянцеву удалось убедить императора в том, насколько необходима и важна систематизация дипломатических источников. Не только для истории российской государственности, но и для повседневной практики межгосударственной деятельности. Под его попечительством была образована специальная комиссия, где руководящая роль принадлежала директору Московского архива иностранных дел — Д.Ф. Малиновскому, талантливому исследователю, архивисту, собирателю отечественных древностей и документов. Предстояло разобрать, хронологически выстроить, подготовить к изданию документы архива Коллегии иностранных дел, изыскать недостающее в других местах. Первые четыре тома охватывали периоды отечественной внешней политики, относимые к XIII— XVII векам, начиная с 1265 по 1696 год[56]. Объемные фолианты последовательно вышли в свет в 1813, 1819, 1822, 1828 годах. По поводу выхода в свет третьего тома собрания императрица во вдовстве Мария Федоровна обратилась к Румянцеву: «Граф Николай Петрович!

Я с искреннею признательностию приняла доставленную мне при письме вашем третью часть Государственных Грамот и Договоров, сего Памятника Любви вашей к Отечеству и усердия ко всякому общеполезному предприятию. Согласно с желанием вашим приемлю я сие приношение как знак вашей ко мне приверженности, толико мне драгоценной, и Книга, сама по себе заслуживающая почетное место в моей библиотеке, приобретает

чрез то сугубое для меня достоинство. С особливым удовольствием возобновляю я при сем случае уверение об отличном уважении, с каковым Я пребываю всегда вам благосклонною.

В Петербурге. Января 30-го дня 1822.

Мария».

* * *

Издание результатов исторических, этнографических изысканий, отчетов экспедиций, описаний рукописных источников для их авторов было сопряжено с большими трудностями и значительными материальными затратами. Румянцев, один из немногих, кто истинно ценил просветительское значение этих работ для различных областей гуманитарного знания. Публикация большинства из них воспринималась научной общественностью как событие. В общей сложности Румянцев способствовал изданию 67 таких трудов[57].

Близкое к канцлеру сообщество поэтов, литераторов, ученых, библиофилов старалось в свойственном им стиле воздать должное благодеяниям Румянцева. В его честь писались хвалебные, патетические оды, посвящения трудов. Имя канцлера присваивали различным открытиям, появился даже новый минерал «румянцевит». Граф относился к этому достаточно равнодушно, а когда в издаваемых под его попечением трудах хотели печатать его полные титулы — решительно возражал. Несмотря на это, ученый мир России и Европы избрал его почетным академиком и профессором многих университетов.

* * *

Собрание Румянцева к концу его жизни насчитывало 28 500 томов книг на разных языках и по разным разделам наук. Гордость его коллекции составили редкие экземпляры древних рукописных памятников, летописей и актов, вещественные раритеты славянской старины, монеты, этнографические редкости, географические карты, чертежи, описи церковных архивов, отчеты экспедиций, минералогический кабинет.

Издательские возможности, как и литературная деятельность в России, в ту пору заметно уступали западноевропейской. При этом Румянцев собирал всё, что выходило на русском языке, приобретал уцелевшее из изданного в прежние эпохи. Книги

Петровского времени уже тогда были большой редкостью. В библиотеке графа нашли место все важнейшие публикации по отечественной истории и словесности. Иллюстрированные издания, исторические описания, хроники путешествий, литературные новинки того времени, например, первое издание поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»…

В румянцевской коллекции древних рукописных памятников в основном преобладали греческие, славянские, латинские, немецкие тексты. Из древнерусских источников к особенно ценным относили писанное на пергаменте «Добрилово Евангилие» 1164 года, названное так по имени писца Константина Добрилы; сборник сочинений Максима Грека; два договора Новгорода с Ганзой XIV века; древнейшие списки «Государева родослова», составленного при Иване Грозном… Среди иностранных рукописей — Библия 1347 года с записью об эпидемии чумы, трактат итальянского гуманиста Леонардо Бруни (XV век) о первой Пунической войне; рукописные книги сочинений античного философа Гая Саллюстия Криспа… Румянцеву удалось собрать библиотеку из 732 текстов. Впоследствии они составили основу рукописного отдела Румянцевской, ныне Российской Государственной библиотеки в Москве.

Инкунабулы — бесценные книжные раритеты. В них воплощена основа книжной культуры человечества. Так называли издания, вышедшие в свет в самые первые тридцать лет книгопечатания (до 31 декабря 1500 года). По уникальной цветовой раскраске страниц, изяществу в написании текстов, по формированию обложки — первопечатные книги воспринимаются как произведения искусства. К тому времени, когда первое издание попало в коллекцию Румянцева, в известных европейских собраниях имелись лишь единичные экземпляры. За годы собирательской деятельности ему удалось приобрести 103 инкунабулы, из которых 15 наиболее редки и особенно ценимы. Дело в том, что напечатаны они были до 1475 года, а некоторые из них особенно уникальны, их не было в виднейших библиотеках мира. Это первопечатные издания Библии, среди них ценнейшая «Кельнская Библия», ставшая эталоном для последующего повторения. Историческое произведение Вернера Ролевинка «Связка времени» (Кельн, 1476); «Всемирная хроника» Гартмана Шеделя (Нюрнберг, 1493), а также книги по философии, юриспруденции, географии, медицине, гигиене. Живописными по раскраске и качеству исполнения иллюстраций выделялись «О знаменитых женщинах» Дж. Боккаччо, «География Птолемея», «Всемирная хроника». Что любопытно, — среди них одно из

первых изданий о сифилисе — трактат Видмана «О французской болезни»[{197}].

* * *

Все это достояние хранилось в огромном дворце на Английской набережной. В 1831 году во дворце, где проживал канцлер и хранил свое собрание, состоялось открытие общественной библиотеки и музея. Румянцевский музей просуществовал там ряд лет, а в 1861 году его перевели в Москву и разместили в доме Пашкова. Главный мотив состоял в том, что Москва на тот момент была скудна на музеи и не имела Публичной библиотеки. В советское время началось дробление румянцевского собрания на отдельные части. Многие произведения искусства, реликвии распределялись по другим музеям.

Книжное, старопечатное, рукописное наследие Румянцева составило ныне основу одной из крупнейших в мире библиотек. Многие российские библиофилы, владельцы частных собраний, следуя примеру канцлера, на протяжении XIX—XX веков передавали, завещали, пополняли фонды Румянцевской публичной, в советское время Ленинской, ныне Российской государственной библиотеки.

* * *

Н.П. Румянцев ушел из жизни 3(15) января 1826 года в Петербурге в своем особняке на Английской набережной и по его завещанию был похоронен под сводами собора Святых Петра и Павла в Гомеле…

* * *

В отличие от других Румянцев не создал семьи, не оставил потомства. Между тем интерес к нему проявляли весьма эффектные и видные современницы. Безуспешно. Проникнуть в его в душу, как и самому довериться кому-либо, — этого Румянцев ни себе, ни другим не позволил. На нем и брате Сергее прямая наследственная ветвь прервалась. Сберегать то подлинное, что обычно передается от старших младшим, от поколения поколению, было некому. А без воспоминаний

потомков человеческие черты, свойства личности, ее внутренний мир представить невозможно.

Ближе всех Румянцеву была его тетка Анна Никитична Нарышкина. Большую часть жизни она провела при дворе великой княгини Екатерины Алексеевны, впоследствии императрицы Екатерины II, оставаясь ее ближайшей подругой до самой кончины. Ее заслуга, помимо прочего, состояла в том, что она стойко оберегала репутацию племянника от нападок мужа и сына, прослывших придворными балагурами и шутами. Большую часть жизни, до смерти, Нарышкина провела в доме близкого ее сердцу племянника.

Брат Сергей стремился жить собственной жизнью, но был по сравнению с Николаем менее целеустремленным и последовательным человеком. В молодые годы он втайне завидовал успешности брата, пытался идти по его стопам, соперничать.

Некоторое время был послом в Берлине. Сергей Петрович Румянцев сумел заявить о себе проектом раскрепощения крестьян, получившим известность в Указе Александра I «О вольных хлебопашцах». Однако мало кто, как и он сам, последовал за объявленной инициативой. На этом его государственная и общественная деятельность заглохла. Жил в свое удовольствие. Прослыл завзятым игроком. Досуг предпочитал проводить за карточным столом. Отец, фельдмаршал, разделил наследство на двоих братьев поровну. Поэтому Сергей Петрович располагал возможностями утолять свою страсть. Когда пришла зрелость, он сумел признать превосходство брата и историческую роль, выпавшую на его долю. Об этом свидетельствуют оставленные дневниковые записи. Приведем одно из любопытных суждений из его дневника:

«Буонапарте был умен, смел — и гораздо порядочнее нашего царя, и своих советников, и своих трусливых маршалов, и предавших его родичей, коих он облагодетельствовал. Вот судьба великих людей в нашу отнюдь не великую эпоху. Он — солдат, а не хитрый политик, и он отдавал должное мужеству наших воинов, глаза в глаза встречавших смерть и под Прейсиш-Эйлау, и под Фридландом, и на Бородинском поле, и под Дрезденом. Мерзавцы, толкавшие Александра к войне, мерзавцы во Франции, предавшие своего императора, имели возможность убедиться, как народ любил Наполеона… Увы, звезда его закатилась — но не по его воле. Счастье, Бог отвернулись от великого полководца, и вот уже не близкая Эльба, а дальняя Святая Елена — его удел. Он в руках ненавистных англичан… О, лучше б пуля сразила его на Ватерлоо, тогда он умер бы как истый солдат! Но каков же наш-то

государь! Боже, ему приписывают все заслуги доблестных наших генералов, наших гусар!.. Он — победитель и кичится сам, но тень отца убиенного следует за его белым конем!.. Европа рукоплещет Герою, но Герой — не царь, о нет! Народ наш, страдалец, — вот истинный Победитель, вот Герой!.. И мой понапрасну оболганный брат, ушедший в отставку, не желавший долее терпеть унижений, подлости и двурушничества, — вот Герой! Что ж, пусть Аракчеевы и Нессельроды властвуют в сердце нашего государя — токмо таких фаворитов он и заслуживает… Час пробьет, и они отрекутся от него, предадут и оплюют… Сие уж не раз было».

Свое почтительное отношение к памяти брата Сергей Петрович выразил сполна, в точности выполнив его завещание. Главное, о чем просил Николай Петрович Румянцев, — создать в особняке музей.

* * *

Жизнь Румянцева, как принято считать, удалась. Но далась она ему нелегко. Если судить о тех ипостасях, куда определяла судьба, его вполне по меркам прошлого и нынешнего времени можно было бы отнести к фаворитам, олигархам, «ближним боярinам», «лицам, особо приближенным». Он чиновник, дипломат, финансист, сенатор, политик, администратор, помещик, строитель, меценат, коллекционер, ученый. Казалось бы, почему и зачем, обладая безукоризненной родословной, высоким положением в обществе, наконец, огромным личным богатством, обрекать себя на тяжкие труды, подвергать себя риску, погружаясь в неизведанное? Преодолевая иерархические, карьерные ступени, удостоившись всех мыслимых по тем временам чинов, званий, наград, Румянцев сумел сберечь в себе главное — собственное достоинство. Природного ума и свойств его натуры хватило для того, чтобы превыше всего дорожить именно этим. И это стало для него главным вознаграждением за его жизненное служение.

Судьбу, сущность его бытия отнюдь не назовешь безоблачно счастливыми. И дело не в несостоявшейся семейной жизни. При всех внешних проявлениях внимания к себе, почета и уважения Румянцева сопровождали зависть, злословие, клевета. Со стороны казалось, что внуку Петра I, сыну фельдмаршала счастье само шло в руки. «Баловню судьбы» досталось, однако, немало тревог, обид и разочарований. Ближайший, душевный друг юности Павел I изгнал Румянцева из Петербурга в трехлетнюю ссылку «куда

подальше». Коллега по камер-юнкерству и дипломатической службе С.Р. Воронцов из Лондона изощрялся в клевете и измышлениях, стремясь избавить себя от ответственности за упущенную возможность пленить Наполеона при Березине. Адмирал Чичагов пытался вздорными предположениями переложить вину на Румянцева… Тот же Чичагов в свое время поднимал на смех организацию экспедиций российских мореходов вокруг света, сея неверие в их способности, предрекая неизбежный провал. Престарелый барон Сивере, предшественник на посту управления водными коммуникациями, когда убедился, насколько программный подход Румянцева к преобразованиям на транспортных коммуникациях превосходит всё, что было недоступно его воображению, набросился на него с публичными придирками и обвинениями, смехотворными при их непредвзятом рассмотрении. В таможенно-налоговой политике министра коммерции Румянцева обвиняли в измене национальным интересам, тогда как его экономическая программа преследовала именно их защиту. Не говоря уже о международных делах, где Румянцев наталкивался на злобные инсинуации. Он, министр иностранных дел, втайне был предан своим императором. Александр I затеял за спиной министра закулисную игру, отказался от взятых на себя прежних союзнических обязательств, ввергнул Россию в пучину третьей разрушительной войны с Наполеоном…

Мнения современников, каким на самом деле был Румянцев на посту министра иностранных дел, диаметрально расходятся. «Злейшие враги» и «снисходительные судьи» считали его роль очень влиятельной, другие ничтожной. Некоторые сходятся на том, что Румянцев «не мог играть вескую роль под державною рукою своего тяготеющего к внешней политике монарха». В этом они ближе других к истине. «Император Российский есть монарх самодержавный, неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»{198} — гласит Свод законов Российской империи. Монарх в России мог править как заблагорассудится, игнорируя любые, даже самые здравые и полезные советы. Ему дозволялось не держать ни перед кем ответа, не выказывать причин своих решений, не мотивировать линии собственного поведения. Павел I в этом смысле особенно злоупотреблял этим своим преимущественным правом по отношению к государству и подданным. Сын его, Александр I, был человеком более гибким, но по существу оставался таким же, как его отец, действовал по своему усмотрению, «как бог на душу положит». Обстоятельства, в которых оказывался Румянцев, были неодолимы. В своих

отношениях к министру император вел себя неискренне, непредсказуемо. Действовал Александр I путано, лавировал, чем не раз ставил и себя, и собственное царствование на край пропасти. Понять его, воздействовать на него не могла даже мать, императрица во вдовстве Мария Федоровна.

Спустя некоторое время, после отказа сотрудничать, Александр скажет Румянцеву: «Я не хотел дать Вам преемника и сам поступил на Ваше место». И в этом император был неискренен. Он уже давно исподволь и напрямую проводил собственную внешнюю политику. К тому времени Александром завладела идея объединения монархий Европы перед угрозой возникновения новых революций. На осуществление этого замысла от российского императора потребовалось немало усилий. Возложив государственные заботы на Аракчеева, все свои дипломатические старания Александр сосредоточил на международных делах. На гребне успеха, уверовав в свои исключительные дипломатические способности, «повелитель Европы» Александр I решил посвятить себя созданию системы взаимных обязательств государств, исключающей возможность повторения где-либо ситуации, подобной той, что имела место во Франции в конце XVIII века. Он приложил немалые усилия к образованию «Священного союза европейских государств» — гаранта незыблемости европейского монархического порядка. Главное его назначение — «вести непримиримую борьбу с проявлениями революционного духа». Начало Союзу было положено на Венском конгрессе (1815), затем этому были посвящены международные конгрессы в Аахене (1818), в Троппау (1820), Лейбахе (1821), Вероне (1822), где решались вопросы совместных усилий по подавлению революционных движений в Испании (1820-1823), в Неаполе (1820—1821), Пьемонте (1821).

Поэтому с точки зрения реальных результатов служение Румянцева на посту министра иностранных дел не принесло успеха российской внешней политике. Не удалось предотвратить военный конфликт, а именно в этом состоит одна из основных функций Министерства иностранных дел. Тем не менее рассматривать причины постигших Румянцева неудач вне исторических обстоятельств означало бы идти по легкому, но заведомо ложному пути. Миссия Румянцева потерпела крах под воздействием политических факторов, принявших по отношению к России глобальный характер. Российская империя оказалась ввергнута в третью русско-французскую войну не только под воздействием безрассудных действий такого сильного политика, каким был Наполеон Бонапарт. Россия оставалась тем единственным из оставшихся у европейского монархического

сообщества ресурсом, с помощью которого имелась возможность восстановить прежний миропорядок. На осуществление этого были нацелены явные и тайные планы подавляющего большинства европейских сил реванша. Мог ли Румянцев противостоять этому напору?

* * *

Волею исторических обстоятельств личная судьба Румянцева-политика и дипломата по причинам, от него независящим, не увенчалась мировой славой. История пошла по другому руслу. Повлиять на ее течение российскому министру было не суждено. В восприятии национально-государственных задач он разошелся с российским самодержцем, оказался в одиночестве. Однако его жизнь и служение — неотъемлемая составляющая бесценного опыта, быть может, еще более значительного, чем посмертная слава других его современников. Румянцев — один из немногих представителей русской знати, кто лучше и глубже понимал интересы России, нежели те, кому принадлежала реальная власть. Насколько это позволяли обстоятельства, Румянцев делал все возможное, чтобы продвигать политику в целесообразное для Отечества русло. Не разделяя взглядов и установок власти, он не следовал примеру некоторых. Не стал диссидентом. Не ушел в оппозицию. Не замкнулся в себе, приняв обет молчания. Проявляя гибкость, Румянцев старался действовать, в меру сил влиять на события. Благоприятствовали ему в его служении родовитое имя, заслуги предков, близость к престолу, наконец, личная привязанность к нему одного из членов правящего семейства.

Современникам так и не дано было до конца понять и оценить смысл государственного служения Румянцева. В подавляющей части российского общества он долгое время слыл пораженцем, человеком «преданным и проданным» Наполеону. Так это или не так, знали лишь единицы, прежде всего Александр I. До конца дней император исправно навещал канцлера в отставке, проводил у него в гостях в особняке на Английской набережной много времени. Однако подлинную правду о событиях 1808—1812 годов и роли министра иностранных дел Румянцева император не посчитал нужным открыть обществу.

Пути постижения собственных истоков были запутанными, толкование открывающихся фактов и событий российской действительности — противоречивым. Всякое прикосновение к прошлому с объективных позиций в некоторых кругах национальной элиты воспринималось болезненно, едва ли не в

штыки, предпочитая опираться на порой весьма далекие от исторической правды сказания, легенды, мифы. «В 1734 году Правительствующий Сенат не разрешил новорожденной Академии Наук издание наших древних летописей, подозрительно смотря на населявших ее немцев»{199}. В последующие десятилетия академия постепенно стала допускать к печати исторические документы, в собственной редакции и «заменяя подлинные слова другими». Делалось это исходя из патриотических соображений, руководствуясь «неподдельным пылом возбужденного, да еще поощряемого панегиризма»{200}. Подобный подход соответствующим образом ориентировал других собирателей, исследователей, формируя отношение к историческим фактам, далекое от «добросовестной точности и строгой беспристрастности». Вопрос трактовки добываемых сведений, оценки их подлинности и правдивости — одна из болезненных тем, относимых к процессу познания российской истории. Ученых порой разделяли не столько научные взгляды, сколько предрассудки. Всякое прикосновение «инородцев» к предмету вызывало в определенных кругах реакцию отторжения, их взгляды и суждения отвергались с порога. Подвох виделся во всем. «Иностранцы, не зная русского языка и его литературы, а иногда и не понимая духа времени, не могли ни ценить наших исторических памятников, ни знать, где их искать и открывать»{201}. Представления подобного рода, состоявшие в том, чтобы «ослабить влияние фаланги немецких ученых», отображали беспокойство российского общества засильем иностранцев.

Лишь к началу XIX века по настоянию Румянцева «высочайше было дозволено» Карамзину приступить к написанию «Истории государства Российского». Канцлер, пока был жив, оставался духовной опорой летописцу. Да только ли ему одному?

* * *

Между тем политическое прошлое не отпускало Румянцева, весьма болезненно напоминало о себе. Уже после того, как судьба Наполеона Бонапарта была окончательно решена, находящемуся в отставке канцлеру было передано письмо, датированное 25 марта 1815 года. Оно было написано в первые из Ста дней, когда Наполеон, покинув Эльбу, предпринял безуспешную попытку вернуться к власти. В нем говорилось: «Ваше сиятельство, по Воле Всевышнего я мечтаю изменить судьбу мира. Я хочу вернуть Франции былую славу. Я более не верю ни единому европейскому

монарху, я был слишком великодушен. Ныне они все объединились против меня и моей родины, посягая на судьбу и священные права Франции. У меня более нет выбора: либо победа, либо смерть. За столь короткое время после “битвы народов” под Лейпцигом и моего отречения от престола французский народ понял, кого они потеряли. Они возненавидели Бурбонов и лживую монархию, им снова нужен я, император! Я не хочу войны, хочу спокойно дожить в Париже до старости, однако коалиция во главе с Вашим русским царем вновь вынуждает меня взяться за оружие. Я знаю, что Вы, Ваше сиятельство, ныне в отставке, однако Ваш ум, Ваша дипломатия могли бы убедить Александра в том, что в той войне проиграли равно и Франция, и Россия, и Ваш царь стал заложником у Австрии, Пруссии, наипаче — у Англии, которая осталась в выигрыше, не пролив ни капли своей “голубой” крови. Мне весьма прискорбно, что Александр не понимает, какой ценою далась ему так называемая победа и что в результате он получил. Всё могло бы быть совершенно иначе, ежели бы в переговорах со мною участвовали Вы, сиятельнейший граф, и ежели бы Ваш государь принял бы все мои предложения. В Европе нынче правят бал отнюдь не Россия и не униженная Франция. Я надеюсь взять реванш, хотя меня, равно как и Вас, предали ближайшие мои соратники. Я прошу у Вас прощения за причиненные Вашему сиятельству неприятности и душевную боль, втянув Вас в столь сложные отношения с государем Александром. Остаюсь нижайше преданным Вам, Вашему таланту умного и тонкого дипломата. А также Вашим широчайшим познаниям в различных областях Просвещения.

Наполеон»[{202}].

Документ этот поступил к Румянцеву спустя три года после его написания. Всё, что произошло до сих пор, теперь принадлежало истории. Письмо лишь проливало дополнительный свет на цели, которые ставил перед собой Наполеон, и на надежды, которые связывал с именем канцлера. Главное, что следовало из письма, — признание Наполеоном собственной вины перед человеком, ставшим политической жертвой в борьбе, исход которой оказался плачевным для Наполеона и ничтожным для Александра.

Наполеон и далее, уже после крушения, старался выразить Румянцеву признательность. Выполняя волю титулованного узника с острова Святой Елены, графу направили в подарок собрание из десяти фолиантов по искусству из личной библиотеки Наполеона.

Александр I тоже, в свою очередь, предпринимал попытки

загладить перед Румянцевым вину за понесенные им унижения, за собственное пренебрежение своим преданным «ближним боярином», отвергнутым им в критический для Отечества период. В письме другу и помощнику Малиновскому Румянцев как-то написал: «Имея в Вас, милостивый государь мой, истинного друга, за долг ставлю уведомить Вас, Император в особенном милостивом ко мне благоволении, и, видя, что старость и дряхлость моя претит мне от дома отлучаться, сам позволил меня в дому моем посетить, и премилостиво со мной обошелся…» (20 ноября 1819 года).

Взгляд Наполеона на реальности, сложившиеся в Европе после войны 1812 года, в которой «проиграла как Франция, так и Россия», — запоздалое признание. Однако ценность его в том, что Наполеон тем самым подтверждает правоту политического курса, который Румянцев пытался проводить на рубеже десятилетия XIX века в интересах двух стран.

Путь общественного служения в той же степени, как и государственная деятельность Румянцева, оказался тернист. Его собирательская, историко-научная деятельность встречала противодействие в кругах, предпочитавших держать народ в невежестве и неведении о его подлинном историческом прошлом. Сколь ни был щедр граф, его благодеяния не могли охватить всех, кто бы этого хотел или в этом нуждался. Себялюбивые интересы людей, оказавшихся вне румянцевской научной среды, становились причиной злонамеренных выпадов и неприязни. Духовная атмосфера в обществе после 1812 года, сопровождаемая разноголосицей мнений, взрывами ура-патриотизма, вытесняла саму возможность реалистических взглядов на прошлое и настоящее. Значительной части российской элиты, воспитанной на былинном фольклоре и мифах, отнюдь не импонировало стремление ученых «румянцевского кружка» прояснить подлинную историю славянства, установить правду об истоках российской государственности. Такие деятели российского просвещения, как Разумовский, Магницкий, свои установки сводили к тому, чтобы сузить, ограничить преподавание истории. Руководящим началом при этом служила мысль, что Отечеству «нужны только храбрые и честные служаки, а невежество и суеверие народных масс — крепчайший щит российской государственности»[{203}]. «Беспощадные хулы и насмешки некоторых образованных современников стали стихать лишь после его смерти»[{204}]. Спустя десятилетия российское общество стало узнавать подлинную правду о служении Румянцева на общественном поприще. Начиная с 1830-х годов появляются более или менее систематизированные обзоры, объективно

отображающие роль Румянцева прежде всего как организатора и мецената исторической науки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как это бывало в российской истории, люди подобного калибра не успели, не смогли или не захотели оставить мемуаров, исповедальных писем, впечатлений о прошлой жизни и ее уроках. Только свидетельства других, документы и факты, а не он сам, позволяют судить о том, насколько Румянцев обладал той силой духа, которая дает нам, современникам, моральное право преклонить колена перед его памятью. Такая судьба и служение — духовный эталон для поколений россиян. Гроздья правды о Румянцеве, разрозненные, вдавленные в грязь, выброшенные на обочину истории, так или иначе прорастают, дают всходы, потому что основу его жизни составляла неистощимая любовь к своему Отечеству.

Николай Петрович Румянцев из той породы россиян, каких нельзя предать забвению. Он — наше духовное наследие, украшение национальной истории, достойнейший пример для поколений. Куда бы ни определяла его судьба, Румянцев думал над тем, как обустроить Россию. Делал для этого всё, что мог: завозил редкие породы тонкорунных овец-мериносов, чтобы сукно, в которое одевали воинов, было теплым и удобным; выписывал из Голландии неведомые в России породы продуктивных коров, получал оттуда луковичные семена; из Португалии — сорта овощей; из Гамбурга — разные виды клеверов; из других мест — саженцы грецкого ореха, пробкового дуба, кедра. Императорскому Вольно-экономическому обществу выделял немалые средства на приобретение новых сельскохозяйственных культур для поощрения тех, кто преуспевал в делах земледелия. В Гомеле основал образцовые заводы — стеклянный, гончарный, прядильный, по выделке тканей, винокуренный, давая тем самым другим пример умелого хозяйствования на скупой и скудной российской ниве. Он заботился об устройстве общедоступных библиотек, просветительская роль которых была особенно актуальна в отдаленных районах. Первая такая библиотека была основана им в Великих Луках в 1813 году.

Румянцев, человек тонкий и незаурядный, остается личностью, до конца непознанной, его жизненный путь овеян тайнами и легендами, да и сам он был причастен к некоторым закулисным событиям эпохи. Составить полное представление о его образе трудно. Сохранились лишь портреты: живописный Дж. Доу и скульптурный В.И. Демут-Малиновского. Произведения талантливых мастеров, созданные в традициях своего времени,

однако не дают целостного представления о Николае Петровиче Румянцеве. Свидетельства современников говорят о нем как о человеке, обладающем «сердечной зоркостью», как об «истинном вельможе, несущем в себе остатки старого, лучшего мира» (Н.М. Карамзин). В общении Румянцева отличали спокойствие, сдержанность, благородная откровенность. «Одаренный голосом благозвучным, он говорил плавно, не ища слов, с каким-то спокойствием, с благородной откровенностью; противоречил хладнокровно, с возможной вежливостью, даже и тому, кто в выражениях иногда был колок». Однако его душа и сердце оказывались беззащитными перед тревогами и болью Отечества. Известно, например, как тяжело Румянцев пережил поражение русских войск при Фридланде. Исход переговоров Наполеона I и Александра I в Тильзите не смог повлиять на возвращение его к нормальной жизни. Румянцев был сломлен и не мог оправиться. Возглавить торжественное посольство по итогам Тильзитского мира в Париже императору пришлось доверить другому. Вторжение Наполеона в июне 1812 года в пределы России повергло Румянцева в шок. Он пережил тяжелейший стресс, катастрофически отразившийся на его здоровье.

В повседневной жизни он был человеком скромным, но гордым. Не сносил необоснованных обид, подозрений. Дорожил собственным именем, а более всего — честью и достоинствами предков. Когда политические реальности обесценили его прежние устремления, а отношение к нему стало напоминать почетную отставку, в одном из своих многократных обращений к Александру I Румянцев пишет: «Отец мой, умираючи, довел до сведения императрицы Екатерины, что по многих он печалях в гроб несет сию утешительную мысль, что я по нем буду имя его носить без унижения ему и себе в честь. Я готов исполнить сие святое завещание и для того удаляюсь от службы, как от поприща, среди которого обстоятельства не допускают меня дух отца и волю его исполнить»{205}.

Жестокосердное время разметало многое из того, что сумел создать, основать, обустроить и собрать Румянцев. Однако нетленным остается его духовное наследие. Из разбросанных по архивам документов, служебных записок, докладов, протоколов заседаний, свидетельств современников, личных писем проступает образ Румянцева-человека. Сухие строчки позволяют приоткрыть мир его личности — взгляды, интересы, черты характера. Систематизируя сведения о Румянцеве, о его времени, можно увидеть, что появляются многочисленные доводы, говорящие о нем как о провидце, о человеке, намного опередившем свое время. И дело не только в том, что Румянцев

был прав, когда за сто лет до события убежденно доказывал существование Северного прохода, верил в возможность прокладки морских путей в Арктике, вдоль побережья Европы и Азии, видел перспективу в том, чтобы путем устроения коммуникаций с севера на юг, с юга на север России включить обширные территории в единый хозяйственный комплекс. История оказалась на стороне Румянцева и во многом другом, не менее значительном. Его кредо патриота и политика, поколебленное событиями 1812 года, в конечном счете восторжествовало. Общественное мнение России с опозданием, но распознало подлинные причины франко-российского конфликта. Избавление России от целей и обязательств, противоречащих национальным интересам государства, составляло основу его внешнеполитических взглядов. Привязанность к судьбе и нуждам России была едва ли не самым главным, что наполняло его жизнь. Причем он не сочувственно созерцал, а постоянно — на государственной службе и вне ее — думал о том, как новые знания, опыт, собственную энергию, талант и, наконец, доступные ему материальные ресурсы поставить на нужды отсталой российской государственности.

Наследие Румянцева оказало существенное влияние на духовную жизнь России в XIX веке. Как никогда прежде получили распространение идеи благотворительности, вспомоществования культуре, был дан толчок исследованиям материальных и литературных памятников прошлого. Мысль о том, как поставить на службу обществу завещанное Петербургу грандиозное собрание ценностей на протяжении десятилетий будоражила умы просвещенных людей.

Румянцев был далек от того, чтобы увековечить свои деяния. После него не осталось ни политических завещаний, ни мемуаров, ни дневников, ни крылатых фраз, ни глубокомысленных изречений. Он не переоценивал себя, не кичился положением и заслугами, а к восхвалениям и порицаниям относился с иронией и укором. Его жизнь и до, и после смерти, как писал об этом современник и последователь Румянцева барон Корф, проистекала «в путаном лабиринте преувеличенных похвал и еще более преувеличенных порицаний». Так уж повелось. Отношение к личностям подобного масштаба в сообществе людей нередко принимает крайние формы.

Служить Отечеству для Румянцева было честью. Девизы, «В службе — честь», «Не только оружием», как и эпитафия на могильном камне: «Отечеству — любовию и жертвами», вмещают ключевые жизненные установки выдающегося гражданина.

Он верил в Россию, в ее будущность. Иначе не стал бы с

таким упорством укреплять и защищать устои государственности, искать корни исторического прошлого, везде, где только можно, продвигать новации, обучать и самому учиться. Мало кто из представителей российской владетельной знати смог собрать и оставить государству наследие из производственных предприятий и сооружений, архитектурных памятников, собрания историко-научных и культурных ценностей. Редко кому из российских государственных деятелей удалось осуществить столько проектов и таких, какие и поныне служат России, ее экономике, науке, культуре. Мариинская система — основа современного Вол го-Балтийского водного пути; города-порты Новороссийск, Таганрог, Феодосия; Российская государственная библиотека в Москве, Государственный музей истории Санкт-Петербурга…

По поводу завершения строительства здания Биржи на стрелке Васильевского острова 18 декабря 1811 года император Александр I написал Румянцеву: «Приведением к окончанию сего памятника, размером своим сообразного обширной торговле в нашей Империи, и свидетельствующего об успехах зодчества в России, Вы в полной мере оправдали наше препоручение. В подвиге сем, подъятом Вами при этом, многих трудах по другим частям Государственного управления Мы видим новое доказательство примерного усердия Вашего к пользе Отечества…»{206}

Никто ни до, ни после Румянцева не преодолевал в соответствии с Табелью о рангах все ступени одну за другой, от низшей к высшей — к должностям придворной, дипломатической, государственной службы. Никто не удостаивался всей полноты наград и званий, действовавших в Российской империи. В вестибюле дома Румянцева в Петербурге, затем в Румянцевском зале Московского публичного музея долгое время выставлялась мраморная статуя работы выдающегося итальянского скульптора Антонио Кановы. Крылатая женская фигура в античных одеяниях, богиня мира попирает змея, символизирующего войну. Произведение символизировало миротворческие заслуги трех поколений Румянцевых: деда, отца, сына, их роль в заключении важных для России международных договоров: Абоского — в 1743-м; Кайнарджийского — в 1774-м; Фридрихсгамского — в 1809-м. И у этого памятника из собрания Румянцева, получившего название «Статуя Мира», оказалась весьма трудная судьба. Выдающееся творение Кановы, перемещаясь из одного фондохранения в другое, в конечном счете оказалось в Киеве, в фондах Музея западного и восточного искусства.

Современники и их потомки отнеслись небрежно, не

проявили упорства в том, чтобы осмыслить жизненный и политический опыт Николая Петровича Румянцева[58]. Будущность, предвидеть которую его современникам и потомкам было не дано, представала такой, какой она складывалась под воздействием текущих событий. Кое-что в российской истории произошло само собой или не произошло вовсе. Утрачено, брошено, оставлено другим многое из того, что по праву должно принадлежать России. Имперские военно-политические установки, какими и далее продолжала руководствоваться правящая верхушка, вступали в противоречие с подлинно национальными интересами, не раз ставили под угрозу само существование российской государственности.

Жизненный путь Румянцева, его кредо политика и патриота дают полное и четкое представление о том, насколько судьба России, ее будущность зависели и зависят от тех, кому представлена возможность формировать и вершить государственные решения. В том времени — бесценный опыт, неосуществленные замыслы, неоцененные деяния. Румянцев, его служение и судьба подтверждают ту истину, что в России, особенно в критические этапы ее развития, находились государственные люди, превосходящие своими достоинствами государей. Познание прошлого, освобождение его от наносного и ложного возрождают подлинное знание о самих себе, выстраивают представление о том, чего следует избегать и каким должно быть наше будущее. По мере того как удается составить ясное представление о личностях, подобных Румянцеву, становится понятным, в силу каких причин российская государственность, преодолевая провалы и просчеты правителей, двигалась по восходящей. Он далеко не единственный из тех государственных деятелей, кому по праву должно принадлежать место на почетном пьедестале.

Николай Петрович Румянцев, опыт его жизни и служения — пример для россиян и для России, которая и теперь нуждается в людях подобной формации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Записка графа Н.П. Румянцева «О разуме тарифа»{207}

Всеподданнейшая записка министра коммерции, графа Н.П. Румянцева «О разуме тарифа» Императору Александру I

При первом приступе к начертанию тарифа, естественно представляется вопрос — в каковом разуме составлять его?

Сей разум, если восходить к истинному и принятому предназначению тарифа, может представляться в двояком виде.

Первое: в виде богатой и готовой ветви государственного дохода, до которой нельзя дотронуться, когда правительство, по военным обстоятельствам или другим понудительным требованиям, исчерпав источники своего богатства, поневоле ищет всех средств для временных своих оборотов и, заботясь только выкупить себя из нужды, не бережет счетов торговли. Сия крайность вещей свойственна престарелым и нисходящим государствам.

Второе: в виде прямого для государства расчета, когда привозные вещи, будучи необходимы и ничем не заменяемы, обкладываются бережно, или, становясь с своими в соперничестве, стесняются налогом. Сие свойственно государствам, на степень совершенства шествующим, где и земля обработана и мануфактуры в соразмерном упражнении.

Кроме двух сих заключений о государствах можно еще вообразить другие: но они чужды от настоящего вопроса, когда дело в том, чтобы назначить истинную точку России в отношении к ее тарифу; ибо Россию в нашу эпоху свойственнее принимать в последнем из двух видов, в котором тариф не есть вынужденная разверстка собираемой пошлины, но есть обдуманная статистическая выкладка, расположенная по данным количествам продуктов и рукоделий, более или менее нужных для себя и для иностранца.

Отсюда проистекают два заключения: одно, что без подробного сведения о своих продуктах и мануфактурах не может быть доброго тарифа; другое, что тариф не должен быть постоянен. Обе истины очевидны.

Я точно уверен, что в новом составе министерства ныне приступлено к собранию сведений о продуктах и о мануфактурах; и к достижению той же цели — управлении вверенной мне части, равномерно заготовил я виды торговли за два года, разложив в них все товары на классы, хотя еще и не с такою желаемою

точностию, чтобы в разграничении некоторых товаров не требовалось перечистки. Но независимо от того, если бы теперь надлежало, при сочинении тарифа, ограничиться одними теми видами, достаточен ли двухлетний круг торговли для основательных умозаключений? По сему рассуждению и могу ли поставить себе в вину, что до сих пор не спешил я сочинением тарифа, не торопясь, так сказать, к опасности сооружать здание без запасов?

В оправдание другого заключения, что тариф не должен быть постоянен, можно привести ту истину, что выработка изделий определяется требованиями их. В прошлых годах, напр., капиталы были устремлены на такие мануфактуры, коих изделия ныне или совсем не сходят с рук, или мало. Следственно капиталы ныне переместились на другие занятия; другие явились изделия; и потому не лучше ли, если тариф, следуя по стопам нужд житейских, будет передвигать свою руку то на тот, то на другой товар, дабы переменою пошлины облегчить ныне то, что прежде нужно было обременять, и обременить то, что прежде нужно было облегчить?

Вероятно по сему в Англии не престают по временам издавать разные прибавления и пополнения о взимании пошлин с привозных товаров и ныне только еще собираются составить там общий тариф.

Из всего заключаю, что не статьи тарифа, но одне основания или начала его могут быть неизменны.

Прежде, нежели положу сии основания, я должен коснуться того общего прельщающего мнения, которое учит давать полную свободу по торговле, в урон своих заведений и мануфактур. Но сия полная свобода, точно так же, как и полное равенство во владении земель, и неограниченная гражданская вольность, которые в свежем пагубном покушении доказаны уже мечтою, могут быть плодом умов, конечно благонамеренных, но не примечающих того, возможно ли это сделать в ту пору, когда государство приняло известный политический сгиб, когда установившиеся заведения двинуты по данному направлению, когда ни одно постороннее государство не учреждает своей торговли на таких правилах, когда торговля государств связана между ними определенными трактатами, коих узами и мы отягчились, даже с неосторожностию? Впрочем, если бы и возможен был такой переворот, то конечно тогда, как государство даст себе бытие новое, быв расположено ко всякому образованию. Но мы не в том положении.

Я знаю, что догмат совершенной свободы торговой имеет ту важность, что первый провозвестил его Адам Смит, которого

учение по справедливости приемлется руководством в созерцании государственных сил и которого английское правительство часто вопрошало, когда дело шло о налогах. Однако ж сие самое я беру в свою опору; ибо оно, не применяя тарифа о его системе, советовалось с ним о налогах только новых. Да иначе и не могло быть. Крутые по торговле переломы, даже полезные, влекут за собою невыгоды. Сдвинув торговлю со своей оси, вы потрясли бы тем купечество; оно бы опрокинулось с жалобами на новизны, отняло бы у министра доверенность; но министр без доверенности сего сословия может ли действовать?

Правда, что есть благоустроенные государства, которые при пространнейшем торге имеют малый таможенный сбор. Но причина сего явления лежит в другом источнике. Там жители разделяются на две половины, законодателю возможность положить как бы границы между селением и городом и обложить консоммацию последнего платежом подати, под именем акциза известной, дабы доход, государством собираемый, размещался на одних богатых, которых масса в тех землях равняется числу поселян. Следственно, таможенный сбор, тамо иногда являясь в превращении сбора акцизного, действующего тою же рукою, скрывает только подлинное свое имя. Но такое учреждение, вопрошаю, совместно ли было бы с нашим государством, где число городских жителей содержится к числу поселян как 7 ко 167; когда между тем Артюр Юнг замечает, что в странах, цветущего состояния достигших, не менее как половина жителей сидит по городам. Какая ж несоразмерная разность между сими странами и нашим государством, к которому, не отступая от материи, можно бы также приложить заключение того же писателя, что промышленность гораздо деятельнейшая должна бы очистить деревни от излишних нахлебников, больше там съедающих, нежели нарабатывающих, и что самый недостаток труда должен бы их вытеснить из селений в города.

Еще помещу один вопрос. Заслуживают ли охрану наши фабрики, для которых казна, с своей стороны, издавна делала пожертвования, присвоив им земли, угодья, а в заводах, поработя даже и крестьян? Но если разрешить привоз и выпуск всего, без всякого стеснения: очевидно, что подвергнутся вместе с тем существующие мануфактуры упадку и разрушению. Следовательно, с полною по торговле свободою внесется пламя, пожирающее собственные наши заведения, на которые правительство само вызывало прежде частных людей.

Таким образом, прошед предуготовительные понятия о тарифе, и приближаюсь наконец к новому вопросу: раскладывая пошлину, до какого вообще процента возвышать ее? Питт, во

время прежнего своего министерства, вычислял, что в Англии капитал, в торговлю помещенный, приносит в таможенный доход 15 процентов. У нас, по вычислению прошлого года, привозные товары, которых было по цене на 55 557 675 рублей, дали дохода 15 ½ процента; а отпускные, которых было на 67 148 643 рубля, дали 6 ¾ процента. В общем разрезе выходит, что капитал торговый приносит казне 10 7/9 процента. Что сие среднее пропорциональное число не может почесться верным масштабом, доказательство сему то, что он сложен из неравных размерений; ибо у нас много таких товаров, которые обложены свыше 50, 100 и свыше 130 процентов. Но может ли торг чистый и без подлога уделять такие прибытки государству, в котором и не дано купечеству столько выгод, сколько в странах торговлею знаменитых, в котором и сами торгующие не могут довольствоваться столь малыми процентами, как там?

Положив сие, я признаю сообразнейшею с нашим государством торговою системою ту, чтобы сколько возможно умерить налог на товары, и, не включая прочих сборов, назначаю высшую степень тарифного налога не более 20 процентов, считая то достаточным для перевеса и иностранного соперничества потому, что если налагаемые на привоз 20 процентов, совокупно с другими провозными или страховыми издержками, не преодолеют чужих изделий, ясно, что собственная того же рода мануфактура устроена на безрасчетной выкладке, и следственно спасать ее правительству не для чего. Для перевеса же тайного провоза потому, что евреи, известно, берутся на сухопутной границе провозить товары за 20 процентов, как за установившуюся цену, которая, конечно, по сметам сего ремесла не может быть меньше. А как купец в добавок к тому должен делать другие расходы, как то для дальнейшего и околичного доставления товаров, и следственно тем более дочерпывать свой интерес еще сверх 20 процентов, то, обложив товары не свыше сей оценки, должно тем довести купца, что он не станет отваживать своих товаров на опасность, когда может с меньшею издержкою и под защитою закона провозить его позволенным путем.

После сего, разделяя по принятой мною методе торг на привозной, отпускной и транзитный, приступаю к основе самых правил.

В рассуждении привоза:

1) Возбранить привоз всего соблазнительного, что противно господствующей вере, государственным правилам и благонравию.

2) Оберегать подданных от непристойных и гибельных издержек, в которые одновременно вовлекает вольность торговли и пример худой роскоши.

3) Давать небогатому классу народа удобность к продовольствию, в том понятии, что когда он не имеет возможности умножать своих наслаждений, жестоко было бы надбавлять цену на то, что составляет его потребности.

4) Беречь свои мануфактуры, заведения, промыслы, все народные предприятия, и паче всего уважать самыми средствами, ведущими нацию к обогащению, к здоровью и к усовершенствованию моральному, в чем замыкается благосостояние.

5) Благоприятствовать привозу товаров в первоначальном виде, соразмеряясь с их надобностию для нас.

6) Обозреть трактаты с народами; и для переду различить одни, которые постановлены по приличию только временных обстоятельств, от других, которые основаны на сущих взаимных пользах торговли, и вообще впредь того удаляться. На какой конец и прилагается выписка из трактатов.

Относя все сказанные правила к тем только товарам, которые идут в великом количестве и могут приметно действовать на виды государственного хозяйства, должно положить некоторую общую и малую пропорцию в обложении пошлиною тех статей, которые не составляют значительного рода, дожидаясь той эпохи, когда оне перейдут в числительнейшую статью.

На основании сего, приступая к самым подробностям, полагаю:

I. a) Товары, к жизненным припасам принадлежащие, которые не родятся в России или родятся меньше УЗ против своей консоммации, должны платить 5 процентов на основании 3-го правила, напр.

Кофе.

Пшено сорочинское.

Сахарный песок и проч.

Пряные коренья.

Исключаются из сего на основании 4-го правила, вины виноградные, в пользу национального виноделия, в южных губерниях поощряемого, и должны платить 10 процентов.

b) Товары, к жизненным припасам принадлежащие, которые родятся или делаются в России на половину или более, должны платить 10 процентов на основании 4-го правила, напр.

Рыба.

Масло коровье.

Мясо.

Мед и проч.

II. c) Что ж касается до благородных металлов, я испрашиваю дозволения внести по сей материи особую бумагу после

утверждения правил, мною представляемых. На сей же раз ограничиваюсь приметить только то, что вся тайна торговли, по моему мнению, состоит в перемещении и преображении вещей. А как золото и серебро способнее всего к достижению сей цели, то сии благородные металлы, которые в других отношениях справедливо представляются в виде товара, должны в от ношении к тарифу представляться в виде орудия, служащего к ускорению торгового хода; следственно внешнему течению сих металлов, имеющему связь с внутренним кругообращением оных, тариф должен предоставить полную свободу; следовательно привоз и отвоз их, подобно приливу и отливу, должен быть правительством разрешен без всяких ограничений, кото рые, если где делаются, то всегда по обманчивым предосторожностям и всуе принимаются.

III. d) Товары, в первоначальном виде к изделиям служащие, которые не родятся в России или родятся в неприметном количестве, должны платить 5 процентов на основании 5-го правила, напр.

Шерсть испанская и шленская.

Сандал.

Краски.

Москотильные товары и проч.

e) Товары, в первоначальном виде к изделиям служащие, которые родятся в России на ½ или 1/3, против своей консоммации, должны платить 10 процентов, во уважение народных предприятий, на основании 4-го правила, напр.

Табак.

Мраморные камни и проч.

Мягкая рухлядь[59].

IV. f) Товары в иностранном изделии, в виде средств служащие для усовершенствования, без пошлин, на основании 4-го правила, напр.

Инструменты. Машины.

Аптекарские припасы.

Книги, кроме тех, которые в силу 1-го правила, должны возбраняться к привозу.

h) Товары в иностранном изделии, роскоши богатых служащие, хотя бы оные не делались в России, должны платить 20 процентов, на основании 2-го правила, во уважение того, что налог на богатого не прямо падает на народ, если бы оный окончательно и касался народа, напр.

Посуда фарфоровая с золотом и живописью, и без золота.

Моды.

Галантерейные вещи и проч.

i) Товары в иностранном изделии, которые делаются в России на и или 1/3 против своей консоммации, должны платить 20 процентов, на основании 4-го правила, в перевес иностранного соперничества, напр.

Материи шелковые.

Материи бумажные.

Материи шерстяные и проч.

k) На основании 2-го правила следует запретить некоторые товары, и для того пересмотреть настоящую роспись статей заповедных, не нужно ли, может быть, будет иные дозволенные вновь запретить, а с иных снять запрещение.

В рассуждении отпуска:

Имея в виду последние два правила, то есть 6-е и 7-е, перед привозными товарами положенные, прибавляю еще два.

1) Расчислить налог по мере того, необходимы ли для иностранца наши товары, и в случае отягчения пошлиной не может ли он обойтись без нас, заимствуясь из другой земли, или заменяясь другим чем своим, ибо если наш товар ему необходим, платеж пошлины окончательно падает не на купца, а на иностранного консомматора; следовательно все то, без чего иностранец может обойтись, не отягчать, дабы тем более раздвинуть пространство торжища.

2) Товары в грубом виде, могущие служить дома к упражнению искусства, обременить, в сравнении с изделиями, приготовленными в том же роде.

В сходственность чего и полагаю назначить пошлину вообще не свыше 10 процентов, снисходя от сей черты к возможному уменьшению:

I. a) Товары, к жизненным припасам принадлежащие, которые не необходимы для иностранца, обложить слегка, на основании 1-го правила, напр.

Рыба.

Мясо.

Масло коровье и проч.

b) Товары сего рода, нужные для иностранца, обложить более, как-то: икра и проч.

c) В рассуждении хлеба, который может для иностранца больше или меньше быть необходим, пошлину по временам надбавлять или убавлять; и сие правило разуметь подвижным, а отпуск открыть постоянно.

II. d) Товары, в первоначальном виде к рукоделиям служащие, потому самому, что дома не обработаны, обложить на основании 2-го правила тяжелее, напр.

Мягкая рухлядь. Клей рыбий, а особливо сало говяжье.

e) Пошлину товаров лесных пересмотреть; а поташ, как нужный иностранцу и как стоющий истребления лесов, отягчить.

III. f) Товары в российском изделии, разделяя также на нужные и просто потребные для иностранца, положить пошлину более или менее по той двойной соразмерности: напр., полот но парусное, фламское, ревентук, юфт и проч. могут вынесть нарочитую пошлину.

g) Наконец правило о запрещении, по уважению своих нужд, имеет равно и при отпускных товарах место, как и в привозных.

В рассуждении транзита встречаются два правила:

1) Сокращать пошлину тем более, чем товар транзитный через большое протяжение государства проходит; ибо цена провоза и увеличивает дороговизну оного, и вместе составляет обогащение селений и народа.

2) Из числа транзитных товаров, казалось бы, лучше не исключать никаких, и следственно бы в сем отношении не надлежало быть заповедным товарам; ибо они, назначаясь для других народов, не могли бы становиться в предосуждение домашних рукоделий и промыслов. Но в таком обширном государстве, как Россия, где товар мимоидущий может погружаться почти в неизвестность от надзора, естественно, предстоят опасности подлога, со введением сего правила.

Посему транзитную пошлину, когда взаимные для транзита точки разделяются между собою нарочитыми по государству расстояниями, назначаю не свыше 1 процента; когда же, так сказать, примыкаются к одному углу России и связуются очевидными пользами соседних народов, возвышаю пошлину от 3 до 5 процентов.

Здесь гадательно, не исчисляя порознь пошлин, потому что такое положение решительно определять можно только при самом открытии транзита, я ограничиваюсь предложить мимоходом те виды, какие естественно представляются впредь по сей части. Кроме существующего транзита между Одессою и Радзивилловом, предусматриваю возможность к таковому же торгу:

1) между Черным и Каспийским морем, через что свяжется Левант с Персиею, Индиею и Бухариею, а сий край при взаимной цепи с Балтийским морем;

2) получая таким образом товары через Каспийское море и проводя их на Оренбург или и далее на Ишимскую линию, и отсюда взаимно, можно тем связать богатство Бухары, Ташкента, Тибета и Китая через пределы Российские. От сего перелива та выгода, что товары, проходя через внутренность государства, рассеют на своем пути следы небывалых прибытков.

Таковым преобразованием я принуждаюсь здесь отступить за несколько лет и показать шествие таможенных доходов. В первый раз в 1790 году появилось 7 000 000 рублей, и в течение десяти последующих лет возвысился доход одним миллионом. В 1801 году, при вступлении моем в настоящее звание, я застал 9 911 000 руб., а в 1803 году было в сборе 13 121 000. Начертав же теперь главные правила тарифу, не иначе как в прямых пользах торговли, я не смею в первые годы не только обещать нового преумножения доходов таможенных, но и ручаться за то количество, до какого они были доведены при мне. С другой стороны, признавая тариф, в таком духе написанный, свойственною пружиною к одушевлению народной промышленности, не могу не припомнить Свифтова правила, часто повторяемого, что в арифметике таможенной не только 2х2 иногда не делают 4, но всего чаще 4х4 дают 2.

Прежде, нежели окончу, не могу пропустить также без замечания тех излишних затруднений, каким подвержены бывают товары при очищении положенных сборов, дробных и разноименных; ибо, кроме тарифных пошлин, введены по временам и надобностям разные налоги, то в пользу городов, то в пользу карантинов, также для составления капитала коммерц-коллегии, коносаментные и прочие другие. Отныне я полагаю, для облегчения купечества и для удобнейшей выкладки пошлин, чтобы при новом тарифе все сборы вместе с тарифными в одно слить, чтобы таможни сами у себя, разделяя приход на части, какие куда следуют в силу указов, рассылали по обыкновению общею массою в казначейство и доносили о том начальству.

Если сии предствляемые мною правила удостоятся утверждения Вашего Императорского Величества, я осмеливаюсь испрашивать Высочайшего соизволения, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству для исполнения тех правил повелевать назначить комитет, составя оный из министра внутренних дел, как имеющего сведения о мануфактурах и продуктах, из министра финансов, как ведающего весь состав государственных доходов, и сверх меня, министра коммерции, не благоизволите ли Сами назначить еще кого в пособие к нам. Сего комитета долг будет приложить к правилам в подробности все наименования товаров, и с налагаемыми пошлинами соединить прочие сборы; а что ж касается до переложения расчисляемых процентов в определительнеишии вид монеты, как принято в тарифах, то сия последняя работа будет кончена у меня под непосредственным моим наблюдением.

[1804 год]

Приложение II

Предисловие графа Н.П. Румянцева к обозрению «Государственная торговля 1803 года в разных ее видах»[60]

Ныне Начальник коммерческой части, шествуя вторично путем, рукою самаго Монарха проложенным, предлагает к сведению всех ЕГО подданных сложности торговли за 1803 год.

Из них видно, что в прошлом году привоз иностранных товаров составил 55 мил. отпуск 67 мил., что пошлиннаго дохода против 1802 года 1118 000 руб. более, и что перевес в нашу пользу 11 мил., а в 1802 году тот же перевес составлял 6 мил. с тысячами.

Черноморская торговля изображает благотворное действие Монаршаго попечения. На Черном море привозы и отпуски в 1803 году удвоились почти во всех отношениях против 1802 года; отпуски привлекли туда драгоценных металлов почти на полмиллиона рублей более.

Вообще во всей Империи товаров в иностранном изделии до 2 мил. привезено меньше.

Когда бы можно было положиться на обращение торговли в течение одного года, с выгодою заключить бы следовало, что поелику в 1803 году иностранных изделий привезено меньше двумя миллионами, следовательно тут национальная надобность удовлетворена собственным искусством; но гадание сие должно быть доказано целым рядом будущих годов один другому подобных, а вероятность заметить можно: на Оренбургской и Тобольской границах товаров для рукоделий привезено почти на 500 тыс. рублей более, а отпущено на 350 тыс. менее против 1802 года. Не можно ли сие почесть за признак, что работныя руки размножают дело, а жители употребляют свое изделие?

Уничтожение сбора пошлин иностранною золотою и серебряною монетою оправдалось опытом. Золота и серебра привезено в Государство в прошлом году более против 1802 года, и по возвысившемуся курсу металлы сии пришлись дешевле. Если взять средний курс, какой в 1802 году состоялся, то выходит, что в 1803 году золота и серебра в монете и слитках привезено слишком на миллион рублей более.

Краткое начертание сие доказывает, что Российская торговля, несмотря на военное положение двух Держав, преимуществующих в торге, обращалась выгодно.

Все сии заключения, как я сказал выше, выведены из

разнообразных видов торговли, при сем предлагаемых. Я награжден буду в полной мере, когда согласятся со мною, что полезно собирать и печатать таковыя виды.

Есть ли средства управлять сею частью опытами одного лица, и есть ли возможность постановить твердыя правила к общему благу ведушия, не собрав и не сообразив прошедшия события, которым один человек свидетелем быть не может. Вопрошать события вообще прочнее, нежели вопрошать людей, как бы они опытны ни были.

Когда по воле ныне царствующаго Государя начал собирать таковыя сведения и доводить до каждаго, не почувствует ли каждый в благодарности, что Монарх трудится и радеет о том, чтобы богатели подданный?

Министр коммерции граф Румянцев

Приложение III

Письмо графа Н.П. Румянцева генерал-лейтенанту Ф.П. Деволану{208}

Генеральному инспектору и члену совета Корпуса инженеров путей сообщения, генерал-лейтенанту Его Превосходительству Ф.П. Деволану

Милостивый государь мой Франц Павлович!

Получив от Министра внутренних дел для сведения копию с указа, которым Ваше Превосходительство назначены для осмотра нового местоположения городу Черкасску, я испросил у Его Императорского Величества дозволение поручить Вам, Милостивый Государь мой, обозреть Таганрогский порт, который, как известно, по связи с Южными Губерниями и с Каспийским морем представляет неоспоримые выгоды для Черноморской торговли. Предмет вашего обозрения определяю тем, чтобы улучшить Порт, приближа оной к самому Таганрогу, и отнять настоящие неудобства, стесняющия в теперешнем положении стремление торга; ожидая от Вашего Превосходительства прямых познаний в сем деле и дружеских советов тем с большей уверенностию, что таковым препоручением вы предпочтительно занимались и при покойной Государыне Императрице. На сей конец для ваших соображений нужным считаю приложить относящиеся до той же материи бумаги Таганрогского военного Губернатора Дашкова и Члена Департамента Водяных Коммуникаций Толстова; не в том конечно намерения, чтобы их мнениям подчинить ваши заключения, но чтобы не скрыть от вас бывших до сих предложений.

Когда вы будете на Дону для исполнения данного вам от Государя Императора препоручения, я представляю ближайшую возможность вам обозреть и реку Донец. Слободский Украинский Губернатор представлял о расчищении Донца для судоходства, а феодосийский военный губернатор сие судоходство считает единым средством к тому, чтобы отвратить в Феодосии дороговизну отапливания. Предложив сии бумаги по Высочайшему Повелению на рассмотрение Департамента Водяных Коммуникаций, я желал бы ускорить решение оных, поручая их Вашему Превосходительству, как Члену, заслужившему отличное уважение от самого Департамента.

В таковом же точно намерении обращаю к Вашему Превосходительству проект отставного капитана Носицкого о

соединении Кумы с Каспийским морем, по Высочайшему Повелению мною предложенной также к рассмотрению Департамента Водяных Коммуникаций. Сие занятие, перенося вас к Каспийскому морю, само собою уже приближает Вас, Милостивый Государь мой, к гораздо важнейшему и давнему проекту; я хочу сказать о соединении Каспийского с Черным морем, посредством сообщения Волги с Доном. Приведите, Милостивый Государь мой, недокончанныя в рассуждении сего сведения в ту положительную ясность, чтобы после ваших трудов осталось только приступить к самому делу.

Озаботив Вас толикими предметами, я должен бы пенять на свою нескромность, что не всё еще кончил с Вашим Превосходительством, если бы не связывала меня к дальнейшим препоручениям собственная ваша неутомимость по службе и если бы ваши разговоры не поставили меня на самую мысль. Вы располагались ехать не иначе, как начать обозрение с Днепра. Следуя на пути вашем, встретите производящуюся расчистку днепровских порогов, которая, как доходят до меня неприятные слухи, идет медленно и не с желаемым успехом. Если при местном вашем осмотре действительно найдется справедливым то или другое, прошу вас, Милостивый Государь мой, с откровенностью отписать ко мне, дабы мог я восстановить порядок работ, начав переменою самого тамошняго начальника.

В прочем с истинным почтением честь имею быть всегда
Вашего Превосходительства Покорнейший Слуга.
Подлинною подписано
Граф Николай Румянцев
№ 2569 Сентябрь 21 дня 1804 года.

Приложение IV

Письмо Людовика, графа Прованского[61] графу Н.П. Румянцеву

К графу Николаю Петровичу Румянцеву Митава 1/13 февраля 1805 года

Я очень рад, любезный граф, что нашел случай поговорить о дружбе моей к вам, прибегнуть к вашей и выразить вам доверие и уважение, которые услаждают для меня воспоминания о Намюре[62]. Без предисловий приступаю к делу. Среди многих огорчений, испытываемых мною, есть одно, которое тем тяжелее других, что терпением его не одолеешь. Близ меня находятся двое верных слуг, сказал бы я другому, а вам скажу, любезный граф, два друга, которых положение беспокоит и крайне тревожит меня. Один из них Даваре; при имени этом сердце ваше всё уразумеет, но не к одному сердцу обращаюсь я. В нем вы видите друга моей молодости, человека, освободившего меня от заточения, помогавшего мне переносить испытания, бывшего весьма сносным в ту пору, когда я не был наследником престола. Подумайте обо всем, что произошло с того времени, вспомните, как он держал себя посреди политических бурь; находясь постоянно со мною, когда я уже был королем, он при всяком случае высказывал мне правду, какова бы она ни была, давал разумный и честный совет, ободрял меня или даже сам плакал обо мне. Судите, как он должен быть дорог моему сердцу. Другой, архиепископ Реймский, почтенный старец, единственный из друзей моего отца оставшийся в живых… Он служит образцом французскому духовенству, ограждает от позора знатное имя, запятнанное одним из недостойных потомков его рода.

Приятно мне искренно беседовать с моим любезным и уважаемым Николаем Петровичем. Беседа эта перенесет нас в дни молодости. Да будет ему известен главный повод поездки моей в Швецию и сближения с братом моим. С его согласия я решился обнародовать отзыв, составленный мною на пути; в нем я высказываю чувства и правила, которыми я постоянно руководствовался, взывая на суд и обличая тирана. Не медля намеревался я обратиться с этим заявлением к моему народу; но увы, любезный граф, я опасаюсь снова быть всеми покинутым. Без опоры в этом предприятии, не имея денежных средств для обнародования их во Франции, при бдительности тирана, какой же успех может иметь мое заявление и какая участь ожидает его?

Как бы то ни было, архиепископ Реймский и граф Даваре, не страшась ответственности, имели честь подписать вслед за мною этот акт, который неизбежно дошел до сведения Петербургского и Лондонского кабинетов и всех моих приверженцев, побывал в руках у множества лиц и потому, буде даже не удастся его обнародовать (чего не без основания следует ожидать), все же о существовании его и подписях дойдет весть до Корсиканца. Тут ясно для всякого, что друзья мои подвергнутся неистовству человека, который жаждет мести, не разбирая средств для удовлетворения ее.

Однако, скажут мне, разве вы сомневаетесь в их безопасности во владениях Императора? Но дело идет не о настоящей минуте. Даваре постоянно хворает, со времени опасной болезни, от которой он чуть не умер в 1801 году, и, несмотря на необходимость проводить зиму в теплом климате, до сих пор не решается ехать и не решится, пока будет продолжаться настоящее положение дел. Архиепископу почти 70 лет; по слабости сложения ему следовало бы жить в теплой стране, но он не отваживается уехать отсюда. Мне следует предвидеть другие обстоятельства. Есть одно, о котором другому я бы не заикнулся, но для вас я думаю вслух. Настоящий кризис не есть последний. Он может разрешиться миром наподобие предшествующих (ибо есть ли что надежнее вблизи вулкана), хотя вследствие этого мира Европа и будет наслаждаться обманчивым спокойствием в течение нескольких лет. Тогда можно было бы предположить, что Узурпатор, достигнув высоты величия, не стал бы обращать внимания на врагов, не имеющих средств верить ему, и что никому не воспрещалось бы ехать туда, куда призывают его забота о здоровье и собственные дела. Но разве Корсиканец когда-либо теряет из виду месть? Даваре и архиепископ нынешним летом подписали донесение об ужасном деле касательно отравления. Это известно узурпатору. Если мои несчастные друзья, положившись на обманчивую безопасность сносной зимы, не обретаемой в России, и Бонапарт предположит, что они лишены опоры, я уверен, что обоим им, особенно Даваре, будет предстоять участь герцога Энгиенского, ежели ему будет известно, что они находятся под могущественным покровительством императора Александра, он нехотя уважит такую защиту и друзьям моим можно будет жить спокойно. Итак, покровительство для моих друзей составляет предмет самого пламенного моего желания. Перейдем к тому, как устроить это дело.

Даваре достоин милостей Императора: он командор ордена Св. Иоанна Иерусалимского в Русском приорстве. Будучи моим

гвардии капитаном, он в течение трех лет находился во главе ста дворян, моих лейб-гвардейцев, преданных воинов Императора; все офицеры этого полка были генерал-майорами. Наконец, у него хранится письмо от императора Павла, самое лестное, какое когда-либо получал дворянин от великого государя. Вследствие этих данных, а равно и исключительного положения, в котором он находится, я не без основания могу рассчитывать на великодушие Императора в отношении к нему, прося назначить его генерал-лейтенантом своей армии. Чин этот он получил бы во Франции, благодаря своему положению, летам и заслугам; скоро 23 года как он был произведен в полковники на поле брани. В то же время, благодаря счастливому обстоятельству, я надеюсь легко выхлопотать эту милость, прося ее также для одного из моих приближенных, которому я очень рад бы был выхлопотать отличие и оказать услугу и благодеяние, которое он вполне достоин. Герцог Граммон, как и Даваре, командор и т. д., капитан моей гвардии, так как он исправлял эту должность при короле, брате моем, быв начальником ста дворян, любивших Россию не менее Франции. Выражаясь по-военному, несправедливо бы было одного наградить, а другому не оказать заслуженной милости. В отношении политики труднее было бы оказать милость лишь одному лицу, именно такому, к которому Узурпатор питает особенную ненависть, между тем как Император весьма легко может облагодетельствовать двух лиц, одинаково достойных награды. Вы понимаете, что ни тот, ни другой не станут злоупотреблять полученной милостью и не загородят дорог воспитанникам и преемникам Задунайского[63].

Но это еще не всё. Даваре отказался от прекрасного состояния во Франции, часть которого он мог бы получить и в настоящее время. Я не в силах и, может быть, никогда не буду иметь возможность вознаградить его. Не могу ли я обратиться к Государю, на дружбу которого имею право рассчитывать, и просить его обеспечить нуждающегося и больного друга моего? Приверженцы брата моего обеспечены Английским королем; неужели я не в состоянии буду оказать помощи моим приближенным лишь потому, что нахожусь в России? Я попросил бы Императора дать графу Даваре небольшую аренду. Много было таких примеров.

Коль скоро Его Императорское Величество исполнит мою просьбу, вы согласитесь, любезный граф, что, если и забыть просто заслуги и нужды, мое собственное достоинство требует, чтобы с другом моим не обращались как с обыкновенным эмигрантом.

В настоящую минуту я не боюсь показаться нескромным,

распространяясь о герцоге Граммоне; достаточно того, что я высказал выше. Ему предстояло получить большое состояние по наследству, и он всего лишился, служа моему несчастному брату и мне. Авось когда-нибудь вознагражу я его.

Что касается архиепископа Реймского, его нельзя вознаградить повышением звания, но, согласно с благим законом Петра Великого, состоящие на пенсии у Императора имеют право на его покровительство. Я попросил бы пожаловать достоуважаемому прелату пенсию, подобную той, которую император Павел назначил архиепископу Альбийскому, обеспечив его старость. Император успокоил бы меня насчет его будущности.

Прошу Вас, любезный граф, ежели вы можете оказать эту услугу, то, прочитав приложенную при сем копию, подайте Императрице письмо мое, равно и копию письма императора Павла Даваре, которую передаст вам граф Блака. Если представить это лестное письмо Ее Императорскому Величеству, оно непременно возбудит в ней участие к другу моему. Наконец, излишним считаю сказать вам, сколько благодарен я вам за участие, которое вы принимаете в храбром и преданном Мутье. Мне тем дороже будет успех в настоящем деле, ежели я добуду его через ваше посредничество.

Прощайте, любезный граф, вам известна дружба моя к вам.

Людовик

Приложение V

Мнение графа Н.П. Румянцева «О положении политических дел в Европе»{209}

Посреди болезни, изнурен будучи в силах и внезапно вызван к служению о войне и мире в таких политических обстоятельствах, где крайне трудно отличить черту решительную, я готов исполнить Монаршую волю и объяснить мнение мое по сему предмету: но предварительно испрашиваю к себе милостивого снисхождения.

Известно самому Государю Императору, как в двух случаях, вопреки господствовавшего тогда мнения, домогался я и просил, чтоб на пользу других государств не выводить Россию из того мирного благоденствия, на котором находилась она под благотворною державою своего Государя. Тогда я упоминал, что войну можно начать всегда, но для окончания оной не одна миролюбивая воля надобна: тут, в виде посредников, предстанут выгоды народа и достоинство государства.

Будучи тверд в правилах, я обязываюсь и при нынешнем случае сказать, что если утверждал, что не было пользы скоропостижно выставлять военные ополчения, то и ныне в скоропостижных исканиях мира пользы я не предвижу.

В мирном договоре, между императором римским и начальником французской нации заключенном, вопреки многих примеров ни слова не упомянуто ни о союзных войсках, действовавших за Австрию, ни о размене их пленных. Таковое молчание не обнаруживает ли род пренебрежения к России, которая могуществом своим стоит на первой степени в Европе! И сим самым не вызывает ли ее Бонапарте пред целым светом домогаться его снисхождения!

Принадлежа отечеству, я из сердца извлекаю воспитанное со мною чувство, что если мы и при Петре Великом и при Екатерине II умели сносить раны минутных неудач военных: унижения — никогда и нигде сносить мы не умели.

И так почитаю я, что для сохранения достоинства Империи и принимая не военные, а мирные расположения ко всем за твердое себе правило, мы должны на сей раз точно удержаться отправлять особенного чиновника к Бонапарте, поскольку он в хитрости своей даст таковой мере открытый вид искательства его расположений, чего ни с духом российского народа, ни с приверженностью его к своему Государю и отечеству согласить я

не могу.

Ясно, что все наши союзы прерываются и что, потеряв Венский Двор, вскоре потеряем мы союзника и в прусском короле: но надолго ли Бонапарте может согласить противоположные их интересы? И если мы хладнокровно будем смотреть на сии обстоятельства, не обратится ли к нам одна из двух держав сих? А тогда не естественно ли, что к союзу двух сильных царств пристанут и 2-й степени государства?

Выжидая такой сбыточной перемены, следует, по моему мнению, к ней готовиться тем, что отвечать Венскому Двору, что Государь, вошед в войну за других, кой час они не в войне, сам себя почитает в мире; что в сообщенном Государю трактате, поскольку об России ничего не упомянуто, то Государь и участия в нем принимать не может; сожалеет, что потерял союзника такого, с которым, лично познакомясь, дружески к нему расположился; что польза союзов утверждается долгим временем и что поскольку российский Государь в расположении его к Венскому Двору иного предмета не имел, как его же благосостояние, то ему же и предоставляет искать его тою стезею, которую он предпочел российскому союзу.

Что же касается до курфюрстов баварского и вюртембергского, Государь Император, имея с некоторого времени причины быть недовольным поступками их, не находит и надобности входить в рассуждение о тех достоинствах, которыми они между собой и союзниками своими себя величают.

На сей раз более движения кажется не нужно. Теперь да не позволено мне будет отыскивать в самом трактате той цели, с которою заключен оный.

Предварительно скажу, что сколько ни казалось вероятным, что виды Бонапарте клонились на восстановление Польши, но по объяснении обстоятельств, кажется, опасаться сего нет причины, поскольку Галиция осталась неприкосновенна, разве существует в тайне какая-либо конвенция между ними по сему предмету, о чем всемерно разведать должно. Что же касается до трактата, надобно было ожидать, что весь разум оного будет состоять в мщении побежденному неприятелю: но я не токмо не нахожу того, но ясно вижу, что во всем договоре крайне сбережены интересы Австрийского Дома. Бережливость сия изменяется тем:

1) Что 10 статьею трактата Сальцбург, отнятый у курфюрста, приобщается к массе австрийских владений, для коих приобретение сие по географическому положению и по внутреннему и необработанному богатству земли сей должно почитаться весьма важным.

2) Что о статье 12 из владений Ордена Тевтонического

делается наследственное владение по выбору императора в пользу одного из эрцгерцогов и потомства его.

3) Что в трактате ни слова не упомянуто о бывшем Бамбергском епископстве, и следовательно оно как будто остается по-прежнему частию владений курфюрста баварскаго. Но ему кажется быть невозможно, поскольку у него взято бывшее епископство Вирцбургское и сделано особым владением в пользу того эрцгерцога, который был курфюрстом сальцбургским?

Таким образом Бамбергское епископство, будучи отсечено от владения баварского, с одной стороны, прилегает к владениям короля прусского, а с другой — к новой принадлежности одного из эрцгерцогов. Не можно ли заключить, что курфюрст баварский княжеством сим поступился втайне и что оно с другими землями составит возмездие гибкости Прусского Двора; а ежели нет, то составит новое владение в пользу эрцгерцога Фердинанда, которому предварительно назначается удел по 12 статье трактата.

На какой же конец все сии обстоятельства так устроены? Не обязался ли Австрийский Дом особым тайным соглашением содействовать Бонапарте против Турок и нас? А буде сими снисхождениями награждена потеря Тироля и мелких владений в Швабии, то сепаратною статьею не сделано ли замены и за Венецию, и не в том ли она состоять может, чтоб император ныне же ввел войска свои в Молдавию и Валахию, которые бы, овладев сим краем, составили бы нам препону к вспомоществованию Порте? И почему трактат состоялся в Пресбурге? Нет ли особенного с Венгрией) о присоединении к оной владений турецких?

Я сам исповедаю, что догадку за истину принимать не должно: но в политических действиях надобно иметь в виду все соображения для того, чтоб на отражение вреда быть готову, и единственно токмо к сем виде я испрашиваю, не благоугодно ли будет повелеть войскам на Днестре, расположенным перейти свои границы в то время, кой-час сведают, что австрийские и венгерские за свои переходят.

В гаданиях моих о предметах о соединения Бонапарте с Австриек) я тем более убеждаюсь, что Франция, оставляя за собою все Венецианские владения и примыкаясь к Адриатическому морю, сближает себя очевидно к нам в соседство по Черному морю. Таковое положение тем более требует нашего внимания, что вместо слабого и не просвещенного соседа приобретаем мы соседа, исполненного хитрости и домогающегося иметь, как сказать, за ключом своим черноморскую и Средиземного моря торговлю. Я не сомневаюсь в том, что на сей раз всякое движение с нашей стороны противу их намерения было бы довременно,

поскольку собственные пользы Англии обратят всю ее заботу на сокращение морской власти французов; но сужу нужным нимало не медля уведомить Оттоманскую Порту о новом сем мире, и спросить собственность ее заключений по сему предмету: не предвидит ли она опасности своей? Не требует ли себе помощи? И при том изъяснить, что если Порте нанесется удар решительный, тогда токмо Государь, движим будучи близкими интересами своего государства и призвав Бога в помощь, решится на войну, в которой ни один россиянин не пощадит жизни своей в славу своего Государя, любимого целым народом, и на коренную пользу отечества.

Санкт- Петербург 7 января 1806 года.

Министр коммерции граф Николай Румянцев

Приложение VI

Записка графа Н.П. Румянцева о торговле с Японией{210}

Всеподданнейшая Записка о торговле с Японию, поданная императору Александру Павловичу Министром Коммерции Графом Румянцевым

20 февраля 1803 года

Отправление Российско-Американскою Компаниею из здешняго порта[64] двух в Северную Америку судов есть предприятие, соделывающее знаменитую в Российской торговле эпоху.

Чтобы достойно воспользоваться всеми выгодами сея важныя экспедиции, долгом себе поставляю всеподданнейше представить Вашему императорскому Величеству о торговле с Японию, которую, при сем удобном случае, можно бы кажется основать прочным образом и оставить в позднем потомстве памятник Монаршаго о благе Империи попечения.

Известно, что со времен бывшего в Японии страшнаго христианам гонения и изгнания из оной Португальцев, одни только Батавцы[65] имеют близ 200 лет в руках своих толико выгодный для них торг сей. Сама природа, поставя Россию сопредельною Японии и сближая обе Империи морями, дает нам пред всеми торговыми Державами преимущество и удобность к торговле, к которой ныне купечество наше, как кажется, ожидает токмо единаго от Правительства одобрения.

В 1791 году отдаленный край сей в первый раз обратил на себя деятельное внимание Российских Государей. Великая Екатерина, воспользовавшись предлогом возвращения Японскому Двору претерпевших кораблекрушение и спасенных Россиянами Японцев, назначила экспедицию, в которую употребленные Поручик Лаксман и Штурман Ловцов были снабжены наставлением ходатайствовать у Японского Правительства о торговле и сделать все нужные по сему предмету замечания, а для опытов отправлено было с ними от купцов Шелехова и Рохлецова некоторое число товаров, в сукнах, бумажных материях, рухляди и стеклянной посуды состоящих. Сколь ни безнадежен был выбор людей сих, нужных сведений о политических связях не имеющих, сколь дурно не ответствовала важному их назначению собственная их нравственность, ибо известно, что по приезду их в Японию имели посланные частыя между собою ссоры, но наклонность Японского Двора к торговому с нами обращению

достаточно видна была, как из ласкового ими приема посланных, так и из признания их, что они до 1793 года не слыхали ни о достоинстве, ни о величии Империи Российской, что не известно им, какое обхождение имеют с нами, и почтительно или непочтительно нам в их государстве покажется; но советом тем позволили одному судну приходить в Нангасакскую гавань[66], известя, что в прочия места иностранным судам входить возбраняется, и подтверждая при том о нетерпимости у них Христианской веры, изъяснили, чтобы по прибытии в Россию они никоим образом служения и жертвоприношения, ниже знаков Христианской религии не производили, и снабдив на сей конец Поручика Лаксмана открытым листом, потом одарили его и отпустили с довольным уважением и вежливостью.

В ожидании совершения когда-нибудь от Правительства дальнейших предложений, Российско-Американская Компания уже учинила на Курильских островах отряд и еще в 1794 году наименовалась 18-ый Курильский остров Уруп «Александром», сидело на нем из 30 человек заселение, и предписать управляющему сим отрядом снискать дружбу Мохнатых курильцов[67], на северной оконечности 22-го острова Матмая обитающих, полагала посредством сего народа, яко от Японии мало зависящего, завести с японцами торговлю и исподволь приготовить умы к дружескому с Россиянами обращению.

В 1796 году дан был правившему тогда должность Иркутского и Колыванского Генерал-Губернатора (что ныне Сенатор) Селифонтову Рескрипт о вторичном отправлении в Японию экспедиции; но кончина Великой Екатерины остановила исполнение важного плана сего, и с того времени к произведению онаго не было уже от Правительства ни малейшего движения.

Соображая местные выгоды торговли нашей с Японией, нахожу, что крайне было бы полезно нам производить оную весьма употребительными Японцами в пищу рыбами и жирами, у нас в великом изобилии не только в Америке, но и на самих Курильских островах и в пределах Охотского моря, выделанными из разных морских и земных зверей кожами, разною местною рухлядью, моржовою и мамонтовою костью, сукнами, и испытывать при том ввоз в Японию разных к роскоши служащих товаров, как то зеркал и тому подобного, получить от них на обмен пшено, не только для американских селений, но и для всего северного Края Сибири нужное; штыковую медь, добротностью своею в целом свете известную; разные шелковые и бумажные ткани; серебро, лаковые и многие другие вещи, коих без совершенного опыта и удостоверения определить теперь невозможно.

На сей предмет неблагоугодно ли будет Вашему императорскому Величеству с отправляющимися ныне в Америку судами назначить некоторого к Японскому Двору Посольства и, упо-требя к исполнению сего важного предприятия человека со способностями и знанием политических и торговых дел и ободря его особливым Вашего Императорского Величества покровительством, поручить ему сделать Японскому Двору приличном образом привнятное о Достоинствах Российской Империи внушение, положить тамо прочны основание торговли и постановить на предбудущее время дружественные соотношения между обеими Империями, стоя тесно сопредельными, и притом снискать дружбу тамо издревле водворившихся Батавцов, удаля от них благовидно все могущие интересам их представить опасности.

Чиновник сей, снабденный наставлением и переводчиками, Японский язык знающими, отсюда в июне сего года, обойдя Кап-Горн, мог бы прибыть в Японию в июне 1804 года; а оконча там свою миссию, отправился бы на зимовку в лежащую в Камчатке Петропавловскую гавань, из которой, доставя Вашему И.В. донесения и между тем получа дальнейшие сведения об отзывах Китайского Двора по торгу Кантонскому, выдти в 1805 г. в Северную Америку и, обозрев лично главные места Компаниею заведовыемыя, сделать, сколько время ему позволит, топографическое описание Российских приобретений, исследовать произведения природы, заметить нравы жителей, образ управления ими, не вкрались ли каковые либо противные человеколюбию поступки, словом, обозреть край сей и, таковым благоустройством осчастливя сих отдаленных В. И.В. подданных, поселить в них вящую к России приверженность. Потом погрузя товары, ежели дозволен будет торг в Кантон, отправиться туда и, произведя мену, сделать все соответственные пользам России замечания; буде же на Кантонский торг не последует от Китайского Двора позволения, то идти в Манилию и сбыть груз свой выгодным К° образом, возвращаться в Россию кругом Мыса Доброй Надежды, сделать на пути своем всюду, где случится ему приставать, прочное знакомство и проложить чрез то путь будущим торговым экспедициям.

Таким образом миссия сия может окончиться к особливой чести Империи; торговля получить новые и надежные виды, а Американцы, при всей отдаленности их, подобно древним Россиянам, почувствуют человеколюбивого их Обладателя.

Приложение VII

Особая инструкция для Японской Миссии, данная камергеру Н.П. Резанову графом Н.П. Румянцевым{211}

Господину Действительному Камергеру и Кавалеру Резанову, отправляющемуся по Высочайшему повелению в качестве Посланника к Японскому Двору от Министра Коммерции Графа Румянцева

Инструкция

Государю Императору угодно было для распространения выгод Российско-Американской Компании назначить Миссию в Японию. Его Величество, снабдить Ваше Прев-во по сему предмету грамотою мне повелеть соизволил поднесть к Высочайшему утверждению особенную инструкцию. Во исполнение сей Монаршей воли должным чту предписать Вашему Прев-ву, каким образом обрядам по прибытии в Японию подвержены Вы будете, и объяснить Вам мысли мои касательно Японской торговли.

1. Объяснить в общей инструкции путь, какой Вашему Прев-ву предназначен, по прибытии в Японию не долженствуете Вы приставать ни в который тамошний порт, кроме Нанганской гавани, разве только в случае неминуемой опасности. Не доезжая до города ½ мили, можете Вы въехать в безопасно. Вас непременно встретят караульныя береговыя суда; будут Вас спрашивать, откуда пришел Корабль и Кому принадлежит оный? Вы отвечать будете, что Корабль пришел из Престольного града Российской Империи с нарочным Посланником от Российского Императора к Высочайшему и Самодержавному Императору Японскому, и будете просить, чтобы возвестили о приходе Вашем Губернатору города; получили бы от него повеления и Вам бы их сообщили, потому что Вы им совершенно следовать намерены.

2. Ежели по каким-либо обстоятельствам не поведут Вас тотчас к Императорскому Министру, в сем месте учрежденному в качестве агента или правителя Дел Иностранных, то вероятно пришлют к Вам на корабль людей имянитаго достоинства. Посланные сии прибудут с большою свитою и многими переводчиками.

3. В том месте, где Вы их принимать будете, прикажите разостлать ковер и на нем их посадить. Посланные сии будут Вам делать разные вопросы и велят записывать Ваши ответы и разговоры. Они спрашивать будут, по каким Вы делам приехали?

Откуда? Какой Вы Земли уроженец? И которого Государства? С каким намерением Вы приехали и что привезли?

4. Надобно Вам будет ответствовать, что Вы присланы от Российского Императора с Грамотою и подарками, отправленными с Вами [Ежели на то последует надлежащее дозволение] к Высочайшему и Самодержавному Японскому Императору, что привезли Вы одни жизненные припасы и нужные вещи для дороги, что все Ваши поручения и повеления Вам данные состоят единственно в испрошении по обыкновению Японскому аудиенции от Императора, дабы вы могли отдать по надлежащему обряду и торжественному обычаю грамоту и подарки от Вашего Государя его Высочайшему и Самодержавному Величеству Японскому.

5. Посланные сии потом спрашивать Вас будут весьма подробно и о разных вещах, даже и о тех, которые им известны, и ответы Ваши велят записывать. Между прочим будут любопытствовать: какая земля Россия? Как она обширна? Каковы ее границы? Что растет в России? Самодержавен ли Государь оной? Какие он содержит войска? Против кого воюет? Какие его союзники? Какая у него полиция? Какой закон? Какие обычаи и множество вопросов Вам зададут подобных. Спросят Вас, что Вы за человек? Будучи Его Посланником, в каком Вы качестве и достоинстве? Какая Ваша должность? В каких Вы чинах? Какого рода грамота Императорская? Как она писана? Как запечатана? Как уложена и каким образом Вы ее сберегаете?

6. Таким образом выпрошать Вас будут и Министр Нангасакский и Придворные и другие знатные особы. Надобно, чтобы Вы в ответах Ваших весьма были осторожны и чтобы не только имели их всегда в Вашей памяти, но чтобы и записывали их для того, чтобы после в словах не расшибиться, поелику Японцы во всем любят точность и весьма строго примечают иностранцев, и потому надобно Вам действовать с боязнью и осмотрительностью, дабы не подпасть той же участи, какой подвержен был в 1628 году, как Вам известно, один Голландской Посланник, и дабы почтение, какое принадлежит Государю Императору Вашему, было сохранено в полной мере и требования Его удовлетворены.

7. Вы будете ответствовать на все сии вопросы просто и без притворства. Вы скажите, что Россия есть первейшее пространством своим Государство в Европе, и объясните границы оного; что климаты в сем Государстве различны, потому что оно занимает полсвета; что Россия могуществом своим содержит в почтении и равновесии всю Европу, Китай, Турецкую империю и Персию; что войска она имеет и пехоты и конницы до 700 000;

что управляема земля сия Самодержавным Государем, а как Японцы к единому самодержавию имеют почтение, то опишите Самодержавную Российскую Власть во всем ее достоинстве. Вы можете сказать между прочим, что многие Азиатские Цари и владетели, каковы суть Сибирские, Грузинские и Калмыцкие, покоряясь Его могуществу, ныне просто в числе знатных Его подданных находятся; что Государь Император Российский, приняв Прародительский Престол и увидя обширность границ своих, славными победами Предков Его ознаменованных, положил царствовать в тишине и мире со всем светом. Что Государство Его есть прибежище наук, художеств и законов.

8. Касательно Духовного закона скажите Вы, что Российский закон совершенно противен Гишпанскому и Голландскому, разделен от оных и догматами и обрядами. Спросят Вас, не зависит ли Государь Российский от Папы по примеру некоторых известных им Монархов? Вы дадите ответы, что Он от Папы ни мало не зависит, даже не признает его за Духовную Особу, а сносится с ним как со светским малоземельным Владетелем; что над Российским законом Папа начальства не имеет; что Российский Государь не признает никого Себя свыше и есть Сам непосредственный начальник духовенства Своей земли; что он соединяет кротость с мужеством и имеет власть неограниченную, а со всем сим любит мир и тишину; что кроме тех познаний, каким исполнен вне всей Европы, он жаждет узнать состав Правительства и других частей света. Что при таких Богом вдохновенных дарованиях, поставляя в величайшую цену жизнь и спокойствие людей и радея не только что о Своих подданных, Он и Японцев, кои злощастною судьбою прикинуты были на берег Его владений, возвращает Отечеству и в дар Японскому Императору[68].

9. Потом с корабля Вас сведут, дадут Вам квартиру, доколе посланные курьеры ко Двору будут в пути с объявлением о Вашем приезде. В продолжение сего времени надо будет Вам так распорядиться, чтобы все, при Вас находящиеся, вели себя пристойно, учтиво, ласково обращались бы с Японцами и точно так, как Губернатор Вам предпишет. Если бы случилось, что квартира Ваша будет не весьма удобна и содержать Вас будут не так, как бы Вы желали, не обнаруживайте никакого неудовольствия, потому что и удобность в помещении Вашем и содержание зависит от Императора. Богатые платья, какие Вы и находящиеся при Вас иметь будут, не должно Вам ни показывать, ниже надевать, доколь представлены Вы будете ко Двору и по самый тот день, в которой назначат Вам аудиенцию, на коей все при Вас находящиеся должны быть обутыми в кожаных карлетках

и туфлях. В домах Японских полы устилают коврами, и по обряду их должно будет башмаки скинуть.

10. По получении первых повелений от Двора касательно вашего приезда, а может быть еще и прежде, попросят у Вас посмотреть грамоту Государеву и перевесть оную. Отказывать Вам в том не надобно. Ящик или футляр, в которой будет положена грамота Государства, должен находиться в лучшем из сундуков Ваших. Сундук сей велите Вы поставить в наилучшем или возвышеннейшем месте Вашей комнаты и к сундуку сему никогда с покровенной головой не приближайтесь. [У Японцев есть в обычае, чтобы пред знатными особами и пред предметом такого почтения всегда стоять с открытою головою.] И в сем случае надобно будет выполнить обычай Японской, а особливо, когда откроют сундук, в котором будет ящик с грамотою, когда будут смотреть грамоту и прикасаться оной. Если Японцы не дадут Вам нарочных людей нести сию грамоту, когда от Вас сказано будет, тогда изберите Вы двух из почетнейших чиновников, при Вас находящихся, которые без шляп понесут фа-моту, куда от Вас приказано будет. Футляр надобно поставить в ящик и уложить хорошенько. Понесут ее под балдахином и так Вас поведут ко Двору. Вам идти надобно будет за балдахином в знак почтения к Императору, Вашему Государю, и чтобы самое тоже почтение возбудить в самих Японцах.

11. Если случилось, что содержание Ваше не было бы так великолепно, как бы Вам желалось, обнаруживать того никак не должно; напротив того надобно будет принимать все вещи с большою благодарностью и с оказанием возможнейшего удовольствия; а в чем Вам случится нужда, то можно будет купить под рукою. Во всех встречах с теми, которые Вас поведут ко Двору, будьте елико можно учтивы и ласковы, следуйте всегда их советам, даже и тогда, когда они будут противны Вашему свойству и всем правилам и просвещению Европейскому. Нравы их и обычаи во многих случаях совершенно противны нашим; свои обычаи они почитают, а презирают те, какие употребляются между нами. Единственно средство быть между ними почитаемым состоит в том, чтобы к ним приравняться — каковое правило продолжительными опытами доказано.

12. О подарках, от Государя к Японскому Императору следующих, писано в Грамоте. Вы наведываетесь о тех, какие надобно Вам будет давать Министрам и другим знатным Особам. Вы найдете многих людей, которые Вам точно скажут, что и кому от иностранцев принимать можно. Подарки состоять будут из шерстяных материй, которыя Вы получаете.

13. Когда Вы будете приближаться к Особе Императорской,

много Вы привлечете почтения, если снимите шпагу и отдадите оную кому-либо из тех, кои при Вас находиться будут, прежде нежели Вам о том скажут. Вы будете перед Ним стоять без шляпы.

14. Представлять Вас будет знатная Особа из военно-дежурных. Особа сия будет на коленях между Вами и Императором, неподалеку от подарков и Грамоты. Она принимать будет слова Ваши и их Императору пересказывать. Вы изъясните то повеление, какое Вы от Государя имеете и которое состоит в том, чтобы уверить Его Величество в дружественном Его расположении и любви. Будете просить принять благосклонно требования, в грамоте изображенные, и о даровании покровительства Российскому народу, которой в Японию приезжать будет.

Случиться может, что Император будет говорить с Вами, но сие будет непродолжительно, и если о чем спросит, то сие сделает посредством. Они поступают так со многими Посланниками не по презрению какому, а из единой чести.

15. Аудиенция Ваша будет назначена при возрождении (луны) или полном месяцы, потому что в сие время все Царьки, Князья и знатные люди Японского Государства съезжаются к Императору на поклон. Я не могу довольно повторить Вам, сколько для Вас необходимо будет соображаться несходству их обычаев с нашими и не ставить того в унижение. Таковыя правила предписывал сам Людовик XIV, известный между Монархами Государь тем, что с крайнею бережливостью охранял Монаршее достоинство, когда снаряжал Посольство в Японию. В 1624 году Послы Короля Гишпанского, два Кавалера Златого Руна, не были приняты и возвратились, для того токмо, что сообразоваться с Японскими обычаями не хотели.

16. После аудиенции Вы отдадите почтение всем Министрам тамошняго Совета, которые будут иметь некоторое влияние в негоциации Вашей. Вы их одарите и будете просить их о скорейшем ответствии на Грамоту Вашего Государя. Подарки от Японского Императора примите Вы с большим почтением. Ответную грамоту прикажите вынесть так, как и грамоту, с которою Вы присланы были. По прибытию в квартиру одарите Вы всех тех, которые Вас провожали, точно так, как Вас дарили, без излишества и без недостатка. Таким же образом поступите Вы и с Губернатором Нангасакским, Которого Вы просить будете покровительствовать Российских подданных в Японии и снисходить на невладение их Японских обычаев.

17. Изобразив таким образом обряд, которым Ваше превосходительство руководствоваться обязаны, приступаю теперь к объяснению видов моих касательно Японской торговли.

18. Важнейший предмет обязанности Вашей состоит в открытии торга с Японией. Разведывая… к тому все пристойныя с обычаями их средства, в немалую пользу послужить Вам, как я надеюсь, недавно совершившееся событие разрушения Батавской Остиндской Компании, а следовательно свобода торговли и отчуждение единственного соперничества. Впрочем, прилагая при сем оригинальный Японский лист, по сим которого позволили Японцы одному Российскому кораблю входить в Нанганскую гавань, поручается Вашему Превосходительству домогаться о продолжении сего права и не токмо на один корабль удержать оное, но даже распространить и на многие. Представьте им, сколько для обоих Государству выгодно производить торг непосредственно; что от нас будут они получать из первых рук пушные товары, мамонтовую и норковую кость, рыбу, кожи, сукна и проч., каковых товаров ни от которого народа столь выгодно не получать, а мы взаимно получать от них можем: пшено, штыковую медь, шелк и пр.

19. Впрочем, если бы по каким-либо непредвидимым случаям не согласились они на совершенную свободу в торговле, то не меньше Вам домогаться нужно, если более одного корабля в Нангасакскую гавань присылать они не позволят, чтобы открыта была мена на остров Матмай, который частью принадлежит одному владетелю, а частью мохнатым Курильцам; буде же и того не удастся, то тут остается средство производить на острове Уруп, что ныне назван «Александром», Компаниею заселенном; таким образом, чтобы через мохнатых Курильцев могли мы доставать Японские товары и через них же им продавать или променивать наши. Разведайте об острове Сахалин: один ли народ на Сахалинском острове находится или многие; кому принадлежит остров сей? почитают ли его Японцы принадлежностью Китая или не зависимым? В какой связи островские жители с Японцами, и каким образом можно и достигнуть до открытия торга?

20. Устье реки Амура заслуживает также уважения: сведения, какие Японцы об оном имеют, должны на себя обратить все Ваше внимание.

21. Не меньше Вам проникнуть должно, в каких сношениях Японцы с Китайцами и Корейцами; равномерно узнать принадлежит ли часть островов Люкийских Японцам и буде оные от собственных царей зависят, то невозможно ли Вам будет до них достигнуть и тамо наш торг распространить.

22. Известно всем, что в Японии владычествовал духовный Император; что один из его военачальников, восстав против его власти, довел успех своего предприятия до того, что преемник сей военной силы в 1583 году возвел себя в достоинство

Императора под названием Кубо; а духовный император продолжает существовать под названием Дайры и ведет жизнь в пышности, почтении, но совершенным ничтожеством, так что, имея собственную столицу, забыт он в народе, и следовательно Вам о доступе к нему отнюдь не домогаться.

23. Окончание столь важного предприятия поставить в виду пред Государем и Отечеством отличные Ваши достоинства.

Приложение VIII

Список изданий, опубликованных на средства и при непосредственном участии Н.П. Румянцева

1. *Раич Иоанн.* История разных словенских народов наипаче болгар, хорватов, сербов из тьмы забвения изъятая и в свет исторический произведенная Иоанном Раичем архимандритом во Свято-Архангельском монастыре Ковиле. Вена, 1794.

2. Государственная торговля в разных ее видах: Шесть ежегодных выпусков. СПб., 1802—1807.

3. Новейшие открытия относительные к стали, железу и чугуну, собираемые капитаном Петряевым, экспедитором по ученой части в Департаменте водных коммуникаций. СПб., 1804.

4. Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Сурей, в Англии, в 1802 году… сочиненное коллежским советником… Л. Викселем. СПб., 1805.

5. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М., 1813.

6. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. П. М., 1819.

7. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. III. М., 1822.

8. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. IV. М.,1828.

9. *Ewers G.* Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen: Erstes und zweites Buch. Von Johann Philipp. Dorpat, 1814.

10. *Adelung F.* Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St. Peterburg, 1815.

11. *Ewers.G.* Geschichte der Russen: Versuch eines Handbuchs. v. Joh. Phil. ErsterTheil. Dorpat, 1816.

12. Beitrage zur Kenntniss Russland's u. seiner Geschichte Herausgeb. v. G. Ewers, u. Moritz Engelhardt. Ersten Bandes erste Halfte. Dorpat. Auf Kosten des Herausgebers. St. Petersburg in der Buchhandlung d. k. Akademie der Wissenschaften. Leipzig bei Paul Gotthelf Kummer. Berlin in der Realschulbuchhandlung, 1816.

13. Beitrage zur Kenntniss Russland's u. seiner Geschichte Herausgeb. v. G. Ewers, u. Moritz Engelhardt. Ersten Bandes zweite

Halfte. Dorpat. Auf Kosten des Herausgebers. St. Petersburg in der Buchhandlung d. k. Akademie der Wissenschaften. Leipzig bei Paul Gotthelf Kummer, 1816.

14. *Жуковский Василий.* Певец на Кремле. СПб., 1816.

15. *Худобашев Александр.* Любопытные извлечения из древней истории о Азии, почерпнутые из восточных рукописей, хранящихся в Парижской библиотеке, и из иных источников, И.М. Шаганом Гербертом, армянином, находящемся при особливом училище, при той Библиотеке учрежденном для восточных языков, ныне употребляемых, и Ф. Мартином, французом, ученым в армянской словесности. Изданные в Париже на французском языке в 1806 году, а ныне здесь переведенные А. Худобашевым. СПб., 1816.

16. [Болховитинов Е.] Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина грекороссийския церкви. Ч. I. Напечатан иждивением… графа Н.П. Румянцева. СПб., 1818.

17. [Болховитинов Е.] Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина грекороссийския церкви. Часть II. Напечатан иждивением… графа Н.П. Румянцева. СПб., 1818.

18. *Siegmund Freiherrvon Herberstein.* Mit besonderer Rucksicht auf seine Reisen in Russland. Geschildert v. Fr. Adelung mit zwei Kupfern u. einer Karte. St. Peterburg, 1818.

19. Древния российская стихотворения, собранныя Киршею Даниловым и вторично изданныя с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1819.

20. *Леберг А.Х.* Исследования, служащия к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

21. *Голлман Г.Ф.* Рустрингия, первоначальное отечество перваго российскаго великаго князя Рюрика и его братьев. Исторический опыт. М., 1819.

22. *Leonis Diaconi Caloensis.* Historia scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes. Ё Biblioteca Regia nunc primum in Lucem edidit, versione Latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase… Paris, 1819.

23. Законы великаго князя Иоанна Васильевича и судебник царя и великаго князя Иоанна Васильевича, изданные К. Калайдовичем и П. Строевым. М., 1819.

24. Слово о полку Игоря Святославича… вновь предложенное Я. Пожарским, с присовокуплением примечаний. СПб., 1819.

25. Bemerkungen iiber einen in den Russischen Chroniken erwahnten Kriegszug der Russen nach Finnland von A. Hipping. St. Petersburg, 1820.

26. Перевод той же книги: О походе новгородцев в Финляндию, упоминаемом в русских летописях, сочинение А.

Гиппинга. СПб., 1820.

27. История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз и объясненные примечаниями Карлом Газе, переведенные с греч. на российский язык Д. Поповым. СПб., 1820.

28. [Калайдович К. Ф.] Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшаго славянскаго типографщика. М., 1820.

29. *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень его города, также показание достопамятностей и древностей оного. СПб., 1820.

30. Софийский Временник, или Русская летопись с 862 по 1534. Издал Павел Строев. Ч. I. М., 1820.

31. Софийский Временник, или Русская летопись с 862 по 1534. Издал Павел Строев. Ч. II. М., 1821.

32. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельнаго Сибирскаго корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821.

33. Памятники российской словесности XII века. Сочинения Кирилла Туровского, митр. Никифора, Даниила Заточника, вопросы Кирика, изданные с объяснением, вариантами и образцами К. Калайдовичем. М., 1821.

34. *Sjogren F. J.* Uber die finnische Sprache und ihre Literatur. St. Peterburg, 1821.

35. *Григорович И.И.* Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821.

36. *Спасский Г.И.* Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирския земли русскими при царе Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествовавших этому событий. Издана с рукописи XVII в. СПб., 1821.

37. *Spassky G.* (Inscriptions Sibiriacae) De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis, Gregorius Spassky… Petropoli: Typis N. Gretschii, 1822.

38. [Берх В. Н.] Древния государственныя грамоты, наказныя памяти и челобитныя, собранныя в Пермской губернии. СПб., 1821.

39. *Берх В.Н.* Путешествие в города Гордынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

40. *Kotzebue Otto.* Entdeckungsreise in die Sud-See… Weimar, 1821.

41. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением… Н.П. Румянцова…

под начальством флота лейтенанта Коцебу. 4.1. СПб., 1821.

42. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением… Н.П. Румянцова… под начальством флота лейтенанта Коцебу. Ч. II СПб., 1821.

43. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением… Н.П. Румянцова… под начальством флота лейтенанта Коцебу. Ч. III. СПб., 1823.

44. Атлас в развернутый лист содержит 21 грав. карту. СПб., 1823.

45. *Берх В.Н.* Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским. СПб., 1822.

46. *Берх В.Н.* Хронологическая история всех путешествий в полярныя страны. 4.1 и II. СПб., 1821—1823.

47. *Берх В.Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества, с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823.

48. *Берх В.Н.* Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географических задач: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1727—1729 гг. под начальством капитана Беринга, с очерками жизни его и сопровождавших его офицеров. СПб., 1823.

49. [Adelung E] Die Korsunschen Thiiren in der Kathedralkirche zur Heiligen Sophia in Nowgorod. Berlin, 1823.

50. *Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1821.

51. Suomalainen Sana-Kirja. Lexicon linguae finnicae, cum interpretatione dublici copiosiore latina, breviore germanica. T. I. A—M. Auc. ore Gustavo Ren vail. Aboae: Typis Frenckellianis. 1823.

52. Suomalainen Sana-Kirja. Lexicon linguae finnicae, cum interpretalione dublici copiosiore latina, breviore germanica. T. II. O-Z. 1826.

53. [Kohler H. C.] Description d'une medaille de Spartocus, roi du Bosphore-Cimmerien, du… comte de Romanzoff: Avec un supplement contenant la description de plusieurs medailles grecques rares… St. Petersbourg, 1824.

54. *Григорович И.И.* Белорусский архив древних грамот. М., 1824.

55. *Калайдович К. Ф.* Иоанн Екзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X

столетий. М., 1824.

56. Philologisch-kritische Zugabe zu den von Herrn Abel-Remusat bekannt gemachten, in den Koniglich-franzosischen Archiven befindlichen zwei mongolischen Original-Briefen d. Konige von Persien Argun und Oldhaitu an Philipp den Schonen. Von Isaac Jakob Schmidt. St. Petersburg: Gedruktbey Karl Kray, 1824.

57. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. Историко-критическое исследование И. Добровского. Перевод с немецкого М. Погодина. М., 1825.

58. *Ablughasi Bahadur Chani.* Historia Mongolorum et Tartarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia comitis Nicolaide Romanzoff… Casani, 1825.

59. *Верх В.Н.* Жизнеописания генерала-адмирала Ф.М. Апраксина, адмирала И.М. Головина, адмирала К.И. Крюйса. СПб., 1825.

60. *Верх В.Н.* Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге. СПб., 1826.

61. О жилищах древнейших Руссов, сочинение [Неймана] и критический разбор оного [М. Погодина]. М., 1826.

62. *Лделунг Ф.П.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. С присовокуплением рисунков, представляющих виды, обряды, портреты и т. п., на продолжение сего путешествия собранных. Перевод с немецкаго. СПб., 1827.

63. Sur les origins russes, extraits de manuscripts orientaux addresses M. le comte N. de Romanzoff… dans une suite de lettres depuis Tan 1816 jusq'a Tan 1825, par J. de Hammer, lmprimerie de l'Academie i. des Sciences. St. Petersbourg, 1827.

64. Собрание словенских памятников, находящихся вне России. Составлено П. Кёппеном… (Книга 1. Памятники, собранные в Германии.) СПб., 1827.

65. О шерсти и овцах. Сочинение гг. Перро, Жотама, Фабри и Жирода, с прим. Таера, изданное от Императорскаго Московскаго О-ва сельскаго хозяйства иждивением… гр. Николая Петровича Румянцова. Перев. с французскаго и немецкаго С. Маслов. М., 1827.

66. *Турчанинов Н.Т.* О соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царя Иоанна IV. СПб., 1829.

67. *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аделунг Федор Павлович (Фридрих фон Аделунг) (1768—1843) — русский, немецкий историк, философ, библиограф, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Александр I Павлович (1777—1825) — император Всероссийский (1801 — 1825), старший сын императора Павла I и Марии Федоровны.

Анна Иоанновна (1693—1740) — российская императрица из династии Романовых. Вторая дочь царя Ивана V (брата и соправителя царя Петра I) от Прасковьи Федоровны. Выдана замуж за герцога Фридриха Вильгельма Курляндского (1710), овдовела через четыре месяца после свадьбы. После смерти Петра II приглашена на российский престол (1730).

Анна Павловна (1795—1865) — великая княжна, младшая дочь Павла I Петровича и Марии Федоровны. Сестра Александра I. Королева Нидерландов (1840-1849).

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — русский государственный и военный деятель, граф (1799), генерал от артиллерии (1807).

Балашов (Балашёв) Александр Дмитриевич (1770—1837) — российский государственный деятель, генерал от инфантерии, генерал-адъютант.

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814) — русский и украинский историк. Член Российской академии (с 1808).

Барклай де Толли Михаил Богданович (Михаэль Андреас Барклай де Толли) (1761 —1818) — выдающийся российский полководец, генерал-фельдмаршал (с 1814), военный министр, князь (с 1815), герой Отечественной войны 1812 года, полный кавалер ордена Святого Георгия.

Безбородко Александр Андреевич (1746—1799) — государственный деятель, дипломат, обер-гофмейстер (с 1793), государственный канцлер (с 1797), светлейший князь (1797). Причислен к Канцелярии президента Коллегии Малороссийской и генерал-губернатора Малороссии П.А. Румянцева (с 1765).

Беклешов Александр Андреевич (1743—1808) — российский государственный и военный деятель; генерал от инфантерии (1797), дважды занимал должность генерал-прокурора (в 1799 и 1801), московский градоначальник, московский военный губернатор (1804—1806).

Берлинский Максим Федорович (1764—1848) — первый киевский археолог.

Бернадот Жан Батист Жюль (впоследствии Карл XIV Юхан) (1763— 1844) — маршал Франции (1804), участник революционных и Наполеоновских войн, князь Понтекорво (1806), впоследствии король Швеции и Норвегии (1818), основатель династии Бернадотов.

Бестужева-Рюмина Анна Гавриловна (ум. в 1751) — урожд. Головкина, в первом браке Ягужинская, статс-дама, графиня.

Бетанкур Августин де (Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделария де Бетанкур и Молина, 1758—1824) — испанский, затем российский государственный деятель, ученый, генерал-лейтенант русской службы, архитектор и инженер, организатор строительства и транспорта в Российской империи.

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — граф, фаворит императрицы Анны Ивановны, обер-камергер ее двора; герцог Курляндский (с 1737). Пользовался неограниченным доверием императрицы. Проводимая им политика привела к засилью иностранцев (1730—1740).

Богарне Жозефина (урожд. Мари Роз Жозефа Таше де ла Пажери) (1763—1814) — императрица Франции (1804—1809), первая жена Наполеона I.

Брюс Яков Александрович (1732—1791) — граф, генерал-аншеф, сенатор, петербургский градоначальник, московский градоначальник.

Бурбонконде Луи Антуан Анри де, герцог Энгиенский (1772—1804) — французский принц крови, единственный сын последнего принца Конде (одна из младших ветвей королевского дома Бурбонов). Вошел в историю тем, что был расстрелян во рву Венсенского замка по приказу Наполеона I.

Васильев Алексей Иванович (1742—1807) — первый министр финансов России (1802-1807), барон (1797), граф (1801), почетный член Петербургской академии наук (с 1796) и Российской академии (с 1801).

Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — мемуарист, происходил из обрусевших шведов (родился в семье пензенского генерал-губернатора Ф.Л. Вигеля). При жизни не публиковался, в литературе известен как автор «Записок», являющихся одним из важнейших источников по истории и жизни России и русского общества того времени.

Вильсон Уилсон Роберт Томас (1777—1849) — генерал (1841).

Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — светлейший князь, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, член

Государственного совета, министр.

Воронцов Александр Романович (1741—1805) — граф (1760), государственный деятель, дипломат, масон. Сын Р.И. Воронцова, брат Е.Р. Дашковой. Поверенный в делах в Австрии (с 1761). Полномочный министр в Англии (с 1762), в Голландии (с 1764). Занимал ряд государственных постов, не связанных с внешней политикой (президент Коммерц-коллеги и и др.). Член Госсовета (с 1787). Государственный канцлер (с 1802). Министр иностранных дел (1802—1804).

Воронцов Семен Романович (1744—1832) — граф, брат А.Р. Воронцова и Е.Р. Дашковой. Российский политический деятель и дипломат. Генерал от инфантерии, кавалер всех российских орденов. Полномочный министр в Италии (с 1782), в Лондоне (с 1784). Сторонник союза с Великобританией, активный противник революционной Франции.

Востоков Александр Христофорович (псевд.; настоящее имя Александр Вольдемар Остенек) (1781—1864) — российский филолог, поэт, член Российской академии (с 1820), академик Петербургской академии наук (с 1841).

Гагарин Павел Гаврилович (1777—1850) — князь, генерал-адъютант.

Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — князь, государственный деятель, член Российской академии (с 1806), масон.

Голицын Борис Алексеевич (1651 [по некоторым данным 1654] —1714) — князь, боярин (1689), государственный деятель времен царевны Софьи и Петра Великого, руководитель Приказа Казанского дворца, воспитатель юного Петра I («дядька царя»).

Голицын Михаил Михайлович (1675—1730) — князь, русский полководец, генерал-фельдмаршал (1725), соратник царя Петра I. Прославился в Северной войне (1700—1721).

Головкин Гавриил Иванович (1660—1734) — граф, первый в России государственный канцлер, кабинет-министр, родственник царицы Наталии Кирилловны; стольник, затем верховный постельничий при царевиче Петре Алексеевиче (с 1677).

Головкин Юрий Александрович (1762—1846) — граф, дипломат, государственный деятель. Сенатор (с 1796), оберцеремониймейстер (1800— 1820), президент Коммерц-коллегии (с 1807). Удостоен всех высших российских орденов.

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — светлейший князь, видный российский дипломат и государственный деятель, канцлер, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Григорович Иван Иванович (ум. в 1852) — русский археолог,

историк, археограф, священник, собиратель рукописей по истории Белоруссии. Принадлежал к «западнорусскому» историческому направлению.

Гримм Фридрих Мельхиор (1723—1807) — барон, немецкий публицист эпохи Просвещения, критик и дипломат, многолетний корреспондент императрицы Екатерины II.

Гурьев Дмитрий Александрович (1758—1825) — русский государственный деятель, граф (1819), гофмейстер двора (с 1797), сенатор (с 1799), управляющий кабинетом (1801—1825), министр уделов (1806—1825), член Государственного совета (1810—1823), министр финансов (1810—1825).

Густав IV Адольф (ум. в 1837) — шведский король (1792—1809). Сын Густава III и Софии Магдалены Датской. На трон вступил после гибели отца, до совершеннолетия (1796) регентом при нем был его дядя, герцог Карл Сёдерманландский.

Деволан Франц Павлович (де Воллан, Де-Волант, Сент-Деволан) (1752—1818) — первый инженер в армиях Г А. Потемкина и А.В. Суворова, первый архитектор Вознесенска, Одессы, Новочеркасска, Тирасполя, строитель первого чугунного моста в Петербурге, первый инженер во главе Ведомства путей сообщения, первый член Комитета министров от этого ведомства, первый русский гидротехник, создавший самую большую водную систему в Европе, связавшую Петербург с Волгой и Белым морем.

Державин Гавриил (Гаврила) Романович (1743—1816) — русский поэт эпохи Просвещения, представитель классицизма. В различные годы занимал высшие государственные должности: правитель Олонецкого наместничества (1784—1785), губернатор Тамбовской губернии (1786—1788), кабинет-секретарь Екатерины II (1791 — 1793), президент Коммерцколлегии (с 1794), министр юстиции (1802—1803). Член Российской академии с момента основания.

Екатерина II Великая (Екатерина Алексеевна, урожд. София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская) (1729—1796) — императрица Всероссийская (1762—1796). Период ее правления считается золотым веком Российской империи.

Екатерина Павловна (1788—1819) — великая княгиня; четвертая дочь Павла I Петровича и Марии Федоровны. Первый муж Екатерины Павловны (1809—1812) Петер Фридрих Ольденбургский, второй (1816—1819) Вильгельм I (король Вюртемберга). Любимая сестра императора Александра I.

Елизавета Алексеевна (Луиза Мария Августа) (1789—1826) — русская императрица, супруга Александра I, дочь маркграфа Карла Людвига Баден-Дурлахского. Ее мать была сестрой первой супруги Павла I, великой княгини Натальи Алексеевны. Венчалась

28 сентября 1793 года. Дочери Мария (1799—1800) и Елизавета (1806—1808) умерли во младенчестве.

Елизавета Петровна (1709—1761) — российская императрица (с 1741) из династии Романовых, дочь Петра I и Екатерины Алексеевны (будущей императрицы Екатерины I).

Жомини Генрих (Антуан Анри Жомини) (1779—1869) — барон, французский и русский военный писатель, французский бригадный генерал. Оставил мемуары по истории Наполеоновских войн.

Завадовский Петр Васильевич (1739—1812) — русский государственный деятель, граф, первый министр народного просвещения Российской империи.

Зеабермудес Франциско (1772—1850) — испанский государственный деятель, посол в Константинополе (1820—1823), в Лондоне (1823—1824), министр-президент в Испании (1824), затем опять посол в Дрездене и в Лондоне (1826-1833).

Зубов Платон Александрович (1767—1822) — князь, близкое лицо к императрице Екатерине II (с 1789); произведен в высшие чины из поручиков конной гвардии, наделен графским достоинством и громадными поместьями. Генерал-фельдцейхмейстер, новороссийский генерал-губернатор, начальник Черноморского флота. Участник заговора против императора Павла I.

Калайдович Константин Федорович (1792—1832) — археограф и историк.

Каменский Михаил Федотович (1738 —1809) — граф, генерал-фельдмаршал, сын гоф-юнкера, служившего при Петре I.

Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг) (1774—1845) — граф, писатель и государственный деятель, генерал от инфантерии, министр финансов (1823— 1844). При нем осуществлена денежная реформа (1839— 1843).

Караджич Вук Стефанович (1787—1864) — сербский языковед.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — русский историк-историограф, писатель, поэт, почетный член Петербургской академии наук (с 1818). Создатель «Истории государства Российского» (1803—1826) — одного из первых обобщающих трудов по истории России. Редактор «Московского журнала» (1791 — 1792) и «Вестника Европы» (1802—1803).

Карл Людвиг Иоанн (Карл Австрийский-Тешен) (1771—1847) — эрцгерцог Австрийский и герцог Тешенский, знаменитый полководец, сын императора Леопольда II, 54-й великий магистр Тевтонского ордена (1801 — 1804). Герцогство Тешенское он унаследовал от усыновившего его дяди, принца Альберта

Саксонского, сына польского короля Августа III, в 1822 году. Родоначальник тешенской ветви дома Габсбургов.

Кёнпен Петр Иванович (1793—1864)— русский ученый немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук (с 1839). Издавал труды по истории, географии, этнографии, демографии и статистике.

Коленкур Арман Огюст Луи де (1772—1821) — герцог, дивизионный генерал, доверенное лицо Наполеона, оставил воспоминания о походе Наполеона в Россию.

Константин Павлович (1779 — 1831) — цесаревич и великий князь, второй сын Павла I и Марии Федоровны. На протяжении 16 дней, с 27 ноября (9 декабря) по 13 (25) декабря 1825 года, официальные учреждения в Петербурге и Москве под присягой признавали его императором и самодержцем Всероссийским Константином I, хотя фактически он никогда не царствовал и своего вступления на престол не признавал.

Коцебу Отто Евстафьевич (1788—1846) — российский мореплаватель, капитан первого ранга.

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — князь (1831), дипломат, чрезвычайный посланник в Константинополе, член Коллегии иностранных дел и вице-канцлер, министр внутренних дел (1802—1812 и 1819—1825), председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1827).

Кошелев Родион Александрович (1749—1827) — русский государственный деятель, дипломат. Член Государственного совета (с 1810), обер-гофмейстер (с 1809), действительный тайный советник (с 1808), камергер. Известный мистик и масон.

Крузенштерн Иван Федорович (Адам Иоганн) (1770—1846) — российский мореплаватель, адмирал.

Куракин Александр Борисович (1752—1818) — князь, дипломат, крупный масон. Учился с цесаревичем Павлом. Вице-канцлер, президент Коллегии иностранных дел (1796—1802), сенатор (с 1798), член Государственного совета (с 1810). Посол в Вене, затем в Париже (1808—1812). Автор сенсационного проекта освобождения крестьян села Надеждина Саратовской губернии «Утвержденное положение кн. А.Б. Куракина для учреждения после его кончины богадельни, больницы и училища» (1807) и других, не приведенных в исполнение масонских проектов.

Куракин Алексей Борисович (1759—1829) — князь, российский государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса (с 1826); занимал ряд высших постов в царствование Павла I и Александра I.

Куракин Иван Семенович (ум. в 1632) — князь, боярин (с 1605), воевода и наместник Смоленский (1606), воевода

Тобольский (1616—1620). Видный государственный деятель в России периода Смутного времени. Член кружка бояр, возведших на престол князя Василия Шуйского.

Кутайсов Иван Павлович (1759—1834) — российский царедворец, выдвинувшийся в правление Павла I.

Кутузов Михаил Илларионович (Голенищев-Кутузов-Смоленский) (1745—1813) — прославленный русский полководец, генерал-фельдмаршал (с 1812), светлейший князь (с 1812). Герой Отечественной войны 1812 года, полный кавалер ордена Святого Георгия.

Лагарп Фредерик Сезар де (1754—1838) — швейцарский подданный, литератор, философ, политический деятель либеральных взглядов. По профессии адвокат. Воспитатель будущего русского императора Александра I (1780-е).

Лефорт Франц Яковлевич (Франц Якоб) (1655—1699) — российский государственный и военный деятель, генерал-адмирал, сподвижник Петра I.

Ливен Карл Андреевич (1767—1844) — граф, участник военных действий в Финляндии (1788), генерал-лейтенант (с 1799).

Лисянский Юрий Федорович (1773—1837) — российский мореплаватель и исследователь, капитан первого ранга.

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838) — князь, генерал от инфантерии, министр юстиции.

Лобойко Иван Николаевич (1786—1861) — русский литератор, историк, педагог; профессор российской словесности Виленского университета (1821-1832).

Лопухина Наталья Федоровна (1699—1763) — племянница Анны Монс, статс-дама императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, по приказу последней выпоротая, лишенная языка и сосланная в Сибирь.

Людовик XVIII (Луи Станислас Ксавье) (1755—1824) — король Франции (1814—1824, с перерывом в 1815), брат Людовика XVI, носивший во время его царствования титул графа Прованского и почетное именование Месье, а потом, во время эмиграции, принявший титул графа де Лилль. Занял престол в результате реставрации Бурбонов, последовавшей за свержением Наполеона I.

Мария Антуанетта (урожд. Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбургско-Лотарингская) (1755—1793) — королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии Терезии. Супруга короля Франции Людовика XVI.

Мария Луиза (1791 — 1847) — эрцгерцогиня Австрийская, дочь императора Франца II, племянница Марии Антуанетты,

вторая жена Наполеона I.

Мария Федоровна (урожд. София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская) (1759—1828) — российская императрица (с 1801 — вдовствующая), вторая супруга императора Павла I, мать Александра I и Николая I.

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — российский государственный и военный деятель, сподвижник и фаворит Петра Великого, после его смерти — фактический правитель России (1725—1727). Светлейший князь Российской империи, Священной Римской империи и герцог Ижорский (единственный русский дворянин, получивший герцогский титул). Первый член Верховного тайного совета Российской империи, президент Военной коллегии, первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1703—1727), первый российский сенатор. Генерал-фельдмаршал (1709), полный адмирал (1726), генералиссимус морских и сухопутных войск (1727).

Местр Жозеф Мари де (1753—1821) — граф, французский (сардинский) католический философ, литератор, политик и дипломат. Известен как один из наиболее влиятельных идеологов консерватизма в конце XVIII — начале XIX века.

Меттерних Клемент Венцель Лотар фон (1773—1859) — австрийский государственный деятель, дипломат, министр; князь, герцог Порталла.

Милорадович Михаил Андреевич (1771 — 1825) — граф, известный боевой генерал. Потомок выходцев из Герцеговины.

Митрополит Евгений (в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов) (1767—1837) — митрополит Киевский и Галицкий, церковный историк, археограф и библиограф.

Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — граф (1834), адмирал (1797), морской министр (1802), председатель Департамента государственной экономики, с 1818 года — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

Моро Жан Виктор (1763—1813) — сын адвоката, генерал Первой французской республики.

Муравьев Никита Михайлович (1795—1843) — капитан Гвардейского генерального штаба. Из дворян. Один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия (Коренного совета), член правления Верховной думы Северного общества, автор проекта конституции. Декабрист.

Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744—1817) — граф, российский государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей. Член Российской академии (с 1789), президент Академии художеств (1794—1799).

Наполеон I Бонапарт (1769— 1821) — император Франции (1804—1815), французский полководец и государственный деятель, заложивший основы современного Французского государства.

Нарышкина Анна Никитична (1730—1820) — дочь генерал-майора Никиты Ивановича Румянцева от брака с княжной Марией Васильевной Мещерской. В 1749 году вышла замуж за камергера великого князя Петра Федоровича Александра Александровича Нарышкина (1726—1795). Сблизилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной, стала ее подругой и преданной «пособницей в любовных интригах». После восшествия Екатерины II на престол оставалась «наперсницей ее сердечных тайн», пожалована в статс-дамы (1773), награждена орденом Святой Екатерины (1787). Императором Павлом I назначена гофмейстериной высочайшего двора (1796).

Нарышкина Мария Антоновна (урожд. польская княжна Святополк-Четвертинская) — жена обер-егермейстера Д.Л. Нарышкина, фаворитка императора Александра I. По свидетельствам современников, была ослепительной красавицей. Александр в течение пятнадцати лет жил с Нарышкиной и имел от нее двух дочерей и сына.

Наталья Алексеевна (урожд. Вильгельмина Луиза Гессен-Дармштадтская) (1755—1776) — великая княгиня, первая жена великого князя Павла. Повенчана 29 сентября 1773 года. Детей от этого брака не было.

Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт фон Нессельроде) (1780—1862) — граф, российский государственный деятель, канцлер, занимал пост министра иностранных дел.

Николаи Андрей Львович (Людвиг Генрих фон Николаи) (1737 — 1820) — барон, поэт, библиотекарь и педагог, наставник императора Павла I. Член кабинета императора Павла I в звании государственного секретаря (с 1796). Президент Российской академии (1798—1803).

Новосильцев Николай Николаевич (1761—1836) — государственный деятель, действительный тайный советник (с 1824), личный друг Александра I.

Ожаровский Адам Петрович (1776—1855) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета царства Польского и сенатор Варшавских департаментов Правительствующего сената.

Ольденбургский Георгий Петрович (Петер Фридрих Георг фон Ольденбург) (1784—1812) — принц, первый супруг великой княжны Екатерины Павловны, генерал-губернатор Эстляндии, генерал-губернатор тверской, ярославский и новгородский,

главный директор Управления водными и сухопутными сообщениями.

Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) (1686—1747) — российский государственный деятель, дипломат, граф (1730). Член Верховного тайного совета. Фактический руководитель внутренней и внешней политики России при Анне Иоанновне.

Павел I Петрович (1754—1801) — император Всероссийский (1796— 1801) из династии Романовых, сын Петра III Федоровича и Екатерины II Алексеевны.

Пален Петр Людвиг (Петр Алексеевич) (1745 —1826) — русский военный деятель, генерал от кавалерии (1798), граф (1799), один из участников заговора против императора Павла I.

Панин Никита Иванович (1718—1783) — русский дипломат и государственный деятель, граф, наставник великого князя Павла Петровича (с 1760).

Панин Никита Петрович (1770—1837) — российский дипломат, граф, вице-канцлер (1799), один из организаторов заговора против императора Павла I.

Петелин Иван — казак из города Томска времен царя Михаила Федоровича; известен как составитель «Росписи китайскому государству и по-обинскому и иным государствам, жилым и кочевым улусам и великой Оби реки и дорогам».

Потемкин Григорий Александрович (Потемкин-Таврический) (1739— 1791) — великий русский государственный деятель, граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал (1784). Фаворит, по некоторым данным, морганатический супруг Екатерины II (с 1774). Член Российской академии (с 1783).

Путятин Ефим (Евфимий) Васильевич (1803—1883) — российский государственный и военный деятель, граф, адмирал. Его именем названы мыс и остров в Японском море, мыс в бухте Провидения (Анадырский залив Берингова моря).

Пфуль (Фуль) Карл Людвиг Август (1757—1826) — прусский военный теоретик.

Рагузинский-Владиславич Савва Лукич (1668—1738) — граф Рагузинский, или Иллирийский, выдающийся российский дипломат. По национальности серб, потомок герцеговинеких князей Владиславичей.

Резанов Николай Петрович (1764—1807) — государственный деятель, камергер, один из основателей Российско-американской компании.

Ремюза Клара Елизавета Жанна де (1780—1821) — графиня, французская писательница.

Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — генерал-

фельдмаршал, князь, один из виднейших деятелей екатерининской эпохи, боевой генерал и удачливый дипломат.

Рибас Хосе де (Осип Михайлович Дерибас) (1749—1800) — по происхождению испанский дворянин, русский военный и государственный деятель. Основатель Одесского порта и города Одессы.

Ришелье Арман Эмманюэль де, герцог де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон (Эммануил Осипович де Ришелье) (1766—1822) — французский и российский государственный деятель.

Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826) — граф (1799), русский государственный деятель, московский градоначальник, генерал-губернатор Москвы, писатель, публицист.

Румянцев Александр Иванович (1679—1749) — генерал-аншеф, генерал-адъютант, граф, денщик и ближайший помощник Петра I, выполнял разные дипломатические поручения. Астраханский и казанский губернатор (с 1735), правитель Малороссии (1738—1740), посол в Царьграде (с 1740). Отец графа П.А. Румянцева-Задунайского

Румянцев Сергей Петрович (1755—1838) — русский государственный деятель. Сын П.А. Румянцева-Задунайского и брат Н.П. Румянцева. При Екатерине II на дипломатической работе. В 1797—1799 годах главный директор Вспомогательного для дворянства банка, министр уделов. Член Государственного совета (1802—1833). Инициатор принятия Указа Александра I «О вольных хлебопашцах» (1803).

Румянцева Екатерина Михайловна (1724—?) — графиня, дочь знаменитого сподвижника Петра I, фельдмаршала князя М.М. Голицына, от брака с Т.Б. Куракиной. Родная сестра полководца, князя Н.М. Голицына. Жена графа П.А. Румянцева. Мать Н.П. и С.П. Румянцевых.

Румянцева Мария Андреевна, урожденная Матвеева (1699—1788) — мать полководца Румянцева-Задунайского, по слухам, рожденного ею от Петра Великого, графиня, статс-дама, гофмейстерина.

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — русский военный и государственный деятель, граф (1744), генерал-фельдмаршал (1770). Кавалер орденов российских Святого апостола Андрея, Святого Александра Невского, Святого Георгия 1-го класса и Святого Владимира I степени, прусского Черного орла и Святой Анны I степени. Отец Н.П. и С.П. Румянцевых.

Савари Анн Жан Мари Рене (1774—1833) — французский политический и военный деятель, герцог Ровиго.

Салтыков Николай Иванович (1736—1816) — граф (1790),

князь (1814), военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1796).

Селим III (1761—1808)-султан Османской империи (1789-1807), сын Мустафы III. Намеревался реорганизовать Османское государство по европейскому образцу. Закончил войну с Россией невыгодным для себя Ясским миром (1792). Нападением генерала Бонапарта на Египет был вовлечен в войну с Францией(1798).

Сивере Яков Ефимович (Яков Иоганн) (1731—1808) — русский политический деятель, новгородский губернатор, чрезвычайный посол в Польше, действительный статский советник, один из членов-учредителей Вольного экономического общества.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — общественный и государственный деятель времен Александра I и Николая I, реформатор, законотворец, основатель российской юридической науки и теоретического правоведения. Член Российской академии (1831), почетный член Петербургской академии наук. Масон (ложа «Полярная звезда»).

Строганов Павел Александрович (1772—1817) — российский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, граф.

Строев Павел Михайлович (1796—1876) — историк, археограф и библиограф, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Суворов Александр Васильевич (1729—1800) — великий русский полководец, не потерпевший ни одного поражения, один из основоположников русского военного искусства, светлейший князь Италийский (1799), граф Рымникский, граф Священной Римской империи, генералиссимус российских сухопутных и морских сил, генерал-фельдмаршал австрийских и сардинских войск, гранд Сардинского королевства и принц королевской крови (с титулом «кузен короля»), кавалер всех российских и многих иностранных военных орденов.

Талейран-Перигор Шарль Морис де (1754—1838) — французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трех режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи Филиппа. Известный мастер политической интриги. Имя «Талейран» стало нарицательным для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра Великого, один из руководителей его секретной службы (Преображенского приказа и Тайной канцелярии).

Томон Тома де (1760— 1813) — выдающийся французский архитектор, работавший в России.

Трощинский Дмитрий Прокопович (1754—1829) — один из немногих выходцев из Малороссии, достигших высших эшелонов власти благодаря труду и честному служению.

Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860) — герой Отечественной войны 1812 года, один из наиболее известных декабристов.

Уваров Федор Петрович (1769—1824) — генерал-адъютант и генерал-майор (1799), генерал от кавалерии (1814), командир гвардейского корпуса (с 1821). Входил в ближайшее окружение императора Александра I.

Франц I (1768—1835) — из династии Габсбургов. Король Венгрии (1792—1830), король Чехии (1792—1835), немецкий король и император Священной Римской империи (1792—1806), император Австрии (1804— 1835). Сын Леопольда II и Марии Людовики Испанской.

Фридрих II Великий (1712—1786) — король Пруссии (1740—1786). Яркий представитель просвещенного абсолютизма и один из основоположников прусско-германской государственности.

Чарторыйский Адам Ежи (Адам Адамович Чарторыйский) (1770— 1861) — польский и российский государственный деятель, писатель, меценат, попечитель Виленского университета.

Чернышев Александр Иванович (1786—1857) — князь, генерал-адъютант, член Следственной комиссии по делу декабристов.

Чернышев Григорий Петрович (ум. в 1745) — русский военачальник и государственный деятель, граф, один из сподвижников Петра I.

Чичагов Павел Васильевич (1767—1849) — русский адмирал.

Шампаньи Жан Батист Номпер (1756—1834) — французский политический деятель.

Шафиров Петр Павлович (1669—1739) — барон, дипломат петровского времени.

Шварценберг Карл Филипп (1771—1820) —ландграф Клеттгау, граф Зульц, князь, австрийский фельдмаршал и генералиссимус времен Наполеоновских войн.

Шелехов (Шелихов) Григорий Иванович (1747—1795) — русский исследователь, мореплаватель, промышленник и купец.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1701), граф (1706).

Шувалов Павел Андреевич (1774—1896) — граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант.

Юсупов Николай Борисович (1751—1831) — путешественник,

эрудит, меценат. Был советником и другом императрицы Екатерины II, гордился дружбой с королем Пруссии Фридрихом Великим и императором Австрии Иосифом II, был знаком с Дидро, Д' Аламбером и Бомарше.

Ягужинский Павел Иванович (1683—1736) — граф, генерал-аншеф, русский государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I.

Яшвиль Лев (Леван) Михайлович (1772 [по другим данным — 1768] — 1836) — князь, генерал от артиллерии, участник Русско-турецкой войны (1787—1791), военных действий в Польше (1794), участник войн с Францией (1805—1807), герой Отечественной войны 1812 года. Кавалер всех высших российских орденов. Участник заговора против императора Павла I.

ЛИТЕРАТУРА

Vandal A. Napoleon et Alexander Г. 3 tom. Paris: Ed Pion, 1891—1896.

Алданов М.А. Святая Елена, маленький остров // *Алданов М.А.* Мыслитель: Тетралогия. М.: АСТ-ЛТД; Харьков: Фолио, 1998.

Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. III. Ч. 2.

Борисов Н.С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Молодая гвардия. 2010.

Бушков А. Русская Америка: слава и позор. СПб.: Нева, 2006.

Валишевский К. Вокруг трона / Репринт, воспроизведение изд. 1911 г. М.: СП «ИКПА», 1990.

ВаллотонА. Александр I. М.: Прогресс, 1991.

Вигель Ф.Ф. Записки / Под ред. С.Я. Штрайха. М.: Артель писателей «Круг», 1928. Репринт, изд. М.: Захаров, 2000.

Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем: В 4 ч. СПб.: Печатня Р. Голике, 1900.

Воспоминания А.П. Бутенева// Русский архив. 1881. Кн. III.

Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев: Биографический очерк. СПб., 1871.

Государственный Совет 1801—1901: [Краткий очерк деятельности за сто лет существования] / Составлено в Государственной канцелярии. СПб.: Государственная типография, 1901.

Гранин Д. Все было не совсем так. М.: Олма Медиа Групп, 2010.

Давыдов Д.В. Сочинения: В 3 т. / Под ред. А.О. Круглого. М., 1860.

Дипломатический словарь: В 2 т. / Ред. А.Я. Вышинский, А.С. Лозовская. М.: ОГИЗ, 1948-1950.

Дипак Л. Непреднамеренные последствия. М.: ИРИСЭН, 2007.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983.

Жихарев С.П. Записки современника: В 2 т. / Ред., комм, и вступ. ст. С. Штрайха. М.; Л.: Academia, 1934.

Зубов В.П. Император Павел I: человек и судьба. СПб.: Алетейа, 2007.

Императрица Екатерина II и граф Н.П. Румянцев: Переписка, 1790— 1795 гг. / Сообщ. Н.К. Шильдер // Русская старина. 1892. Т. XXXCV1. Октябрь.

Инструкция Великого князя Павла Петровича Великой княгине Марии Федоровне (1776) // Русская старина. 1898. Т. XCIII. Февраль.

История XIX века: Западная Европа и внеевропейские государства: В 8 т. / Под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. СПб.: Товарищество «Гранат», 1905-1907.

История дипломатии: В 3 т. / Под ред. В.П. Потемкина. М.: ОГИЗ, 1941-1945.

Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русский архив. 1870.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005.

Койвисто М. Русская идея. М.: Весь мир, 2002.

Лабынцев Ю.А. На благое просвещение. Минск: Нац. б-ка Беларуси, 1999.

Лопатников В.А. Забытые страницы выдающейся судьбы // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII—XXI вв.: Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14—16 июня 2005 г.). СПб.: Изд-во РНБ, 2007.

Молин Ю.А. Романовы. Путь на Голгофу: Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб.: Сударыня, 2004.

Молчанов В.Ф. Государственный канцлер России Н.П. Румянцев. М.: Пашков дом, 2004.

Молчанов В.Ф. Книжная культура XIX века: Эпоха, судьба, наследие Н.П. Румянцева. М.: Пашков дом, 2006.

Морозов В.Ф. Гомель классической эпохи // *Морозов В.Ф.* Эпоха. Меценаты. Архитектура. Минск: Изд-во «Четыре четверти», 1997.

Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1963.

Петелин В.В. Фельдмаршал Румянцев: 1725—1796. М.: Центрполиграф, 2006.

Письма А.А. Безбородко к графу П.А. Румянцеву, 1775—1793 гг. / Предисл. и прим. П.М. Майкова. СПб., 1900.

Письма Екатерины II к барону Гримму// Русский архив. 1878. Кн. III.

Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: В 2 т. М.:Терра, 1996.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: В 45 т. СПб., 1830. Т. XXVI, XXVII: 1802-1803.

Рассолов М. Канцлер Румянцев-Гомельский М.: Тетра, 2006.

Романов Ник. Мих. Вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912.

Россия и США: становление отношений. 1765—1815 / Сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж. Х. Браун и др. М.: Наука, 1980.

«Русская старина» за 1888, 1895 годы // Русская старина: Ежемесячное историческое издание: В 175 т. Репринтное издание

1870—1918. СПб.: Альфарет, 2007—2009.

Русский биографический словарь: Т. 17. Романова — Рясовский / Русское историческое общество: [под ред. Б.Л. Модзалевского]. Пг: Тип. Акц. общества «Кадима», 1918.

Санкт-Петербургские ведомости. 1796. № 47; 1798. № 83; 1800. № 180.

Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л.: Наука, 1988.

Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып. 1.

Систематический каталог делам государственной Коммерц-коллегии / Сост. Н. Найденов. СПб.: Тип. Киршбаума, 1884.

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1996. Т. 17.

Соловьева Т.А. Классический «треугольник» страницы личной жизни Н.П. Румянцева // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII—XXI вв.: Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14—16 июня 2005 г.). СПб.: Изд-во РНБ, 2007.

Соловьева Т. Потаенная любовь государственного канцлера // Новый журнал. 1999. № 4.

Соловьева Т. Румянцевский особняк в Санкт-Петербурге. СПб.: Logos, 2002.

Талейран: Мемуары. М.: Изд-во Института международных отношений, 1959.

Тарле Е.В. Талейран. М.; Л.: Академия наук СССР, 1948.

Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1890.

Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России // Соч. А. Терещенко: В 3 ч. СПб.: Типография Императорской российской академии, 1837. Ч. II: Канцлеры.

Томсинов В. Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003.

Троицкий Н.Л. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994.

Федорова Е.В. Давние века истории России. М.: Новый ключ, 2008.

Филин М. Толстой-Американец. М.: Молодая гвардия, 2010.

Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М.: Любимая Россия, 2009.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897-1898.

Шумигорский Е.С. Императрица Мария Феодоровна (1759—1828): Ея биография. СПб., 1892.

Эйдельман Н. Из потаенной истории России XVIII—XIX веков. М.: Высшая школа, 1993.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА РУМЯНЦЕВА

1754, 3 апреля — родился в семье фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского и графини Е.М. Румянцевой (урожденной Голицыной). Получил хорошее домашнее образование под надзором матери, нанимавшей лучших учителей.

1760 — записан в лейб-гвардии конный полк.

1768 — переведен в лейб-гвардии Семеновский полк. Числился «служащим ординарцем при Брюсе».

1769, 1 января — за службу отца пожалован в прапорщики.

1772, 1 августа — получил чин камер-юнкера. В этом качестве стал числиться при дворе Екатерины II.

1774, 14 апреля — 1776, 6 сентября — для пополнения образования путешествовал по Европе под наблюдением Ф.М. Гримма, слушал лекции в Лейденском университете, встречался с Вольтером.

1776 — служба при «малом дворе» (до 1781 года).

1779, 5 мая — пожалован в камергеры.

1781 — находился на дипломатической службе во Франкфурте-на-Майне (до 1795 года). Одновременно (с 1793 года) — являлся и представителем императрицы при брате казненного Людовика XVI — будущем короле Людовике XVIII.

1791, 1 января — возведен в тайные советники.

1792 — по особому поручению Екатерины II подыскивал принцесс для женитьбы на них внуков императрицы.

1795, ноябрь — прибыл в Санкт-Петербург и назначен в состав Особой комиссии по изменению курса медной монеты.

1796, 11 апреля — назначен директором Государственного Заемного банка и одновременно сенатором Первого департамента Сената.

16 ноября — стал гофмейстером высочайшего двора.

22 ноября — возведен в обер-гофмейстеры высочайшего двора.

26 ноября — получил чин действительного тайного советника.

1797, 18 декабря — назначен одним из директоров Вспомогательного для дворянства банка.

1798, 6 сентября — уволен от службы с указанием «уехать в

чужие края».

1801, 17 августа — назначен членом Государственного совета.

21 августа — директор Департамента водных коммуникаций и устроения в империи дорог (по 1809 год).

27 августа — назначен в присутствие в Первом департаменте Сената.

1802 — получил назначение министром коммерции (с учреждения и до ее ликвидации 25 июня 1811 года).

1808, 12 февраля — утвержден в должности министра иностранных дел с сохранением всех прежних должностей.

1809, 5 сентября — заключил Фридрихсгамский мирный договор, утверждавший за Россией Финляндию.

7 сентября — возведен в чин Государственного канцлера.

1810, 1 января — назначен председателем Государственного совета с сохранением прежних должностей (до 1813 года).

1812, 8 июля — заключил союзный договор с Испанией.

1813, 9 апреля — подал заявление об отставке.

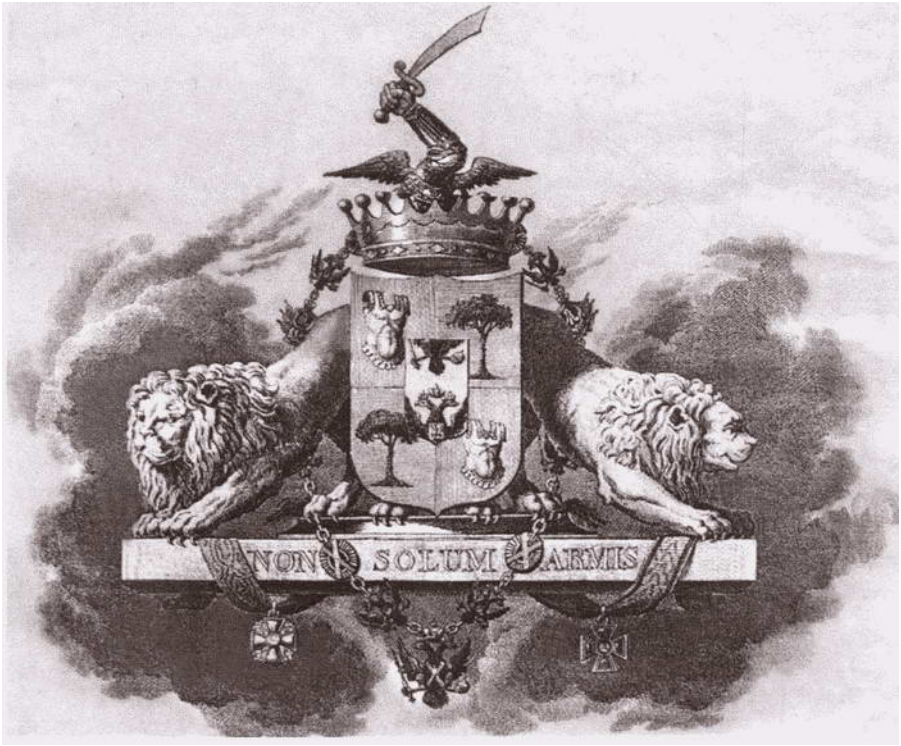
1814, 1 августа — отставка была подписана императором «с пожизненным сохранением звания Государственного канцлера».

1826, 3 января — Николай Петрович Румянцев скончался.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Император Петр I. Портрет работы Крамского, 1871 г.

Генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский, отец Н.П. Румянцева. Портрет, 1770-е гг.



Герб рода Румянцевых

РУМЯНЦЕВЫ
ПОБЕДАМЪ

Румянцевский обелиск. Архитектор Бренна, XVIII в.

Николай Петрович Румянцев. Портрет работы Рокотова, XVIII в.

Вольтер. Рисунок, XVIII в.

Барон Мельхиор Гримм. Гравюра с оригинала Кармонтеля, XVIII в.

Александр I, Павел I, Екатерина II. Гравюра, 1814 г.

Великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна. Портреты работы Скородумовя, 1782 г.

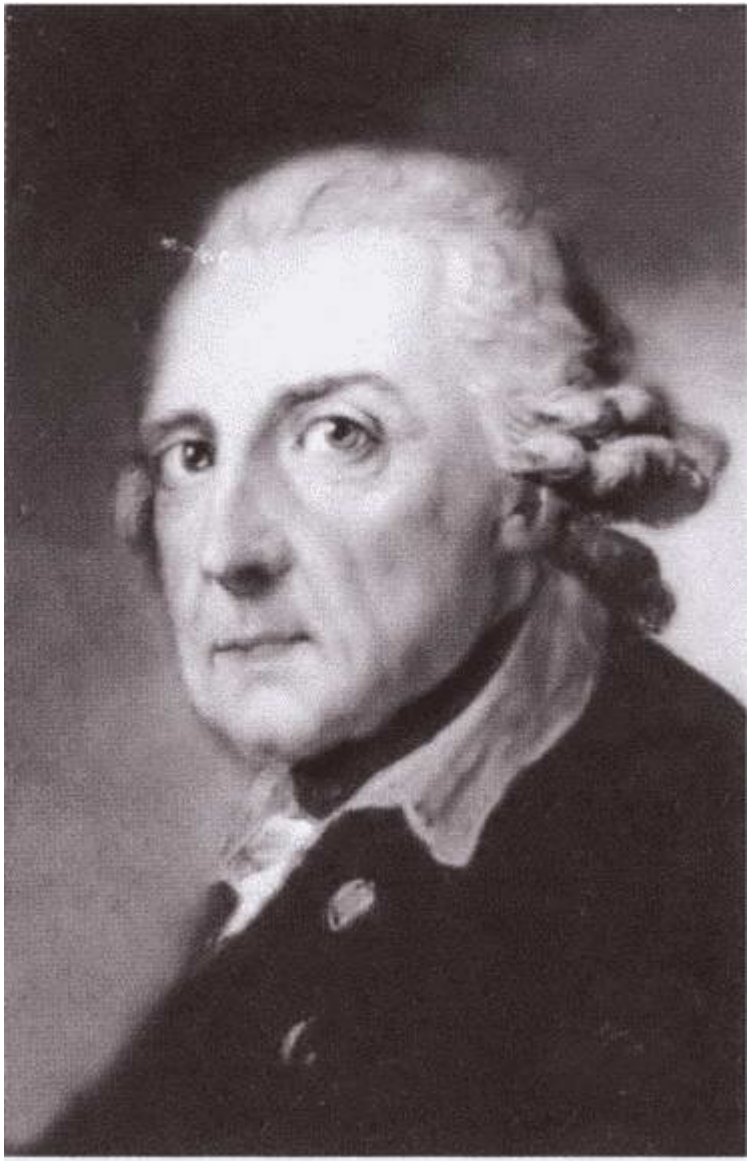
Императорский дворец в Павловске. Литография Шульца с оригинала Мейера, XIX в.

Великие князья Александр и Константин Павловичи и великие княжны Александра,

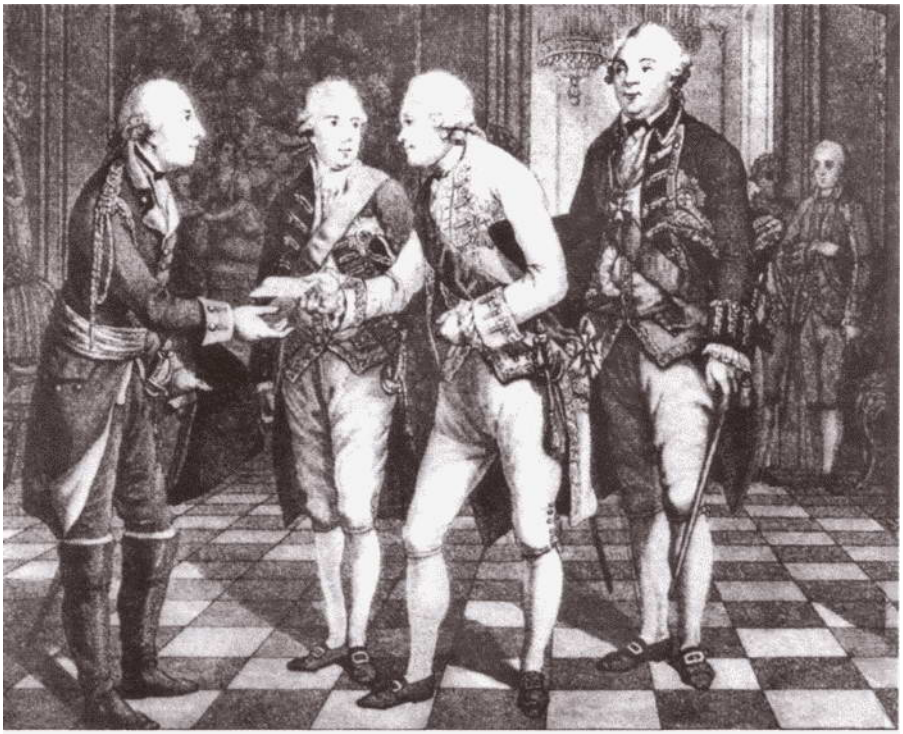
Елена, Мария и Екатерина Павловны. Гравюра с камеи, выполненной великой княгиней Марией Федоровной в 1790 г.

«Собственный садик» из окон Большого дворца. Современное фото

Н. П. Румянцев. Миниатюра Стрейли, 1797 г.



Фридрих Великий. Портрет работы Графа, 1781 г. Фрагмент



Дипломаты на приеме у Фридриха II. Гравюра, XVIII в.

Великий князь Александр Павлович. Портрет работы Вуаля, 1792 г.

Великая княгиня Елизавета Алексеевна. Портрет, конец XVIII в.

Князь Лев Михайлович Яшвиль. Портрет работы Доу, 1822—1825 гг.

Граф Петр Алексеевич Пален. Гравюра, XVIII в.

Вид Михайловского замка со стороны площади Коннетабль. Акварель Патерсена, 1801 г.

Александр I и Елизавета Алексеевна. Гравюра Кудрекова, 1802—1803 гг.

Книга присяги членов Государственного совета

Адам Ежи Чарторыйский. Гравюра Золихана с оригинала Паска, начало XIX в.

Князь Виктор Павлович Кочубей. Портрет работы Жерара, 1809 г. Фрагмент

Фредерик Сезар де Лагарп. Литография, начало XIX в.

Николай Николаевич Новосильцев.Портрет работы Щукина, 1808 г.

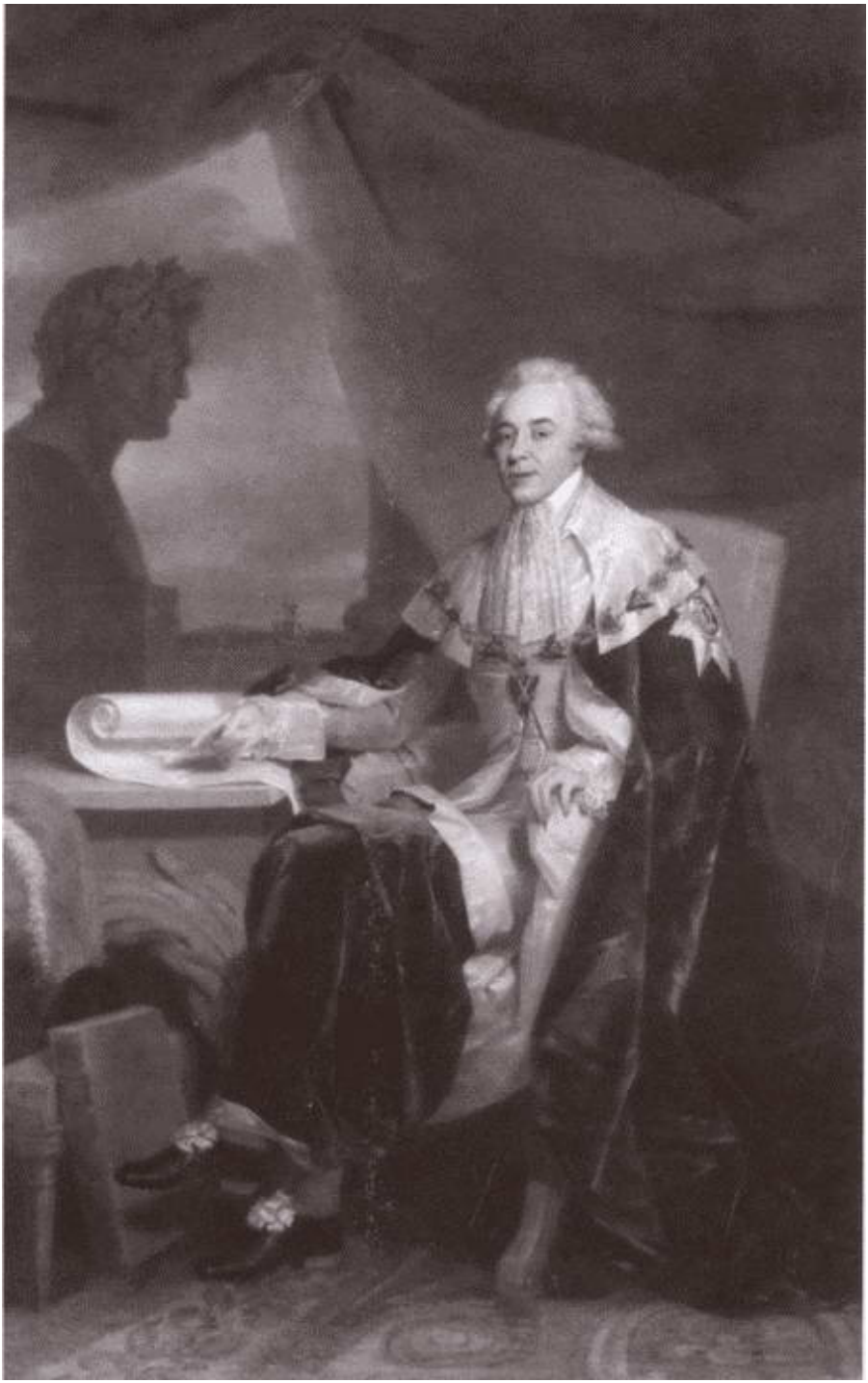
Граф Павел Александрович Строганов. Литография Сент-Обена, 1815 г. (?)

Наказание женщины кнутом. Гравюра, XVIII в.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев. Литография Клюквина с оригинала Доу, 1840-е гг.

Михаил Михайлович Сперанский. Портрет, 1812 г. (?)

Смотр пехоты на Дворцовой площади. Гравюра, начало XIX в.



Николай Петрович Румянцев. Портрет работы Д. Доу, 1827 г.

Николай Петрович Румянцев в 1812—1822 годах. Гравюра Скотникова, XIX в.

Яков Ефимович Сиверс. Портрет работы Грасси, XVIII в.

Бурлаки на Волге. Картина Репина, 1870-1873 гг.

Августин Бетанкур. Портрет, начало XIX в.

Франц Павлович Деволан. Рисунок, 1805 г.

Вид Зимнего дворца. Гуашь Барта, 1810-е гг.

Осип Михайлович де Рибас. Гравюра, XVIII в.

Герцог Арман Эммануэль Ришелье. Гравюра, XVIII в.

Памятник герцогу де Ришелье в Одессе. Гравюра, XIX в.

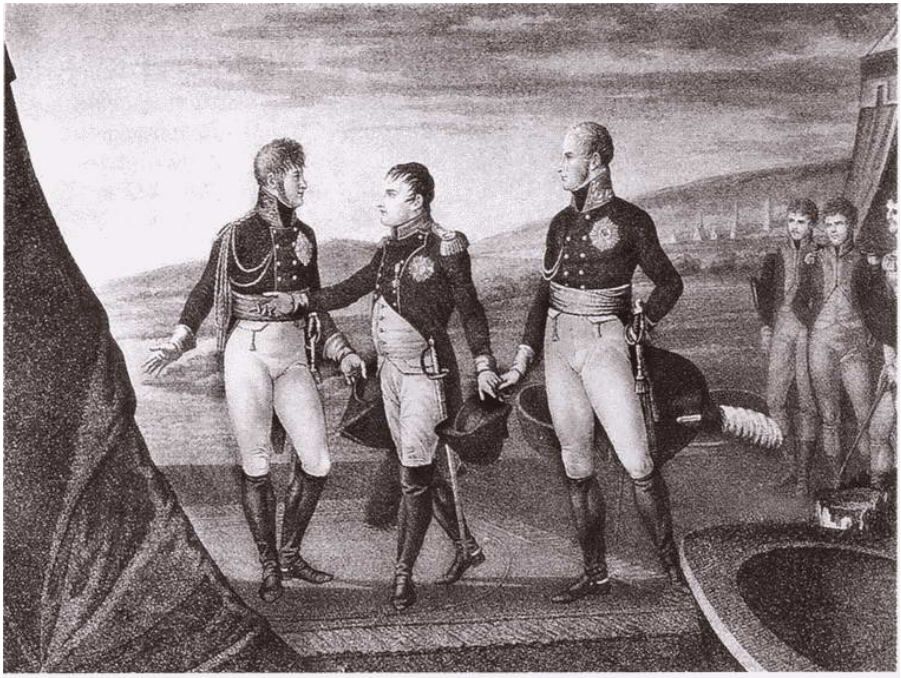
Николай Петрович Резанов. Гравюра, XIX в.

Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Портрет, XIX в.

Парусные шлюпы «Надежда» и «Нева»

Генерал Наполеон Бонапарт. Гравюра, XIX в. Фрагмент

Битва при Аустерлице. Картина Жерара, 1807 г.



Свидание Александра I с Наполеоном в Тильзите 13 (25) июня 1807 года. Гравюра Гюгеля с оригинала Вольфа, начало XIX в.

Встреча Александра I и Наполеона на Немане. Раскрашенная гравюра Куше, 1807 г.

Императрица во вдовстве Мария Федоровна. Литография Ветлузского с оригинала Доу, XIX в.

Великая княгиня Анна Павловна. Гравюра, XIX в.

Великая княгиня Екатерина Павловна. Гравюра Меку с оригинала Беннера, 1818 г.

Арман Огюст Коленкур. Гравюра Гопвуда, XIX в.

Шарль Морис Талейран. Гравюра, XIX в.

Анн Жан Мари Савари. Гравюра, XIX в.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Портрет работы Доу, 1829 г. Фрагмент

Наполеон на поле битвы при Прейсиш-Эйлау. Картина Гро. 1808 г.

Генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Литография Сент-Обена. 1815 г. (?)

Въезд императора Александра I в Париж. Цветная литография, XIX в.

Памятник Николаю Петровичу Румянцеву в Гомеле. Скульптор А. Соколов, 2008 г.

Гомельский дворец Румянцевых. Современное фото

Митрополит Евгений (Болховитинов). Портрет, XIX в.

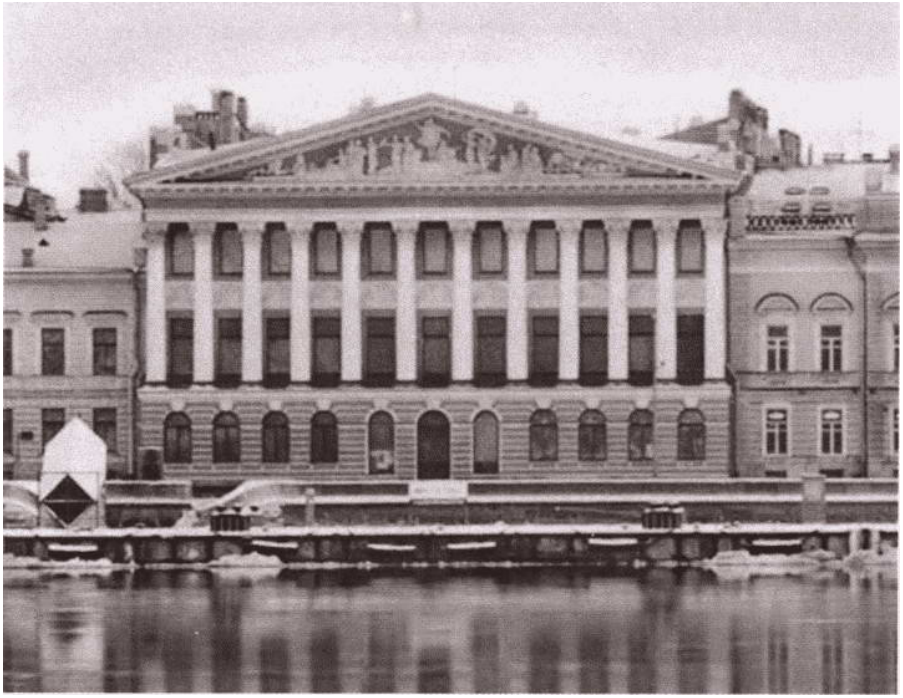
Собор святых Петра и Павла в Гомеле, где был похоронен Н.П. Румянцев. Современное фото

Статуя Мира скульптора А. Кановы, выполненная по заказу Н.П. Румянцева. Мрамор, 1811-1814 гг.

Николай Михайлович Карамзин. Гравюра Фролова с оригинала Гропинина, 1815 г.

Александр Христофорович Востоков. Гравюра, XIX в.

Сергей Петрович Румянцев. Литография Жульена, 1830-е гг.



Особняк Н.П. Румянцева на Английской набережной в Санкт-Петербурге. Современное фото

Я имѣю Курьерское въ вашу отправленіе
моего послѣдовать отъ васъ на шесть
дней, то я покорнѣйше прошу ваше Превосход-
тельство донесть о семъ Его Император-
скому Величеству.

Честь имѣю быть съ совершеннѣйшимъ
почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ Николай Румянцовъ

Апрѣля 7 2го
1812

ISBN 978-5-235-03460-0

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

В марте 2011 года в России — впервые после 1917 года — в Мариинском дворце Санкт-Петербурга состоялись торжества в связи со 150-летием принятия исторического Манифеста об отмене крепостного права от 19 февраля (3 марта) 1861 года. Реформы, вызванные этим императорским актом, преобразили Россию. Царь-освободитель Александр II стал настолько высокочтимой фигурой, что в каждом большом и малом российском городе ему были установлены памятники (накануне 1917 года их насчитывалось, по некоторым данным, около 14 тысяч). К началу XXI века осталось только два — за рубежом, в Софии и Хельсинки. Большевики отвергли историческое значение реформ Александра II, объявив освободителями России себя. Началось возведение памятников «подлинным борцам за народное счастье». С пьедесталов низвергалось всё, что напоминало бы о «царском режиме». На освободившиеся места водружались скульптурные изображения героев-большевиков, прежде всего В. И. Ленина. В ту пору величественный памятник Александру II, стоявший на берегу Волги в Рыбинске, подвергся поруганию: его сбросили в Волгу, а постамент использовали для памятника Ленину. К 150-летию Манифеста об отмене крепостного права памятник Александру II в Рыбинске решили установить вновь — на прежнем месте и на том же пьедестале.

По этой причине чтение дошедших до нас документов порой вызывает трудности, недоумение. Витиеватость, странные обороты речи — свойства, какими страдает канцелярский язык XVIII—XIX веков.

3

Велисарий — знаменитый византийский полководец VI века.

4

Именно после этой поездки по Европе цесаревича и его супруги меж ду Николаем Румянцевым и Марией Федоровной завязалась активная переписка.

5

Осуществить дворцовый переворот мирными средствами не удалось. Хотели как лучше… С тех пор история имперского и советского времени знает примеры, когда отстранение от власти без кровопролития верхов ной элите удавалось: в отношении Николая II в 1917 году и в отношении Н.С. Хрущева в 1964-м.

Два этих эпизода кое-кем рассматривались как дурные предзнаменования, что впоследствии и в самом деле нашло свое подтверждение: Александр I в последнее десятилетие царствования целиком передал бразды правления Аракчееву, а затем не смог удержаться «в седле» и без времени, в 47 лет, ушел из жизни.

7

Девиз рода Румянцевых.

8

Возглавив в 1801 году Департамент водных коммуникаций и устрое ния в империи дорог, Н.П. Румянцев привел Петербургский тракт в по рядок, о чем свидетельствовала пропускная способность дороги. В 1830— 1840-е годы тракт вновь стал разбитым.

9

Как установил министр коммерции Румянцев, которому было поручено разгребать нескончаемую череду подобных дел, даже поверхностный взгляд на то, как разрешались имущественные преступления (воровство, грабеж, незаконный захват, присвоение и т. п.), обнаруживал масштабы фальсификаций, судебного беспредела, чинимого в пользу привилегированного сословия. Широкую огласку получило дело помещицы Загряжской, когда незаконно была осуждена и сослана в Сибирь группа крестьян. Отмена приговора тем не менее не позволяла справедливости восторжествовать. Осужденные подверглись «наложению клейм и рванию ноздрей». Дело Загряжской рассматривалось на Государственном совете, где Румянцев, апеллируя к императору, потребовал, чтобы «мучительные истязания, навсегда впечатываемые и искажающие наружность человека», были отменены. Потребовалось еще немало лет, покуда эта форма исполнения наказаний окончательно была упразднена (1847).

10

Столь же путано и долго на первом заседании Госсовета рассматривали вопрос о присоединении Грузии к России. Граф П.А. Зубов, знакомый с положением дел в Закавказье, настаивал на том, что правительство «не вправе отвергать единодушную мольбу жителей о принятии их в подданство русского Императора». Противники присоединения, их точку зрения выразил граф Кочубей, исходили из того, что «следует отказаться от обладания Грузией», поскольку страна населена скудно и не имеет промышленности. Защитить грузинское население от притеснений со стороны соседних государств достаточно было, взяв этот край под российское покровительство. Вопрос о вхождении Грузии в состав Российской империи в конечном счете был принят за пределами официальных заседаний совета.

Эта система взглядов получила название «меркантилизм» (от ит. *ilmercante* — торговец, купец).

12

Суть дела заключалась в том, что по действующему уголовному законодательству при осуждении представителя низшего сословия — купца, мещанина, зажиточного крестьянина — принадлежавшее ему имущество подлежало конфискации. Право наследования другими членами семьи исключалось. Такое положение создавало почву для «законного отъема» собственности, поскольку для представителей высшего, привилегированного сословия инспирировать судебное разбирательство и выиграть дело не представляло большой сложности. Изменение законодательства в пользу купцов и мещан было равноценно тому, чтобы сдвинуть гору.

Это понятие подразумевало преимущественно крепкий спиртной напиток — водку.

14

Яков Сиверс (1731 — 1808) — граф, первый директор образованного в царствование Павла I Государственного департамента водяных коммуникаций. Находился в этой должности с 1798 по 1800 год.

15

Торжества в честь столетнего юбилея со дня основания Северной столицы не ослабили тревоги о неизбежности катастрофического наводнения. Его приход ожидался всякий раз в начале столетия. Природа наводнений тогда не была еще распознана. Путем создания обводного канала, огибающего Петербург, предполагалось отвести избыточные воды Невы. Еще в середине XVIII века в дельте Невы приступили к сооружению дополнительного рукава протяженностью восемь километров. На форсированное завершение сооружения ушли немалые ресурсы. Румянцев лично контролировал строительство и расходование бюджетных средств.

16

В дни празднования трехсотлетия со дня основания Санкт-Петербурга на Московском проспекте у здания Петербургского государственного университета путей сообщения был открыт памятник А. Бетанкуру.

17

Хосе де Рибас (1749—1800) явил собой еще один пример плодотворной службы иностранцев в России. Уроженец Неаполя поступил волонтером в действовавшую в Средиземном море эскадру графа Орлова. Отчаянная храбрость, изворотливый ум, удачливость немало послужили успеху военных действий русского флота на Черном море. Со временем его стали величать Осипом Михайловичем Дерибасом. Это в его честь одна из улиц Одессы названа Дерибасовской. Его служение было отмечено рядом высших государственных наград и чином адмирала русского флота.

18

Ныне Хоккайдо.

19

Мохнатые курильцы — проживающие на южных Курильских островах айны. Русские землепроходцы прозвали их так, поскольку в отличие от других северных народов, практически не имеющих на лицах ни какой растительности, эти были такими же бородатыми, как православные русские казаки.

Этот конфликт проясняет, в силу каких причин имя Резанова оказалось на «задворках» отечественной истории. Некоторые исследователи и по сей день пытаются свести конфликт между Крузенштерном и Резановым к обычной палубной ссоре переутомившихся от долгого плавания несовместимых по характеру людей. Это было бы так, если бы Крузенштерн и далее не продолжал оговаривать Резанова и после смерти.

21

Ныне Токио.

22

«Де юро» соглашение о дипломатических отношениях между Россией и США было подписано в Лондоне в 1807 году.

23

О военно-политической обстановке вокруг России в 1805—1815 годах, а также о последствиях этих и других событий см. главу «Не только оружием».

У Румянцева имеются и другие немалые заслуги в развитии инфраструктуры Санкт-Петербурга. Он предположил, что расчисткой и углублением действующих водных потоков, «обложением гранитом» берегов Невы и других артерий, а также строительством Обводного канала удастся снизить ущерб от «водяных напоров» — разрушительных наводнений. Тогда Румянцев получил неограниченные полномочия в продвижении проекта по строительству Обводного канала. Впервые в гранитные берега были заключены Адмиралтейский канал от Исаакиевской площади до Крюкова канала и от Екатерининского, ныне канала Грибоедова, до Фонтанки и Мойки.

25

Девиз рода Румянцевых.

26

Встрече двух императоров в Тильзите предшествовали поражения русских войск: при Аустерлице (декабрь 1805 года, 12 тысяч убитыми и пленными); при Прейсиш-Эйлау (февраль 1807 года, 26 тысяч убитыми и ранеными) и, наконец, при Фридланде (апрель 1807 года, потери до 18 тысяч человек).

27

Ныне остров Эспаньола (Доминиканская Республика).

28

Пожалуй, только один исследователь времен императорской России, между прочим, прямой потомок Александра I, великий князь Николай Михайлович обрисовал своего предка и его царствование без прикрас, в весьма удручающем свете. (См.: *Романов Ник. Мих. Вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912.)

Официальное утверждение Н.П. Румянцева в этой должности состоялось 12 февраля 1808 года.

30

Императорский камер-фурьерский журнал, куда заносились сведения о лицах, приглашаемых императором к обеду, свидетельствует, что в 1807-1811 годах чаще других участником таких обедов был Николай Петрович Румянцев. Наибольшее число приглашений (931) приходится на 1807 год, когда он был назначен министром иностранных дел с оставлением за ним должности министра коммерции. Министр и император тогда вынуждены были встречаться по нескольку раз в день, и не только за обедом. На какое-то время Румянцев оказался если не первым министром, то по меньшей мере ключевой фигурой царствования.

31

В сентябре 1807 года атаку английской эскадры испытал Копенгаген. В продолжение пяти дней город подвергался бомбардировке из артиллерийских орудий. Англичане ворвались в него, захватив датский флот, арсенал, корабельное оборудование.

32

Воронцовы — древний дворянский род. Его представители немало в разное время послужили дому Романовых и России, за что по заслугам вознаграждались. По этой причине некоторые из Воронцовых, по-разному одаренные и не всегда обладавшие нужными достоинствами, страдали самомнением, предъявляя престолу необоснованные претензии. Наиболее известен Михаил Илларионович Воронцов (1714—1767) — при Елизавете Петровне и Екатерине II канцлер Российской империи.

33

Анн Жан Мари Савари, герцог Ровиго (1774—1833) — личный адъютант французского императора, как лицо особо доверенное, был назначен Наполеоном посланником в Петербург сразу после переговоров в Тильзите.

34

В 2009 году МИД России торжественно отметил 200-летие Консульской службы. При этом была подчеркнута особая роль в ее основании министра иностранных дел Н.П. Румянцева.

35

Арман Огюст Коленкур, маркиз, герцог Виценский (1772-1821) — наиболее преданный и близкий Наполеону сподвижник, один из немногих, кто имел мужество говорить Наполеону правду. Существенным этапом его служения стало нахождение на протяжении трех лет в Петербурге в качестве посла Франции, что сделало его, по мнению Наполеона, «слишком русским». К доводам и суждениям Коленкура император прислушивался, всегда принимал их в расчет. Коленкуру не удалось отговорить Наполеона от военного предприятия против России, хотя нельзя не отдать ему должное, насколько убедителен и прав он был, отстаивая свои взгляды… Он был рядом с императором в периоды подготовки наиболее ответственных решений, сопровождал Наполеона в походе на Москву, с ним же проделал путь обратно. Об этом он оставил любопытную книгу воспоминаний «В санях с Наполеоном». Коленкур до последних дней, уже после взятия Парижа, пытался изменить тяжелую для Наполеона ситуацию, старался, чтобы он смог выйти из нее с почетом.

36

Действительно, плодовитая и весьма читаемая французская писательница испытывала давние симпатии к Румянцеву. Она вывела его образ в своем романе. Началось всё в 1790-е годы, когда Жанлис познакомилась с Николаем Румянцевым в пору, когда тот сопровождал молодую велико княжескую семью — Павла Петровича и Марию Федоровну в их путешествии по Европе. Затем последовали годы переписки. Следы ее до сих пор хранятся в рукописных фондах РНБ.

37

Министр иностранных дел Франции Шампаньи в феврале 1809 года по приказанию Наполеона в конце пребывания доставил Румянцеву, «человеку со вкусом, отлично владеющему нашим языком и столь прекрасно знающему нашу литературу», коллекцию лучших изданий французских классиков. Там были сочинения Горация, Вергилия, Лафонтена, Расина, 38 первых выпусков альбомов флорентийской галереи Уффици; описание музея Наполеона; калькография Пиранези в 28 томах; описание сада в Мальмезоне и растений в саду Цельс. Обмен подарками — уходящая в далекое прошлое традиция в межгосударственных отношениях. Часть из них, подносимых русскому престолу, сохранилась до наших дней, попав в музеи Кремля. Изысканность, необычность даров как бы закрепляла и подтверждала особую ценность достигнутого в ходе межгосударственных связей. Отказ от подарков исключался. Не принять дар означало бы желание одной из сторон идти на разрыв отношений. Характер и ценность таких подарков сторонами учитывались. Из этого исходили в последующих эпизодах при ответном даре. Подробнейший отчет о полученных тогда Румянцевым подарках до настоящего времени хранится в Петербурге, в фондах Российского национального архива.

38

См. главу «В службе — честь».

39

Напрашивается одно из редких исторических совпадений. В июле 1744 года в Москве в присутствии императрицы Елизаветы Петровны состоялись торжества по случаю подписания в финском городе Або (совр. Турку) мирного договора со Швецией. Абоский договор подводил итоги трехлетней (1741-1743) войны, в ходе которой русские войска, потеснив Швецию, овладели значительной территорией Финляндии. Уполномоченным от России вести переговоры на конгрессе в Або выступил Александр Иванович Румянцев. В полученных им инструкциях изначально указывалось на необходимость закрепить результаты победоносной войны, распространить владения России до Фридрихсгама (совр. Хамина). Главе российской делегации далее пришлось, однако, пойти на немалые уступки. Отказаться от территориальных приобретений, забыть о понесенных в ходе войны жертвах. Итоговый документ стал результатом сложного и запутанного политического компромисса. Отказ от завоеваний диктовался инструкциями, поступающими от императрицы. Делалось это ради того, чтобы наследником шведского престола стал ее племянник герцог Гольштинский. Таково было неукротимое желание Елизаветы Петровны. За это Александр Иванович Румянцев «с восходящим потомством» был возведен в графское достоинство. Быть столь высоко отмеченным не за воинские, а за дипломатические победы — событие по тем временам исключительное. Румянцеву «нерушимо на все времена» был вручен фамильный герб. На нем, по указанию императрицы, был начертан девиз: «Non solum armis», то есть «Не только оружием». Мало кто тогда мог предположить, что именно успехи на дипломатическом поприще станут значительными вехами в судьбах последующих поколений Румянцевых. Случилось так, что к вопросу об урегулировании отношений России и Швеции в новых исторических условиях предстояло через 65 лет обратиться внуку, Николаю Петровичу Румянцеву.

40

Не имея ничего другого под рукой, Наполеон вручил Волконскому на память свой перстень. Подарок этот не вызвал у Волконского восторга, и он с малопочтительным комментарием отдал его кучеру, французу Кучер не только с благодарностью воспринял подарок, но и оповестил об этом всех, кого только мог. Известие об этом дошло до Наполеона, и он не замедлил выразить Александру свое возмущение. «Ты, брат, своим поступком едва не поссорил меня с Наполеоном», — заметил своему приближенному российский самодержец.

41

Родион Александрович Кошелев (1779—1827) — масон. Войдя в доверие к наследнику Александру Павловичу, увлек его мистицизмом. В царствование Александра I занял высокое положение в обществе.

42

Тогда же, убедившись, насколько скудна духовная жизнь в российской провинции, граф Румянцев подарил Великим Лукам библиотеку, оплатив содержание ее смотрителя на многие годы вперед.

43

Подлинное название: «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

44

Из стихотворения А.С. Пушкина «Деревня» (1819).

45

Достойна внимания попытка Владимира Томсинова, сумевшего собрать материалы, обобщить и осмыслить многое из того, что составляло жизнь и служение Алексея Андреевича Аракчеева. См.: *Томсинов В.* Аракчеев. М., 2010.

46

Валериан Николаевич Олин (около 1788—1840-е годы) — российский литератор 1810—1830-х годов, автор стихов, драм, прозаических сочинений. Большого успеха не имел, преследовался цензурой. Один из немногих писателей, пытавшихся жить литературным трудом, прожил и кончил жизнь в крайней нищете. Его произведения никогда не переиздавались.

Прием этот известен. Исследователи литературы по истории называют его «мысли на лестнице». То есть имеются в виду выдаваемые за реальность события, которые пришли на ум постфактум, но которых на самом деле не было.

48

О том, как воспринимался Александр в ходе дипломатических кон тактов и переговоров, имеется немало разноречивых свидетельств. А С. Пушкин удостоил дипломата Александра среднего класса в Табели о рангах, определив его в «коллежского асессора по части иностранных дел». Другие считали, что перед ними был «царь, который изредка очень злобно бранится, но опаснее всего бывает тогда, когда особенно любезен».

Собственно и тогда, и поныне в сознании обывателей гарем представляет собой толпу запертых невольниц, предназначенных для интимных утех его владельца. И такое имело место. Но в том, что касалось верховной власти султана, — гарем воплощал особую ипостась, некий департамент, где властитель, помимо удовольствия, обретал уединение, покой и, наконец, получал возможность поразмышлять вслух, раскрыть душу. Именно в них, в этих пленницах, для которых общество вне гарема было чуждо, султан находил душевных собеседниц, только с ними он мог поделиться своими сомнениями в поисках правильных решений. Обратиться за советом к придворным, разделяемым династическими распрями, означало проявить слабость, выказать неуверенность в себе. Было время, когда в гареме Сулеймана Великолепного главенствовала знаменитая Роксалана — россиянка Анастасия Лисовская.

50

«Богу богови, Кесарю кесарево. Отечеству — любовию и жертвами» — надпись, которая была нанесена на мраморном надгробии Н.П. Румянцева в соборе Святых Петра и Павла в Гомеле.

51

Александровская мануфактура — фабрика в Санкт-Петербурге (ныне район Обухово), где намечалось занимать воспитанниц, обучая профессии. Министр коммерции Румянцев играл важную роль в ее строительстве и организации производства.

По некоторым сведениям, пожертвования Н.П. Румянцева на благотворительные цели составили около миллиона рублей.

53

Петр I был увлечен идеей отыскания морского прохода с востока на запад вдоль континента по «Ледовитому морю». Архангельские поморы предпринимали для этого рейды, приносившие важные наблюдения. В царствование Анны Иоанновны Великая северная экспедиция 1733—1743 годов нанесла на карту побережье «Сибирского океана» от Белого моря до Колымы. М.В. Ломоносов уделил особое внимание научному обоснованию и практической подготовке морских экспедиций в заданном направлении. Он пришел к убеждению, что «высокоширотный» вариант «северного оконешивания Новой Земли» предпочтителен, чем путь «в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии». Спланированные им экспедиции состоялись уже после смерти великого ученого. Его последователи дважды неудачно пытались прорваться сквозь льды. Мореходами, включая Витуса Беринга (1681—1741), предпринимались попытки отыскать путь в обратном направлении — с востока на запад.

«Памятники истории» *(лат.)*.

«Памятники отечественной истории» *(лат.)*.

С кончиной Н.П. Румянцева эта работа была прервана. Далее спустя десятилетия возобновлена попечительством А.М. Горчакова.

См.: Приложение VIII. 272

Заметное исключение — монография В.Ф. Молчанова «Государственный канцлер России Н.П. Румянцев», увидевшая свет к двухсотлетию со дня рождения выдающегося россиянина. «Канцлер Румянцев-Гомельский» М.М. Рассолова — историко-художественное повествование об особой роли Н.П. Румянцева в истории Белоруссии, в воссоздании Гомеля.

59

Пушнина.

60

Это первое издание XIX века, освещавшее деятельность Министерства коммерции, одного из центральных органов исполнительной власти России. Печатается по: Государственная торговля 1803 года в разных ее видах. СПб., 1804. С. 1-2.

61

Будущий король Франции Людовик XVIII.

62

Намюр — город на территории современной Бельгии, рядом с Кобленцем, где находилась главная квартира изгнанных французских принцев в начале революции. Там при них был аккредитован в качестве русского представителя граф Н.П. Румянцев.

63

Петр Александрович Румянцев-Задунайский, отец Николая Петровича Румянцева.

Кронштадт.

Голландцы.

66

Порт Нагасаки.

67

Местные жители, аборигены.

68

Экспедиция намеревалась вернуть на родину шестерых японцев, выброшенных на русский берег в результате кораблекрушения во время царствования Екатерины II.

comments

Комментарии

1

Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С 88.

2

См.: Русский биографический словарь: Т. 17. Романова — Рясовский. Пп, 1918.

3

Эйдельман Н. Из потаенной истории России XVIII—XIX веков. М., 1993. С. 54.

См.: Русский биографический словарь: Т. 17. Романова — Рясовский.

5

Петелин В.В. Фельдмаршал Румянцев: 1725—1796. М, 2006. С. 15—18.

6

Русский биографический словарь: Т. 17. Романова — Рясовский. С. 476.

7

Русский биографический словарь: Т. 17. Романова — Рясовский. С. 530.

Валишевский К. Вокруг трона. М., 1990. С. 44.

Валишевский К. Вокруг трона. С. 63. 28

10

Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев: Биографический очерк. СПб., 1871. С. 11 — 12.

11

Там же. С. 17.

Там же. С. 13.

13

Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев: Биографический очерк. С. 12—13.

Валишевский К. Вокруг трона. С. 495.

15

Там же.

16

Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. III. С. 35-38.

17

Письма А.А. Безбородко к графу П.А. Румянцеву, 1775—1793 гг. / Предисл. и прим. П.М. Майкова. СПб., 1900. С. 82.

18

Там же.

19

Шумигорский Е.С. Императрица Мария Феодоровна (1759—1828): Ея биография. СПб., 1892. С. 82.

20

Инструкция Великого князя Павла Петровича Великой княгине Марии Федоровне (1776) // Русская старина. 1898. Т. XCIII. Февраль. С. 357.

21

Соловьева Т. Румянцевский особняк в Санкт-Петербурге. СПб., 2002. С. 100-101.

Гранин Д. Все было не совсем так. М., 2010. С. 478.

23

АВПР И.Ф. 92/2. Д. 66. Л. 3045.

Соловьева Т. Румянцеве кий особняк в Санкт-Петербурге. С. 100—101.

25

Императрица Екатерина II и граф Н.П. Румянцев: Переписка, 1790— 1795 гг. / Сообщ. Н.К. Шильдер // Русская старина. 1892. Т. XXXCVI. Октябрь. С. 6—7.

26

Императрица Екатерина II и граф Н.П. Румянцев: Переписка, 1790— 1795 гг. / Сообщ. Н.К. Шильдер // Русская старина. 1892. Т. XXXCVI. Октябрь. С. 6—7.

Соловьева Т. Потаенная любовь государственного канцлера // Новый журнал. 1999. № 4. С. 150—159.

Соловьева Т.Л. Классический «треугольник» страницы личной жизни Н.П. Румянцева // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII-XXI вв. СПб., 2007. С. 41.

29

Там же.

30

РНБ. ОР Ф. 255. К. 17. Ед. хр. 29. На русский язык переведено с французского.

31

Шумигорский Е.С. Императрица Мария Феодоровна (1759—1828): Ея биография. С. 402.

32

Там же. С. 408.

33

Молин Ю.А. Романовы. Путь на Голгофу: Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2004. С. 332-333.

Федорова Е.В. Давние века истории России: [очерк]. М., 2008. С. 114-115.

35

Зубов В. Н. Император Павел I: человек и судьба. СПб., 2007. С. 164.

Там же. С. 164.

37

Шумигорский Е.С. Императрица Мария Феодоровна (1759—1828): Ея биография. С. 302—303.

38

Шумигорский Е.С. Императрица Мария Феодоровна (1759—1828): Ея биография. С. 302.

Валлотон А. Александр I. М., 1966. С. 58.

40

Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. СПб., 1830. Т. XXVI. С. 768.

41

Борисов Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010. С. 70—71.

42

Борисов Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. С. 71—72.

Койвисто М. Русская идея. М., 2002. С. 45.

Дипак Л. Непреднамеренные последствия. М., 2007. С. 119.

45

Санкт-Петербургские ведомости. 1796. № 47.

Там же. 1800. № 180.

Там же. 1798. №83.

Семевский М.И. Путеводитель по XVIII веку// Русская старина. М.; СПб., 1996. С. 163.

Валлотон Л. Александр I. С. 43.

Государственный совет 1801—1901: [Краткий очерк деятельности за сто лет существования]. СПб., 1901. С. 3.

Сафонов М. А. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л., 1988.

52

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897-1898. Т. II. С. 75.

53

Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890. С. 18—19.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 130.

Дипломатический словарь: В 2 т. М., 1948—1950. Т. 2. С. 521.

См.: Протокол заседания Государственного Совета России от 25 октября 1802 года / Государственный Совет Российской империи. СПб., 1878. Т. 1.С. 744-746.

Государственный Совет 1801 — 1901: [Краткий очерк деятельности за сто лет существования]. СПб., 1901. С. 3.

См.: *Романов Ник. Мих. Вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912.

59

РНБ. Ф. 859. К. 5. П. 10.

Там же.

Валишевский К. Вокруг трона. С. 60.

62

Систематический каталог делам государственной Коммерц-коллегии. СПб., 1884.

Сафонов М.М. Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII-XIX веков. Л., 1988. С. 145.

См.: Приложение I. 92

Сафонов М.М. Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII—XIX веков. С. 157.

Молчанов В.Ф. Государственный канцлер России Н.П. Румянцев. М., 2004. С. 509-526.

Русский биографический словарь: Т. 17. Романова — Рясовский. С. 506.

Жихарев С.П. Записки современника: В 2 т. М.; Л., 1934. Т. 1. Дневник студента — Дневник чиновника. С. 294, 295, 371.

См.: Приложение II.

Борисов Н.С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. С. 67—69.

71

Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. III. Ч. 2. С. 807-820.

72

Терещенко Л.В. Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России /Соч. А. Терещенко: [В 3 ч.]. СПб., 1837. Ч. II: Канцлеры. С. 232-233.

73

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: В 45 т. Т. XXVII: 1802-1803. С. 37.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: В 45 т. Т. XXVII: 1802-1803. С 65.

75

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: В 45 т. Т. XXVII: 1802-1803. С. 82. См. также: Приложение III.

Политический журнал. М., 2006. № 10. С. 64.

77

РГАД А.Ф. II. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 1-183.

Русский биографический словарь: Т. 17. Романова — Рясовекий. С. 505.

См.: Приложение VII.

См.: Приложение VI.

РНБ. ОР. FIV482. Инв. № 5082.

См.: Приложение VII. 120

Об этом см.: *Филин М.* Толстой-Американец. М., 2010. С. 315.

Подробно см.: *Бушков Л.* Русская Америка: слава и позор. СПб., 2006. 5 В. Лопатников 129

85

Русское посольство в Японию в начале XIX века, в 1803—1805 гг. // Русская старина. 1895. № 6. С. 128.

Россия и США: становление отношений 1765—1815. М., 1980. С. 340.

Впоследствии Андрей Дашков за годы службы в США отправлял Румянцеву десятки депеш, препровождая массу сведений не только политико-дипломатического характера. Сообщая министру об эпидемии желтой лихорадки, охватившей некоторые штаты, и карантинных мерах, какие не обходимо предпринять для предотвращения проникновения заразы в Европу и в Россию, Дашков пишет Румянцеву:

«…Не могу не высказать в. С-ву, как я был бы рад, если бы до отъезда из этой страны получил возможность объехать ее в качестве наблюдателя. Но, к несчастью для меня, этот вопрос всегда сводится к деньгам. Тогда я смог бы сообщить интересные сведения о земледелии американцев, о работе и о продукции их рудников, о судоходстве по их рекам и каналам, об их развивающейся промышленности, главное достоинство которой заключается в простоте машин и в искусном применении уже известных изобретений для новых надобностей. В этом смысле патенты на изобретения приносят здесь большую пользу.

Я изучаю главным образом их внешнюю торговлю. Хотя это изучение продвигается медленно, постараюсь, чтобы достигнутые результаты оправдали меня в глазах в. С-ва. Если бы мне удалось посетить главные порты Соединенных Штатов, я смог бы получить точные и верные сведения о торговых сношениях американцев с Китаем, обеими Индиями, африканскими и южноамериканскими берегами. Я уже собрал некоторые материалы по этому вопросу и ко времени открытия навигации в Балтийском море приведу в порядок свои заметки, чтобы затем направить их в. С-ву.

Андрей Дашков, 4 июня 1811 г».

См.: Россия и США: становление отношений 1765—1815. С. 12.

89

Россия и США: становление отношений 1765—1815. С. 447. 136

Дипломатический словарь: В 2 т. Т. 2. С. 498.

91

Волков И.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем: В 4 ч. СПб., 1900. С. 26.

92

Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России // Соч. А. Терещенко: [В 3 ч.]. СПб., 1837. Ч. II: Канцлеры. С. 242-243.

93

РНБ. ОР. Инв. № 5087. Рескрипт Александра I о строительстве Биржи.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. II. С. 123.

Валлотон А. Александр I. С. 186.

Талейран: Мемуары. М, 1959. С. 120.

См.: *Троицкий Н.Л.* Александр I и Наполеон. М., 1994.

Валлотон А. Александр I. С. 78.

История дипломатии: В 3 т. М., 1941 — 1945. Т. 1. С. 253.

100

Воспоминания А.П. Бутенева // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 46.

101

ВаллотонА. Александр I. С. 146.

Давыдов Д.В. Сочинения: В 3 т. М., 1860. Т. 2. С. 153.

103

Соловьеве. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1996. Т. 17. С. 294.

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Т. 17. С. 252.

105

Vandal A. Napoleon et Alexander Г. Paris, 1891. Tom 1. P 294.

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Т. 17. С. 298.

Вигель Ф.Ф. Записки. М, 2000. С. 288.

Vandal A. Napoleon et Alexander Г. Paris, 1891. Tom 1. P. 157.

109

РНБ. ОР. Ф. 859. К. 5. П. 10.

110

РГИ А.Ф. 1646. Оп. 1.Д. 81.

Валлотон Л. Александр I. С. 198.

112

РГИ А.Ф. 1646. Оп.1.Д. 82. 176

113

См.: Дипломатическая и консульская служба в России. Владивосток: Изд-во Дальне вост. ун-та, 2009. С. 180.

114

Талейран: Мемуары. С. 190.

Тарле Е.В. Талейран. М.; Л., 1948. С. 100.

Валлотон А. Александр I. С. 206.

117

Талейран: Мемуары. С. 212.

118

Талейран: Мемуары. С. 214.

119

Тарле Е.В. Талейран. С. 127.

120

Там же. С. 114.

Тарле Е.В. Талейран. М: Изд-во АН СССР, 1962. С. 96.

122

Талейран: Мемуары. С. 218.

123

Талейран: Мемуары. С. 219.

Там же. С. 220.

125

Тарле Е.В. Талейран. М., 1962. С. 266—267.

Тарле Е.В. Талейран. М.; Л., 1948. С. 114.

127

РГИ А.Ф. 1646. Оп. 1.Д. 84.

128

Vandal A. Napoleon et Alexander Г. Paris, 1893. Tom 1. P. 50. 194

129

РНБ. ОР. Ф. 859. К. 5. П. 10 (40).

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 22, 23.

Там же. С. 25, 26.

«Русская старина» за 1888 год // Репринтное издание 1888 года. СПб., 2007. С. 449-450.

133

История XIX века: Западная Европа и внеевропейские государства: В 8 т. СПб., 1905. Т. II. С. 156.

Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русский архив. 1870. С. 2348, 2349.

135

РГИ А.Ф. 1646. Оп. 1. Д. 85.

136

Там же.

137

Там же.

138

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. III. С. 16.

139

РГИА. Ф. 1646. Оп. 1.Д. 84.

140

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. III. С. 504—505, прим.

Валлотон А. Александр I. С. 124.

142

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. III. С. 16.

143

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. III. С. 16.

144

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. III. С. 461, прим.

145

См.: *Молин Ю.А.* Романовы. Путь на Голгофу: Взгляд судебно-медицинского эксперта. С. 355—361.

См.: *Троицкий Н.Л.* Александр I и Наполеон. С. 188.

147

РНБ. ОР. Ф. 859. К. 5. П. 10.

148

РГИА. Ф. 1646. Оп. 1.Д. 84.

Троицкий Н.Л. Александр I и Наполеон. С. 225.

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Т. 17. С. 421—422.

151

РГИА. Ф. 1646. Оп. 1.Д. 84.

Русский архив. М., 1869. С. 609-612.

153

РНБ. ОР. Ф. 859. К. 5. Инв. № 10.

Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй поло вине XVIII в. М., 1963. С. 23.

Томсинов В. Аракчеев. С. 191.

156

Там же.

157

См.: Совершенно секретно. 2011. № 4 (263).

158

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. II. С. 299.

159

Там же. С. 301.

160

РНБ. ОР. Ф. 859. К. 5. Инв. № 10.

161

РГИА. Ф. 1646. Оп. 1.Д. 99.

162

Там же.

163

РНБ. ОР. Ф. 859. К. 5. Инв. № 10. 230

164

РГИА. Ф. 1646. Оп. 1.Д. 99.

165

РГИА. Ф. 1646. Оп. 1.Д. 99.

166

Там же.

167

История дипломатии: В 3 т. Т. 1. С. 382.

168

РНБ. ОР Ф. 859. К. 5. Инв. № 10.

Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009. С. 424.

Подробно см.: *Лопатников В.А.* Горчаков. М., 2002.

171

Алданов М.А. Святая Елена, маленький остров // *Алданов М.А.* Мыслитель: Тетралогия. М.; Харьков, 1998. С. 171.

Валлотон А. Александр I. С. 156.

173

Подробно см.: Совершенно секретно. 2010. № 11 (258).

174

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. II. С. 163.

Валлотон Л. Александр I. С. 161.

176

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. III. С. 134.

177

Там же. С. 138.

178

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4т. Т. III. С. 125.

179

Там же.

180

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. III. С. 22, 37, прим.

181

РГИА. Ф. 1646. Оп. 1.Д. 99. 246

Валлотон Л. Александр I. С. 206.

183

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. II. С. 214.

184

Там же.

185

Дипломатический словарь: В 2 т. Т. 2. С. 521—522. 250

См.: *Морозов В.Ф.* Гомель классической эпохи // *Морозов В.Ф.* Эпоха. Меценаты. Архитектура. Минск, 1997.

187

Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. М., 1882. С. 55.

188

Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. С. 27—28.

189

Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев: Биографический очерк. С. 60.

190

Русская старина. 1881. Т. XXXII. Сентябрь. С. 58.

Русская старина. 1881. Т. XXXII. Сентябрь.

См.: *Молчанов В.Ф.* Книжная культура XIX века: Эпоха, судьба, наследие Н.П. Румянцева. М., 2006. С. 199.

193

Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев: Биографический очерк. С. 41—42.

Подробно см.: *Лабынцев Ю.А.* На благое просвещение. Минск, 1999.

195

Русская старина. 1881. Т. XXXII. Октябрь. С. 227.

196

Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев: Биографический очерк. С. 47.

197

О просветительской роли Румянцева см.: *Молчанов В.Ф.* Книжная культура XIX века: Эпоха, судьба, наследие Н.П. Румянцева.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 140.

199

Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. С. 38.

Там же. С. 39.

201

Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. С. 39. 280

Рассолов М. Канцлер Румянцев-Гомельский М., 2006. С. 211—212.

203

Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. С. 41.

Там же. С. 65.

205

РНБ. ОР. Ф. 859. К. 5.

206

РГБ. НИОР. Ф. 255 (Архив Румянцевых). Ед. хр. 41. Л. 9—9 об.

Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. С. 369—380. 288

208

РГИА. Ф. 155. ОП.1.Д.46.Л. И об.

209

Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 2. С. 1163—1167.

210

РНБ. Ф.152, Оп.1. Ед. хр. 385. Архив Военского К.А. Копия [80-е гг. XIX в.].

211

Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 385. Архив К.А. Военского.